К. Арсеньевъ, Н. Гредескулъ, М. Ковалевскій, П. Милюковъ, Д. Овсянико-Куликовскій, И. Петрункевичъ, М. Славинскій, М. Туганъ-Барановскій.

Интеллигенція въ Россіи.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгоиздательство „ЗЕМЛЯ“.
1910.

Типографія В. Безобразовъ и Ко. В. О., Большой пр., 61.

Интеллигенція и „Вѣхи“.

(Вмѣсто предисловія).

Годъ тому назадъ появился въ печати сборникъ статей семи авторовъ подъ общимъ заглавіемъ „Вѣхи“, получившій широкое распространеніе въ обществѣ. Это были символическія вѣхи, разставленныя авторами на томъ новомъ пути, куда приглашалась русская интеллигенція, яко-бы заблудшая, утратившая религію и нравственность, порвавшая связи съ народомъ и государствомъ, усвоившая ученія анархизма, космополитизма и нигилизма. „Вѣхи“, по убѣжденію ихъ авторовъ, ограждаютъ путь, гдѣ интеллигенція совершитъ свое духовное перерожденіе.

Попробуемъ возстановить вкратцѣ по „Вѣхамъ“ происхожденіе и основныя черты нашей интеллигенціи.

Первые ростки современной интеллигенціи одинъ изъ авторовъ „Вѣхъ“, П. Б. Струве, замѣчаетъ уже въ эпоху смуты начала XVII вѣка „въ моментъ расхожденія и борьбы государственныхъ, земскихъ элементовъ съ противогосударственными, казачьими“. По мнѣнію г. Струве, въ „указанномъ критическомъ моментѣ нашей до-петровской смуты въ его общемъ психологическомъ содержаніи чувствуется что-то современное, слишкомъ современное“.

„Послѣ того какъ казачество въ роли революціоннаго фактора сходитъ на нѣтъ, историческимъ преемникомъ его является интеллигенція“ (129). Мы можемъ слѣдовать или не слѣдовать за г. Струве въ его историческихъ экскурсіяхъ, но уже одна попытка вывести генеологію интеллигенціи отъ вольницы, искавшей добычи и мало озабоченной

судьбами московскаго государства, свидѣтельствуетъ о склонности автора къ рискованнымъ утвержденіямъ и необходимости относиться къ нимъ съ большой осторожностью. Впрочемъ, другіе авторы относятъ предковъ современной интеллигенціи къ эпохѣ Петра и его реформы. По мнѣнію г. Гершензона, Петровская реформа, навязавъ верхнему слою общества огромное количество драгоцѣнныхъ идей, почти механически раскалола въ немъ личность, оторвала сознаніе отъ воли, научила сознаніе праздному обжорству истиной и тѣмъ самымъ обрекла и самое сознаніе на чудовищныя заблужденія (79). Съ Петра, слѣдуя „исторіи“ „Вѣхъ“, снова наступаетъ перерывъ вплоть до второй четверти девятнадцатаго вѣка. Мы знаемъ, однако, что „праздное обжорство истиной“ съ Петра не только уже не прерывалось, а все болѣе увеличивалось. Поэтому, когда произошло „воспріятіе русскими передовыми умами западноевропейскаго соціализма“, русская интеллигенція нашла своего духовнаго отца—Бакунина — по мнѣнію г. Струве, Бѣлинскаго — по мнѣнію г. Булгакова. Кто бы ни былъ, однако, ея духовнымъ отцемъ, дѣтище вышло не на радость, и въ настоящее время русская интеллигенція, по утвержденію г. Гершензона (87), не болѣе, какъ изолированное въ родной странѣ сонмище больныхъ, къ которому народъ питаетъ безсознательную ненависть, превозмогающую въ немъ всякую корысть. Русская интеллигенція, увѣряетъ г. Гершензонъ, даже утратила человѣческій образъ, и если ей можно чего пожелать, то только постараться стать человѣкомъ (70).

Русское общество думаетъ иначе. Духовный отецъ интеллигенціи Бѣлинскій, затѣмъ Герценъ, Чернышевскій и Михайловскій, не только въ свое время, но и сейчасъ въ его сознаніи представляются яркими свѣточами среди царившаго въ Россіи мрака; оно помнитъ ихъ какъ людей, которые всею силою своего ума, таланта и любви къ родинѣ боролись съ казенной церковью, съ казенной государственностью и съ казенной народностью, боролось во имя свободы совѣсти, права и освобожденія милліоновъ крестьянъ отъ крѣпостной и экономической зависимости; эти люди,

какъ насъ хотятъ увѣрить, разрушили религіозные, государственные и національные устои и развратили интеллигентскую душу. Ихъ преемники подъ видомъ служенія общему дѣлу и человѣчеству и отрѣшенія отъ своихъ личныхъ интересовъ толкутся на площадяхъ и на улицахъ, яко-бы спасая народъ, когда у нихъ дома царила нищета и грязь. Никто не живетъ,—всѣ дѣлаютъ видъ, что дѣлаютъ общественное дѣло (80).

Философія русской интеллигенціи чрезвычайно упрощена и сведена къ опредѣленной практической морали. Ради послѣдней, „какихъ только блюдъ не подаютъ голодной русской интеллигенціи, и все она пріемлетъ, всѣмъ питается, въ надеждѣ, что будетъ побѣждено зло самодержавія и будетъ освобожденъ народъ“ (Бердяевъ, 16). Каждая философская система передѣлывается на свой ладъ и приспособляется къ опредѣленной цѣли. „Даже научный позитивизмъ былъ лишь орудіемъ для утвержденія царства соціальной справедливости и для окончательнаго истребленія тѣхъ метафизическихъ и религіозныхъ идей, на которыхъ, по догматическому предположенію интеллигенціи, покоится царство зла“. Наконецъ, даже самый экономическій матеріализмъ и марксизмъ былъ понятъ интеллигенціей превратно, былъ воспринятъ „субъективно“ и приспособленъ къ традиціонной психологіи интеллигенціи (Бердяевъ, 12—13).

И не смотря на то, что умонастроеніе нашей интеллигенціи можно было бы назвать морализмомъ, какъ объяснить, что эта самая интеллигенція способна была хоть на мгновеніе опуститься до грабежей и животной разнузданности? Отчего политическія преступленія такъ незамѣтно сплелись съ уголовными и отчего „санинство“ и вульгаризованная „проблема пола“ какъ-то идейно сплелись съ революціонностью?

Поставивъ такой вопросъ, г. Франкъ не заботится о томъ, чтобы выяснить съ какимъ матеріаломъ онъ имѣетъ дѣло: имѣется ли основаніе считать всю интеллигенцію отвѣтственною за экспропріаторовъ, а санинское распутство приписывать извѣстной части „образованнаго“ общества, а не всему обществу или, правильнѣе, нѣкоторымъ

его членамъ? Г. Франкъ принимаетъ за безспорное, что русская интеллигенція in corpore отвѣтственна и за экспропріаціи, и за половое извращеніе и объясняетъ дѣло такъ. Кромѣ моральнаго разграниченія людей, поступковъ и состояній на хорошіе и дурные, добрые и злые, русскій интеллигентъ не знаетъ никакихъ абсолютныхъ цѣнностей, онъ не допускаетъ, что, наряду съ добромъ, душѣ доступны еще идеалы истины, красоты, Божества, которые также могутъ волновать сердце и вести ихъ на подвиги. Напротивъ, кто любитъ истину или красоту, того подозрѣваютъ въ равнодушіи къ народному благу и осуждаютъ за забвеніе насущныхъ нуждъ, ради призрачныхъ интересовъ и забавъ роскоши; но кто любитъ Бога, того считаютъ, утверждаетъ г. Франкъ, прямымъ врагомъ народа. По мнѣніѣ г. Франка, тутъ обнаруживается противорѣчіе двухъ міросозерцаній, двухъ міроощущеній, непримиримая борьба религіознаго настроенія и *нигилизма*. Поэтому, *морализмъ* русской интеллигенціи есть лишь выраженіе и отраженіе ея *нигилизма*. *Нигилистическій морализмъ* есть основная и глубочайшая черта духовной физіономіи русскаго интеллигента и высшая и единственная задача его—служеніе народу и аскетическая ненависть ко всему, что препятствуетъ или даже только не содѣйствуетъ осуществленію этой задачи. Поэтому и понятіе самоцѣнности культуры не имѣетъ мѣста въ умонастроеніи русскаго интеллигента; оно чуждо ему психологически и враждебно метафизически, а потому и борьба противъ культуры есть одна изъ характерныхъ чертъ типично-русскаго интеллигентскаго духа; культъ же *опрощенія* вовсе не толстовская идея, а нѣкоторое общее свойство интеллигентскаго умонастроенія, логически вытекающее изъ нигилистическаго морализма. Соединеніе нигилистическаго морализма съ противокультурной тенденціей и есть то, что носитъ названіе *народничества*. Послѣднее выступаетъ въ исторіи русской интеллигенціи въ двухъ формахъ: въ формѣ *непосредственнаго альтруистическаго служенія нуждамъ народа* и въ формѣ *религіи абсолютнаго осуществленія народнаго счастья*. Эта послѣдняя и есть *революціонный соціа-*

лизмъ, сыгравшій неизмѣримо важную роль въ теченіе последнихъ десятилѣтій въ русской общественной жизни (Франкъ).

Отвергая за исключеніемъ морали всѣ абсолютныя цѣнности, русская интеллигенція, естественно, еще менѣе признаетъ цѣнности относительныя и потому никогда не видѣла цѣнности въ правѣ и не уважала его, такъ что въ идейномъ развитіи нашей интеллигенціи не участвовала ни одна правовая идея. И теперь въ той совокупности идей, изъ которыхъ слагается міровоззрѣніе нашей интеллигенціи, идея права не играетъ никакой роли, „всякія же интеллигентскія попытки въ этомъ отношеніи потерпѣли полное крушеніе, потому что на одной этикѣ нельзя построить конкретныхъ общественныхъ формъ". По скольку же русская интеллигенція обладаетъ правосознаніемъ, оно не поднимается выше стадіи, соотвѣтствующей формамъ полицейской государственности (Кистяковскій).

Далекая отъ западно-европейскихъ правовыхъ воззрѣній, русская интеллигенція, въ противуположность имъ, живетъ мечтою о Градѣ Божьемъ, о грядущемъ царствѣ правды и спасенія человѣчества—если не отъ грѣха, то отъ страданій. Такое настроеніе интеллигенціи, утверждаетъ г. Булгаковъ, коренится въ психологіи православія, которое оставило глубокій слѣдъ въ лучшихъ чертахъ интеллигенціи. А между тѣмъ, нѣтъ интеллигенціи болѣе атеистической, чѣмъ русская, и со времени Бѣлинскаго атеизмъ сталъ первымъ членомъ символа вѣры нашего западничества. На мѣсто православія поставлена религія человѣкобожества и ея сущность—самообожаніе, которое воплощается въ *героизмѣ*. Спасителемъ Россіи можетъ и должна явиться героическая интеллигенція. Само собою разумѣется, что героическій интеллигентъ не довольствуется только ролью скромнаго работника, его мечта—спасеніе человѣчества или, по меньшей мѣрѣ, русскаго народа. Поэтому, и максимализмъ составляетъ неотъемлемую черту интеллигентскаго героизма, съ такою ясностью обнаружившагося во время русской революціи. Каждый герой имѣетъ свой способъ спасенія человѣчества, а потому неизбѣжно возникаетъ со-

перничество, недоступное доводамъ ни историческаго реализма, ни научнаго знанія. Съ максимализмомъ цѣлей связанъ и максимализмъ и неразборчивость средствъ, ихъ полный аморализмъ или по-просту нигилизмъ: своеволіе, экспропріаторство, массовый терроръ,—все это духовные потенціи, таящіяся въ психологіи самообожанія. Понятія и чувства грѣха, его мучительной тяжести, всесторонности и глубины его вліянія на всю человѣческую жизнь, для русскаго интеллигента не существуетъ, равно какъ нѣтъ слова болѣе непопулярнаго въ интеллигентской средѣ, чѣмъ *смиреніе*, по свидѣтельству церкви, первой и основной христіанской добродѣтели.

Усвоивъ атеистическое міровоззрѣніе, русская интеллигенція заняла ложное положеніе и въ своемъ отношеніи къ народу, колеблясь между двумя крайностями—народопоклонническимъ и духовнымъ аристократизмомъ, преклоненіемъ, съ одной стороны, и высокомѣрнымъ отношеніемъ опекуна къ опекаемому,—съ другой. Вѣками русскій народъ находилъ въ монашеской кельѣ нравственную поддержку и поученіе. Теперь интеллигенція, соприкасаясь съ народомъ и разрушая народную религію, разлагаетъ и народную душу, сдвигаетъ ее съ ея незыблемыхъ доселѣ вѣковыхъ основаній. Своимъ просвѣтительствомъ интеллигенція пробуждаетъ въ народѣ дремавшіе инстинкты и возвращаетъ Россію къ хаотическому состоянію. „Таковы, заключаетъ свою характеристику С. Н. Булгаковъ, уроки послѣднихъ лѣтъ, мораль революціи въ народѣ". „Въ безрелигіозномъ отщепенствѣ отъ государства русской интеллигенціи—ключъ къ пониманію пережитой нами революціи", говоритъ П. Б. Струве. Не думайте, говоритъ онъ, что „религіозность или безрелигіозность интеллигенціи не имѣетъ отношенія къ политикѣ". Не случайно, что русская интеллигенція, будучи безрелигіозной, въ то же время была мечтательна, недѣловита, легкомысленна въ политикѣ. Такое противорѣчіе свойственно всякому окрашенному матеріализмомъ и позитивизмомъ радикализму. Только религіозный радикализмъ могъ сгладить такое противорѣчіе путемъ воспитанія человѣка и сознанія долга отвѣтственности.

Поэтому, интеллигентская идеологія, просачиваясь въ народную среду, въ исторической дѣйствительности превращалась въ разнузданіе и деморализацію, и народныя массы вступали въ революціонный кризисъ XX вѣка, подобно тому какъ и въ XVII и XVIII вѣкахъ, „своими соціальными страданіями и стихійно выросшими изъ нихъ соціальными требованіями, своими инстинктами, аппетитами и ненавистями“. Поэтому, не въ томъ бѣда, что плохо дѣлали революцію, а въ томъ, что ее вообще дѣлали, дѣлали въ то время, когда, по мнѣнію П. Б. Струве, вся задача состояла въ томъ, чтобы всѣ усилія сосредоточить на политическомъ воспитаніи и самовоспитаніи. Недугъ интеллигенціи заложенъ глубоко, и ей необходимо пересмотрѣть все свое міросозерцаніе и подвергнуть коренному пересмотру его главный устой—соціалистическое отрицаніе личной отвѣтственности. Тогда и политика займетъ подобающее ей мѣсто и изъ всеобъемлющей цѣли, изъ альфы и омеги всего интеллигентскаго и народнаго бытія сведется къ ограниченному средству—устроенія жизни (Струве).

Таковъ духовный образъ русской интеллигенціи въ изображеніи сборника „Вѣхи“. Не смотря на всю яркость и густоту красокъ, которыхъ не пожалѣли авторы „Вѣхъ“ для изображенія интеллигенціи, можно ли съ увѣренностью сказать, что разумѣютъ они подъ названіемъ русской интеллигенціи? Каждый авторъ выдвигаетъ одну опредѣленную черту, которую считаетъ наиболѣе характеризующей русскаго интеллигента, но эта черта, составляя принадлежность однихъ, безусловно отсутствуетъ у другихъ. Иногда черты, отмѣченныя однимъ авторомъ исключаютъ возможность другихъ, подмѣченныхъ другимъ авторомъ. По Булгакову, интеллигенціей возведенъ въ культъ героизмъ, а по Гершензону въ культъ возведена интеллигенціей „жизнь проказливой собаки“. Повидимому, только одна общая черта признается всѣми авторами—безрелигіозность, но опредѣлить именно по этой чертѣ, кого разумѣютъ „Вѣхи“ подъ интеллигенціей невозможно, потому что безрелигіозность захва-

тываетъ и такіе круги русскаго общества, которыхъ, конечно, авторы „Вѣхъ“ не имѣли въ виду. Перебирая всѣ слои, такъ или иначе, прикосновенные къ просвѣщенію, въ ихъ горизонтальномъ и вертикальномъ направленіи, мы можемъ каждый слой съ одинаковымъ правомъ включить въ составъ интеллигенціи и исключить изъ него, такъ какъ каждому слою принадлежитъ своя доля вліянія на духовную жизнь народа и въ то же время каждый слой имѣетъ свою особую жизнь. Неясность термина и мысли авторовъ сказались тотчасъ, когда коснулись конкретныхъ случаевъ. По мнѣнію г. Струве, Бакунинъ, Бѣлинскій и Чернышевскій несомнѣнные интеллигенты, тогда какъ Новиковъ, Радищевъ и Чаадаевъ будто бы столь же несомнѣнно не интеллигенты. Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь, Тургеневъ, Достоевскій и Чеховъ „не носятъ интеллигентскаго лика“ равно какъ и Вл. Соловьевъ; Герценъ „вѣчно борется въ себѣ съ интеллигентскимъ ликомъ“, точно также какъ и загадочный ликъ Глѣба Успенскаго „прикрытъ какими-то интеллигентскими масками“.

Если для Новикова, Радищева и Чаадаева имѣется хотя и туманный признакъ „упоенныхъ Богомъ людей“, то всѣ остальные, до борющихся со своими ликами включительно, распредѣлены между овцами и козлищами, кажется, безъ достаточныхъ основаній. Во всякомъ случаѣ всѣ эти лица одинаково принадлежатъ къ классу русскихъ писателей и по мѣрѣ своихъ силъ и своего таланта дѣлали одно и то-же великое дѣло, вносили свѣтъ сознанія въ умственную сокровищницу своего народа. Почему-же великій подвижникъ русской литературы Бѣлинскій, которому по свидѣтельству И. С. Аксакова цѣлое поколѣніе обязано своимъ духовнымъ подъемомъ, Бѣлинскій, освѣтившій Россіи все значеніе Пушкина и первый объяснившій смыслъ твореній Гоголя, почему Бѣлинскій признанъ теперь отцомъ того направленія, которое растлѣваетъ душу русскаго народа? Почему Герценъ и Глѣбъ Успенскій, каждый по своему выстрадавшіе свое право на благодарность и уваженіе своего народа, берутся подъ подозрѣніе? Г. Франкъ удивляется, что авторамъ „Вѣхъ“ приходится уличать аполо-

гетовъ радикализма, выступающихъ на защиту традицій и старыхъ, но дорогихъ вѣрованій. Онъ находитъ, что такой консерватизмъ имѣетъ свои границы, отступающія передъ голосомъ правды, и если, по словамъ блаженнаго Августина, говорить правду значитъ безчинствовать, то они, авторы „Вѣхъ“, готовы безчинствовать. Чтобы быть полезнымъ своей странѣ, продолжаетъ г. Франкъ, отвѣчая критикамъ „Вѣхъ“, надо ясно видѣть ее, ибо время слѣпыхъ влюбленностей, по словамъ Чаадаева, прошло, настало время, когда каждый обязанъ родинѣ истиной. Если старые боги оказались идолами, нечего жалѣть ихъ.

Едва ли авторамъ „Вѣхъ“ нужно грозить безчинствомъ во славу блаженнаго Августина и прикрываться Чаадаевской правдой. Русское общество давно привыкло къ безчинству во всѣхъ сферахъ его жизни, такъ что, пожалуй, и не разберетъ во имя ли правды, или неуваженія къ ней „Вѣхи“ грозятъ безчинствомъ. Русское общество привыкло и къ самобичеванію, и къ самоотреченію и его не удивишь отказомъ не только отъ „самоѣдскихъ привычекъ и зловонія прогорклаго масла“, но и отъ привычекъ высшей культуры и благъ гражданской и политической свободы. Мало-ли чего мы не сожигали, чему еще вчера поклонялись, мало-ли какихъ святынь мы не провозглашали сегодня только для того, чтобы завтра отречься отъ нихъ и топтать въ грязь! Отъ такой судьбы не ушелъ даже Пушкинъ, теперь очередь за Бѣлинскимъ и Герценомъ. Еще вчера мы были западниками, сегодня стали славянофилами; вчера спасались наукою, сегодня ищемъ спасенья въ лонѣ православной церкви. Мы такъ непринужденно переживаемъ всѣ эти метаморфозы, что г. Гершензону уже мерещится, какъ та самая интеллигенція, которая устраивала въ свое время забастовки и даже бунты, теперь ищетъ спасенія отъ народной ярости подъ защитой штыковъ и тюремъ.

Напрасно авторы „Вѣхъ“ думаютъ, что ихъ оппоненты не хотятъ ихъ понять и видятъ обвиненіе тамъ, гдѣ имѣется только борьба идей. Но г. Франкъ упускаетъ изъ виду, что „интеллигенція“ не только идея, но и соціальное явленіе, не только соціальное явленіе, но и часть живого об-

щества, при томъ часть, которую самъ г. Франкъ характеризуетъ какъ язву, которую надо обнажить, чтобы избавиться отъ нея. Вспомнимъ, что подъ терминомъ интеллигенціи скрывается нѣчто весьма неопредѣленное и что поэтому каждый грамотный человѣкъ въ качествѣ интеллигента несетъ на себѣ моральную *отвѣтственность* за все то, что авторы „Вѣхъ" объявляютъ общественной язвой. Гдѣ же тутъ борьба идей, когда васъ провозглашаютъ нравственно прокаженнымъ? Умѣстно ли говорить о борьбѣ идей тамъ, гдѣ вамъ предлагаютъ смиреніе, покаяніе и отреченіе отъ своихъ заблужденій? Скорѣе это проповѣдь, но не лучше-ли тогда предоставить это дѣло церкви?

Мы ведемъ бесѣду не о Царствіи Божіемъ, не о спасеніи души, не о смиреніи и покаяніи, которыя красной нитью проходятъ черезъ всю нашу многовѣковую и многострадальную исторію, а о смыслѣ, значеніи и, если возможно, разрѣшеніи глубоко важнаго и глубоко тревожнаго вопроса русской общественности, о судьбѣ образованной части русскаго народа, т. е. о судьбѣ самого народа.

Если авторы „Вѣхъ" дѣйствительно желали подвергнуть изслѣдованію одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ нашей общественности, то надо сознаться, что они не сумѣли этого сдѣлать, не сумѣли ни выбрать момента, ни отрѣшиться отъ всего, что носитъ характеръ обвиненій, ни вспомнить условія, независящія отъ интеллигенціи, но ее коверкающія, словомъ, не сумѣли сохранить независимости отъ своихъ личныхъ пристрастій и предубѣжденій.

Справедливость этихъ соображеній подтверждается полемикой, возникшей немедленно по появленія „Вѣхъ". Какъ и слѣдовало ожидать, за рѣдкими исключеніями, „Вѣхи" вызвали отрицательное къ себѣ отношеніе въ прогрессивной печати и положительное, не безъ примѣси злорадства, въ реакціонной. Изъ прогрессивныхъ газетъ только „Слово" открыло свои страницы въ защиту „Вѣхъ", зато въ журналѣ самого П. Б. Струве—въ Русской Мысли—появилась статья А. А. Кизеветтера, лучшая статья, подвергшая мягкой, но рѣшительной критикѣ какъ діагнозъ, поставленный авторами „Вѣхъ", такъ и средства, предложенныя ими для спасе-

нія Россіи. Не лишена интереса литература сочувственная „Вѣхамъ", но она немногочисленна. По справедливости, исключительное мѣсто здѣсь принадлежитъ Архіепископу Антонію Волынскому, напечатавшему въ Словѣ „Открытое письмо авторамъ сборника „Вѣхи". Архіепископъ Антоній нѣсколько ночей провелъ за чтеніемъ „Вѣхъ" и испытывалъ въ своей душѣ праздникъ, потому что, потерявъ вѣру въ современное общество, вновь обрѣлъ ее, читая (въ „Вѣхахъ") слова любви, правды, сострадания и вѣры въ людей, въ наше общество. Онъ допускалъ еще „возможность нравственно отрезвить отдѣльнаго человѣка, но когда въ упорномъ заблужденіи соединилось большинство общества и объявило зло добромъ, а добро глупостью, то итти противъ нихъ, хотя бы со словомъ самаго искренняго доброжелательства,—это подвигъ. Такой подвигъ приняли на себя авторы „Вѣхъ". Они обратились къ обществу съ призывомъ покаянія, съ призывомъ вѣрить, съ призывомъ къ труду и наукѣ, къ соединенію съ народомъ, къ завѣщаніямъ Достоевскаго и славянофиловъ". Архіепископъ восхищается „суворовской храбростью" и „восторженнымъ мужествомъ", съ которыми авторы „Вѣхъ", подобно увѣровавшему Савлу, обращаются къ своимъ собратьямъ по бывшему ложному увлеченію". Далѣе онъ выражаетъ свою радость по поводу того, что книга раскупается: „она возбуждаетъ блѣдный страхъ среди упорныхъ поборниковъ нигилизма, но искреннихъ между ними заставляетъ съ радостнымъ трепетомъ возвращаться къ разумной и праведной жизни".

Однако Архіепископъ Антоній предвидитъ и терніи, которыя встрѣтятъ на своемъ пути новые Савлы: „вы пошли на правое дѣло безъ расчета, не подумавъ о томъ сколько нравственныхъ заушеній придется вамъ принять за правду". „Вы знали, считаетъ нужнымъ утѣшить архипастырь, что, если и не поймутъ васъ на землѣ люди, то будутъ привѣтствовать съ неба ангелы". Но такъ какъ авторы „Вѣхъ" имѣли въ виду не столько небо, сколько землю, то Архіепископъ „безъ смущенія свидѣтельствуетъ" авторамъ „Вѣхъ", что онъ всецѣло на ихъ сторонѣ, что ихъ высокій духовный подъемъ заставитъ его взглянуть болѣе примири-

тельнымъ взоромъ „на жизнь нашего ренегатскаго отъ народа и родины общества и не считать его окончательно погибшимъ для царствія Божія“.

Мы привели пространныя выписки изъ письма одного изъ самыхъ видныхъ іерарховъ православной церкви, чтобы читатель самъ могъ оцѣнить, что именно въ „Вѣхахъ“ наиболѣе цѣнно въ глазахъ просвѣщеннаго архипастыря воинствующаго клира и близкихъ ему по духу круговъ общества. Къ церковнымъ громамъ, къ изувѣрскимъ листкамъ Почаевской Лавры и изступленному бреду монаха Иліодора воинствующему архипастырю желательно прибавить междоусобіе въ самыхъ рядахъ интеллигенціи и, восхваляя „суворовскую храбрость“ своихъ новыхъ воображаемыхъ союзниковъ, „новыхъ Савловъ“, чтобы отрѣзать имъ отступленіе, онъ напоминаетъ, что они сами только что сожгли боговъ, которымъ до сего поклонялись. Архіепископъ Антоній отлично знаетъ, что для проповѣди смиренія, покаянія и христіанскаго подвига не требуется суворовская храбрость, но что она весьма можетъ быть полезна, когда дѣло идетъ о непримиримой борьбѣ старыхъ завѣтовъ церкви и государства съ духомъ новаго времени, съ свободой совѣсти, съ свободой гражданской и политической.

Это письмо архіепископа Антонія не осталось безъ отвѣта, но отвѣты гг. Струве и Бердяева еще болѣе увеличили недоумѣніе, вызванное „Вѣхами“, такъ какъ ни г. Струве, ни г. Бердяевъ не нашли нужнымъ оцѣнить сочувствіе своего корреспондента съ политической точки зрѣнія.

Можно пожалѣть, что авторы „Вѣхъ“, повторяя изданіе своего сборника, оставили безъ отвѣта всѣ возраженія, которыя были имъ сдѣланы. Если на нѣкоторыя изъ этихъ возраженій трудно было отвѣчать вслѣдствіе ихъ слишкомъ личнаго характера, то вѣдь были и возраженія совершенно объективныя, имѣвшія въ виду интересъ вопроса—и только: напр., возраженія А. А. Кизеветтера, г. Лурье и кн. Шаховского.

Во всякомъ случаѣ, въ „Вѣхахъ“ затронуты вопросы огромной важности и уклоненіе отъ ихъ рѣшенія тѣмъ болѣе невозможно, что общественное мнѣніе несомнѣнно за-

интересовано ими. Общество и не можетъ не интересоваться такими вопросами, такъ какъ это вопросы сущности бытія самого общества, это вопросы, которыми оно живетъ, въ которыхъ таится живой источникъ его дѣятельности или зародышъ его смерти.

Настоящая книга предлагаетъ вниманію читателей нѣкоторыя изъ тѣхъ-же темъ, которыя затронуты и въ сборникѣ „Вѣхи", но въ нѣсколько иномъ освѣщеніи, болѣе соотвѣтствующемъ, по нашему мнѣнію, исторической и внутренней правдѣ.

Ив. Петрункевичъ.

Пути и пріемы покаянія.

Необходимость самоотреченія, необходимость разрыва съ прошлымъ, съ самимъ собою—такова основная тема проповѣди, съ которою выступили авторы „Вѣхъ“. „Нужно *покаяться*“—восклицаетъ С. Н. Булгаковъ, „—т. е. пересмотрѣть, передумать и осудить свою прежнюю душевную жизнь въ ея глубинахъ и изгибахъ, чтобы возродиться къ новой жизни... Должна родиться новая душа, новый внутренній человѣкъ“.

До какой степени огромна и трудна задача, выдвигаемая новоявленными проповѣдниками, объ этомъ свидѣтельствуютъ еще яснѣе слѣдующія слова М. О. Гершензона: „должна переродиться самая ткань духовнаго существа человѣка, долженъ совершиться нѣкоторый органическій процессъ въ такой сферѣ, гдѣ дѣйствуютъ стихійныя силы, въ сферѣ воли. Одно, что мы можемъ и должны сказать русскому интеллигенту, это—*постарайся стать человѣкомъ*. Ставъ человѣкомъ, онъ пойметъ, что ему нужно любить или вѣрить, и какъ именно“.

Мы могли бы спросить, какіе пути открыты для вліянія на того, кому еще предстоитъ „стать человѣкомъ?“ Какою силой воздѣйствовать на того, кто еще не пріобрѣлъ права называться мыслящимъ существомъ, кто еще не умѣетъ ни любить, ни вѣрить?... Допустимъ, однако, что цвѣтами краснорѣчія затемнена настоящая мысль г. Гершензона; допустимъ, что въ объектѣ его увѣщаній, хотя еще и не обратившемся и не прозрѣвшемъ, онъ все-таки видитъ человѣка, которому „ничто человѣческое не чуждо“, человѣка, котораго можно и нужно извлечь „изъ мрака заблуж-

денья“, поднять въ область истины и добра. Посмотримъ, въ какомъ вооруженіи г. Гершензонъ и его товарищи приступаютъ къ этому трудному, страшно трудному дѣлу.

На протяженіи вѣковъ призывъ къ покаянію, къ возрожденію раздавался много разъ. Далеко и глубоко онъ проникалъ тогда, когда исходной его точкой было стройное ученіе, направленное не противъ той или другой общественной группы, не противъ того или другого общественнаго настроенія, а противъ цѣлаго міросозерцанія, господствующаго или широко распространеннаго. Всегда, въ такихъ случаяхъ, носители новаго слова отправлялись отъ идеи, предрѣшавшей все остальное; всегда они сулили нѣчто высшее и лучшее, всегда указывали дорогу, ведущую къ намѣченной цѣли. И торжество ихъ было тѣмъ полнѣе, чѣмъ больше оно было подготовлено всѣмъ предыдущимъ, чѣмъ больше благопріятствовала ему данная минута. Не будемъ напоминать всѣмъ извѣстную исторію появленія религій, измѣнявшихъ судьбу цѣлыхъ народовъ или всего человѣчества; остановимся только на одномъ частномъ примѣрѣ, приведенномъ въ статьѣ г. Гершензона. „Джонъ Беніанъ“—читаемъ мы здѣсь,—„бѣдный и грубый лудильщикъ старыхъ котловъ, среди своей темной жизни внезапно былъ объятъ необычайной скорбью. Онъ съ дѣтства зналъ ту простую евангельскую истину, которую знаемъ и мы всѣ—и вдругъ она ожила въ немъ. И вотъ, началась борьба между сверхъиндивидуальной истиной и индивидуальной волей. Внутренній голосъ неотступно спрашивалъ: хочешь ли ты отринуть грѣхъ, или остаться въ немъ и погубить свою душу? Два съ половиною года продолжалось это мученье... Беніанъ побѣдилъ и воскресъ для новой жизни“.—При какихъ условіяхъ, однако, совершилось это превращеніе? Въ какой духовной атмосферѣ дышалъ Беніанъ? Въ атмосферѣ, насыщенной пуританствомъ, пропитанной библейскими мотивами. Кругомъ него шла ожесточенная борьба, падала „установленная“ (англиканская) церковь, рѣкою разливался религіозный энтузіазмъ, проникавшій всюду: въ политику, въ военное дѣло, въ домашнюю жизнь.—Это было время Кромвеля и его

„святыхъ“, время пророчествъ, экстаза и мистическихъ увлеченій, время, когда казалось близкимъ наступленіе тысячелѣтняго царства Христова. Такому времени свойственно глубокое сокрушеніе о грѣхахъ, внезапно смѣняемое радостнымъ сознаніемъ искупленія. Переворотъ, испытанный Беніаномъ, переживали тогда многіе и многіе другіе, не умѣвшіе только запечатлѣть его во вдохновенномъ, поэтическомъ разсказѣ. Подобныя явленія можно наблюдать и въ позднѣйшія эпохи, когда на почвѣ формальной, внѣшней набожности или холоднаго правовѣрія возникаетъ горячее религіозное чувство, съ неотразимой силой овладѣвающее впечатлительными сердцами. Извѣстенъ, напримѣръ, даже день (21-е мая 1738-го года), когда ощутилъ себя „обращеннымъ и возрожденнымъ“ основатель методизма, Джонъ Веслей. Рѣзкими переходами къ новому бытію богата и лѣтопись русскаго сектантства, напр. штундизма или баптизма.

Замѣчается ли въ нашемъ современномъ образованномъ обществѣ, къ которому—или даже, точнѣе, къ одной части котораго—исключительно обращена проповѣдь „Вѣхъ“, что-либо похожее на теченія, приводящія къ покаянію, къ перелому въ душевной жизни? Безъ сомнѣнія,—нѣтъ. Конечно, у насъ растетъ въ послѣднее время интересъ къ религіознымъ вопросамъ: они обсуждаются въ собраніяхъ разныхъ обществъ, ставятся въ литературѣ, находятъ отголосокъ въ беллетристикѣ,—но, занимая умъ, они мало волнуютъ душу. Ни „богоискателямъ“, ни „богостроителямъ“ не удается возбудить сколько нибудь широкое и глубокое движеніе; никому изъ нихъ не дано „глаголомъ жечь сердца людей“. Нѣтъ этого дара и у господствующей церкви. Велика до сихъ поръ—хотя и меньше, чѣмъ прежде—ея власть надъ народной массой, но не растетъ ея вліяніе на интеллигенцію, и не можетъ расти уже потому, что въ средѣ самой церкви побѣждаетъ косность, тщательно подавляется всякій порывъ къ свободѣ и свѣту. Во имя чего же или отъ чьего имени поднятъ „Вѣхами“ кличъ къ покаянію? Въ чемъ онѣ видятъ ту точку опоры, безъ которой нельзя сдвинуть съ мѣста даже инертную, пассивную тяжесть—

и, тѣмъ болѣе, живую, сопротивляющуюся силу? Прямого отвѣта на этотъ вопросъ авторы „Вѣхъ“ не даютъ; можно только догадываться, что между ними нѣтъ полнаго согласія. Одни, повидимому, возлагаютъ надежды на сближеніе съ православіемъ, вѣроятно—преобразованнымъ и одухотвореннымъ; другіе готовы удовольствоваться религіей, построенной на идеѣ Бога и на идеѣ личнаго подвига—или религіей, признающей „начало, въ которомъ слиты воедино реальная сила бытія и идеальная правда духа“; третьи, настаивая въ особенности на пробужденіи „истиннаго правосознанія“, упоминаютъ объ „абсолютныхъ цѣнностяхъ“ („личномъ самосовершенствованіи“ и „нравственномъ міропорядкѣ“) только мимоходомъ. Неизвѣстно, такимъ образомъ, что собственно должно дать интеллигенціи тотъ толчокъ, безъ котораго не можетъ открыться для нея дорога ко спасенію. Не видно, чтобы самимъ проповѣдникамъ была ясна та благая вѣсть, отъ которой они ожидаютъ великихъ и богатыхъ результатовъ. Когда въ воздухѣ звучитъ новое слово, обладающее необычною притягательною силой, тогда можно ожидать, съ большею или меньшею вѣроятностью, не только единичныхъ, но и массовыхъ обращеній; тогда въ людской толпѣ, еще недавно проникнутой скептицизмомъ, разсудочно холодной, пробѣгаетъ точно электрическій токъ, зажигающій быстро растущее пламя. Не то мы видимъ въ обыкновенное время: медленно и трудно измѣняется тогда духовный строй отдѣльныхъ лицъ. Чтобы увѣровать, недостаточно одного желанія вѣрить; нужно испытать хоть слабое подобіе того, что пережилъ апостолъ Павелъ на дорогѣ въ Дамаскъ—или быть охваченнымъ атмосферой, насквозь проникнутой религіозными чаяніями, какихъ давно жаждало сердце. Ни къ тому, ни къ другому настоящая минута не располагаетъ. Проповѣдь „Вѣхъ“ можетъ затронуть любопытство, можетъ даже вызвать серьезный интересъ, но она безсильна возбудить чувство, въ которомъ, сознательно или безсознательно, ищетъ для себя основу. Она не исходитъ изъ существуюшаго религіознаго движенія и не соединяетъ въ себѣ условій, необходимыхъ для появленія его въ ближайшемъ будущемъ.

Но, быть можетъ, покаяніе мыслимо и не на фонѣ религіознаго ученія, раскрывающаго несостоятельность прежняго образа мыслей и грѣховность прежняго образа дѣйствій? Можетъ быть, цѣль покаянной проповѣди должна считаться достигнутою, если она приведетъ къ сознанію ошибокъ и къ рѣшимости избѣгать ихъ въ будущемъ? Коренная ошибка интеллигенціи, съ точки зрѣнія „Вѣхъ“ — признаніе „безусловнаго примата общественныхъ формъ“; исправленіемъ ошибки должно служить признаніе „теоретическаго и практическаго первенства личной духовной жизни надъ внѣшними формами общежитія“. Мы думаемъ, однако, что сводить весь смыслъ похода, предпринятаго „Вѣхами“, къ раскрытію ошибки — значило бы идти въ разрѣзъ съ намѣреніями авторовъ. Чтобы сознаться въ ошибкѣ, не нужно сначала „стать человѣкомъ“, не нужно „возродиться къ новой жизни“. Имѣлось въ виду, несомнѣнно, нѣчто гораздо большее: имѣлось въ виду подорвать въ корнѣ одно міросозерцаніе и замѣнить его другимъ, во многихъ отношеніяхъ прямо противоположнымъ. Но этотъ замыселъ потерпѣлъ неудачу: религіозная доктрина, служащая исходнымъ пунктомъ и базисомъ „Вѣхъ“, не получила ни опредѣленной формы, ни обстоятельной мотивировки,—и заключительный выводъ проповѣдниковъ является только *совѣтомъ*, цѣнность котораго зависитъ всецѣло отъ степени его осуществимости. Сущность совѣта можетъ быть выражена двумя терминами: *самовоспитаніе*, ради *самоусовершенствованія*—терминами, которыми и оперируютъ участники „Вѣхъ“. Нетрудно замѣтить, что сами по себѣ они имѣютъ условное, относительное значеніе. Воспитывать себя можно не только весьма различными способами, но и въ весьма различныхъ цѣляхъ; самоусовершенствованіе можно понимать и практиковать далеко не одинаково. Припомнимъ, что даже на почвѣ христіанской морали мыслимъ двоякій взглядъ на самоусовершенствованіе: одинъ— болѣе строгій, чисто аскетическій, другой—болѣе мягкій, менѣе отдаляющійся отъ всего земного. Тѣмъ шире просторъ, открывающійся при отсутствіи готовыхъ принципіальныхъ рѣшеній. Что, напримѣръ, слѣдуетъ считать

болѣе близкимъ къ нравственному совершенству: смиреніе, граничащее съ самоуничиженіемъ, или сознаніе собственнаго достоинства? На этотъ вопросъ „Вѣхи“ не даютъ отвѣта — и вся проповѣдь ихъ оказывается висящей на воздухѣ. Возможно было бы нѣкоторое дѣйствіе ея развѣ въ такомъ случаѣ, если бы тѣмъ, къ кому она обращена, чуждо было всякое понятіе о самовоспитаніи и самоусовершенствованіи, если бы они слѣдовали до тѣхъ поръ исключительно велѣніямъ своихъ инстинктовъ и не проводили никакого различія между добромъ и зломъ. Но вѣдь этого не было и нѣтъ: дѣло обстоитъ совершенно иначе. Признаніе примата общественныхъ формъ—своего рода категорическій императивъ: оно предполагаетъ работу надъ самимъ собою, приспособленіе своихъ силъ къ извѣстной задачѣ — предполагаетъ, однимъ словомъ, своеобразное самовоспитаніе, мало похожее на то, къ которому стремятся авторы „Вѣхъ“, но также требующее усилій, внутренней борьбы, а можетъ быть и жертвъ. И развѣ нельзя допустить, что, чѣмъ полнѣе готовность къ жертвамъ, чѣмъ беззавѣтнѣе все личное подчинено общему, тѣмъ ближе, съ субъективной точки зрѣнія, можно считать себя къ понимаемому на извѣстный ладъ совершенству? То состояніе духа, противъ котораго возстаютъ „Вѣхи“, представляетъ собою своего рода вѣру—и противъ него нельзя бороться, какъ противъ безвѣрія. Кто считаетъ нравственнымъ долгомъ стремиться къ достиженію лучшихъ общественныхъ формъ, тотъ не можетъ отнестись иначе, какъ съ недоумѣніемъ или негодованіемъ къ призыву: стань человѣкомъ, вѣрь, люби. Онъ не можетъ не отвѣтить: именно потому, что я сознаю и чувствую себя человѣкомъ, солидарнымъ со всѣми другими, я и считаю необходимымъ осуществленіе условій, внѣ которыхъ немыслимо огражденіе человѣческаго достоинства; именно потому, что я люблю и вѣрю, для меня отступаетъ на второй планъ все касающееся личной моей жизни.

Мы говорили въ другомъ мѣстѣ о логической ошибкѣ, допущенной „Вѣхами“. Принимая часть за цѣлое, онѣ приписали всей интеллигенціи настроеніе, свойственное, въ

большей или меньшей степени, только нѣкоторымъ ея группамъ. Плодотворнымъ возбужденный ими споръ могъ бы стать лишь въ такомъ случаѣ, если бы, не отрицая первостепенной важности „общественныхъ формъ“, авторы сборника подвергли критикѣ выдвинутые до сихъ поръ *способы* обновленія общества и государства. Тогда обнаружилось бы само собою, что въ средѣ интеллигенціи существовали и существуютъ разные взгляды на внутреннюю цѣнность этихъ способовъ и на практическую ихъ цѣлесообразность; тогда стало бы ясно, что нельзя ограничиваться огульными обвиненіями и однообразными увѣщаніями. Пришлось бы коснуться вопроса о томъ, въ какой степени данныя „формы“ благопріятствуютъ „самовоспитанію“ и „самоусовершенствованію“; пришлось бы остановиться и на соотвѣтствіи — или несоотвѣтствіи — между чаяніями въ будущемъ и насущными задачами настоящаго. Получилась бы, во всякомъ случаѣ, опредѣленная и твердая почва, вмѣсто той колеблющейся и скользкой, на которой стоитъ аргументація „Вѣхъ“.

К. Арсеньевъ.

Переломъ русской интеллигенціи и его дѣйствительный смыслъ.

In majore minus.

Что русская интеллигенція переживаетъ теперь серьезный кризисъ, серьезный переломъ въ своемъ духовномъ содержаніи; что она—на пути отъ своего „стараго“, ей привычнаго, примѣрно столѣтняго (отъ Новикова и Радищева—до нашихъ дней) бытія къ бытію „новому“, теперь только начинающемуся,—въ этомъ едва-ли кто-нибудь можетъ въ настоящее время сомнѣваться. „Кризисъ“, или „переломъ“ интеллигенціи—есть фактъ почти что наглядный, почти что осязаемый, во всякомъ случаѣ дающій о себѣ знать тысячами самыхъ разнообразныхъ симптомовъ. Егоне зачѣмъ „доказывать“, его можно„ констатировать“, какъ нѣчто очевидное для всѣхъ. „Переломъ“, или, во всякомъ случаѣ, какая-то большая „перемѣна“ въ интеллигенціи непосредственно чувствуется всѣми, какъ въ самихъ себѣ, такъ и въ другихъ. Мы всѣ—„не тѣ“, что были раньше. Мы всѣ—*иначе* чувствуемъ, *иначе* мыслимъ, на *иное* надѣемся, *иного* опасаемся, чѣмъ это было прежде. Словомъ, сознаніе происходящей въ насъ теперь большой общественной перемѣны, можно сказать, внутреннее, почти что органическое, подобное тому, какое бываетъ у отдѣльнаго человѣка при переходѣ изъ одного возраста въ другой.

Но если это такъ,—если фактъ самаго „перелома“ интеллигенціи не подлежитъ никакому сомнѣнію, если онъ для всѣхъ очевиденъ, то тѣмъ важнѣе становится дать себѣ

отчетъ въ томъ, въ чемъ-же собственно заключается этотъ переломъ: отъ чего „стараго“ и къ чему „новому“ мы, въ лицѣ русской интеллигенціи, переходимъ? въ силу какихъ причинъ это происходитъ? въ чемъ, наконецъ, заключается историческій смыслъ происходящаго перелома?

Только въ связи со всѣмъ этимъ можетъ получить свою цѣну и самое констатированіе факта кризиса или перелома въ интеллигенціи. Констатировать фактъ, сдѣлавшійся для всѣхъ очевиднымъ, вовсе не трудно. Гораздо труднѣе его „осмыслить“, связать съ другими фактами, вставить въ перспективу событій, понять, какъ слѣдствіе предшествующихъ причинъ и какъ причину будущихъ послѣдствій. Тотъ, кто сдѣлаетъ это неправильно, можетъ цѣну самаго констатированія имъ факта изъ положительной превратить въ отрицательную.

Можно такъ „осмыслить“ фактъ, что лучше-бы его и не „констатировать“, или предоставить это другимъ. Плохо или неправильно осмысленный фактъ есть не истина, а заблужденіе, хотя-бы онъ самъ по себѣ, какъ таковой, и не подлежалъ никакому сомнѣнію. Нельзя отдѣлить факта отъ его „осмысленія“, разъ послѣднее дано, а, въ особенности, если оно еще подчеркнуто и выдвинуто на первый планъ. Тутъ ужъ приходится цѣнить все по совокупности, и, отвергая заслугу „осмысленія“, вмѣстѣ съ тѣмъ низводить къ нулю и заслугу „констатированія“ даннаго факта.

Мы говоримъ все это потому, что не такъ давно фактъ „кризиса“, переживаемаго теперь интеллигенціей, съ большимъ шумомъ былъ „провозглашенъ“ предъ русской публикой сборникомъ „Вѣхи“. Авторы „Вѣхъ“ дали при этомъ и свое осмысленіе этому факту, но такое, что самая ихъ заслуга въ констатированіи этого факта, если ужъ ее за ними надо непремѣнно признавать *), едва-ли не обезцѣнивается до нуля или даже не превращается въ величину отрицательную.

*) Указанія на фактъ совершающагося съ интеллигенціей „перелома“ дѣлались, несомнѣнно, и помимо „Вѣхъ“. Въ частности, пишущій эти строки говорилъ объ этомъ въ статьѣ, появившейся въ печати одновременно съ первымъ изданіемъ „Вѣхъ“ и помѣщенной во 2-мъ

Впрочемъ, объ этомъ мы будемъ говорить впереди, а теперь замѣтимъ, что за авторами „Вѣхъ" имѣется и несомнѣнная заслуга передъ русской общественной мыслью. Заслуга заключается въ томъ, что они сумѣли сдѣлать вопросъ о „кризисѣ" русской интеллигенціи жгучимъ, сенсаціоннымъ. Они привлекли къ нему столь широкое и напряженное общественное вниманіе, что это само по себѣ составляетъ благодѣтельный общественный фактъ. Общество, и безъ того склонное въ послѣднее время къ „передумыванію" и „продумыванію" основныхъ вопросовъ своего бытія въ связи съ богатыми и разнообразными переживаніями недавняго прошлаго, тутъ вдругъ нашло какъ бы фокусъ для своего вниманія. Вопросъ объ интеллигенціи, и именно благодаря сборнику „Вѣхи", оказался той блестящей точкой, внезапно

выпускѣ извѣстнаго сборника „Зарницы". Позволю себѣ привести здѣсь изъ этой статьи небольшой отрывокъ. „Процессъ „измѣненія" русской интеллигенціи уже начался, и онъ неудержимо будетъ совершаться. Какъ и все въ Россіи, подъ дѣйствіемъ освободительнаго движенія,—русская интеллигенція не могла остаться исторически неизмѣнной. Наоборотъ,—на ней событія должны были отразиться еще больше, чѣмъ на комъ-бы то ни было другомъ..... „Огонь" исторіи, естественно, долженъ дѣйствовать на нее еще сильнѣе, чѣмъ на какую бы-то ни было другую часть народнаго организма. И этотъ „огонь" сильнѣйшимъ образомъ воздѣйствовалъ на нашу интеллигенцію;—до того, что онъ..... ее „расплавилъ"—расплавилъ вмѣстѣ съ ея привычными идеалами, съ ея привычными способами дѣйствій, съ ея достоинствами и недостатками. Подъ вліяніемъ высокой температуры пережитыхъ событій русская интеллигенція утратила свои прежнія психологическія формы, потеряла свою прежнюю твердость и устойчивость.— И она такъ и остается пока въ этомъ безформенномъ, „расплавленномъ" состояніи. Отсюда—эта ея нынѣшняя душевная „немощь", отсюда эта ея податливость разнымъ наноснымъ идейнымъ теченіямъ, отсюда—отсутствіе въ ней внутренней устойчивости, потеря ею своего духовнаго „материка", твердой точки опоры.—Но, само собою разумѣется, что это состояніе лишь переходное. Интеллигенціи неизбѣжно предстоитъ духовно перелиться въ новыя формы и придать имъ снова внутреннюю твердость и внутреннюю устойчивость. Изъ нынѣшняго расшатаннаго, разочарованнаго, неувѣреннаго состоянія ей надо перейти въ состояніе „новой" увѣренности и „новой" активности. И, конечно это неминуемо произойдетъ"...... „Зарницы", № 2, стр. 33-34.—Статья эта была написана и сдана въ печать еще до появленія „Вѣхъ".

выдѣлившейся изъ окружающаго хаоса предметовъ, на которую устремились взоры всѣхъ,—которая стала почти гипнотически-привлекательной для общественнаго размышленія. Общество задумалось надъ этимъ вопросомъ той „крѣпкой", „настойчивой" думой, которая уже не желаетъ разставаться со своимъ предметомъ до тѣхъ поръ, пока не додумаетъ его до конца. А такое напряженное, глубокое размышленіе, во всякомъ случаѣ, полезно русскому обществу, особенно теперь, послѣ того какъ оно пережило столько событій, сколько опытовъ, столько теорій и столько разочарованій.

Повторяемъ, эта заслуга останется за авторами „Вѣхъ", и, хотя, можетъ быть, это и странно, но она находится въ связи именно съ ихъ „осмысленіемъ" и „объясненіемъ" переживаемаго теперь русской интеллигенціей перелома. Именно, это „осмысленіе" и оказалось такого свойства, что оно сразу, внезапнымъ и грубымъ толчкомъ, вывело общественное вниманіе изъ его обычнаго, будничнаго состоянія и заставило его прыгнуть вверхъ, сосредоточиться на данномъ вопросѣ такъ, какъ если-бы отъ него зависѣло разрѣшеніе всѣхъ другихъ вопросовъ. Авторы „Вѣхъ" дали такое „пониманіе" и „осмысленіе" кризиса русской интеллигенціи, что это одинаково всколыхнуло оба крыла нашей общественной жизни: и тѣхъ, которые стоятъ направо,— и тѣхъ, которые стоятъ налѣво. Одни съ радостью увидѣли въ немъ совершенно неожиданную для себя помощь,— другіе—совершенно неожиданный предательскій ударъ, нанесенный въ спину тѣми, кто стоялъ все время въ своихъ собственныхъ рядахъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ вокругъ „Вѣхъ" закипѣла ожесточенная полемика, а вокругъ вопроса объ интеллигенціи—то напряженное, жгучее размышленіе, которое создало названному сборнику, какъ виновнику всего происшествія, совершенно исключительный внѣшній успѣхъ.

Такимъ образомъ, „Вѣхи" *положили начало* весьма напряженному и глубокому общественному размышленію надъ вопросомъ о русской интеллигенціи, о переживаемомъ ею теперь кризисѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и надъ очень мно-

гимъ другимъ, что совершалось и совершается въ русской жизни.

„Вѣхи" положили „начало". Но можно ли на „Вѣхахъ" и „кончить?"

Вотъ вопросъ, на который, мы въ томъ не сомнѣваемся, очень и очень многіе дадутъ отрицательный отвѣтъ.

Нѣтъ, — на „Вѣхахъ" *кончить* нельзя. То, что они „начали", необходимо „продолжить"; необходимо подвергнуть *критикѣ* и *пересмотру* данное ими „осмысленіе" событій. По существу, — можетъ быть, даже все надо сдѣлать „съ начала" въ этомъ вопросѣ, ибо „Вѣхи" до послѣдней степени его запутали съ умственной стороны и переполнили возбужденіемъ—едва ли вполнѣ здоровымъ — со стороны эмоціональной.

„Пересмотръ" вопроса объ „исторической обстановкѣ", въ которой совершается переломъ русской интеллигенціи, и объ его внутреннемъ „смыслѣ", мы и хотимъ дать въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи. Мы поведемъ этотъ „пересмотръ" въ связи съ мнѣніями, высказанными по этому поводу „Вѣхами", такъ какъ это представляетъ большое удобство, когда путь къ вопросу уже кѣмъ-либо проложенъ въ сознаніи широкой публики, хотя бы онъ былъ проложенъ и неправильно, и хотя бы вся ваша задача заключалась въ томъ, чтобы дать вопросу совсѣмъ иное разрѣшеніе.

I.

Если бы нужно было съ наибольшею сжатостью характеризовать основное содержаніе духовнаго прошлаго нашей интеллигенціи, считая это прошлое на протяженіи болѣе чѣмъ столѣтія, т. е. со времени Новикова и Радищева и вплоть до нашихъ дней, то это сдѣлать, въ сущности, было бы не трудно. Въ немъ глубоко заложена и вмѣстѣ съ тѣмъ выдвинута на первый планъ одна единственная мысль,—мысль надъ всѣмъ господствующая и все собою покрывающая; мысль, заставляющая всѣ остальныя мысли располагаться вокругъ себя въ опредѣленномъ порядкѣ,

подобно тому какъ сильный магнитъ заставляетъ образовать вокругъ себя опредѣленныя фигуры изъ разсыпанныхъ подлѣ него желѣзныхъ опилокъ. Эта мысль, оріентирующая и направляющая весь остальной идейный багажъ интеллигенціи, есть мысль о *народѣ*, но не о народѣ, какъ о націи, и тѣмъ менѣе, какъ о націи, организованной въ государство, а о народѣ—какъ о соціальномъ членѣ *внутри* націи, или *внутри* государства, о народѣ, какъ подчиненной массѣ, — въ противоположность господствующимъ классамъ общества. Поэтому, то слово, которое наиболѣе ярко и наиболѣе точно можетъ характеризовать наше прошлое интеллигентское міросозерцаніе, есть слово *народничество*, правда, не въ специфическомъ, а въ общемъ смыслѣ этого слова, т. е. какъ такое міросозерцаніе, въ которомъ на первомъ планѣ стоитъ идея о народѣ въ смыслѣ совокупности всѣхъ „труждающихся и обремененныхъ". И нельзя не признать, что это міросозерцаніе совершенно особенное, кореннымъ образомъ отличающееся отъ такихъ міросозерцаній, въ которыхъ на первомъ планѣ, въ качествѣ идеи, надъ всѣмъ господствующей и все собою организующей, стояла бы какая-либо иная идея, напр. идея собственнаго „я", или идея „Бога", или идея такихъ сверхъ-индивидуальныхъ цѣнностей, какъ истина или красота. Въ міросозерцаніи русской интеллигенціи всѣ эти другія идеи были отодвинуты на второй планъ, можетъ быть, повременамъ даже оттиснуты въ дальній уголъ, скомканы,—но ужъ это участь всякаго міросозерцанія, въ которомъ какая-либо одна идея господствуетъ надъ всѣми другими. Наиболѣе сильно такого рода „моноидеизмъ" проявляется, какъ извѣстно, въ религіозномъ міросозерцаніи, особенно если оно искренно и очень глубоко.

Однако, для того, чтобы характеризовать духовное прошлое русской интеллигенціи, надо брать его не только со стороны идейной, или интеллектуальной, но также и со стороны эмоціональной и волевой. И въ этомъ отношеніи міросозерцаніе русской интеллигенціи всегда было цѣльнымъ, глубокимъ, органическимъ, по своему типу,—почти религіознымъ. Оно проходило не только черезъ голову

интеллигенціи, но и черезъ ея сердце, черезъ нервы и мышцы, черезъ все ея чувство и всю ея волю. „Народъ“ въ міросозерцаніи русской интеллигенціи — это не была только идея—оторванная и безсильная, голая и отвлеченная, нѣтъ, это была идея, вросшая въ организмъ и сросшаяся съ организмомъ, составившая одно крѣпкое цѣлое съ чувствомъ и волей. Это была идея живая и дѣйственная, радующаяся и страдающая, любящая и ненавидящая, стремящаяся и неустанная. Поэтому тотъ, кто хочетъ правильно представлять себѣ русское интеллигентское міросозерцаніе, долженъ сказать, что оно было не только — *одномыслью,* но и *одностр̃астью, одножеланіемъ, одностраданіемъ.* Это было не только народничество, но и *народолюбіе,* можетъ быть даже, вправду, *народопоклонство.* „Народъ“— не былъ для русской интеллигенціи только объектомъ размышленій, но онъ былъ для нея въ то же время источникомъ радости и страданій, предметомъ любви и страстнаго желанія. И такое тѣсное сочлененіе чувства и воли съ одной идеей, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ явленія длительнаго, тоже, конечно, оттѣсняетъ на второй планъ, тоже отодвигаетъ въ задній уголъ и комкаетъ многія другія, очень почтенныя и законныя направленія чувства и воли,—тоже придаетъ, какъ будто, не совсѣмъ нормальный видъ способной къ богатому развертыванію жизни человѣческаго чувства и человѣческой воли. Во всякомъ случаѣ, на такой почвѣ получается духовный обликъ нѣсколько односторонній, перенасыщенный одними элементами и обѣдненный другими. Здѣсь оказывается нѣкоторая магическая черта, за которую не переходитъ жизнь духа; создается какая-то клѣтка, внутри которой бьется чувство и воля. Это конечно отзывается неблагопріятно и на самомъ духѣ, поставленомъ въ такія условія; это придаетъ ему болѣзненный, страдальческій оттѣнокъ, отнимаетъ у него многія цѣнности, которыми можетъ быть такъ „красна“ и такъ прекрасна человѣческая жизнь,—лишаетъ его многихъ законныхъ радостей...

И, вотъ, таковъ именно и былъ нашъ русскій интеллигентъ, возьмемъ-ли мы его въ лицѣ Радищева, впервые

заговорившаго о страданіяхъ и обидахъ крѣпостнаго народа,—или въ лицѣ Рылѣева или Бестужева, попавшихъ на плаху изъ-за этого „народа“,—или наконецъ, въ лицѣ Бѣлинскаго, Герцена, Добролюбова, Михайловскаго и другихъ „вождей“ русскаго интеллигентнаго общества, всю жизнь свою положившихъ на идейную защиту правъ и интересовъ того-же самаго „народа“. Таковъ онъ въ лицѣ своихъ крупнѣйшихъ представителей, но таковъ онъ и въ видѣ рядовой „интеллигентской“ массы, — въ видѣ „кающихся дворянъ“ 40-хъ годовъ, въ видѣ „разночинцевъ“ 60-хъ годовъ, „народниковъ“ 70-хъ и 80-хъ, марксистовъ 90-хъ, наконецъ, въ видѣ разнородной „интеллигентской“ закваски нашего послѣдняго освободительнаго движенія. Страстно увлеченный своей основной, господствующей идеей, „волнуясь и спѣша“, терзаясь и терзая другихъ страданіями массы, онъ ни о чемъ не хочетъ думать и ни о чемъ не хочетъ слышать, кромѣ „народа“. Всѣ остальныя темы, всѣ остальныя цѣнности и интересы для него на второмъ планѣ, да и то онѣ допущены лишь на службу основной задачѣ—освобожденію „народа“. Что къ этому подходитъ, что къ этому призываетъ, или, кажется, что призываетъ,—то имѣетъ положительную цѣнность; что-же, наоборотъ, отъ этого отвлекаетъ или отклоняетъ, то не имѣетъ никакой цѣнности или имѣетъ цѣнность отрицательную. „Интеллигентъ“ очень чутокъ ко всѣмъ умственнымъ интересамъ и теченіямъ, онъ съ жадностью бросается на все „новое“, „европейское“, „научное“, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ всюду производитъ свою „избирательную“ работу, онъ всюду отдѣляетъ только то, что, по его мнѣнію, можно и должно поставить на службу своему „народолюбію“.—Отсюда въ области общественныхъ теорій этотъ его давній наклонъ въ сторону соціализма, наклонъ, сказавшійся уже у Пестеля, вполнѣ опредѣлившійся у Герцена и Бакунина, ярко выраженный у Михайловскаго и Плеханова.

Такимъ образомъ, дѣйствительно, русская „интеллигенція“, на протяженіи, вотъ, уже болѣе, чѣмъ столѣтія, представляетъ изъ себя чрезвычайно типичное соціальное образованіе, со столь опредѣленной и рѣзко выраженной

идейной и эмоціонально-волевой характеристикой, что, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, можно усматривать въ этомъ отношеніи извѣстную разницу между жизнью русскаго и западно-европейскаго образованнаго общества. „Интеллигенція“, въ смыслѣ „ума“ и „пониманія“, также какъ въ смыслѣ „нравственной чуткости“, существуетъ, конечно, у всѣхъ народовъ и во всѣ времена. „Интеллигенція“—это всегда и всюду „верхній слой“ соціальнаго духа, его „сливки“, его „цвѣтъ“. Но въ разныя эпохи и у разныхъ народовъ этотъ „цвѣтъ“ духа можетъ принимать разныя формы, окрашиваться въ разные цвѣта и оттѣнки. И съ этой точки зрѣнія неудивительно, что въ Россіи, въ извѣстную эпоху ея исторической жизни, „цвѣтъ“ ея соціальнаго духа получилъ такую опредѣленную и рѣзкую характеристику, что, можетъ быть, и, вправду, вѣрно ходячее, хотя и не претендующее на научную провѣренность мнѣніе, что другія страны не знали и не знаютъ такой интеллигенціи, какъ наша русская, разумѣя здѣсь тотъ ея видъ, какой она имѣла въ теченіе всего XIX столѣтія.

II.

Какія-же историческія условія создали у насъ эту „форму“ интеллигенціи?

Основные историческіе процессы въ Россіи, конечно, тѣ-же, что и въ другихъ странахъ, но они протекаютъ у насъ при нѣкоторыхъ своеобразныхъ условіяхъ, а потому и принимаютъ свой особенный характеръ. Такими своеобразными условіями для нашей родины являются: во-1) огромная равнинная страна, вся вовлеченная въ одинъ общій историческій процессъ; во-2) огромное населеніе, въ основу котораго и, притомъ, въ качествѣ его руководящей части заложена славянская (русская) народность. Эта послѣдняя, въ свою очередь, имѣетъ въ своей массѣ такія особенности, которыя существенно вліяютъ на ея исторію. Она не такъ упорно и разсудительно активна, какъ масса германская, въ особенности, англо-саксонская; но она и не такъ строптиво,—я-бы даже позволилъ себѣ выразиться, безтол-

ково экспансивна, какъ масса южная, латинская. Мы—русскіе—нѣсколько пассивны, мы не любимъ лѣзть впередъ, неохотно беремъ на себя отвѣтственность и руководящую роль въ событіяхъ,—но мы хорошо понимаемъ всю необходимость соціальнаго порядка, поэтому мы склонны помогать, а не вставлять палки въ колеса тѣмъ, кто такъ или иначе намъ его устраиваетъ. Охотнѣе всего—мы повинуемся, но не за страхъ, а за совѣсть и по убѣжденію. Поэтому мы хорошій соціальный матеріалъ, которому, однако, нѣсколько недостаетъ наклонности къ самодѣятельности. Мы не спѣшимъ навстрѣчу нужному дѣйствію, а мы терпѣливо или безпечно ждемъ, пока оно само на насъ надвинется, но за то тогда мы уже дѣйствуемъ дружно и съ воодушевленіемъ, не мѣшая ходу дѣйствія ни излишней строптивостью, ни соціально-вреднымъ желаніемъ непремѣнно учесть его въ чью-либо личную пользу. Мы—соціально довѣрчивы, но и соціально безкорыстны. Вообще-же наше духовное одареніе, какъ умственное, такъ и нравственное, повидимому, не уступитъ ничьему другому. Наша мысль—сильна, трезва, она въ достаточной мѣрѣ творческая, а наше нравственное чувство—развито и чутко. Забота о „душѣ“ и объ ея внутреннемъ „благолѣпіи“—наша типичная русская забота. И это еще одинъ лишній источникъ, уменьшающій нашу чисто внѣшнюю, въ томъ числѣ и соціальную активность.

Въ результатѣ указанныхъ двухъ причинъ — огромной страны, вовлеченной въ одинъ и тотъ-же историческій процессъ, и огромнаго населенія, дѣлающаго этотъ процессъ, причемъ руководящая роль въ немъ принадлежитъ народу, обладающему описанными свойствами и вынужденному при этомъ устраивать не только свою собственную судьбу, но и судьбу многочисленныхъ другихъ связанныхъ съ нимъ народовъ,—является то, что темпъ нашего историческаго процесса—замедленный. Мы дѣлаемъ то же, что и другіе народы, но мы *отстаемъ* отъ нихъ, или, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ всегда отставали. Но то, что мы дѣлаемъ, я бы сказалъ, мы дѣлаемъ прочно и дружно. Формы нашей жизни поэтому устойчивы, и даже устойчивы, пожалуй, до

излишества. Къ ихъ разрушенію или замѣнѣ мы приступаемъ только тогда, когда надобность въ этомъ становится болѣе, чѣмъ настоятельной. До тѣхъ же поръ наша народная масса довѣрчиво поддерживаетъ свои историческія учрежденія, добросовѣстно вѣря въ ихъ необходимость и историческую благодѣтельность.

Итакъ, формы нашего политическаго и соціальнаго бытія тѣ же, что и у другихъ народовъ, но мы *запаздываемъ, отстаемъ* съ ихъ переживаніемъ. Такъ запоздали мы съ отмѣной крѣпостного права, — примѣрно на полстолѣтія по сравненію съ другими народами; такъ запоздали мы и съ отмѣной абсолютизма,—тоже примѣрно на полстолѣтія по сравненію съ другими народами. И, вотъ, въ результатѣ именно этого запаздыванія, отставанія соціальныхъ формъ жизни, у насъ и получилось чрезвычайно своеобразное, и притомъ крайне тягостное, положеніе для нашей интеллигенціи. Этотъ „умъ“ націи — кто-бы ни былъ его представителемъ: императоръ-ли, сидящій на тронѣ, какъ это было съ Александромъ I, который по своему нравственному складу былъ типичнымъ интеллигентомъ, а по убѣжденіямъ, по крайней мѣрѣ первоначальнымъ, былъ несомнѣннымъ „конституціоналистомъ“ и даже „республиканцемъ“,—или-же какой-либо безвѣстный „кающійся дворянинъ“ или „разночинецъ“,—этотъ „умъ“ націи не могъ не сознавать, что данная „форма“ жизни уже пережита, что она изъ исторически-цѣлесообразной и полезной стала уже вредной, что она задерживаетъ дальнѣйшее развитіе жизни, что поэтому съ ней надо бороться и надо ее уничтожить, замѣнивъ другой—новой. Сознаніе всего этого возникало у интеллигенціи тѣмъ легче и тѣмъ неизбѣжнѣе, что она воочію видѣла отживаніе и отмираніе соотвѣтственныхъ политическихъ и соціальныхъ формъ на Западѣ,—видѣла побѣдоносную борьбу съ ними, видѣла ихъ торжественныя похороны, видѣла, какъ пышно расцвѣтала новая жизнь, послѣ того какъ были убраны со сцены обломки старыхъ, пережитыхъ формъ... Интеллигенція все это видѣла, все это понимала, и поэтому ея положеніе среди страны и народа было по-истинѣ сходно съ положеніемъ греческой Кассандры,

которая провидѣла будущее, но никого не могла убѣдить въ его неизбѣжномъ наступленіи. Вокругъ этой интеллигенціи, представлявшей притомъ лишь небольшую кучку людей среди огромной народной массы,—стояла общественная среда, сжившаяся со своей соціальной „формой“, не замѣчающая ея противорѣчія новымъ потребностямъ жизни, добросовѣстно вѣрящая въ ея „достоинства“ или терпѣливо сносящая ея слишкомъ рѣзкіе недостатки,—во всякомъ случаѣ не желающая выходить изъ состоянія пассивности, чтобы приступить къ творческой работѣ созиданія *новыхъ* „формъ“ жизни. Это создавало вокругъ интеллигенціи нравственную пустоту, замыкало ее въ соціальную клѣтку, заставляло лелѣять свои мысли и планы тайкомъ отъ соціальной среды, дѣлать попытки къ практическому ихъ осуществленію конспиративно.

Не характерно-ли, въ самомъ дѣлѣ, что прообразъ всей дальнѣйшей „интеллигентской“ работы этого рода, попытка Императора Александра I дать Россіи „новое“ бытіе, соображалась и подготовлялась имъ въ небольшомъ „секретномъ“ комитетѣ, съ тайными протоколами и съ полной конспираціей отъ всей остальной Россіи? Что-же удивительнаго въ томъ, что и дѣятельность декабристовъ также отлилась въ форму тайнаго заговора, и что работа нашихъ „революціонеровъ“ вплоть до освободительнаго движенія оставалась всегда строго конспиративной, и притомъ вовсе не отъ одного начальства, но также и отъ общественной среды?

Основная причина этому—указанное „отставаніе“ общественной среды, ея добросовѣстная приверженность къ существующимъ формамъ жизни, когда негодность послѣднихъ была уже вполнѣ ясна для интеллигенціи. Но къ этой основной причинѣ, замыкавшей русскую интеллигенцію въ клѣтку и толкавшей ее на путь конспираціи, тотчасъ-же присоединялась и другая, а именно давленіе власти. Дѣло въ томъ, что интеллигенція не могла конечно удержаться отъ попытокъ сообщить свои мысли общественной средѣ, убѣдить ее въ томъ, въ чемъ она сама была убѣждена. Но при первыхъ-же попыткахъ этого необходимаго и

благодѣтельнаго воздѣйствія интеллигенціи на общественную среду, противъ нея ополчалась власть, опиравшаяся на существующія формы жизни, и тогда начиналось дѣйствіе „полицейскаго пресса“, съ одной стороны, и отчаянная борьба съ нимъ, прежде всего изъ-за права слова, съ другой. Но и въ этой борьбѣ интеллигенція оставалась одинокой, широкая народная масса не понимала того, что эта борьба идетъ изъ-за ея же интересовъ и, прежде всего, изъ-за ея политическаго и соціальнаго просвѣщенія.

И нигдѣ это тягостное положеніе русской интеллигенціи—ея трагическое одиночество въ сознаніи соціально-должнаго и соціально-неизбѣжнаго, ея отчаянная борьба за право слова и пропаганды этого должнаго—не сказалось съ такою силою и рельефностью, какъ именно въ вопросѣ объ устраненіи абсолютизма.

Проповѣдь отмѣны крѣпостного права, конечно, нашла-бы откликъ въ народныхъ массахъ, но она была совершенно невозможна по чисто внѣшнимъ причинамъ,—потому что власть тотчасъ прекращала въ корнѣ всякую попытку этого рода, тѣмъ болѣе, что и сама крѣпостная масса терпѣливо ждала своего освобожденія отъ этой именно власти. Но въ вопросѣ объ абсолютизмѣ противъ интеллигенціи была не одна только власть, но и народная масса. Не смотря на то, что по существу дѣла (если не хронологически) отмѣна у насъ абсолютизма запоздала еще болѣе, чѣмъ отмѣна крѣпостного права; не смотря на то, что сознаніе необходимости „конституціи“ зародилось у насъ больше 100 лѣтъ тому назадъ, и зародилось на высотѣ самого трона; не смотря на то, что оно въ теченіе этихъ ста лѣтъ распространялось все шире и шире; не смотря на то, что объективный вредъ для государства и народа отъ абсолютизма къ концу XIX столѣтія, какъ мы это теперь видимъ воочію, сталъ колоссальнымъ; не смотря на то, что мы дошли до такого состоянія, при которомъ насъ на голову разбили японцы, и при которомъ наша дальнѣйшая неприкосновенность обезпечивается—увы!—больше всего „соперничествомъ“ между собою другихъ народовъ, — наша народная масса до самаго послѣдняго времени совершенно добросовѣстно и

убѣжденно стояла за абсолютизмъ, и „священный кличъ" (по выраженію „Вѣхъ"): долой самодержавіе! былъ невозможенъ въ этой средѣ вовсе не по одному запрету начальства.... Общественная среда, народная масса, вплоть до японской войны просто не понимала вреда абсолютизма, не видѣла надобности въ его замѣнѣ „конституціей". И „интеллигентская" пропаганда этого, если и не оставалась, по крайней мѣрѣ, въ самые послѣдніе годы передъ японской войной, „кружковой" въ точномъ смыслѣ этого слова, то все-же она не могла стать и всенародной. Самое большее, что она, изъ собственной интеллигенціи, стала проникать въ нѣкоторые слои рабочаго класса, въ земскую среду, можетъ быть, въ часть крупной буржуазіи. Но только едва-едва проникать, а вовсе не распространяться. Въ широкомъ-же, всенародномъ сознаніи, несомнѣнно, догматъ абсолютизма былъ серьезно поколебленъ только жестокими пораженіями японской войны и народившимся, благодаря этому, сознаніемъ, что съ нашими традиціонными порядками мы очутились въ прямой опасности со стороны другихъ народовъ, и что поэтому дѣло идетъ не о чемъ другомъ, какъ о самомъ нашемъ историческомъ существованіи.

Вотъ при какихъ историческихъ условіяхъ возникла у насъ наша традиціонная „форма" интеллигенціи. Эти условія, если хотите, въ извѣстной мѣрѣ, существуютъ вездѣ. Вездѣ „интеллигенція" исторически „забѣгаетъ" впередъ, вездѣ для нея „старыя" формы жизни болѣе тягостны, чѣмъ для массы, вездѣ она „предвосхищаетъ" новыя формы и борется за ихъ осуществленіе, оставаясь въ этой борьбѣ не всегда хорошо понятой и нерѣдко одинокой. Но, можетъ быть, нигдѣ всѣ эти неблагопріятныя для интеллигенціи условія не концентрировались въ такой мѣрѣ, какъ у насъ въ Россіи, въ теченіе XIX столѣтія, въ нашей борьбѣ съ абсолютизмомъ. Этотъ абсолютизмъ душилъ прежде всего мысль и слово, т. е. самую „сущность" интеллигенціи, и интеллигенція должна была вести отчаянную борьбу за права народа, при полномъ безучастіи къ этой борьбѣ самого народа, при полномъ непониманіи имъ, зачѣмъ и почему она ведется. Вспомнимъ, здѣсь, можетъ быть, нѣсколько утрированное,

но, въ сущности, глубоко правдивое стихотвореніе въ прозѣ Тургенева „Чернорабочій и Бѣлоручка". Я приведу это стихотвореніе цѣликомъ, ибо оно сразу освѣтитъ намъ интересующій насъ фактъ яркимъ свѣтомъ художественнаго изображенія.

ЧЕРНОРАБОЧІЙ И БѢЛОРУЧКА.

РАЗГОВОРЪ.

Чернорабочій. Что ты къ намъ лѣзешь? Чего тебѣ надо? Ты не нашъ... Ступай прочь!

Бѣлоручка. Я вашъ, братцы!

Чернорабочій. Какъ-бы не такъ: нашъ! Что выдумалъ! Посмотри хоть на мои руки. Видишь, какія онѣ грязныя? И навозомъ отъ нихъ несетъ, и дегтемъ,—а твои, вонъ, руки бѣлыя. И чѣмъ отъ нихъ пахнетъ?

Бѣлоручка (подавая свои руки). Понюхай.

Чернорабочій (понюхавъ руки). Что за притча? Словно желѣзомъ отъ нихъ отдаетъ.

Бѣлоручка. Желѣзомъ и есть. Цѣлыхъ шесть лѣтъ я на нихъ носилъ кандалы.

Чернорабочій. А за что-же это?

Бѣлоручка. А за то, что я о вашемъ-же добрѣ заботился, хотѣлъ освободить васъ, сѣрыхъ, темныхъ людей, возставалъ противъ притѣснителей вашихъ, бунтовалъ... Ну, меня и засадили.

Чернорабочій. Засадили? Вольно-же тебѣ было бунтовать!

ДВА ГОДА СПУСТЯ.

Тотъ-же чернорабочій—другому. Слышь, Пётра!... Помнишь, позапрошлымъ лѣтомъ одинъ такой бѣлоручка съ тобой бесѣдовалъ?

Другой чернорабочій. Помню... а что?

Первый чернорабочій. Его сегодня, слышь, повѣсятъ; такой приказъ вышелъ.

Второй чернорабочій. Все бунтовалъ?

Первый чернорабочій. Все бунтовалъ.

Второй чернорабочій. Да... Ну, вотъ что, братъ Митрій: нельзя-ли намъ той самой веревки раздобыть, на которой его вѣшать будутъ? говорятъ, ба-альшое счастье отъ этого въ дому бываетъ!

Первый чернорабочій. Это ты справедливо. Надо попытаться, братъ Пётра!

Апрѣль 1878.

Вотъ каково было, психологически, соотношеніе между интеллигенціей и народомъ! И наша интеллигенція не уклонилась отъ всей тяжести создавшагося для нея историческаго положенія. Она цѣликомъ взвалила его себѣ на плечи, и, не ропща и не сгибаясь, пронесла эту тяжесть черезъ цѣлую историческую эпоху, вплоть до наступленія народнаго „пробужденія“.... Да, что мы говоримъ: „не ропща“ и „не сгибаясь“, нѣтъ: съ энтузіазмомъ, съ поразительнымъ мужествомъ, съ торжествомъ и ликованіемъ. Не передъ лицомъ Цезаря, а передъ лицомъ народа ея всегдашнимъ, воодушевленнымъ лозунгомъ было: morituri te salutant!

III.

Что-же намъ—печалиться, или радоваться всему этому? Печалиться-ли тому, что русская интеллигенція всѣмъ своимъ духовнымъ существомъ всегда тянулась въ сторону „народа“ и „народнаго блага?“ Печалиться-ли тому, что она такъ давно выступила на борьбу съ абсолютизмомъ и вела эту борьбу съ такимъ упорствомъ, съ какимъ ее ведутъ только тѣ, кто рѣшился „побѣдить или умереть?“ Ахать-ли намъ и охать надъ тѣмъ, что вся ея психологія и весь ея душевный укладъ сложился подъ вліяніемъ этихъ фактовъ и сдѣлался поэтому излишне рѣзкимъ, даже одностороннимъ и болѣзненнымъ?

Еще недавно всѣ эти вопросы, по крайней мѣрѣ, друзьямъ народа, а слѣд., и друзьямъ интеллигенціи, показались-бы нелѣпыми и, во всякомъ случаѣ, совершенно безполезными. Печалиться-ли, или радоваться тому, что въ Россіи были Радищевъ, декабристы, Бѣлинскій, Герценъ, Добролюбовъ, Михайловскій, народники, соціалъ-демократы? Смѣшно было задавать подобные вопросы, ибо это значило спрашивать: хорошо-ли, что въ Россіи всегда сильна была любовь къ народу, было страстное желаніе добиться его освобожденія, было живое движеніе на этой почвѣ соціальныхъ и политическихъ идей?

Хорошо-ли это было, или дурно? Въ отвѣтъ на это еще недавно можно было встрѣтить или улыбку, или недо-

умѣніе. Самый этотъ вопросъ представился-бы смѣшнымъ или нелѣпымъ.

Но не то теперь. Теперь этотъ вопросъ ставится, и инымъ онъ кажется не смѣшнымъ или нелѣпымъ, а, наоборотъ, трагическимъ. У русской интеллигенціи отысканъ *пассивъ*, и пассивъ такого огромнаго значенія, что онъ заставляетъ оставить въ сторонѣ или даже совсѣмъ забыть ея историческій активъ. Интеллигенція, говорятъ намъ, „виновата", и притомъ такой огромной „виной", что, можетъ быть, теперь уже и послѣдствій этой вины не исправишь. Во всякомъ случаѣ, надо каяться, надо молиться, надо изгонять изъ себя „бѣса" [1]....

Что же, однако, случилось? Почему такой поворотъ въ отношеніи къ интеллигенціи, притомъ не со стороны ея „враговъ", а со стороны ея „друзей?"

Странно и даже дико звучитъ предъ нами отвѣтъ на этотъ вопросъ: что произошло, что случилось?

Произошло русское освободительное движеніе...

Но развѣ не надо навсегда и навѣки радоваться тому, что оно, наконецъ, произошло? Развѣ было бы лучше, если-бы и послѣ японской войны русскій народъ не двинулся съ мѣста?

Да, все это такъ, говорятъ намъ. Но дѣло-то въ томъ, что русское освободительное движеніе „не удалось". И вина за эту неудачу всецѣло падаетъ на русскую интиллигенцію. Если-бы не она, то русскій народъ былъ-бы теперь уже въ соціальномъ и политическомъ раю, а вмѣсто этого онъ на самомъ днѣ ада, и ужъ неизвѣстно, можно-ли его оттуда какъ нибудь вытащить, или нѣтъ.

Такъ связываютъ вопросъ объ русской интеллигенціи съ вопросомъ объ русскомъ освободительномъ движеніи, и этимъ затягиваютъ его въ по-истинѣ трагическій узелъ для современнаго русскаго общественнаго сознанія. Этимъ самымъ споръ изъ прошлаго переносится въ настоящее и при-

[1]) Даже цѣлый „легіонъ бѣсовъ", какъ думаетъ С. Н. Булгаковъ. „Легіонъ бѣсовъ, говоритъ онъ въ „Вѣхахъ" (стр. 68 перваго изд.), вошелъ въ гигантское тѣло Россіи и сотрясаетъ его въ конвульсіяхъ, мучитъ и калѣчитъ".

крѣпляется къ самому больному мѣсту русской современности. Народолюбія, если угодно, даже народопоклонства интеллигенціи, ея экзальтаціи, ея идейной односторонности и, можетъ быть, даже болѣзненности никто (повторяемъ: изъ числа друзей народа) и ни съ какой точки зрѣнія не склоненъ былъ-бы осуждать, если-бы все это было только дѣломъ прошлаго. Кому-же въ серьезъ пришла-бы охота привлекать къ отвѣту за его народолюбіе, или за его экзальтацію, или за его односторонности, напр., „духовнаго отца русской интеллигенціи"—Бѣлинскаго, нашего „неистоваго Виссаріона?" Это предпріятіе было-бы безнадежнымъ и безполезнымъ. Но, вотъ, вопросъ: не повліялъ-ли этотъ самый неистовый Виссаріонъ, уже давно лежащій въ гробу, своимъ „народопоклонствомъ", съ одной стороны, и своей „оторванностью" отъ народа, съ другой, своимъ неосновательнымъ „атеизмомъ" и своимъ „наивнымъ" соціализмомъ на исходъ только-что пережитаго нами освободительнаго движенія,—не онъ-ли это именно и „провалилъ" его, по крайней мѣрѣ, если не самъ лично, то въ лицѣ своихъ „духовныхъ" дѣтей — современныхъ намъ интеллигентовъ? О, если это только такъ, то надо тащить къ отвѣту изъ гроба даже Виссаріона, не говоря уже о разныхъ Бакуниныхъ, Чернышевскихъ, Писаревыхъ, Михайловскихъ и иныхъ.

Повторяемъ: *такъ* связываютъ вопросъ объ русской интеллигенціи съ вопросомъ объ русскомъ освободительномъ движеніи, чтобы составить на этомъ основаніи обвинительный актъ не только противъ современныхъ намъ максималистовъ и экспропріаторовъ, но и противъ всей русской интеллигенціи, вмѣстѣ съ ея духовной родней, со всѣми ея „отцами" и „дѣдами" на протяженіи цѣлаго столѣтія. И мы скажемъ: *да*, вопросъ объ русской интеллигенціи и объ ея исторической судьбѣ надо связать съ вопросомъ объ русскомъ освободительномъ движеніи, но только совсѣмъ по иному, чѣмъ это недавно было сдѣлано „Вѣхами" и что такъ глубоко взволновало русское общество. „Освободительное движеніе"—есть, дѣйствительно, поворотный пунктъ въ жизни и судьбѣ русской интеллигенціи. До него она имѣла одну „форму" и одно духовное содер-

жаніе,—послѣ него она получитъ и другую „форму“, и другое „содержаніе“: отъ „стараго“ она несомнѣнно перейдетъ, „переломится“ къ „новому“. Поэтому и въ вопросѣ о „кризисѣ“ или „переломѣ“ русской интеллигенціи не только нельзя „обойти“ молчаніемъ освободительнаго движенія, но именно на немъ-то и надо больше всего остановиться. Современный „кризисъ“ русской интеллигенціи тѣсно связанъ съ освободительнымъ движеніемъ; онъ имъ причинно обусловленъ. Но для того, чтобы правильно понять и раскрыть эту причинную связь, надо прежде всего правильно представлять себѣ историческій ходъ и исходъ русскаго освободительнаго движенія. А между тѣмъ, приходится констатировать, что это желательное правильное представленіе объ русскомъ освободительномъ движеніи далеко еще не установилось въ русскомъ обществѣ; это только и даетъ возможность взбудораживать русское общественное мнѣніе такими книгами, какъ „Вѣхи“, придавая имъ значеніе великой политической „сенсаціи“. Мы поэтому остановимся здѣсь подробнѣе на этомъ вопросѣ о ходѣ и исходѣ русскаго освободительнаго движенія и сдѣлаемъ это, какъ уже было сказано, въ связи съ мнѣніями, высказанными по этому предмету авторами „Вѣхъ“.

IV.

Относительно хода и исхода русскаго освободительнаго движенія въ „Вѣхахъ“ пишутъ: „Россія пережила революцію. Эта революція *не дала того, чего отъ нея ожидали.* Положительныя пріобрѣтенія освободительнаго движенія все еще остаются, по мнѣнію многихъ, и по сіе время, по меньшей мѣрѣ, проблематичными“ [1]). „Освободительное движеніе“ не привело къ тѣмъ результатамъ, къ которымъ должно было привести, не внесло примиренія, обновленія, не привело пока къ укрѣпленію государственности (хотя и оставило ростокъ для будущаго—Государственную Думу) и къ подъему народнаго хозяйства не потому только, что оно оказалось слишкомъ слабо для борьбы съ темными

---

[1]) „Вѣхи“, первое изд., стр. 23.

силами исторіи, нѣтъ, оно и потому еще не могло побѣдить, что и само оказалось не на высотѣ своей задачи, само оно страдало слабостью отъ внутреннихъ противорѣчій. Русская революція развила огромную разрушительную энергію, уподобилась гигантскому землетрясенію, но ея созидательныя силы оказались далеко слабѣе разрушительныхъ. У многихъ въ душѣ отложилось это горькое сознаніе, какъ самый общій итогъ пережитого" [1].

Приведенныя цитаты взяты нами изъ статьи С. Н. Булгакова, потому что онъ наиболѣе пространно выражаетъ ими ту мысль о „неудачѣ" или „крушеніи" освободительнаго движенія, которую и всѣ остальные авторы „Вѣхъ" прямо высказываютъ или молчаливо подразумѣваютъ.

Но по отношенію къ нашей русской „революціи" имѣется у авторовъ „Вѣхъ" и другая единодушно раздѣляемая ими всѣми мысль, а именно мысль о томъ, что эта революція была „интеллигентской". Я и здѣсь возьму цитату изъ статьи С. Н. Булгакова, потому что онъ эту мысль выражаетъ наиболѣе подробно и наиболѣе вразумительно.

„Русская революція,—говоритъ онъ,—была интеллигентской. Руководящимъ духовнымъ двигателемъ ея была наша интеллигенція, съ своимъ міровоззрѣніемъ, навыками, вкусами, даже соціальными замашками. Сами интеллигенты этого, конечно, не признаютъ—на то они и интеллигенты—и будутъ каждый, въ соотвѣтствіи своему катехизису, называть тотъ или другой общественный классъ въ качествѣ единственнаго двигателя революціи. Не оспаривая того, что безъ цѣлой совокупности историческихъ обстоятельствъ (въ ряду которыхъ первое мѣсто занимаетъ, конечно, несчастная война) и безъ наличности весьма серьезныхъ жизненныхъ интересовъ разныхъ общественныхъ классовъ и группъ не удалось бы ихъ сдвинуть съ мѣстъ и вовлечь въ состояніе броженія, мы все-таки настаиваемъ, что весь идейный багажъ, все духовное оборудованіе вмѣстѣ съ передовыми бойцами, застрѣльщиками, агитаторами, пропа-

---

[1]) Ibid., стр. 24.

гандистами былъ данъ революціи интеллигенціей. Она духовно оформляла инстинктивныя стремленія массъ, зажигала ихъ своимъ энтузіазмомъ, словомъ, была нервами и мозгомъ гигантскаго тѣла революціи. Въ этомъ смыслѣ революція есть духовное дѣтище интеллигенціи, а, слѣдовательно, ея исторія есть историческій судъ надъ этой интеллигенціей [1]).

Другой авторъ изъ „Вѣхъ" по тому же поводу пишетъ: „Въ конечномъ счетѣ все движеніе, какъ по своимъ цѣлямъ, такъ и по своей тактикѣ, было руководимо и опредѣляемо духовными силами интеллигенціи—ея вѣрованіями, ея жизненнымъ опытомъ, ея оцѣнками и вкусами, ея умственнымъ и нравственнымъ укладомъ" - („Вѣхи", статья Франка, стр. 147).

Такимъ образомъ, уже въ томъ фактѣ, что „революція" была „духовнымъ дѣтищемъ" интеллигенціи, выдвигается поводъ для „суда" надъ ней. Но простымъ констатированіемъ факта, что революція была „интеллигентской", авторы „Вѣхъ", не ограничиваются. Ставъ на эту точку зрѣнія, они немедленно переходятъ въ наступленіе противъ интеллигенціи,—въ смыслѣ уже ея прямого обвиненія.

Интеллигенція не только дѣлала „революцію", но и дѣлала ее „плохо",—говоритъ Струве [2]). Да и не могла дѣлать „хорошо",—подхватываютъ другіе авторы „Вѣхъ",— потому что она сама никуда не годится. Откуда же это видно? Да изъ хода той-же самой русской революціи.— И не замѣчая опасности попасть со всѣми своими разсужденіями въ форменный circulus vitiojus, авторы „Вѣхъ" утверждаютъ, что не только русскую революцію надо характеризовать въ зависимости отъ „свойствъ" русской интеллигенціи, но и русскую „интеллигенцію" надо характеризовать „свойствами" русской революціи. Тотъ же С. Н. Булгаковъ говоритъ о „духовномъ самообнаруженіи интеллигенціи во время революціи" [3]) и думаетъ, что „револю-

---

[1]) „Вѣхи", стр. 25.

[2]) „Вѣхи", стр. 141.

[3]) Ibid, стр. 57.

ція обнажила, подчеркнула, усилила такія стороны ея духовнаго облика, которыя до нея во всемъ значеніи угадывались лишь немногими (и прежде всего Достоевскимъ), она оказалась какъ-бы духовнымъ зеркаломъ для всей Россіи и особенно для ея интеллигенціи [1]). И если „до революціи" еще можно было „смѣшивать страдающаго и преслѣдуемаго интеллигента, несущаго на плечахъ героическую борьбу съ бюрократическимъ абсолютизмомъ, съ христіанскимъ мученикомъ" [2]), то теперь, прибавимъ мы уже отъ себя, но точно продолжая курсъ, взятый „Вѣхами" въ вопросѣ объ интеллигенціи, „послѣ революціи"—совершенно ясно, что въ этомъ прежнемъ „мученикѣ" сидѣлъ просто современный „максималистъ и экспропріаторъ", который и обнаружилъ, наконецъ, свою истинную природу. „Вся слѣпота и противорѣчивость интеллигентской вѣры, говоритъ Франкъ, была выявлена, когда маленькая, подпольная секта вышла на свѣтъ Божій, пріобрѣла множество послѣдователей и на время стала идейно-вліятельной и даже реально могущественной" [3]). „То обстоятельство,—говоритъ тотъ же Франкъ,—что субъективно-чистые, безкорыстные и самоотверженные служители соціальной вѣры оказались не только въ партійномъ сосѣдствѣ, но и въ духовномъ родствѣ съ грабителями, корыстными убійцами, хулиганами и разнузданными любителями полового разврата—этотъ фактъ все же съ логической послѣдовательностью обусловленъ самымъ содержаніемъ интеллигентской вѣры" (ibid, стр. 178).

Какъ видимъ, пониманіе хода событій у авторовъ „Вѣхъ" оказывается слѣдующимъ: русское освободительное движеніе *по какой-то причинѣ* (они этимъ вопросомъ не интересуются и его себѣ не задаютъ) попало въ руки интеллигенціи,—стало интеллигентскимъ. Но это-то именно его и погубило, ибо интеллигенція (что и предвидѣли болѣе проницательные люди) оказалась преисполненной нрав-

---

1) Ibid, стр. 26.

2) „Вѣхи", стр. 57.

3) „Вѣхи" стр. 176.

ственной скверны, безсилія и противорѣчій. Значитъ, кто-же „виноватъ" въ создавшемся теперь положеніи? Выводъ ясенъ: конечно, русская интеллигенція, и только она одна. И авторы „Вѣхъ" не устаютъ подчеркивать этотъ выводъ. *Вину* за неудачу освободительнаго движенія они цѣликомъ взваливаютъ на плечи интеллигенціи, для нихъ все то—необычайное, огромное, сложное—что произошло у насъ въ Россіи въ 1905—06 гг. и что именуется русскимъ освободительнымъ движеніемъ,—есть не болѣе, какъ простое „пораженіе интеллигенціи" [1]). Это она, интеллигенція, привела общество „въ безвыходный тупикъ" [2]). Все „современное положеніе" сводится къ тому, что передъ нами—„крушеніе многообѣщавшаго общественнаго движенія, руководимаго интеллигентскимъ сознаніемъ" [3]).

А уже ставъ на эту позицію, „давъ волю словъ теченью", авторы „Вѣхъ" не находятъ конца нравоученью. Они принимаютъ видъ настоящихъ пророковъ, они призываютъ насъ къ покаянію, а если мы не покаемся, то они грозятъ Россіи всѣмъ самымъ худшимъ, а самое главное—они разносятъ, разносятъ безъ конца бѣдную русскую интеллигенцію.

V.

Булгаковъ пишетъ: „Революція поставила подъ вопросъ самую жизнеспособность русской гражданственности и государственности" [4]). Для него „нѣтъ заботы болѣе томительной и тревожной, какъ о томъ, поднимется ли на высоту своей задачи русская интеллигенція, получитъ ли Россія столь нужный ей образованный классъ съ русской душой, просвѣщеннымъ разумомъ, твердой волей, ибо въ противномъ случаѣ интеллигенція въ союзѣ съ татарщиной, которой еще такъ много въ нашей государственности и общественности, погубитъ Россію" [5]). „Какъ итогъ всего

---

[1]) „Вѣхи", предисловіе М. Гершензона, стр. I.

[2]) Ibid, стр. 2.

[3]) Ibid, статья Франка, стр. 146.

[4]) „Вѣхи", стр. 23.

[5]) Ibid, стр. 26.

пережитого, перечувствованнаго, передуманнаго относительно интеллигенціи", у него „лежитъ на сердцѣ"—„мучительная тревога и за интеллигенцію, и за Россію" [1]). Но если у Булгакова на сердцѣ „тяжело", если онъ произноситъ свой „суровый" (какъ онъ самъ выражается) судъ надъ интеллигенціей, потому что это „повелѣваетъ" ему „чувство отвѣтственности", то съ гораздо болѣе „легкимъ" сердцемъ накидываются на интеллигенцію другіе „пророки" изъ „Вѣхъ"—Гершензонъ, Франкъ, Изгоевъ. Они „разносятъ" интеллигенцію, можно сказать, съ особымъ удовольствіемъ и съ настоящимъ вкусомъ. „Сонмище больныхъ, изолированное въ родной странѣ—вотъ что такое русская интеллигенція, съ почти непонятнымъ по своей экспансивности азартомъ выкрикиваетъ г. Гершензонъ тотъ тезисъ, доказательство котораго составляетъ, впрочемъ, общую задачу всѣхъ авторовъ „Вѣхъ". Ни по внутреннимъ своимъ качествамъ, ни по внѣшнему положенію она не могла побѣдить деспотизмъ: ея пораженіе было предопредѣлено. Что она не могла побѣдить собственными силами, въ этомъ виною не ея малочисленность, а самый характеръ ея психической силы, которая есть раздвоенность, т. е. безсиліе; а народъ не могъ ее поддержать, не смотря на соблазнъ общаго интереса, потому что въ цѣломъ безсознательная ненависть къ интеллигенціи превозмогаетъ въ немъ всякую корысть... и не будетъ намъ свободы, пока мы не станемъ душевно здоровыми" [2]).

Не правда ли, сколько темперамента и рѣшительности въ пророческомъ дарѣ г. Гершензона?

Болѣе спокоенъ, но за то и болѣе „нравоучителенъ" г. Франкъ. „Къ настоящему положенію вещей, читаемъ мы у него, безусловно и всецѣло примѣнимо утвержденіе, что „всякій народъ имѣетъ то правительство, котораго онъ заслуживаетъ". Если въ до-революціонную эпоху фактическая сила стараго порядка еще не давала права признавать его внутреннюю историческую неизбѣжность, то теперь,

---

[1]) Ibid., стр. 59.
[2]) Ibid., стр. 87.

когда борьба, на нѣкоторое время захватившая все общество и сдѣлавшая его голосъ политически рѣшающимъ, закончилась неудачей защитниковъ новыхъ идей, общество не въ правѣ снимать съ себя отвѣтственность за укладъ жизни, выросшій изъ этого броженія. Безсиліе общества, обнаружившееся въ этой политической схваткѣ, есть не случайность и не простое несчастье; съ исторической и моральной точки зрѣнія это есть его грѣхъ" [1]).

Въ порывѣ „нравоучительнаго" настроенія г. Франкъ не замѣчаетъ даже, къ какому историческому сумбуру приглашаетъ онъ насъ, увѣряя, что до освободительнаго движенія „старый русскій порядокъ не имѣлъ внутренней исторической неизбѣжности", а теперь, будто бы, онъ ее вполнѣ получилъ.

Но, все же, наиболѣе великолѣпенъ, въ своемъ пророческомъ подъемѣ, г. Изгоевъ. По его авторитетному мнѣнію, въ нашемъ освободительномъ движеніи намъ не хватило очень простой и элементарной вещи: ума и знаній. „Надо имѣть, наконецъ, смѣлость, говоритъ онъ, сознаться, что въ нашихъ государственныхъ думахъ огромное большинство депутатовъ, за исключеніемъ трехъ-четырехъ десятковъ кадетовъ и октябристовъ, не обнаружили знаній, съ которыми можно было бы приступить къ управленію и переустройству Россіи" [2]). И настолько, по мнѣнію г. Изгоева, мы были глупы, что „быть можетъ, самый тяжелый ударъ русской интеллигенціи нанесло не пораженіе освободительнаго движенія, а побѣда младотурокъ, которые смогли организовать національную революцію и побѣдить почти безъ пролитія крови" [3]).

Вотъ кто намъ показалъ, какъ надо *такія* дѣла дѣлать— турки. Впрочемъ, въ утѣшеніе себѣ замѣтимъ, что это писано было Изгоевымъ до событій 31 марта, т. е. до того какъ „побѣдители" стали вѣшать своихъ противниковъ на улицахъ Константинополя и до того, какъ они ввели въ

---

[1]) „Вѣхи", стр. 147.
[2]) Ibid., стр. 208.
[3]) Ibid., стр. 209.

странѣ военное положеніе, съ помощью котораго и до нынѣ управляютъ страной. Все это — увы! — показало, что „эти дѣла“ далеко не такъ просты, какъ думалъ г. Изгоевъ, когда писалъ свою статью.

Когда вдумываешься въ то, что авторы „Вѣхъ“ сдѣлали по отношенію къ русской интеллигенціи и въ какую связь поставили они ее и ея дѣятельность съ исходомъ русскаго освободительнаго движенія, то невольно приходитъ въ голову слѣдующее сравненіе:

Съ великими усиліями, съ пламеннымъ энтузіазмомъ, съ богатыми надеждами, люди строили себѣ новый, просторный и свѣтлый домъ вмѣсто стараго, надоѣвшаго, неудобнаго, грозящаго ежеминутно совсѣмъ развалиться. И новый домъ казался этимъ людямъ уже совсѣмъ готовымъ, въ него стали даже частью переходить на жительство. Какъ вдругъ все рухнуло, или все сгорѣло, словомъ, вмѣсто новаго дома осталось одно пустое мѣсто!—Всѣ въ ужасѣ, въ смятеніи; ищутъ объясненія, ищутъ причины происшедшему. И, вотъ, какъ разъ въ это время, въ кругу потерпѣвшихъ, появляется группа почтенныхъ людей и въ одинъ голосъ кричатъ: вотъ поджигатель!.. Крикъ падаетъ какъ разъ на психологію окружающихъ и производитъ настоящій переполохъ. Всѣ поворачиваются лицомъ къ закричавшимъ, всѣ требуютъ тишины, чтобы ихъ выслушать. И то, что это люди почтенные, независимые, сами завѣдомо желавшіе „новаго“; и то, что они провозглашаютъ свой крикъ съ такимъ непреклоннымъ убѣжденіемъ и вполнѣ согласно, не смотря на разницу своихъ прочихъ убѣжденій и своихъ общественныхъ позицій, все это производитъ еще большее впечатлѣніе. Помилуйте, тутъ и два философа: Бердяевъ и Франкъ, тутъ и историкъ нашей общественной мысли—Гершензонъ, тутъ и два юриста—политико-экономъ и государственникъ—Булгаковъ и Кистяковскій, тутъ и заслуженный политическій дѣятель Струве, тутъ, наконецъ, и профессіональный публицистъ на чисто позитивной, чуть не соціалъ-демократической подкладкѣ — Изгоевъ! Они съ разныхъ сторонъ изслѣдуютъ предметъ, частью расходятся

въ своихъ другихъ показаніяхъ [1]), но всѣ согласно и въ одно слово говорятъ: вотъ погубитель общаго дѣла, вотъ разрушитель всѣхъ надеждъ—это русская интеллигенція!

Такимъ образомъ, *политическая* заслуга авторовъ „Вѣхъ" предъ русскимъ обществомъ въ настоящій моментъ, если только ее надо признавать (а это иные считаютъ и необходимымъ, и справедливымъ), заключается въ томъ, что они, въ лицѣ русской интеллигенціи, поймали „вора",—„государственнаго" вора, какъ надо выразиться по терминологіи Струве. И они не только его поймали, но и сотворили надъ нимъ тутъ же свой „суровый", по выраженію Булгакова, судъ.

VI.

Можно ли признать этотъ судъ справедливымъ, окончательнымъ, не требующимъ пересмотра?—Мы разумѣемъ это, конечно, по отношенію къ самому его приговору: интеллигенція „виновна" въ томъ, что „погубила" освободительное движеніе, а если не исправится, то „погубитъ" и Россію. „Мотивы" этого приговора у авторовъ „Вѣхъ" многочисленны и разнообразны; въ нихъ содержится не мало такого, что само по себѣ вполнѣ вѣрно и справедливо. Но—мы спрашиваемъ — правосуденъ-ли самый приговоръ, или, можетъ быть, онъ содержитъ въ себѣ вопіющую несправедливость, потому что авторы „Вѣхъ", вопреки своему глубокомыслію, критически не провѣрили самыхъ важныхъ своихъ исходныхъ посылокъ?

Мы думаемъ именно послѣднее, а потому и обратимся всецѣло къ этимъ исходнымъ посылкамъ, тѣмъ болѣе, что онѣ суть вмѣстѣ съ тѣмъ предпосылки и для рѣшенія вопроса о томъ „кризисѣ" или „переломѣ", который переживаетъ теперь русская интеллигенція. Таковыми мы считаемъ: во 1) утвержденіе авторовъ „Вѣхъ", что русская „революція" была интеллигентской, и, во 2) утвержденіе,

---

[1]) Какъ уже не разъ указывалось въ печати, статьи „Вѣхъ" полны взаимныхъ противорѣчій и притомъ по самымъ крупнымъ и важнымъ для ихъ общей темы вопросамъ.

что русская „революція“, такъ „много обѣщавшая“, на самомъ дѣлѣ, ничего намъ „не дала“,—что она просто „не удалась“, „поставивъ подъ вопросъ самую жизнеспособность русской гражданственности и государственности“.

На какомъ основаніи авторы „Вѣхъ“ считаютъ русскую „революцію“ интеллигентской, т. е. „сдѣланной“ интеллигенціей, а не народомъ? Они намъ этихъ основаній, можно сказать, совсѣмъ не указываютъ. Какъ мы видѣли выше, Франкъ утверждаетъ, что „все движеніе“, „какъ по своимъ цѣлямъ, такъ и по своей тактикѣ“, „было опредѣляемо“ *въ конечномъ счетѣ* духовными силами интеллигенціи,—но онъ намъ самаго этого „счета“ не приводитъ. Какъ онъ „считалъ“, мы этого не знаемъ и не видимъ. Вѣрнѣе, что онъ вовсе „не считалъ“, что онъ утверждаетъ свое положеніе вполнѣ голословно, ибо совершенно непонятно, какъ могъ онъ „вычесть“ въ своемъ „счетѣ“ изъ общаго итога участіе въ „революціи“ народа: рабочихъ и крестьянскихъ массъ, солдатъ, матросовъ и пр.

Нѣсколько яснѣе, но за то и гораздо сомнительнѣе, стоитъ дѣло съ этимъ „счетомъ“ у Булгакова Я уже приводилъ выше изъ его статьи длинную цитату, сюда относящуюся. Если мы вникнемъ внимательнѣе въ эту цитату, то мы увидимъ, что она говоритъ не въ пользу тезиса объ „интеллигентской“ революціи, а прямо противъ него. Въ самомъ дѣлѣ, онъ рѣшается назвать интеллигенцію „духовнымъ *двигателемъ*“ революціи и тутъ же самъ прибавляетъ, что безъ „несчастной японской войны“ и безъ „наличности весьма *серьезныхъ* (курсивъ нашъ) жизненныхъ интересовъ разныхъ общественныхъ классовъ и группъ“—„*не удалось-бы ихъ сдвинуть съ мѣстъ* (курсивъ нашъ) и вовлечь въ состояніе броженія“. Какой же это „двигатель“, который самъ по себѣ не могъ-бы „сдвинуть“ съ мѣста? Значитъ, „сдвинуло“ что-то другое, и это такъ и есть, и что сдвинуло—это правильно указываетъ самъ Булгаковъ: несчастная война и серьезные жизненные интересы разныхъ общественныхъ классовъ и группъ. Только вмѣсто послѣдняго не грѣхъ было-бы прямо сказать: серьезные жизненные интересы „народа“, которые этотъ народъ, благодаря

несчастной войнѣ, увидѣлъ въ прямой опасности. — Мало убѣдительно и то, что говоритъ дальше Булгаковъ въ своей цитатѣ, а именно, что „весь идейный багажъ, все духовное орудованіе вмѣстѣ съ передовыми бойцами, застрѣльщиками, агитаторами, пропагандистами былъ данъ революціи интеллигенціей". Это—частію просто невѣрно, а поскольку это вѣрно,—вѣдь, это-же только *поверхность*, а не глубина. Изъ того, что народъ интеллектуально и идейно неповоротливъ, а часто даже безпомощенъ; изъ того, что ему, вслѣдствіе этого, въ его крупныхъ соціальныхъ и политическихъ движеніяхъ, всегда требуются помощники и руководители—всѣ эти застрѣльщики, агитаторы, пропагандисты; изъ того, что эти помощники и руководители могутъ быть неудачными или своевольными и получаютъ фактическую возможность наклеивать на поверхность народнаго движенія свои плакаты и ярлыки, — изъ этого вовсе не вытекаетъ, что народное движеніе вслѣдствіе этого *перестаетъ быть* народнымъ и становится чисто интеллигентскимъ [1]). Вѣдь, не отрицаетъ же Булгаковъ, да и не можетъ рѣшиться отрицать того, что „народъ", въ смыслѣ самой широкой, „обывательской" массы, „участвовалъ" въ революціи, а не оставался нѣмымъ и безучастнымъ зрителемъ „интеллигентскихъ" стараній ее произвести, какъ это было въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ до 1904—05 г.г. По крайней мѣрѣ, товарищъ г. Булгакова, П. Б. Струве прямо говоритъ, что „народныя массы" „вложились" въ русскую революцію и даже прибавляетъ, чѣмъ онѣ вложились: „своими соціальными страданіями и сти-

[1]) Можетъ быть, здѣсь будетъ умѣстно вспомнить одинъ курьезный случай, который имѣлъ мѣсто въ „революціонную" эпоху и который своевременно былъ опубликованъ въ газетахъ. Въ самый разгаръ устройства „митинговъ", какъ извѣстно, къ публичному обсужденію политическихъ и соціальныхъ вопросовъ мобилизовалась не только городская, но и деревенская Русь. Многолюднѣйшія собранія прямо подъ открытымъ небомъ происходили не только въ городахъ, но и въ селахъ. Но для всякаго собранія нужны „ораторы", которые *въ селѣ* далеко не всегда подъ рукою. Тогда приходилось обращаться въ городъ, въ разные „комитеты", чтобы они командировали кого-либо изъ числа тѣхъ, кто имѣется въ ихъ распоряженіи по этой части. И вотъ, на почвѣ та-

хійно выроставшими изъ нихъ соціальными требованія.. своими инстинктами, аппетитами и ненавистями" [1]. Мы бы и здѣсь добавили, чтобы не разрывать связи нашей „революціи" съ несчастной войной—связи, уже признанной Булгаковымъ—что народныя массы „вложились" въ „революцію" также и своимъ—пускай „стихійнымъ", „инстинктивнымъ": это тоже не плохо—*опасеніемъ* за судьбу тысячелѣтняго русскаго государства. Но онѣ, какъ видите, „вложились" въ эту революцію, онѣ *въ ней „участвовали"*, и только слѣпой могъ-бы этого не видѣть.

И это была именно „стихія",—это была самая глубокая, „инстинктивная" глубина народа, это было, какъ выражается самъ-же Булгаковъ, „гигантское землетрясеніе" [2]. Тѣмъ не менѣе, по отношенію къ этому взрыву народной „стихіи", по отношенію къ этому всенародному „землетрясенію" рѣшаются говорить, что это было не болѣе, какъ „интеллигентское" движеніе. Все, де, въ немъ было интеллигентскимъ: и „міровоззрѣніе", и „навыки", и „вкусы", и „замашки". Ну, а куда-же при этомъ прячете вы „стихію", „инстинктъ", „землетрясеніе?" Вѣдь, весь историческій смыслъ „движенія" въ томъ, что оно „захватило" именно народныя массы, съ ихъ „стихійнымъ" нутромъ и съ ихъ разбуженными, наконецъ, политическими и соціальными „инстинктами".—И что они хотятъ сказать этимъ своимъ утвержде-

---

кой „жажды" собраній и „нужды" въ „ораторахъ", одинъ малороссійскій сельскій сходъ адресовалъ „городу" такую просьбу: „пришліть намъ студента, або якого-небудь жідка". Конечно „студентъ", или „жідокъ" охотно былъ командированъ, „ораторствовалъ" передъ крестьянскимъ собраніемъ, навѣрное пользовался большимъ успѣхомъ и даже, можетъ быть, подбилъ этотъ сельскій сходъ принять какую нибудь эсэровскую или эсдековскую резолюцію. И что-же—Булгаковъ скажетъ, что въ такомъ селѣ была „студенческая" или „жидовская" революція?—Нѣтъ, ужъ подобные выводы надо оставить старому режиму, который всегда говорилъ, что вся суть въ „агитаторахъ, подстрекателяхъ, студентахъ, жидахъ" и т. п. И если это было далеко не вполнѣ вѣрно даже по отношенію къ эпохѣ до-освободительнаго движенія, то по отношенію къ самому освободительному движенію—это чудовищно нелѣпо.

[1] „Вѣхи", стр. 140—141.

[2] „Вѣхи", стр. 24.

тѣмъ, что „въ конечномъ счетѣ“ революція оказалась „интеллигентской?“ Хотятъ-ли они убѣдить насъ въ томъ, что интеллигенція „управляла“ ходомъ и исходомъ революціи, или что она, безъ остатка, замѣнила инстинктивныя, стихійныя требованія народныхъ массъ своими „умственными“ формулами? Но *кто-же* и *когда* могъ „управлять“ стихіями? кто приводилъ въ движеніе колеса своихъ мельницъ водами потоповъ и наводненій, а тѣмъ болѣе потоками расплавленной лавы при „гигантскихъ землетрясеніяхъ?“ Или *кто* могъ когда-нибудь вложить въ „инстинктъ“ чуждое ему, только однимъ умомъ изобрѣтенное содержаніе? Подумайте, господа, что вы утверждаете! Нѣтъ, гораздо правильнѣе то, ставшее уже избитымъ представленіе о русскомъ освободительномъ движеніи, которое уподобляетъ его колоссальной народной *волнѣ*, на поверхности которой неслась русская интеллигенція,—неслась, въ значительной мѣрѣ, безпомощно. И вы сами, г. Булгаковъ, говорите о „волнѣ“, только называете ее волной „общественной истерики“. Напрасно. Это совсѣмъ не сходится съ вашимъ предыдущимъ выраженіемъ о „гигантскомъ землетрясеніи“.

Спросимъ, наконецъ, чтобы покончить съ этимъ вопросомъ объ „интеллигентскомъ“ характерѣ революціи,—что на что больше повліяло: „стихійное“-ли народное движеніе на „партіи“ съ ихъ „программами“,—или, наоборотъ, „партіи“ и „программы“ на народное движеніе? По этому поводу я сошлюсь на одно любопытное замѣчаніе одного изъ авторовъ „Вѣхъ“, г. Бердяева. Въ своей статьѣ, онъ, между прочимъ, говоритъ, у что насъ даже марксизмъ подвергся „народническому перерожденію“ [1]). И, вѣдь, это глубоко вѣрно. Марксизмъ, дѣйствительно, подвергся этому перерожденію, и притомъ какъ въ отношеніи программномъ (вспомнимъ метаморфозы „аграрной“ программы у русской соціалъ-демократіи въ теченіе освободительнаго движенія), такъ и въ отношеніи тактическомъ (большевизмъ съ его чисто эсэровскимъ „революціонизмомъ“). А, вѣдь, кажется ужъ соціалъ-демократическая программа—одна изъ самыхъ

---

[1]) Ibid., стр. 13.

твердокаменныхъ. Тѣмъ не менѣе стихійныя условія широкаго народнаго движенія пошатнули и ее. Интеллигенція—подходила конечно къ движенію и со своими готовыми программами, но во 1) лишь постольку, поскольку онѣ у нея были, а, во 2) она вынуждена была при этомъ чутко прислушиваться къ „стихійнымъ“ и „инстинктивнымъ“ требованіямъ народа. И едва-ли не справедливѣе будетъ сказать, что она свои главныя и основныя усилія направляла не на то, чтобы навязать свои программы народу, а на то, чтобы правильно уловить и правильно формулировать въ нихъ эти „инстинктивныя“ и „стихійныя“ требованія народа.

Какъ неосновательно или, во всякомъ случаѣ, безконечно условно обозначеніе нашего освободительнаго движенія со стороны авторовъ „Вѣхъ“—*интеллигентскимъ,* это косвенно, но ярко сказалось въ томъ, что одинъ изъ нихъ характеризовалъ, какъ „интеллигентскую“ даже великую французскую революцію. Ну, если ужъ и великая французская революція была *интеллигентской*,—значитъ, *народныхъ* революцій совсѣмъ не бываетъ, или, во всякомъ случаѣ, всякое, хотя-бы и всенародное движеніе, но разъ оно вышло изъ стадіи простого бунта черни, разъ въ немъ замѣшался „интеллигентъ“—перестаетъ быть народнымъ и превращается въ интеллигентское. Ничего не значитъ, что весь французскій народъ отстаивалъ грудью *свою* революцію противъ цѣлой соединенной Европы. Но разъ въ эту революцію замѣшался Робеспьеръ или Маратъ,—разъ въ ней орудовали якобинцы и иные тогдашніе „интеллигенты“, то ужъ она, *нѣтъ*—не народная, а интеллигентская. И если ужъ великую французскую революцію считаютъ „интеллигентской“—ну, тогда спорить не о чемъ: тогда, конечно, вполнѣ понятно, почему и русское освободительное движеніе тоже считаютъ чисто „интеллигентскимъ“.

Нѣтъ—русское освободительное движеніе въ такой мѣрѣ было „народнымъ“ и даже „всенароднымъ“, что большаго, въ этомъ отношеніи, и желать не приходится. Оно „проникло“ всюду, до послѣдней крестьянской избы,—и оно „захватило“ всѣхъ, рѣшительно всѣхъ въ Россіи,—всѣ его

пережили, каждый по своему, но всѣ съ огромной силой. Оно дѣйствительно прошло „ураганомъ“, или, если угодно, „землетрясеніемъ“ черезъ весь народный организмъ Россіи. Наше освободительное движеніе—есть поэтому не что иное, какъ колоссальная реакція *всего* народнаго организма на создавшееся для Россіи труднѣйшее и опаснѣйшее историческое положеніе. Если кто здѣсь въ чемъ нибудь „виноватъ“ и за что-нибудь „отвѣтственъ“, то это весь народъ въ цѣломъ, а не какая-либо отдѣльная его часть, хотя-бы то была и интеллигенція. Взваливать всю „вину“ за ходъ и исходъ освободительнаго движенія въ Россіи на одну интеллигенцію, — это значитъ просто не умѣть отличать *части* отъ *цѣлаго*.

VII.

Но такъ-ли ужъ правы авторы „Вѣхъ“ и въ другомъ своемъ утвержденіи, что на русскомъ освободительномъ движеніи лежитъ печать только одной „вины“ и „неудачи“, а не „заслуги“ и „успѣха“; что надъ нимъ поэтому надо слезы проливать,—а передъ его результатами для будущаго—только приходить въ „отчаяніе“ и призывать къ „покаянію?“

Пессимизмъ и уныніе—теперь, вообще, въ модѣ и весьма распространены въ русскомъ обществѣ, а мнѣніе о „неудачѣ“ освободительнаго движенія, можно сказать, *ходячее*. Авторы „Вѣхъ“ не сами его выдумали, а всецѣло взяли его изъ общественной среды или, сказать вѣрнѣе, просто подчинились ему и своимъ настроеніемъ, и своею мыслью,—подчинились безъ всякой критики. А между тѣмъ она здѣсь намъ нужнѣе, чѣмъ въ чемъ бы то ни было другомъ. И въ особенности странно, что отъ нея отказались тѣ, кто взялъ на себя роль—стать и надъ интеллигенціей, и надъ народомъ, чтобы указывать имъ пути ихъ дальнѣйшей жизни. И не столько въ интересахъ полемики съ „Вѣхами“, сколько въ интересахъ нашего общественнаго самосознанія, мы считаемъ настоятельно необходимымъ подвергнуть здѣсь трезвой, широкой, свободной отъ „чувствованій“ момента

критикѣ именно это ходячее и всецѣло раздѣляемое авторами „Вѣхъ“ убѣжденіе о „неудачѣ“ освободительнаго движенія.

Что значитъ—„удача“ или „неудача“ революціи? Когда надо считать „революцію“ *удавшейся*, а когда—наоборотъ *неудавшейся?* Удалась-ли, напр., великая французская революція или не удалась? Удались-ли въ разныхъ государствахъ Европы „революціи“ 48 года или не удались? Вы видите, что стоитъ только поставить этотъ вопросъ объ „удачахъ“ и „неудачахъ“ революцій широко и объективно, какъ онъ оказывается далеко не столь простымъ, чтобы отвѣчать на него сплеча или подъ вліяніемъ впечатлѣній минуты. Совершенно очевидно, что, прежде чѣмъ отвѣчать на него, надо сперва условиться, какой *смыслъ* вкладывать здѣсь въ слова „удача“ или „неудача“. Вѣдь, при *одномъ* смыслѣ—всѣ революціи придется считать неудавшимися, при *другомъ*, едва-ли не наоборотъ, всѣ революціи, т. е. настоящія, глубокія народныя движенія, окажутся вполнѣ удавшимися. Съ точки зрѣнія тѣхъ субъективныхъ ожиданій или надеждъ, съ которыми революціи начинаются—онѣ никогда не удаются; наоборотъ, съ точки зрѣнія извѣстныхъ объективныхъ результатовъ для народной жизни въ смыслѣ вносимыхъ ими глубокихъ политическихъ и соціальныхъ перемѣнъ—онѣ всегда удаются. Въ ожиданіяхъ и надеждахъ, окружающихъ всякое начинающееся крупное народное движеніе, всегда и неизбѣжно бываютъ много преувеличеній и даже просто маниловщины. Ожидаютъ всегда несравненно больше, чѣмъ объективно можетъ осуществиться, да и того, что можетъ осуществиться и, дѣйствительно, осуществится,—ожидаютъ по маниловски,—безъ трудностей и безъ огорченій. Вполнѣ понятно, что революціи никогда не даютъ ни *всего* того, что ожидали, ни такъ *безмятежно*, какъ этого ожидали.

Но за то, съ другой стороны, никакая настоящая революція, т. е. революція, оплодотворенная могучимъ участіемъ въ ней самого народа, никогда не остается безплодной. Она всегда даетъ объективные и благодѣтельные для народной жизни результаты,—сперва въ видѣ зачатковъ новой жиз-

ни, — зачатковъ хилыхъ, безпомощныхъ и безобразныхъ, но выростающихъ потомъ въ нѣчто новое, прекрасное и сильное. Поэтому и „удача" всякой революціи усматривается не такъ легко. Для этого надо или выждать, пока выростетъ, окрѣпнетъ и расцвѣтетъ *новая* жизнь, или умѣть видѣть уже въ самомъ ея неприглядномъ и хиломъ началѣ—ея будущій расцвѣтъ и ея будущую силу. И съ этой точки зрѣнія, конечно, вполнѣ удалась и великая французская революція, и всѣ революціи 48-го года. И когда мы это говоримъ — и говоримъ съ полнымъ убѣжденіемъ — насъ нисколько не смущаетъ то, что вслѣдъ за каждой изъ этихъ революцій наступала „реакція", реакція, тянувшаяся многіе годы и приводившая въ отчаяніе своихъ современниковъ. Мы знаемъ уже по опыту, что „реакціямъ", не смотря на всѣ ихъ усилія, никогда не удавалось истребить „ростковъ" новой жизни, порожденныхъ „революціями", и эти ростки всегда благополучно доживали до своего расцвѣта, по крайней мѣрѣ, у народовъ жизнеспособныхъ, а не обреченныхъ на историческую смерть. Но, вѣдь, у такихъ народовъ и „революцій"—настоящихъ революцій, а не простыхъ бунтовъ или заговоровъ—не бываетъ. Мы отлично знаемъ, что всякая „революція" есть именно симптомъ и доказательство жизнеспособности народа, т. е. способности его „преодолѣть" старыя формы жизни и перейти къ новымъ.

Да, мы все это отлично знаемъ, но только не хотимъ знать въ настоящую минуту...

Съ какой-же точки зрѣнія авторы „Вѣхъ" провозглашаютъ полную „неудачу", полное „крушеніе" русскаго освободительнаго движенія? О, только съ одной, и притомъ типичной точки зрѣнія „ожиданій". Вы помните, какъ Булгаковъ говорилъ: „Эта революція не дала того, *чего отъ нея ожидали*". „Освободительное движеніе, продолжаетъ онъ, не привело къ тѣмъ результатамъ, къ которымъ *должно было* привести"... Да, конечно, русское освободительное движеніе не дало ни *всего* того, чего отъ него съ разныхъ сторонъ *ожидали*, ни всего того, что, по мнѣнію разныхъ лицъ, оно *должно было* дать. Но для оцѣнки его „неудачи" съ этой стороны, во всякомъ случаѣ, необхо-

димо спросить, *чего* же отъ него ожидали и *что* оно должно было дать? *Чего*, напр., отъ него ожидали авторы „Вѣхъ“ и *что* оно, по ихъ мнѣнію, *должно было* дать и не дало? А вотъ чего: оно „не внесло *примиренія, обновленія*, не привело „пока“ къ *укрѣпленію государственности* и *къ подъему народнаго хозяйства*“. Наряду съ этимъ Булгаковъ, какъ мы уже видѣли, жалуется также и на то, что „русская революція развила огромную *разрушительную* энергію, но ея созидательныя силы оказались далеко слабѣе разрушительныхъ“.

Вдумайтесь въ приведенныя слова и скажите—развѣ въ нихъ не содержится, по крайней мѣрѣ, 50% чистѣйшей маниловщины по отношенію къ великимъ историческимъ событіямъ? Революція не внесла „примиренія“... Но какая-же революція „вноситъ“ примиреніе? Она всегда вскрываетъ старый раздоръ, выводитъ его наружу,—она есть хирургическій ножъ, срѣзающій старую язву и причиняющій острую и рѣзкую боль. По этой-же причинѣ она прежде всего „разрушительна“—и въ этомъ ея великое „благо“. Обсуждать какую-либо революцію иначе, настаивать на томъ, что ей слѣдовало бы быть „паинькой“, не драться и не ругаться, а, главное, ничего не бить и не ломать, а только „созидать“—это и значитъ уподобляться Манилову. Но, скажутъ намъ, Булгаковъ, вѣдь, говоритъ и объ „обновленіи“, и объ „укрѣпленіи государственности“, и о „подъемѣ народнаго хозяйства“. Въ этомъ, вѣдь, и есть настоящая, подлинная задача революціи. Если революція не дастъ „обновленія“, не „укрѣпитъ государственности“, не „подниметъ народнаго хозяйства“,—то къ чему же она была и что же она въ такомъ случаѣ дастъ? Признаемъ резонность этого замѣчанія, но, въ свою очередь, спрашиваемъ: а *когда* вы всего этого ожидаете?—„На другой день“ послѣ революціи, въ видѣ пріятнаго съ ея стороны сюрприза, или также путемъ созиданія и борьбы? Все это революція *должна* дать, но только, конечно, не на „другой же день“. Кстати замѣтимъ, что самъ Булгаковъ настолько добросовѣстный мыслитель и хорошій общественный наблюдатель, что онъ не можетъ не констатировать того, что

революція и *созидала*, но только *менѣе* созидала, чѣмъ разрушала, какъ не отрицаетъ онъ и того, что она оставила „ростокъ для будущаго—Государственную Думу“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ также благоразумно оговаривается, что революція „пока“ не дала намъ ни „укрѣпленія государственности“, ни „подъема народнаго хозяйства“. Но если все это такъ, то чего же онъ самъ и его коллеги хотѣли бы: чтобы революція только „созидала“, а не „разрушала“, и чтобы она дала не „ростокъ“, а сразу цѣлый дубъ въ видѣ, скажемъ, „парламента“ на манеръ англійскаго—съ отвѣтственнымъ министерствомъ? Ну, что же? Какъ иногда говорятъ дѣтямъ: хотѣть не запрещается. Не дурно было бы также, чтобы послѣ „революцій“ никогда не бывало еще и „реакцій“. Но, вотъ, даже Струве говоритъ, что „обычно послѣ революціи и ея побѣды торжествуетъ реакція въ той или иной формѣ“ [1]). Значитъ, „ожиданія“ и „хотѣнія“ здѣсь рѣшительно не при чемъ. Мало ли чего кто „хочетъ“ или „ожидаетъ“—въ ходѣ глубокихъ народныхъ движеній есть своя закономѣрность, которой приходится просто подчиняться. Эти движенія—стихійны, инстинктивны, эмоціональны. Нельзя требовать или ожидать, чтобы они шли, какъ по рельсамъ, или по чьей-нибудь указкѣ,—они всегда идутъ обваломъ или разливомъ. Они всегда даютъ огромный всплескъ налѣво, производятъ здѣсь большую или меньшую разрушительную работу (и русская революція, въ этомъ отношеніи, вовсе не была такой ужъ разрушительной),—наталкиваются, наконецъ, на неразрушимыя соціальныя породы и тогда отскакиваютъ отъ нихъ вправо съ силой, пропорціональной натиску налѣво. И только уже послѣ этого народное движеніе входитъ въ берега и прокладываетъ себѣ нормальное русло, по которому и начинаетъ спокойно и увѣренно течь обновленная народная жизнь.

Итакъ, точка зрѣнія, съ которой авторы „Вѣхъ“ констатируютъ „неудачу русской революціи“—есть типичная точка зрѣнія „ожиданій“. О ней приходится сказать, что

---

[1]) „Вѣхи“, стр. 127.

для оцѣнки „удачи" или „неудачи" революцій она просто не годится, какъ слишкомъ субъективная и слишкомъ окрашенная „чувствованіями" момента. Это—точка зрѣнія „не критическая". И тотъ, кто хочетъ дать себѣ трезвый отчетъ въ событіяхъ, кто хочетъ стряхнуть съ себя гипнозъ „унынія" и „отчаянія", кто хочетъ вернуть себѣ „остроту" размышленія и „гибкость" дѣйствія, тотъ долженъ просто отъ нея отрѣшиться. Все, что угодно, только не то, чего „ожидали" и что „должно было быть" по разнымъ прогнозамъ и діагнозамъ! Это было хорошо въ свое время, когда мы стояли передъ загадочнымъ будущимъ, когда это рождало благодѣтельную вѣру и энтузіазмъ, когда это воодушевляло, но это совершенно не годится теперь, когда это приводитъ въ уныніе и оцѣпенѣніе.

Нѣтъ, для объективнаго сужденія объ удачѣ или неудачѣ русскаго освободительнаго движенія нужно стать на другую точку зрѣнія,—на точку зрѣнія объективныхъ *результатовъ* или *послѣдствій* революціи. *Дастъ-ли* намъ русское освободительное движеніе, хотя бы и черезъ извѣстное время (какъ это было и у всѣхъ другихъ народовъ), то „обновленіе" всей нашей исторической жизни, то „укрѣпленіе русской государственности", тотъ „подъемъ народнаго хозяйства", о которыхъ говоритъ Булгаковъ, и которыя, конечно, необходимы Россіи такъ же, какъ свѣтъ и воздухъ всякому живому существу? Дастъ, или не дастъ?

Признаться, имѣя дѣло съ авторами „Вѣхъ", мы стоимъ въ большомъ затрудненіи передъ этимъ вопросомъ. Если мы скажемъ утвердительно: *дастъ*,—русское освободительное движеніе дастъ Россіи то же самое, что дали государствамъ западной Европы ихъ „великія" революціи, т. е. и „обновленіе" всей жизни, и „укрѣпленіе государственности", и „подъемъ народнаго хозяйства"; если мы скажемъ это „дастъ",—а въ этомъ мы глубоко убѣждены, и мы не видимъ ни одного основанія, которое говорило бы *противъ* этого,—то авторы „Вѣхъ", пожалуй, скажутъ намъ, что мы беремъ на себя роль „пророковъ", въ вѣрности предсказаній которыхъ еще никто не имѣлъ случая убѣдиться. Мы на это могли бы возразить, что мы не „пророчествуемъ",

а только опираемся на аналогію съ исторической жизнью другихъ народовъ,—но, вѣдь, авторы „Вѣхъ“ именно и ставятъ подъ вопросъ историческую судьбу русскаго народа какъ разъ съ этой стороны. Они готовы ожидать такой „аналогіи“ для кого-угодно, даже для Турціи, но сомнѣваются въ ней по отношенію къ Россіи. Съ другой стороны, если бы мы въ доказательство нашего убѣжденія стали указывать на наличные результаты русской „революціи“, на тѣ „ростки“ новой жизни, которые теперь хилы и безобразны, но которые уже прорвали всѣ мѣшавшія имъ преграды и уже не истребимы, то и это едва-ли бы убѣдило авторовъ „Вѣхъ“. Они сами, вѣдь, отлично видятъ эти ростки, но они не умѣютъ или не хотятъ въ „росткахъ“ усматривать будущую, новую, могучую жизнь, и здѣсь ихъ, конечно, такъ же трудно привести къ „сознанію“, какъ и въ вопросѣ объ „аналогіи“ съ Западной Европой. Поэтому въ настоящемъ спорѣ съ авторами „Вѣхъ“ мы, вообще, оставимъ въ сторонѣ „будущее“; предположимъ, что оно для насъ, какъ и для нихъ, совершенно закрыто. Предоставимъ этому „будущему“ самому произнести свой окончательный приговоръ надъ русскимъ освободительнымъ движеніемъ съ указанной стороны. Обратимся всецѣло къ „настоящему“, и притомъ не къ „росткамъ“, а къ самой почвѣ, на которой произрастаютъ всѣ эти ростки.

VIII.

Неужели самая „почва“ русской народной жизни не измѣнена, не взрыхлена великимъ русскимъ освободительнымъ движеніемъ? Неужели самъ „народъ“, со всѣмъ его духовнымъ содержаніемъ, со всей его „психологіей“ остался прежнимъ, несмотря на всѣ пережитыя событія? Неужели „ураганъ“ или „землетрясеніе“ революціи не прошли черезъ народную душу, или, прошедши, оставили ее въ прежнемъ состояніи?

Авторы „Вѣхъ“ не ставятъ себѣ этихъ вопросовъ, да это и понятно: вѣдь, для нихъ все движеніе было „интеллигентскимъ“, а не „народнымъ“;—значитъ, что-же могло

измѣниться въ „народѣ“ отъ „манипуляцій“ надъ нимъ интеллигенціи? Выставленное ими безъ всякой критики и совершенно ложное по существу утвержденіе, будто русское освободительное движеніе было „интеллигентскимъ“ закрыло для нихъ эту самую важную сторону дѣла, т. е. вліяніе великихъ историческихъ переживаній *на народную душу, на народную психику*. И странная иронія судьбы: вопросъ о народной психикѣ и о происшедшихъ въ ней перемѣнахъ остался закрытымъ для тѣхъ, кто взялся намъ проповѣдывать, что центръ тяжести исторической жизни народовъ лежитъ не во *внѣшнихъ учрежденіяхъ, а во внутреннемъ состояніи личностей*. Авторы „Вѣхъ“, на этомъ основаніи, принялись рыться въ душѣ интеллигенціи и нашли въ ней только одну „скверну“, а душу-то народа такъ и проглядѣли!

Впрочемъ, если это и иронія судьбы, то во всякомъ случаѣ не случайная. Вѣдь, это прямо вытекаетъ изъ чисто „интеллигентской“ гордыни тѣхъ, кто взялъ на себя задачу внушать интеллигенціи „смиреніе“. Авторы „Вѣхъ“ думаютъ, что въ исторіи народа интеллигенція—все, а самъ народъ—въ сущности ничего. Если они прямо этого и не говорятъ, то это implicite содержится въ томъ фактѣ, что они весь свой „урокъ“, отъ котораго, если онъ будетъ усвоенъ, они ожидаютъ „спасенія“ Россіи, преподаютъ только *одной* интеллигенціи. Народъ для нихъ не болѣе, какъ косная масса, которая „влагается“ въ событія своими „страданіями“, своими „инстинктами“, своими „аппетитами“ и „ненавистями“, но отнюдь не своимъ „интеллектомъ“, не своимъ „разумомъ“. Въ сущности, здѣсь передъ нами та же теорія объ „ограниченномъ умѣ“ подданныхъ, только съ „верховенствомъ“ въ пользу интеллигенціи. И хотя Булгаковъ въ одномъ мѣстѣ своей статьи и говоритъ, что народъ нашъ, при всей своей неграмотности, просвѣщеннѣе своей интеллигенціи [1]), но это, конечно, не болѣе, какъ декорація. „Двигателемъ“ исторіи онъ считаетъ все-таки интеллигенцію и потому вполнѣ искренно боится, что, если

---

[1]) „Вѣхи“, стр. 63.

интеллигенція не усвоитъ себѣ уроковъ, преподанныхъ ей авторами „Вѣхъ“, то она „въ союзѣ съ татарщиной *погубитъ Россію*“ [1]).

Итакъ, авторы „Вѣхъ“ упустили изъ виду не болѣе и не менѣе, какъ главнаго „дѣятеля“ исторіи—*народъ*. Слона-то они и не примѣтили. Во всей современной намъ исторической проблемѣ они не видятъ никого, кромѣ интеллигенціи. „Народа“ для нихъ при обсужденіи современнаго положенія вещей совсѣмъ не существуетъ, а если онъ и существуетъ, то скорѣе съ оттѣнкомъ отрицательной величины, въ качествѣ „черни“, которую то „казачество“, то „интеллигенція“ такъ легко науськиваютъ на „анархическое разворовываніе“ государства.

Мы во всемъ этомъ стоимъ на прямо противуположной точкѣ зрѣнія. Народъ „есть“ въ Россіи, и онъ не лежитъ простымъ балластомъ въ государственномъ кораблѣ такъ же, какъ онъ ни подъ чьимъ предводительствомъ не „разворовывалъ“ и не „разворовываетъ“ государства. Наоборотъ, *онъ-то* и есть главный строитель и главный дѣятель русской государственности. Это *онъ* создалъ и поддерживаетъ на своихъ плечахъ тысячелѣтнее русское государство,—и это онъ своимъ великимъ освободительнымъ движеніемъ взялся за спасеніе русской государственности отъ тѣхъ опасностей, въ которыя вовлекъ ее чрезмѣрно зажившійся у насъ абсолютизмъ. И мы думаемъ, что въ союзѣ съ русской интеллигенціей онъ дѣйствительно совершилъ эту задачу, онъ „повалилъ“ русскій абсолютизмъ. 17 октября 1905 года это произошло „юридически“, но, „слава Богу“, не за горами уже и то время, когда онъ и „фактически“ будетъ упраздненъ изъ русской жизни. И ручательствомъ за это служитъ не что иное, какъ то, что абсолютизмъ теперь сознательно „отвергается“ въ Россіи не одной интеллигенціей (какъ это было до 1904—05 года), но и всѣмъ

---

[1]) Ibid., стр. 26. „Душа интеллигенціи, говоритъ Булгаковъ, есть ключъ къ грядущимъ судьбамъ русской государственности и общественности . . . Судьбы Петровой Россіи находятся въ рукахъ интеллигенціи“—ibid., стр. 25.

народомъ. Борьба съ абсолютизмомъ перешла съ плечъ интеллигенціи на плечи народа.

Великое значеніе русскаго освободительнаго движенія въ томъ именно и заключается, что русскій народъ пережилъ въ немъ коренной *переломъ* своего политическаго міросозерцанія. До него онъ былъ за *абсолютизмъ*, послѣ него—онъ сталъ *противъ абсолютизма*. Это—уже не гаданіе или предположеніе, а это *фактъ*, фактъ *настоящаго*, а не будущаго, фактъ, котораго можно не видѣть лишь въ припадкѣ ослѣпленія, или того „умничанья", какимъ, несомнѣнно, грѣшатъ авторы „Вѣхъ. Они этотъ фактъ проглядѣли, они его не замѣчаютъ, а между тѣмъ это и есть именно то, чѣмъ „опредѣлится" вся наша дальнѣйшая исторія. И, въ противуположность авторамъ „Вѣхъ", мы здѣсь скажемъ: не то, какъ духовно измѣнится интеллигенція, опредѣлитъ собою участь народа, а то, что уже духовно измѣнился народъ—это обусловливаетъ собою переломъ во всемъ духовномъ обликѣ и во всемъ духовномъ содержаніи интеллигенціи. In majore minus! Наша интеллигенція теперь несомнѣнно переживаетъ крупный переломъ въ этомъ отношеніи, но такой переломъ, къ которому вовсе не надо „призывать", а надо только правильно его „осмысливать", ибо онъ совершается неудержимо, подъ вліяніемъ огромной духовной перемѣны, происшедшей съ самимъ народомъ. Интеллигенція есть „умъ" и „цвѣтъ" народа,—но корни и родники и этого „ума", и этого „цвѣта" лежатъ въ народѣ. Интеллигенція есть только *надстройка* надъ народомъ. И эта „надстройка" не можетъ не измѣниться кореннымъ образомъ, разъ само основаніе существенно измѣнилось. Наоборотъ, пока основаніе оставалось прежнимъ, невозможно было добиваться и другого вида для надстройки.

Теперь мы видимъ, что вопросъ объ русской интеллигенціи, о совершающемся въ ней духовномъ переломѣ и о направленіи этого перелома—дѣйствительно необходимо и исторически, и логически связывать съ русскимъ освободительнымъ движеніемъ, но только совсѣмъ не такъ, какъ это сдѣлали авторы „Вѣхъ". Они, какъ мы видѣли,

говорятъ: въ Россіи произошло освободительное движеніе. Оно потерпѣло неудачу. Это произошло потому, что оно было интеллигентскимъ, ибо русская интеллигенція всегда была полна внутренняго духовнаго безсилія и нравственной скверны. Поэтому и впредь невозможно надѣяться на что-либо лучшее, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока „виновный" не „покается". Отсюда, главное содержаніе „Вѣхъ"—„бичеваніе" виновнаго съ возгласами о томъ, чтобы онъ „исправился".

Наша схема „пониманія" событій совсѣмъ другая, хотя она также начинается съ русскаго освободительнаго движенія:

Произошло великое русское освободительное движеніе. Оно потому и сохранитъ за собою это названіе, что оно было *народнымъ*, или, правильнѣе, даже *всенароднымъ*. Народъ показалъ этимъ движеніемъ, что онъ не былъ *рабомъ* абсолютизма, а только крѣпко положившимся на него *довѣрителемъ*. Онъ искренно вѣрилъ въ его необходимость и благодѣтельность для Россіи и потому ему повиновался, не смотря на всѣ протесты интеллигенціи и на давніе ея призывы къ сверженію этого абсолютизма. Но какъ только онъ убѣдился въ обратномъ, онъ самъ двинулся навстрѣчу вставшей передъ нимъ исторической задачѣ, и дружнымъ, самоотверженнымъ, полнымъ одушевленія напоромъ устранилъ этотъ абсолютизмъ въ славные октябрьскіе дни. И все это великое историческое переживаніе, эта огромная работа „ума" народа, происходившая въ теченіе освободительнаго времени, это огромное напряженіе „воли" народа въ самоотверженной борьбѣ съ отжившей формой жизни,—борьбѣ, объединившей собою все живое въ Россіи,—борьбѣ, въ которой народъ шелъ рука объ руку съ интеллигенціей,—все это до основанія измѣнило народную душу. Народъ теперь иначе понимаетъ и свое историческое положеніе и свои историческія задачи. Вмѣстѣ съ тѣмъ коренным образомъ измѣнилось и все его „самочувствіе". Народъ изъ „подданнаго" превратился въ „гражданина". Нація духовно переродилась,—или вѣрнѣе: только теперь духовно родилась. Народъ ярко созналъ и свой долгъ пе-

редъ родиной, и свою отвѣтственность за ея судьбы. Словомъ, съ народомъ произошла колоссальная *духовная* перемѣна, т. е. перемѣна неистребимая и безповоротная,—та, которой „ни червь не точитъ, ни ржа не ѣстъ".

Вотъ то, что на самомъ дѣлѣ *произошло* и произошло съ цѣлымъ народомъ, а не съ одной интеллигенціей. Отъ чего же тутъ приходить въ отчаяніе? И не прямое-ли это политическое кощунство говорить, что русское освободительное движеніе „поставило подъ вопросъ самую жизнеспособность русской гражданственности и государственности?" Не совершенно-ли наоборотъ? Не есть-ли оно лучшее и вполнѣ достаточное доказательство того, что русскій народъ именно жизнепособенъ? Не доказалъ-ли онъ своимъ освободительнымъ движеніемъ, что онъ, хотя и отставалъ отъ прогрессивныхъ западно-европейскихъ народовъ, но что онъ все-же одной съ ними природы,—такъ-же свободолюбивъ и такъ же активенъ, какъ и они?

Мы не только не видимъ основаній смотрѣть на наше будущее съ „уныніемъ" или съ „жгучей тревогой", но думаемъ какъ разъ наоборотъ, что только теперь, послѣ освободительнаго движенія, можно, наконецъ, вздохнуть свободно. „Унывать", смотрѣть съ „жгучей тревогой" на будущее, дѣйствительно, можно было въ 80-хъ, 90-хъ годахъ; да и то наши предшественники не унывали и смотрѣли съ полной вѣрой въ лицо будущему Россіи. Почему-же приходить въ отчаяніе намъ,—намъ, которые имѣли неотнимаемое теперь уже у насъ счастье видѣть дѣйствительное нарожденіе свободы въ Россіи, видѣть духовное пробужденіе къ свободѣ великаго народа, котораго до того ничѣмъ невозможно было разбудить отъ политической спячки? Не должны-ли мы, наоборотъ, испытывать теперь то настроеніе, которое такъ хорошо вылилось нѣкогда въ словахъ: „нынѣ отпущаеши раба Твоего"...

Политически родилась нація,—духовно пробудился къ своимъ государственнымъ задачамъ цѣлый народъ—чего-же намъ еще нужно? Не все происходило такъ, какъ мы „ожидали?" А развѣ не произошло многое, чего мы и не ожидали?" Развѣ это полное, глубокое перерожденіе на-

рода въ политическомъ отношенiи—перерожденiе, при которомъ проповѣдь сохраненiя абсолютизма принимаетъ видъ злой и безобразной каррикатуры въ лицѣ такихъ ея представителей, какъ Пуришкевичъ или Дубровинъ — развѣ оно такъ ужъ и не содержитъ въ себѣ никакого *плюса* сверхъ того, что, въ этомъ отношенiи, можно было ожидать? Да простятъ намъ авторы „Вѣхъ", но мы всю ихъ „психологiю", все ихъ теперешнее политическое „настроенiе" считаемъ глубоко „интеллигентскимъ" въ томъ самомъ укоризненномъ смыслѣ, какой они сами придаютъ этому слову. Они упрекаютъ русскую интеллигенцiю въ „исторической нетерпѣливости", въ „практическомъ отрицанiи теоретически исповѣдуемаго эволюцiонизма", въ „стремленiи вызвать соцiальное чудо" [1]). Но, вѣдь, ихъ теперешняя политическая позицiя, это—и есть позицiя „историческаго нетерпѣнiя", „практическаго отрицанiя эволюцiонизма", наконецъ политическаго малодушiя по поводу того, что не произошло „соцiальнаго чуда". Событiя предстали такъ, какъ обыкновенно и предстаютъ событiя этого рода: со всѣмъ ихъ широкимъ размахомъ, во всемъ ихъ грозномъ величiи. И авторы „Вѣхъ" не вынесли этого зрѣлища: они жалуются на него, они ропщутъ, они унываютъ. Не смотря на то, что наша революцiя далеко не отличалась такими эксцессами, какъ, напр., великая французская революцiя; не смотря на то, что къ ней даже названiе „революцiи" какъ-то плохо прививается и она гораздо вѣрнѣе обозначается этимъ прекраснымъ словомъ „освободительное движенiе",—авторы „Вѣхъ" просто ея перепугались и не видятъ въ ней ничего кромѣ „безсмысленнаго" народа, „воровской" интеллигенцiи и сплошного „разрушенiя". У нихъ или плохiе нервы, или затаенная досада на то, что не они сыграли роль „Провидѣнiя" въ этомъ великомъ историческомъ переломѣ, происшедшемъ съ Россiей. Надо сказать, что вообще у насъ теперь есть цѣлая категорiя лицъ, которые не „вынесли" освободительнаго движенiя и потеряли на немъ свое душевное равно-

---

1) „Вѣхи", стр. 55.

вѣсіе вмѣстѣ съ своими прежними убѣжденіями и взглядами; съ этими лицами ужасно трудно обсуждать неизмѣримо-великое значеніе освободительнаго движенія для страны и для народа, ибо они „ушиблены“ событіями и ушиблены притомъ въ очень чувствительное мѣсто. Къ числу этихъ людей, несомнѣнно, принадлежатъ и авторы „Вѣхъ“ съ ихъ едва-ли вполнѣ нормальными утвержденіями, вродѣ того, что нашъ народъ „не можетъ помянуть добромъ петровской реформы“; или что интеллигенція стала наслѣдницей казачества въ „противогосударственномъ воровствѣ“; или, наконецъ, что интеллигенція должна теперь „бояться“ народа „пуще всѣхъ казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждаетъ насъ отъ ярости народной“.

Будемъ надѣяться, что авторы „Вѣхъ“ со временемъ „отойдутъ“ отъ того „ушиба“, который причинило имъ русское освободительное движеніе. Въ настоящее-же время вся ихъ „психологія“, несомнѣнно, находится подъ вліяніемъ послѣдняго. И если ихъ книгу характеризовать съ точки зрѣнія этой внутренней ея „психологіи“, то придется о ней сказать слѣдующее: Это—книга не критическая и даже не интеллектуальная, это—книга, переполненная эмоціальнымъ возбужденіемъ. Въ ней „настроеніе“ предшествовало работѣ ума и всецѣло ее собою опредѣлило. Конечно, въ ней есть также и эта работа ума, и даже ея не мало. Авторы „Вѣхъ“— люди и талантливые, и вдумчивые Но—увы! они на этотъ разъ работали подъ вліяніемъ того стихійнаго испуга, который охватилъ общественную среду послѣ „физическаго“ пораженія революціи. И они всю работу своего ума направили на то, чтобы доказать обществу, что это пораженіе было не только „физическимъ“, но и „моральнымъ“. Умъ у нихъ былъ не *господиномъ* самого себя, не самостоятельнымъ творцомъ идей и пониманія, а рабомъ и приспѣшникомъ настроенія. Это не былъ тотъ „высшій“ умъ, который остается спокойнымъ даже среди буруна событій и упорно продолжаетъ свою собственную работу, это былъ тотъ „низшій“ умъ, который отдаетъ себя въ услугу настроенію и чувствамъ. Не онъ перерабатываетъ

„настроеніе“, давая ему прочную идейную основу, а, наоборотъ, „настроеніе“ держитъ его внутри себя и заставляетъ развивать уже содержащіяся въ немъ самомъ идеи, воздѣйствуя этимъ обратно на настроеніе и доводя его до степени настоящей аффектаціи. По выраженію одного изъ авторовъ „Вѣхъ“ (П. Б. Струве), сдѣланному имъ въ одномъ публичномъ собраніи при обсужденіи содержанія этого сборника, „Вѣхи“ представляютъ собою „крикъ“ или „вопль“, вырвавшійся подъ вліяніемъ созерцанія хода и исхода русскаго освободительнаго движенія. Да, это именно и есть характеристика книги; эта книга и есть, дѣйствительно, „крикъ“ или „вопль“, но вопль *малодушія* и *испуга*, вырвавшійся изъ глубины настроенія, раньше чѣмъ совершилась настоящая критическая работа ума,—та работа, которая исключаетъ вопли и истерику и которая ставитъ на ихъ мѣсто спокойную и мужественную дѣятельность спокойныхъ и мужественныхъ людей.

„Вѣхи“—книга малодушныхъ и испуганныхъ; малодушныхъ—до забвенія всякой справедливости, испуганныхъ—до полной умственной паники. Это—зрѣлище людей всецѣло отдавшихся аффекту и вообразившихъ, что надо непремѣнно вопить и кричать, чтобы тѣмъ-же аффектомъ заражать и всѣхъ окружающихъ. Отсюда этотъ постоянный refrain каждой статьи сборника: „Покайтесь—иначе погибнете!“

IX.

Мнѣ остается сдѣлать послѣдніе выводы:

Совершается-ли теперь съ русской интеллигенціей важный духовный „переломъ“,—переживаетъ-ли она серьезный духовный „кризисъ?“

Да, несомнѣнно, этотъ „кризисъ“ существуетъ и этотъ „переломъ“ совершается, но онъ въ свою очередь всецѣло обусловленъ тѣмъ великимъ духовнымъ „переломомъ“, который только-что пережитъ всѣмъ русскимъ народомъ въ событіяхъ освободительнаго движенія. Русскій народъ самъ только что претерпѣлъ великую историческую пере-

мѣну въ своемъ политическомъ міросозерцаніи,—и это столь существенно измѣняетъ все положеніе интеллигенціи въ Россіи, что она не можетъ не передвинуться отъ „стараго“ къ „новому“, отъ „прошлаго“ къ „будущему“

Ея „прошлое“—почетно и славно, ибо все оно было преисполнено самоотверженной любви къ народу и мужественной борьбы за его благо и за его права. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно было и тяжко. Тяжко потому, что все бремя историческаго положенія было взвалено на плечи одной интеллигенціи. Интеллигенція несла на себѣ это бремя, несла въ одиночку, отрѣзанная отъ народной массы, какъ физически—полицейскимъ кордономъ, такъ и духовно—непониманіемъ народными массами настоятельной необходимости борьбы съ абсолютизмомъ. Интеллигенція никогда не жаловалась на тяжесть своего положенія среди безмолвнаго народа и передъ лицомъ безпощаднаго къ ней врага, но ея нравственный и умственный обликъ былъ, конечно, искаженъ, искаженъ тѣмъ напряженіемъ, котораго требовало несеніе на своихъ плечахъ такой непомѣрной исторической ноши. Подобно тому, какъ всѣ мышцы того, кто несетъ на себѣ непосильную физическую тяжесть, бываютъ сжаты чуть не до судороги одностороннимъ мускульнымъ напряженіемъ, такъ и всѣ душевные фибры того, кто обремененъ непосильной нравственной ношей, бываютъ также напряжены до судороги въ моральномъ смыслѣ. И пока человѣкъ несетъ на себѣ такую тяготу, невозможно его въ серьезъ призывать къ нормальной и разносторонней жизни съ ея радостями и красотой. Не думайте, что онъ глухъ къ ней по своей природѣ,—нѣтъ,—но онъ отрѣзанъ отъ нея своимъ неблагопріятнымъ положеніемъ.

Да, „прошлое“ русской интеллигенціи — почетно и славно, но оно было крайне тягостно прежде всего для нея самой. Теперь этому „прошлому“ пришелъ конецъ. Тяжесть историческаго положенія передвинулась на болѣе широкія плечи, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожена и та изолированность, въ которой интеллигенція находилась по отношенію къ народу. Народъ теперь понялъ и оцѣнилъ стрем-

ленія интеллигенціи,—онъ ихъ теперь не только не отвергаетъ, но, наоборотъ, онъ ихъ себѣ усвоилъ и готовъ бороться за нихъ вмѣстѣ съ интеллигенціей. Интеллигенція, такимъ образомъ, получаетъ возможность всѣмъ своимъ духовнымъ существомъ выйти изъ той клѣтки, въ которую замыкало ее прежнее историческое положеніе [1]).

И она, конечно, выйдетъ изъ этой клѣтки. Она сольется съ народомъ въ своихъ политическихъ и соціальныхъ стремленіяхъ, — она отброситъ здѣсь всю свою прежнюю конспирацію отъ общественной среды, какъ совершенно ненужную и крайне тягостную. Но она вмѣстѣ съ тѣмъ выйдетъ на вольный просторъ и вообще въ своей духовной жизни. Она станетъ безъ помѣхъ заниматься своимъ вѣковымъ и постоянымъ дѣломъ—производствомъ тѣхъ духовныхъ цѣнностей — истины, красоты, нравственнаго достоинства, религіознаго вдохновенія — которыя однѣ способны сдѣлать человѣческую жизнь самоцѣльной и самоцѣнной. Смѣшно думать, что русская интеллигенція не имѣетъ собственнаго внутренняго порыва въ эту сторону, что ее надо вгонять въ этотъ „рай“ дубиной или проповѣдями авторовъ „Вѣхъ“. Нѣтъ, — русская интеллигенція всегда рвалась въ эту сторону, но только не находила себѣ для этого надлежащаго простора и надлежащей свободы отъ другихъ тяготѣвшихъ надъ нею заботъ. И въ этомъ отношеніи нѣтъ разницы между Чаадаевымъ и Бѣлинскимъ,—или между Владиміромъ Соловьевымъ и Михайловскимъ. Всѣ они не развернули во всю ширь своихъ внутреннихъ потенцій въ сторону великихъ цѣнностей человѣческой жизни подъ вліяніемъ однѣхъ и тѣхъ же причинъ. Въ этомъ отношеніи только одинъ Левъ Толстой, можетъ быть, составляетъ счастливое исключеніе, да и то потому, что ареной и аудиторіей для проявленія творчества этого колосса—оказался весь міръ. Россія не смогла стѣснить того, кто былъ созданъ для цѣлаго міра.

---

1) Болѣе подробно я писалъ обо всемъ этомъ въ указанной выше статьѣ „Общество, реакція и народъ“, помѣщенной во 2-мъ выпускѣ сборника „Зарницы“.

Да,—мы, русскіе интеллигенты, стоимъ на рубежѣ, на „переломѣ“, на границѣ. Однако за этимъ рубежомъ мы не порвемъ съ „народомъ“, а только тѣснѣе съ нимъ сольемся. Традиція „служенія“ народу, соединяя прошлое съ будущимъ непрерывной нитью, протянется черезъ этотъ рубежъ, но самое служеніе будетъ поставлено въ новыя, болѣе выгодныя условія. Передъ нами впереди свѣтлое будущее общей съ народомъ политической и соціальной работы и производство среди него и для него самоцѣнныхъ, сверхъ - индивидуальныхъ цѣнностей. Это будущее открыто для насъ русскимъ освободительнымъ движеніемъ, совершеннымъ народомъ совмѣстно съ интеллигенціей..... И стоя на этомъ рубежѣ, передъ этой новой жизнью,—что же мы скажемъ о нашихъ предшественникахъ, о тѣхъ, кто не дожилъ до вступленія въ землю обѣтованную, кто погибъ во время многолѣтняго странствованія по предшествующей ей „пустынѣ?“ Неужели нашихъ духовныхъ „отцовъ“ и „дѣдовъ“ помянемъ такъ, какъ это сдѣлали авторы „Вѣхъ?“ Скажемъ, что ихъ „интеллигентская“ вѣра и ихъ „интеллигентская“ борьба не дала намъ въ настоящемъ рѣшительно ничего кромѣ „грабителей, корыстныхъ убійцъ, хулигановъ и разнузданныхъ любителей полового разврата“, — и что это они довели насъ до того, что мы теперь имѣемъ тотъ самый режимъ, какого только и „заслуживаемъ“? Скажемъ, что это они во всемъ „виноваты?“

Позволимъ себѣ и здѣсь, по всей справедливости, вернуть авторамъ „Вѣхъ“ упрекъ, который они дѣлаютъ „интеллигенціи“. Это упрекъ за „презрѣніе къ отцамъ“, за „отвращеніе къ своему прошлому и его полное осужденіе“, за „историческую и не рѣдко даже личную неблагодарность“, за „разрывъ исторической связи въ чувствѣ и волѣ“ [1]). Ихъ книга—это и есть такой неблагодарный разрывъ исторической связи со своимъ прошлымъ и презрѣніе къ отцамъ, не смотря на то, что тѣ „душу свою полагали за други своя“.

---

[1]) „Вѣхи“, статья Булгакова, стр. 55.

Нѣтъ,—стоя теперь на рубежѣ, на „переломѣ“, мы поступимъ иначе: мы благословимъ память нашихъ „отцовъ“ и пожалѣемъ о томъ, что многіе изъ нихъ не дожили до великаго часа народнаго освобожденія, того часа, для котораго они работали всю свою жизнь и въ жертву которому они приносили все, вплоть до своей жизни...

Н. А. Гредескулъ.

Взаимоотношеніе свободы и общественной солидарности.

(Глава изъ исторіи прогресса).

> Если бы люди понимали, что они живутъ не одной своей жизнью, а жизнью всѣхъ, то они знали бы, что, дѣлая добро другимъ, они дѣлаютъ его себѣ.
>
> (*Левъ Толстой.* О жизни и смерти. Друкарь, Москва. 1910 г., стр. 3).

I.

Мы все еще живемъ традиціями. Утвержденіе тѣхъ историковъ, которые полагаютъ, что человѣческое развитіе представляетъ собою непрерывную цѣпь, не отвѣчая въ строгомъ смыслѣ слова фактамъ, отражаетъ на себѣ наше сознаніе. Прислушайтесь къ тому, что говорится съ публичной трибуны и что на всѣ лады повторяютъ журналы и газеты, брошюры и толстыя книги. Свобода и равноправіе и, въ противовѣсъ имъ, опека и неравенство въ обязанностяхъ, а соотвѣтственно и въ правахъ, владычество закона или правовой порядокъ, съ одной стороны, спасеніе народа—высшій законъ, съ другой,—да развѣ все это не понятія и нерѣдко формулы, одинаково хорошо извѣстныя и древней Греціи и древнему Риму? Вѣдь справедливость

для Платона была немыслима безъ равенства и не только формальнаго, но и матеріальнаго; его „дикія“ отвѣчаетъ многимъ изъ тѣхъ требованій, которыя ставятъ современные общественные реформаторы. О томъ, что аѳинская гражданственность стремилась къ изополитіи, извѣстно любому школьнику, а что то же тяготѣніе существовало въ Римѣ и нашло позднее удовлетвореніе себѣ въ реформѣ Каракаллы, уничтожившаго всякія средостѣнія между людьми свободными, признается всякимъ, кто сколько нибудь занимался исторіей. Когда съ трибуны Государственной Думы г. Столыпинъ говоритъ, что законы должны молчать, разъ того требуетъ интересъ государства, онъ сознательно или безсознательно, подобно Робеспьеру, повторяетъ сложившуюся еще въ древнемъ Римѣ поговорку.

Не все дошедшее до насъ отъ древности по тому самому должно считаться кладеземъ народной мудрости; наряду съ истинами уцѣлѣли и предразсудки или точнѣе предубѣжденія. Къ числу такихъ необходимо отнести представленіе о томъ, что свобода и равенство находятся между собою въ необходимомъ, органическомъ противорѣчіи. Я не берусь сказать, какъ возникло впервые такое представленіе. Мнѣ легче отвѣтить на вопросъ, какими данными оно поддерживалось и поддерживается до нашихъ дней. Деспотіи Востока могли первыя породить мысль о томъ, что равенство возможно въ безправіи, а, слѣдовательно, и при отсутствіи свободъ. Несомнѣнно, однако, что и на Востокѣ были и продолжаютъ держаться не только сословныя, но и кастовыя средостѣнія. Не болѣе споренъ и тотъ фактъ, что покоренныя племена обращались здѣсь въ рабство и что тѣ изъ нихъ, которымъ дозволено было сохранить нѣкоторую автономію, все же не уравниваемы были въ правахъ съ членами господствующей національности. Но все это, повидимому, забываютъ тѣ, чье вниманіе приковано къ одному безправію подданнаго передъ властителемъ. Восточный деспотъ располагалъ жизнью и смертью всѣхъ ему подвластныхъ; неограниченность его произвола, говорящая только объ отсутствіи свободы, истолковываема была въ смыслѣ равенства въ безправіи; такимъ образомъ возникло

ложное представленіе о томъ, что свобода въ деспотіяхъ уживается съ отсутствіемъ какихъ бы то ни было наслѣдственныхъ привилегій и преимуществъ. Въ дѣйствительности же мы встрѣчаемъ въ деспотіяхъ очень рѣзкія сословныя и даже кастовыя неравенства при полномъ отсутствіи свободы.

Болѣе убѣдительнымъ могло показаться противуположеніе другъ другу государствъ эллинскаго міра, изъ которыхъ одни съ аристократическимъ устройствомъ сохранили республиканскіе порядки, а другія, съ демократическимъ,—подпали подъ владычество тирановъ и олигарховъ. Особенно рѣзко разошлись въ этомъ отношеніи судьбы Спарты и Аѳинъ. Аѳинская демократія, какъ извѣстно, продержалась недолго, какихъ-нибудь сто лѣтъ, если считать начальнымъ ея періодомъ реформу Клисѳена, а концомъ—установленіе правительства тридцати тирановъ. Наоборотъ, аристократическая Спарта, съ ея смѣшаннымъ образомъ правленія, оказалась жизнеспособной въ теченіе ряда столѣтій. Немудрено, если и до Ксенофонта, и послѣ него, считали возможнымъ ставить спартанскіе порядки въ образецъ всѣмъ тѣмъ, кто желалъ придать республикѣ устойчивый характеръ; немудрено, если этимъ сознаніемъ не разъ проникались политическіе реформаторы, и если оно лежитъ въ основѣ ученія древнихъ о смѣшанныхъ формахъ политическаго устройства, какъ наилучшихъ, ученія, одинаково присущаго Аристотелю, Цицерону и Полибію. Послѣдніе два писателя подкрѣпляли его примѣромъ не одной Спарты, но и республиканскаго Рима, въ которомъ, при неравенствѣ въ правахъ патриціевъ и плебеевъ, гражданъ и союзниковъ, свободныхъ и рабовъ, въ теченіе столѣтій сохранилась смѣшанная форма политіи. Современникъ ея паденія, благодаря росту власти императора, Тацитъ, признавая эти исчезавшіе порядки наилучшими изъ всѣхъ существующихъ, въ то же время сомнѣвался въ ихъ прочности и продолжительности. Наступали времена единовластія, при которомъ прирожденныя неравенства не спасали народа отъ произвола, а, слѣдовательно, и отсутствія свободы. Наступали времена, когда дальнѣйшее развитіе всесоловности,

при неограниченности императорской власти, стало поддерживать въ свою очередь фальшивое представленіе о томъ, что равенство непримиримо со свободой. На самомъ дѣлѣ факты, на которыхъ опирались эти черезчуръ поспѣшныя обобщенія, нимало не оправдывали того предположенія, что съ ростомъ равенства гибнетъ свобода, и наоборотъ. Римляне, разумѣется, были не менѣе свободны къ концу Пуническихъ войнъ, чѣмъ въ эпоху отхода плебеевъ на Священную гору; а между тѣмъ, какая бездна отдѣляетъ эти двѣ эпохи, если имѣть въ виду политическое безправіе плебеевъ въ эпоху, предшествовавшую Гракхамъ. Не всѣ средостѣнія пали и съ имперіей; когда провинціалы впервые при Каракаллѣ уравнены были въ правахъ съ квиритами, не этотъ фактъ вызвалъ упраздненіе свободы, такъ какъ она была потеряна значительно ранѣе.

Средневѣковая политическая мысль питалась мудростью древнихъ. Плутархъ, Цицеронъ и Полибій, въ первый періодъ схоластики были такими же авторитетами, какими съ XIII вѣка стала вновь открытая „Политика“ Аристотеля, а съ эпохи Возрожденія—трактаты Платона „о республикѣ“ и „законахъ“. Немудрено, поэтому, если и ученіе о томъ, что основанная на неравенствѣ въ правахъ смѣшанная форма политическаго устройства всего болѣе благопріятная сохраненію свободы, одинаково встрѣчается и у тѣхъ писателей, для которыхъ высшимъ учителемъ политической мудрости былъ Цицеронъ и Полибій, и у тѣхъ, которые, подобно Ѳомѣ Аквинскому, замѣняли обоихъ Аристотелемъ и пытались распространить его ученіе о преимуществахъ смѣшаннаго устройства на сословныя представительныя монархіи, въ частности на Священную Римскую имперію. У Фортескью и Коммина въ XV вѣкѣ, какъ и у Маккіавелли и Бодэна въ слѣдующее за тѣмъ столѣтіе, мы равно находимъ отголосокъ тѣхъ взглядовъ, какіе въ древности высказывались по поводу Спарты и Рима, какъ типовъ смѣшаннаго политическаго устройства. Англійскіе и французскіе писатели одинаково опирались при защитѣ, одинъ—парламента, другой,—генеральныхъ и провинціальныхъ штатовъ, на уподобленіи отстаиваемаго ими строя сословной

представительной монархіи съ аристократическими республиками древности, несравненно болѣе жизнеспособными, утверждали они, чѣмъ едва продержавшееся одно столѣтіе „владычество черни“ или охлократія въ Аѳинахъ. Стремленіе къ равенству казалось поэтому исключающимъ возможность свободы.

И когда къ прежнимъ фактамъ присоединился новый— паденіе Флорентинской республики благодаря тиранніи Медичей и, наоборотъ, упроченіе свободныхъ порядковъ въ аристократической Венеціи, или республикѣ Св. Марка, доктрина, приписывавшая уравнительнымъ стремленіямъ разлагающій характеръ по отношенію къ свободному государству, пріобрѣла для себя новую пищу. Политическіе реформаторы Флоренціи, какъ показываетъ примѣръ Джанотти, стали проникаться желаніемъ содѣйствовать возрожденію свободы копированіемъ венеціанскихъ порядковъ. Одновременно сами венеціанцы, начиная съ Контарини и Парутта и оканчивая Сарпи, на всѣ лады распространяли тотъ взглядъ, что республика Св. Марка со своимъ смѣшаннымъ устройствомъ, напоминающимъ одинаково Спарту и республиканскій Римъ, можетъ служить новымъ доказательствомъ тому, что свобода легче уживается съ неравенствомъ, чѣмъ наоборотъ.

Столѣтіе спустя, когда, по свидѣтельству Гоббса, впервые зародилась въ средѣ англійскихъ политиковъ ненавистная ему мысль о раздѣленіи властей и политическихъ противовѣсахъ, какъ условіяхъ, благопріятныхъ свободѣ, къ числу фактовъ, долженствовавшихъ содѣйствовать упроченію доктрины объ антагонизмѣ послѣдней съ равенствомъ, присоединенъ былъ еще одинъ—исчезновеніе сословныхъ представительныхъ учрежденій на континентѣ Европы и въ частности во Франціи, благодаря уравнительной политикѣ континентальныхъ самодержцевъ, и сохраненіе свободныхъ учрежденій въ Англіи бокъ-о-бокъ съ господствомъ аристократіи и сословнаго неравенства. Одинъ изъ родоначальниковъ этого новаго ученія, Альджернонъ Сидней, прямо говоритъ объ Англіи, какъ о смѣшанной формѣ политическаго устройства, во многомъ сходной съ порядками

римской республики, а Джонъ Локкъ, ранѣе Монтескье построившій доктрину раздѣленія властей съ оговоркой, что законодательная имѣетъ перевѣсъ надъ исполнительной, ранѣе же Монтескье пишетъ разсужденіе о судьбахъ Рима и ставитъ ихъ въ связь сперва съ наличностью, а затѣмъ съ потерею свойственной ему системы распредѣленія государственныхъ функцій между сановниками, сенатомъ и народными комиціями. Зародившееся еще въ Англіи ученіе о связи свободы съ сохраненіемъ сословныхъ средостѣній и политическихъ привилегій дворянства получаетъ міровое признаніе, благодаря включенію его Монтескье въ число тѣхъ законовъ или „необходимыхъ отношеній, вытекающихъ изъ самой природы вещей“, раскрытію которыхъ должна была служить его книга. Авторъ „Духа законовъ“, поставившаго впервые въ образецъ всѣмъ народамъ, ищущимъ свободы, политическіе порядки Англіи, въ то же время издаетъ трактатъ „О величіи и паденіи Рима“, въ которомъ красною нитью проходитъ его любимая мысль о связи свободы съ раздѣленіемъ властей и смѣшаннымъ порядкомъ политическаго устройства. Эти смѣшанные порядки, по его мнѣнію, общи были одно время всѣмъ тѣмъ народамъ, которые призваны были къ жизни германскими нашествіями. Свобода зародилась въ лѣсахъ Германіи, говоритъ онъ, и на разстояніи болѣе ста лѣтъ ту же мысль повторяетъ за нимъ англійскій историкъ Фриманъ, связывающій существованіе этой свободы съ наличностью у германцевъ въ первые періоды ихъ жизни смѣшанной формы политическаго устройства — короля, совѣта и народнаго собранія. Они кажутся ему зародышами трехъ составныхъ частей англійскаго парламента — короля, лордовъ и общинъ. Признавая за сто съ лишнимъ лѣтъ до Фримана готическую „монархію“ порожденіемъ первобытной свободы германцевъ, Монтескье полагалъ, что всюду на континентѣ она упала подъ ударами уравнительной политики абсолютныхъ правителей. Сохранилась же она и процвѣла только въ Англіи, да еще въ немногихъ странахъ имъ прямо не названныхъ, но въ которыхъ легко признать Швецію, Венгрію и Польшу съ ихъ уцѣлѣвшими сеймами,

составленными изъ сословныхъ представительныхъ палатъ. Для Монтескье Англія—одновременно и смѣшанная монархія, постигшая ту истину, что дворянство, какъ представляющее меньшинство народа, необходимо бы исчезло подъ ударами уравнительной политики, если бы ему не обезпечена была привилегія служить тормазомъ по отношенію къ мѣрамъ, принимаемымъ народными представителями. Отсюда необходимость раздѣлить законодательныя функціи между палатою общинъ и палатою лордовъ; иначе нивеллирующая политика монарховъ, образецъ которой представили короли Франціи, упразднившіе штаты и грозящіе дальнѣйшему существованію политическихъ правъ высшихъ судебныхъ палатъ, сотретъ съ лица земли существованіе въ Англіи и сословнаго неравенства, и тѣсно связанной съ нимъ политической свободы.

Французская революція воспринимаетъ далеко не въ чистомъ видѣ доктрину Монтескье. Она отбрасываетъ все сказанное имъ о связи раздѣленія властей съ политическими привилегіями сословій и строитъ зданіе новаго государства на почвѣ народнаго суверенитета. Демократическая монархія, созданная конституціей 1791 года, вскорѣ оказывается неустойчивой. Она уступаетъ мѣсто уравнительной республикѣ, которая, при главенствѣ „комитета общественнаго спасенія“, въ свою очередь руководимаго якобинскимъ клубомъ, постепенно вырождается въ тираннію. Такимъ образомъ, людямъ, пережившимъ тотъ рядъ событій, который открылся переворотомъ 10 августа, положившимъ конецъ монархіи, и далеко не закончился 9-мъ термидора и наступившимъ затѣмъ бѣлымъ терроромъ, вполнѣ обоснованнымъ могло показаться утвержденіе, что оба начала—свободы и равенства—противорѣчатъ другъ другу.

Однимъ изъ первыхъ истолкователей такого ученія надо считать Бежамэна Констана, а наиболѣе полнымъ выразителемъ его въ примѣненіи къ судьбамъ французской революціи явился никто иной, какъ Редереръ, одно время выдающійся ея дѣятель, а впослѣдствіи сотрудникъ Наполеона Бонапарта при созданіи имъ консульства и имперіи.

Вотъ приблизительно тотъ путь, какимъ шло развитіе доктрины, слабый отголосокъ которой можно найти и у авторовъ „Вѣхъ". Они не задаются мыслью объ ея обоснованіи, считая излишнимъ всякую аргументацію, когда дѣло идетъ о такомъ труизмѣ. Но труизмъ ли это? Мы старались показать, что нѣтъ. Изъ всего нами сказаннаго съ очевидностью вытекаетъ то положеніе, что отсутствіе свободы совпадало съ неравенствомъ, и что исчезновеніе послѣдняго не только не умалило ея, а наоборотъ пошло съ нею рядомъ. Восточныя деспотіи построены были на неравенствѣ, какъ на неравенствѣ держалось владычество эвпатридовъ и патриціевъ. Нивеллирующая политика, императоровъ ли древности, или средневѣковыхъ королей, имѣла въ виду упраздненіе не гражданскаго неравенства, а только политическихъ правъ высшихъ сословій. Неравенство исчезло одновременно съ упроченіемъ свободы: въ 1789 году —благодаря декретамъ Учредительнаго Собранія, предшествуемымъ освободительными указами Людовика XVI, въ числѣ другихъ эдиктомъ о вѣротерпимости, въ Наполеоновскую эру — подъ вліяніемъ насильственнаго распространенія въ большей половинѣ Западной Европы, подъ именемъ наполеоновскихъ идей, началъ гражданскаго кодекса, подготовленнаго дѣятелями революціи и „декларацій правъ человѣка и гражданина", восходящей къ той же эпохѣ. Революціи 1830 и 1848 года, съ ихъ отраженіемъ и на островахъ Великобританіи, содѣйствовали упроченію, въ одинаковой степени, началъ свободы и равенства. Такъ называемыя французами необходимыя вольности, т. е. публичныя права гражданъ, не подверглись, слѣдовательно, ограниченію по мѣрѣ умаленія избирательнаго ценза и увеличенія какъ функцій представительныхъ палатъ, такъ и ихъ независимости по отношенію къ власти.

Я сказалъ, что тотъ же процессъ параллельнаго развитія свободы и равенства извѣстенъ и Англіи. Въ подтвержденіе этой мысли мнѣ остается сослаться на то, что актъ эмансипаціи католиковъ въ 1829 году только тремя годами предшествовалъ избирательной реформѣ 1832 года и демократизаціи мѣстнаго управленія закономъ 1835 года.

Весь послѣдующій ходъ развитія и избирательнаго права, я разумѣю реформы 1867 и 1884 годовъ, и мѣстнаго управленія въ графствахъ и городахъ, въ смыслѣ все большаго и большаго расширенія круга лицъ, призываемыхъ къ участію, какъ въ общемъ управленіи государства, такъ и въ мѣстномъ, нимало не сопровождался въ Англіи ограниченіемъ свободы личнаго самоопредѣленія, а, наоборотъ, совпалъ съ отмѣной послѣднихъ законодательныхъ ограниченій, связывавшихъ эту свободу.

Если во второй половинѣ прошлаго столѣтія изрѣдка еще слышался перезвонъ стариннаго напѣва объ антагонизмѣ равенства со свободой, то, повидимому, главнымъ образомъ въ связи съ тѣмъ фактомъ, что всеобщее голосованіе не помѣшало упроченію во Франціи Второй Имперіи, неблагопріятно относившейся къ автономіи личности, свободѣ ея физическихъ, а тѣмъ болѣе нравственныхъ, проявленій. Но всеобщее голосованіе, возстановленное Наполеономъ III, само же подготовило сперва реформу имперіи на либеральныхъ началахъ, а, со времени франко-прусской войны, и замѣну ея республикой. Такимъ образомъ, уравнительное движеніе на нѣкоторомъ разстояніи оказалось естественнымъ союзникомъ свободы.

Новѣйшая русская дѣйствительность не идетъ наперекоръ этой истинѣ: стоитъ только напомнить, что сокращеніе размѣра недавно дарованныхъ намъ вольностей слѣдуетъ за контръ-реформой нашего представительства на началахъ указа 3 іюня 1907 года.

Итакъ, ни въ древней, ни въ новой исторіи, нельзя найти основаній для утвержденія, что развитіе свободы шло въ ущербъ равенству, а равенства—въ ущербъ свободѣ. Этому предубѣжденію пора положить конецъ. Вотъ почему меня немало поразили въ „Вѣхахъ“ фразы въ родѣ слѣдующей: „тираннія общественности искалѣчила личность“. Не менѣе приведенъ я былъ въ смущеніе высказанной авторами „Вѣхъ“ надеждой, что „тираннія гражданственности сломлена нынѣ, послѣ неуспѣха освободительнаго движенія, надолго“, и что „въ русскомъ человѣкѣ мораль альтруизма и общественности растаетъ“. Цѣлый рядъ другихъ столь

же туманныхъ фразъ прикрываютъ собою въ „Вѣхахъ" какое-то смутное представленіе о томъ, что за служеніемъ обществу теряется изъ виду неоцѣненное благо, какимъ несомнѣнно является свобода личнаго самоопредѣленія.

§ II.

Въ противность еще повидимому модному у насъ ученію о противорѣчіи равенства и свободы, западно-европейская мысль, идетъ ли она по руслу развитія индивидуализма, или примыкаетъ ко все болѣе и болѣе развивающемуся потоку соціалистическаго движенія, признаетъ почти аксіомой, что прогрессъ личности немыслимъ безъ прогресса общественности, и что въ частности эмансипація индивида связана съ развитіемъ опирающейся на равенство солидарности. Эта солидарность, какъ показали одновременно—въ Германіи Зиммель, а во Франціи—Дюркгеймъ, подчеркивая болѣе рѣзко мысли, давно проникшія въ сознаніе соціологовъ положительной школы, сводится къ тому, что въ обществахъ первобытныхъ, не знающихъ раздѣленія труда, группы людей составлены изъ единицъ, однородныхъ и связанныхъ между собою весьма тѣсно, тогда какъ самыя группы чужды и враждебны другъ другу. Прогрессъ общественности сказывается въ томъ, что тѣсный кругъ переходитъ въ болѣе широкій, включающій въ себя нѣсколько прежде обособленныхъ общественныхъ единицъ. Этотъ процессъ происходитъ параллельно и въ зависимости отъ другого. Первоначальная однохарактерная по своему составу группа все болѣе и болѣе дифференцируется благодаря раздѣленію труда. Общественная солидарность начинаетъ опираться на новомъ началѣ—распредѣленія функцій, создающемъ большую зависимость между лицами, отправляющими каждый только одну изъ этихъ функцій. Эти мысли, еще крайне отвлеченно изложенныя Зиммелемъ въ его небольшой монографіи „Soziale Differenzierung", несравненно выпуклѣе выступаютъ въ сочиненіи Дюркгейма „О раздѣленіи труда". Отправляясь отъ той мысли, что солидарность—феноменъ нравственнаго порядка, не допускающій поэтому ни прямого наблюденія,

ни тѣмъ болѣе ариѳметическаго подсчета, Дюркгеймъ полагаетъ, что при рѣшеніи вопроса о томъ, въ какой степени отдѣльныя человѣческія общества проводятъ это начало, необходимо поставить, вмѣсто внутренняго факта солидарности, ускользающаго отъ нашего наблюденія, внѣшній его символъ—право. Въ эпоху разобщенныхъ и обыкновенно враждебныхъ между собою мелкихъ группъ, связанныхъ представленіемъ о дѣйствительномъ или мнимомъ родствѣ ихъ членовъ, сила общественнаго сознанія, говоритъ Дюркгеймъ, сказывается одинаково и въ умственномъ единеніи, и въ имущественномъ, а также въ строго репрессивномъ характерѣ тѣхъ карательныхъ нормъ, которыя разсчитаны на удержаніе отъ дѣйствій, противныхъ солидарности. По мѣрѣ того, какъ общественное сознаніе становится менѣе интенсивнымъ, исчезаютъ указанныя особенности архаическихъ обществъ. Что же въ этомъ случаѣ служитъ имъ замѣной? Что продолжаетъ связывать между собою членовъ все растущей въ своемъ объемѣ общественной среды, которой ранѣе былъ родъ, теперь племя и союзъ племенъ,—народъ государства? Дюркгеймъ отвѣчаетъ: раздѣленіе труда. Такъ какъ, пишетъ онъ, механическая солидарность слабѣетъ со временемъ, то произойдетъ одно изъ двухъ: или послѣдуетъ упадокъ общественной жизни, или новая солидарность займетъ мѣсто прежней. Этотъ послѣдній исходъ въ дѣйствительности и имѣетъ мѣсто, благодаря тому, что раздѣленіе труда становится той связью, какая объединяетъ собою членовъ соціальнаго аггрегата высшаго типа. Историческимъ закономъ надо считать, по мнѣнію Дюркгейма, тотъ, въ силу котораго механическая солидарность первоначальныхъ, разобщенныхъ группъ, замѣняется органической.

Съ перемѣной въ характерѣ солидарности измѣняется и сама общественная структура. Двумъ различнымъ типамъ солидарности отвѣчаютъ и два различныхъ соціальныхъ уклада. При отсутствіи или слабомъ развитіи раздѣленія труда численно небольшая группа представляетъ собою однородную массу. Дюркгеймъ выбираетъ для нея названіе орды. Группа, которую онъ имѣетъ въ виду, отвѣ-

чаетъ однако несравненно болѣе понятію „стада“, чѣмъ тому историческому явленію, какимъ были татарскія орды. Въ доказательство существованія такихъ недифференцированныхъ сообществъ Дюркгеймъ ссылается на бытъ американскихъ краснокожихъ и негритосовъ Новой Голландіи. Помимо различій, порождаемыхъ возрастомъ и поломъ, индивиды, входящіе въ составъ названныхъ народностей, не знаютъ между собой никакихъ иныхъ. Руководительство ихъ группами принадлежитъ старѣйшинамъ или совѣтамъ старѣйшинъ, при чемъ рѣшающимъ обстоятельствомъ при выборѣ тѣхъ и другихъ лицъ является одинъ возрастъ. Ни переходъ отъ материнства къ отечеству, ни обособленіе правительственныхъ функцій, не измѣняютъ характера связывающей членовъ группы солидарности: она остается по прежнему механической; она остается ею даже тогда, когда власть начальниковъ становится неограниченной. Ея отличительный признакъ тотъ, что отношенія какъ власти къ подданнымъ, такъ и подданныхъ между собою, не основаны на принципѣ взаимности, предполагающемъ существованіе договора или соглашенія.

Не въ личныхъ, а въ общественныхъ условіяхъ, лежитъ, по мнѣнію Дюркгейма, ключъ къ пониманію причинъ, по которымъ раздѣленіе труда прогрессируетъ съ теченіемъ времени. Этотъ прогрессъ идетъ рука объ руку съ упадкомъ общественныхъ структуръ, построенныхъ на началѣ механической солидарности, а отсюда естественное основаніе искать причинной связи между обоими явленіями. Исчезновеніе группъ, построенныхъ на механической солидарности, ведетъ къ раздѣленію труда, потому что между членами, составляющими ихъ, происходитъ болѣе интимное сближеніе. Раздѣленіе труда, пишетъ Дюркгеймъ, прогрессируетъ по мѣрѣ того, какъ растетъ численный составъ самой группы. Рѣшающимъ обстоятельствомъ является въ данномъ случаѣ сгущеніе населенія, сдѣлавшее возможнымъ активный обмѣнъ услугъ между членами группы, и происходящее отсюда сближеніе ихъ. Свою мысль авторъ доказываетъ ссылкой на общеизвѣстный фактъ, что первобытныя общества живутъ разсѣянно,

тогда какъ въ культурныхъ происходитъ концентрація жителей. Та же концентрація, какъ послѣдствіе большаго раздѣленія труда, выступаетъ при сравненіи города съ селомъ. Но если общество, сгущаясь, тѣмъ самымъ вызываетъ раздѣленіе труда, то въ свою очередь — это раздѣленіе увеличиваетъ сплоченіе общества. Причина, по которой раздѣленіе труда въ болѣе численныхъ обществахъ развивается быстрѣе, лежитъ въ томъ, что борьба за существованіе въ нихъ болѣе интенсивна. Но если индивиды, живущіе бокъ-о-бокъ, принадлежатъ къ различнымъ родамъ и видамъ, они менѣе стѣсняютъ другъ друга, такъ какъ находятъ различный источникъ для поддержанія своей жизни. Этотъ законъ установленъ былъ Дарвиномъ по отношенію къ животному царству; люди, говоритъ Дюркгеймъ, одинаково подчиняются его дѣйствію. Въ одномъ и томъ же городѣ разныя профессіи могутъ существовать рядомъ, не причиняя вреда другъ другу, но чѣмъ ближе сходятся функціи двухъ профессій, чѣмъ болѣе между ними общаго, тѣмъ вѣроятнѣе становится ихъ столкновеніе и соперничество. Понятно, что при такихъ условіяхъ ростъ населенія, сопровождающійся большей его густотою, необходимо вызываетъ дальнѣйшее раздѣленіе труда. Но не одной густотой населенія обусловливается все большая и большая спеціализація общественныхъ функцій. Дюркгеймъ указываетъ и на другія причины. Съ упадкомъ общественнаго сознанія, поддерживавшаго единство въ обществѣ, построенномъ на механической солидарности, раздѣленіе труда становится источникомъ новой. Можно поэтому видѣть въ упадкѣ общественнаго сознанія причину, благопріятную раздѣленію труда.

Въ тѣсной связи съ только что намѣченной, разумѣется, въ самыхъ общихъ чертахъ доктриной стоитъ недавняя попытка Дюги показать, что нѣтъ коллективнаго интереса противоположнаго индивидуальному. Соціализація, разсуждаетъ онъ, возрастаетъ въ прямомъ отношеніи къ раздѣленію труда. Раздѣленіе же труда развивается въ полномъ соотвѣтствіи съ его индивидуализаціей. Отсюда слѣдуетъ, по мнѣнію Дюги, что соціализація и индивидуализація не

исключаютъ другъ друга. Противуположеніе индивидуальнаго коллективному не отвѣчаетъ дѣйствительности, пишетъ онъ на страницѣ 81 своей книги „Государство, объективное право и положительный законъ“.—Человѣкъ не можетъ сохранить своего существованія внѣ солидарности съ себѣ подобными: только при ней онъ способенъ уменьшить сумму своихъ страданій. Всякій актъ индивидуальной воли, клонящійся къ реализаціи общественной солидарности, долженъ необходимо вызвать къ себѣ уваженіе, т. е. признаніе. Первое правило поведенія—это уважать всякій актъ индивидуальной воли, преслѣдующій реализацію общественной солидарности. Смутно это правило уже проводится на низшихъ ступеняхъ общественности. Но изъ этого перваго правила вытекаетъ и второе; оно гласитъ, что никто не долженъ совершать дѣйствій, преслѣдующихъ цѣли, не отвѣчающія общественной солидарности, или противныя ей. Остановилось ли на этомъ развитіе человѣческаго сознанія, спрашиваетъ себя Дюги, или въ это сознаніе проникло и третье правило—обязательности для каждаго такихъ дѣйствій, которыя бы отвѣчали общественной солидарности? Дюги даетъ утвердительный отвѣтъ. Рано или поздно, пишетъ онъ, люди приходятъ къ убѣжденію, что обязаны содѣйствовать реализаціи общественной солидарности. Къ этому и сводится требованіе права. Такой запросъ обращенъ ко всѣмъ людямъ. Но такъ какъ ихъ способности различны, то это третье правило поведенія предъявляетъ требованіе разумныхъ дѣйствій, направленныхъ къ упроченію солидарности, сообразно способностямъ каждаго. Содѣйствовать раздѣленію труда, какъ необходимому элементу общественной солидарности, равнозначительно на дѣлѣ затратѣ личныхъ дарованій такъ, чтобы сдѣлался возможнымъ обмѣнъ услугами. Вѣдь отъ такого обмѣна и происходитъ солидарность. Каждый служитъ обществу, кооперируя съ другими по мѣрѣ своихъ личныхъ возможностей. Правило поведенія, вытекающее изъ сознанія солидарности и которое для Дюги составляетъ норму права, одинаково обязательно и для властвующихъ, и для подвластныхъ; имъ подчиняются какъ

правительство, такъ и подданные. Отсюда слѣдуетъ, что правительство можетъ пользоваться силой, поставленной въ его распоряженіе, только въ интересахъ общественной солидарности. Нормы поведенія, обязательныя въ равной мѣрѣ для властныхъ и подвластныхъ, не отличаются косностью: онѣ и постоянны, и измѣнчивы, постоянны въ томъ смыслѣ, что ихъ содержаніемъ всегда является требованіе коопернровать съ другими въ интересахъ общественной солидарности; измѣнчивы же потому, что сама эта солидарность проявляется въ разныхъ формахъ. Въ прошломъ она вылилась сперва въ форму орды, позднѣе—рода, еще позднѣе—города-государства, а въ наши дни она выступаетъ въ формѣ народа-государства. Будущее можетъ поставить насъ лицомъ къ лицу съ новыми типами общежитія. Но всѣмъ имъ одинаково было и будетъ присуще требованіе солидарности и отвѣчающаго ей поведенія, а слѣдовательно и права, какъ обнимающаго собою нормы этого поведеніи. Дюги относится отрицательно къ ученію естественнаго права, будто нормы поведенія установлены съ самаго начала и навсегда. Правило поведенія, обусловленное интересами общественной солидарности, должно считаться нормою права, по его мнѣнію, а не морали. Различія по существу между тѣмъ и другимъ провести нельзя; но слѣдуетъ признать, что нормы, еще не успѣвшія настолько проникнуть въ общее сознаніе, чтобы въ соблюденіи ихъ всѣ видѣли необходимое условіе общественной солидарности, должны считаться нормами нравственности, всѣ же остальныя — нормами права. Мораль имѣетъ въ виду оцѣнку дѣйствій со стороны ихъ внутренняго достоинства, но когда мы говоримъ о правилахъ поведенія, вызываемыхъ требованіями общественной солидарности, мы имѣемъ въ виду ту или другую ихъ оцѣнку съ точки зрѣнія общей пользы. А изъ этого слѣдуетъ, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ нормами права, а не съ нормами нравственности. Всякій индивидуальный актъ воли, преслѣдующій цѣли, согласныя съ нормами права, можетъ считаться актомъ юридическимъ. Если актъ индивидуальной воли не вызывается общественной солидарностью,

онъ лишенъ юридическаго значенія. Организованная и сознательная воля общества не становится въ его распоряженіе: наоборотъ, она должна обнаружить свое вмѣшательство или съ цѣлью воспротивиться вытекающимъ изъ него послѣдствіямъ, или съ тѣмъ, чтобы подавить его и сдѣлать невозможнымъ повтореніе въ будущемъ.

Такова въ общихъ чертахъ новѣйшая доктрина о тѣсномъ отношеніи между правомъ и требованіями общественной солидарности. Ея конечный выводъ не расходится съ тѣмъ, къ какому приводитъ насъ сравнительное изученіе права на различнѣйшихъ ступеняхъ общественности. Онъ гласитъ, что гораздо ранѣе возникновенія государства, въ эпоху существованія сперва материнскихъ, а затѣмъ патріархальныхъ родовъ, уже имѣлись нормы права. Всѣ онѣ имѣли въ виду упроченіе и укрѣпленіе того, что мы обнимаемъ понятіемъ общественной солидарности, въ частности сохраненіе и развитіе существующихъ группъ. Отсюда заботливость этихъ нормъ о томъ, чтобы изъять эти группы отъ дѣйствія того обычая кровной мести, который являлся проявленіемъ въ междуродовыхъ отношеніяхъ начала борьбы за существованіе. Только этимъ можно объяснить, почему убійство человѣка, не принадлежащаго къ одному роду съ убійцей, считалось похвальнымъ, тогда какъ убійство родовича недозволеннымъ и сильно осуждаемымъ дѣйствіемъ, почему та же мѣра примѣнялась къ охраненію чужого имущества, смотря по тому, принадлежитъ ли оно постороннему роду или члену одного сообщества съ похитителемъ. Если враждебный актъ совершенный чужеродцемъ, требуетъ отмщенія, то однохарактерный поступокъ, разъ онъ исходитъ отъ родовича, отнюдь не вызываетъ собою кровной мести; онъ сопровождается однимъ лишь удаленіемъ виновнаго изъ той замиренной среды, какую образуетъ родъ.

Такимъ образомъ задолго до возникновенія государства въ интересахъ устойчивости общежительныхъ союзовъ, т. е. изъ за заботы о сохраненіи солидарности, возникаютъ уже общеобязательныя нормы, которыми индивидуальные поступки признаются дозволенными или недозволенными

дѣйствіями, сообразно тому, отвѣчаютъ ли они требованіямъ общественной солидарности, или не отвѣчаютъ. Тѣ дѣйствія, которыя не согласны съ устойчивостью родоваго союза, его дальнѣйшимъ существованіемъ, осуждаются, другія же наоборотъ. Поэтому присвоеніе чужого, будетъ ли имъ женщина, или имущество, признается похвальнымъ, разъ дѣло идетъ о лицахъ, стоящихъ внѣ родового общенія, и считается наоборотъ предосудительнымъ, когда сторонами являются родовичи. Причина очевидно та, что въ первомъ случаѣ нѣтъ опасности для цѣлости союза, а въ послѣднемъ такая опасность существуетъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что уже на низшихъ ступеняхъ общественности право совпадаетъ съ понятіемъ нормы, приводящей свободу индивидуальныхъ лицъ въ соотвѣтствіе съ требованіями общественной солидарности.

Итакъ, сравнительно историческій методъ въ примѣненіи къ занимающему насъ вопросу вполнѣ подтверждаетъ то основное положеніе, по которому первоначально не было и не могло быть противоположенія коллективнаго индивидуальному. Вѣдь индивидъ заинтересованъ въ существованіи той общественной группы, которой онъ является членомъ; безъ нея онъ оставленъ былъ бы на произволъ судьбы въ борьбѣ съ болѣе сильными, чѣмъ онъ, врагами. Чтобы обезопасить себя отъ окружающихъ ихъ опасностей, людямъ необходимо войти въ составъ той замиренной среды, какой является материнскій или отеческій родъ. На этой стадіи развитія законъ сохраненія энергіи требуетъ отъ каждаго члена родового сообщества того сокращенія сферы проявленія своей мощи, при которомъ возможно поддержаніе мира въ родственной средѣ. Отсюда запретъ частнаго присвоенія и женъ, и имуществъ, отсюда первобытный родовой комунизмъ и возникновеніе одного изъ распространеннѣйшихъ въ мірѣ правилъ поведенія—обычая экзогаміи, при которомъ постоянное брачное сожитіе возможно только съ чужеродкой. Всѣ эти нормы, съ которыми тѣсно связана и организація начальствованія въ границахъ родовыхъ сообществъ, положеніе старѣйшины, какъ перваго между равными, и

отсутствіе всякихъ различій между лицами, ему подчиненными, вызваны также къ жизни частнымъ проявленіемъ общаго закона сохраненія энергіи. Въ условіяхъ охотничьяго и рыболовнаго хозяйства кровныя или родовыя сообщества, очевидно, могутъ имѣть лишь весьма ограниченный личный составъ. Для защиты отъ враговъ, членамъ ихъ надо тѣсно сплотиться между собой, стать едиными тѣломъ и духомъ. Но это предполагаетъ между ними отсутствіе всякихъ средостѣній, всякихъ различій во вліяніи и власти, помимо тѣхъ, какихъ требуетъ подчиненіе общему руководительству. Отсюда равенство въ правахъ и обязанностяхъ, отсюда тѣсное общеніе живыхъ поколѣній съ усопшими, построенное на началѣ взаимнаго обмѣна услугъ. Совершеніе поминокъ и отмщеніе обидъ, нанесенныхъ чужеродцами, входитъ въ составъ вынуждаемыхъ обычаемъ нормъ, въ такой же степени, какъ и правила, руководящія выборомъ невѣсты или размѣромъ имущественнаго пользованія отдѣльныхъ семей. Равенство правъ и обязанностей существуетъ бокъ-о-бокъ съ равенствомъ въ хозяйственной дѣятельности. Всѣ входящія въ родъ семьи одинаково участвуютъ въ охотѣ и уловѣ, нерѣдко производимомъ большими партіями, при чемъ добыча поступаетъ въ большей или меньшей степени въ общее пользованіе. Если раздѣленіе труда и сказывается, то только въ распредѣленіи занятій между полами. Военные походы и охота на дикаго звѣря—болѣе обычное занятіе мужчинъ.

При увеличеніи числа членовъ путемъ естественнаго роста, добровольнаго или насильственнаго сближенія отдѣльныхъ родовъ и образованія тѣмъ самымъ племенныхъ союзовъ, первобытные промыслы оказываются неспособными поддержать существованіе возросшаго въ своей плотности населенія. Удачные опыты прирученія нѣкоторыхъ животныхъ ведутъ къ развитію скотоводства. Для ухода за стадами оказывается возможнымъ приставить къ нимъ ранѣе истребляемыхъ плѣнныхъ. Обладаніе движимымъ имуществомъ и рабами вноситъ начало неравенства и ведетъ къ дальнѣйшему росту раздѣленія труда. Когда къ другимъ

видамъ наживы присоединяется утилизація почвы подъ посѣвъ злаковъ, садоводство и огородничество, рабы пріобрѣтаютъ особую цѣнность, и насильственное примѣненіе ихъ труда даетъ возможность отдѣльнымъ семьямъ расширить предѣлы своего земельнаго пользованія и не приспособлять его къ удовлетворенію однихъ неотложныхъ потребностей. Такимъ образомъ, возникаетъ обособленіе профессій; оно присоединяется къ начальному раздѣленію труда между полами.

Ростъ духовнаго и свѣтскаго руководительства, обособляющагося въ особыя касты и сословія, только усиливаетъ и ускоряетъ процессъ дифференціаціи занятій. Съ переходомъ отъ родовыхъ порядковъ къ государственнымъ, хотя бы въ тѣхъ скромныхъ размѣрахъ, какіе представляла греческая Πολὶς и латинская civitas, индифференцированныя группы людей смѣняются такими, въ которыхъ общественная солидарность построена на обмѣнѣ услугъ между лицами разныхъ профессій, разнаго экономическаго положенія. Въ нихъ законъ сохраненія энергіи требуетъ связаннаго съ раздѣленіемъ труда неравенства, но только въ тѣхъ размѣрахъ, при которыхъ оно не препятствуетъ общественному единству или солидарности всѣхъ гражданъ. Отсюда запретъ обращать въ рабство единородцевъ и присваивать себѣ превышающую семейную нужду долю въ общихъ поляхъ. Еще въ XVII вѣкѣ, строя трудовую теорію возникновенія собственности, англійскій мыслитель Локкъ, указывалъ, что аппропріація, производимая этимъ путемъ, находитъ свой предѣлъ въ требованіи, чтобы „для присвоенія другими членами гражданскаго сообщества или государства оставалось достаточное число равнокачественныхъ предметовъ“. Говоря это, Локкъ высказываетъ отвлеченное начало, но сравнительная этнографія и сравнительная исторія права вполнѣ подтвердили его теорію. Захватное пользованіе въ предѣлахъ нераздѣленныхъ земель—этотъ древнѣйшій типъ мірского владѣнія—оканчивается тамъ, гдѣ новое присвоеніе сдѣлало бы невозможнымъ утилизацію общей собственности всѣми прочими членами civitas, т. е. городской или сельской общины,

въ границахъ ихъ дѣйствительной нужды. Поддержанiе въ этомъ отношенiи требованiй общественной солидарности ведетъ къ замѣнѣ захватнаго пользованiя уравнительными передѣлами. Убѣдиться въ этомъ можно на примѣрѣ, представляемомъ исторiей землевладѣнiя въ южной Россiи среди казаковъ донскихъ, черноморскихъ, кубанскихъ и уральскихъ, и въ равной мѣрѣ въ сѣверо-западныхъ провинцiяхъ Индiи и Пенджабѣ. Новѣйшая эволюцiя сибирскаго землевладѣнiя, такъ обстоятельно изученная А. Кауфманомъ, служитъ новымъ подтвержденiемъ сказаннаго.

Только что описанный процессъ находитъ необходимое отраженiе себѣ и въ правѣ. Общiй обычай регулируетъ порядокъ подчиненiя женщинъ мужчинамъ, рабовъ—хозяевамъ, съемщиковъ скота—его владѣльцамъ, съемщиковъ земли—ея собственникамъ. Но проводимое правомъ неравенство еще относительное. Оно не исключаетъ возможности равной защиты общихъ всѣмъ названнымъ группамъ интересовъ,—интересовъ сохраненiя жизни ихъ членовъ. Отсюда сравнительно поздно возникающее различiе въ выкупахъ за убiйства и раненiя, смотря по мѣсту, занимаемому обиженнымъ на общественной лѣстницѣ. Такъ, напримѣръ по „Русской Правдѣ" повышенное „головничество" взимается только въ случаѣ, когда обиженнымъ является огнищанинъ, т. е. человѣкъ, принадлежащiй ко двору князя; всѣ же остальные свободные пользуются равной защитой по отношенiю къ нарушителямъ мира. Сказанному не противорѣчитъ и то, что выкупъ за раба всегда ниже, чѣмъ за свободнаго. Вѣдь рабъ по своему происхожденiю чужеродецъ. На него, слѣдовательно, не распространяются нормы защиты, которыми пользуются граждане civitas. Первоначальное отношенiе обычая къ убiйству раба—какъ къ пропажѣ имущества, возмѣщаемаго хозяину равноцѣннымъ предметомъ.

Мы не продолжимъ этого по необходимости краткаго очерка развитiя общественной солидарности и его отраженiя въ правѣ по мѣрѣ дальнѣйшей дифференцiацiи и интеграцiи общественныхъ функцiй. Оно совершается неизмѣнно и далѣе въ направленiи, указанномъ закономъ

сохраненія энергіи. Удовольствуемся также простымъ замѣчаніемъ, что проводимая здѣсь точка зрѣнія примѣнима одинаково къ организаціи и входящихъ въ составъ государства союзовъ: общины и помѣстья, а равно и общежительныхъ братствъ, торговыхъ гильдій, ремесленныхъ цеховъ, кастъ, сословій и классовъ. Но когда рѣчь заходитъ о только что перечисленныхъ группахъ, задача изслѣдователя осложняется отъ того, что въ нихъ не легко выдѣлить сторону самостоятельнаго развитія и то, что привносится въ него извнѣ параллельной эволюціей государства изъ городского и феодальнаго въ національное. Я полагаю, однако, что и безъ дальнѣйшаго настаиванія на связи, какую раздѣленіе труда при кастовомъ, сословномъ и классовомъ строѣ, сохраняетъ съ необходимостью правовой защиты требованій общественной солидарности, каждому будетъ ясно, что съ сравнительно-этнографической и сравнительно-исторической точки зрѣнія переходъ отъ самодовлѣющихъ хозяйственныхъ группъ, какими является расширенная семья и родъ, къ группамъ, нуждающимся въ обмѣнѣ, каковы касты, сословія и классы народа-государства, предполагаетъ въ интересахъ сохраненія столько же хозяйственнаго, сколько политическаго союза, сочетаніе автономіи личности съ общественною солидарностью.

§ III.

Защищаемая нами точка зрѣнія еще недавно принуждена была считаться съ тѣмъ возраженіемъ, будто самое пониманіе свободы, какъ относительной автономіи личности, совершенно недоступно было ни древности, ни среднимъ вѣкамъ. Ходячимъ было утвержденіе, что античное государство поглощало собою личность. Чтобы доказать это, не считали нужнымъ ссылаться на однѣ деспотіи Востока, но также, на примѣръ, греческій Πολις и латинской civitas. Бенжамэнъ Констанъ и Эдуардъ Лабулэ, на разстояніи немногихъ десятилѣтій, сумѣли одинаково заинтересовать широкіе круги читателей разсужденіями о причинахъ, по которымъ древнее государство, въ отличіе отъ современнаго, обезпечивало личной самодѣятельности

меньшій просторъ. Одинъ настаивалъ на той мысли, что самое понятіе о свободѣ у древнихъ народовъ было иное, чѣмъ у новыхъ. Они разумѣли подъ ней участіе въ политической власти, а не автономію личности. Другой полагалъ, что источникъ различія лежитъ прежде всего въ религіи. Христіанство провозгласило независимость внутренняго человѣка; оно впервые ввело въ міръ понятіе о свободѣ совѣсти, свободѣ религіозной. По образцу же послѣдней сложилось представленіе и о всѣхъ другихъ видахъ индивидуальной свободы. Недавно однимъ нѣмецкимъ профессоромъ сдѣлана была даже попытка пріурочить къ одной реформаціи починъ этой перемѣны въ отношеніяхъ личности и государства. Еллинекъ старался доказать, что ученіе о естественныхъ правахъ человѣка восходитъ самое большое къ эпохѣ разрыва народовъ Западной Европы съ римской или католической церковью. Говоря это, онъ разумѣетъ время появленія лютеровой ереси и зарожденія кальвинизма, у англійскихъ представителей котораго—пресвитеріанъ, впервые возникла мысль о составленіи и своего рода деклараціи правъ, если не человѣка вообще, то свободно рожденнаго англичанина, въ частности. Въ противность всѣмъ этимъ ученіямъ я полагаю заодно съ большинствомъ соціологовъ и политиковъ нашего времени, что причина, мѣшавшая широкому развитію индивидуализма въ древнихъ обществахъ, лежитъ не во всемогуществѣ государства, а въ той тѣсной зависимости, въ какую личность была поставлена отъ семьи, рода и племени, или той „филе“ и „трибы“, о которой заходитъ рѣчь въ греческихъ или римскихъ источникахъ. Сказанное примѣнимо въ равной мѣрѣ и къ среднимъ вѣкамъ, къ быту кельтовъ, германцевъ и славянъ, какъ до, такъ и послѣ, обращенія ихъ въ христіанство. Нѣтъ, слѣдовательно, основанія противополагать въ этомъ отношеніи античную и языческую культуру культурѣ новыхъ народовъ, культурѣ христіанской. Упадокъ того вліянія, какое кровные союзы оказывали на руководство индивидомъ не только въ дѣтствѣ и отрочествѣ, но и въ періодѣ его возмужалости, достаточно объясняетъ намъ причину, по которой сфера самодѣятельности

личности несравненно шире въ государствахъ новаго времени, нежели въ первыя столѣтія Спарты, Аѳинъ и Рима, а также въ раннемъ средневѣковьѣ. Но одного сказаннаго недостаточно, чтобы понять причину расширенія сферы личной самодѣятельности въ наше время. Нужно принять еще во вниманіе слѣдующее. Не одно древнее общество, но и средневѣковое, приближалось по своему типу къ военному лагерю. Интересы завоеванія и защиты имѣли въ немъ рѣшительный перевѣсъ надъ интересами мирной культуры, торговаго, умственнаго и художественнаго обмѣна. Но военный строй общества необходимо предполагаетъ строгую дисциплину, подчиненіе индивида чужому руководительству снизу до верху, на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, вплоть до верховнаго сюзерена-государя, вождя народа и войска. Такимъ повелителемъ могъ быть одинаково и царь гомерической Греціи, и аѳинскій архонтъ-базилевсъ, и римскіе консулы, и средневѣковый король и герцогъ въ любомъ феодальномъ обществѣ.

Съ упадкомъ милитаризма и постепенной замѣной его индустріализмомъ сфера самодѣятельности человѣка расширяется обратно пропорціально правительственной опекѣ. Тѣ политическія тѣла, въ которыхъ военные интересы остаются преобладающими и въ новое время, представляютъ доселѣ наибольшее подавленіе личности государствомъ. Это можно было сказать, напр., о Пруссіи еще въ эпоху прямыхъ предшественниковъ Фридриха Великаго, когда, по словамъ посѣтившаго эту страну Монтескьё, никто не былъ увѣренъ, что его насильно не забреютъ въ солдаты, и жизнь каждаго протекала подъ бдительнымъ и докучливымъ надзоромъ явныхъ и тайныхъ агентовъ правительства. Такъ было не только въ Московскомъ царствѣ, но и въ Россійской Имперіи, гдѣ вплоть до Петра III каждый дворянинъ прикрѣпленъ былъ къ службѣ, какъ крестьянинъ—къ землѣ и тяглу.

Военный строй общества необходимо вызываетъ къ жизни группировку людей не по одному характеру занятій и роли ихъ въ производствѣ, но и соотвѣтственно тому, какое участіе кто принимаетъ въ наступательной

и оборонительной дѣятельности государства по отношенію къ сосѣдямъ. Отсюда расходящаяся во многомъ съ классовой сословная организація. Первая отличается относительной подвижностью, вторая—несравненно большею косностью. Чѣмъ совершеннѣе сословный строй, тѣмъ онъ болѣе приближается по своей инертности и постоянству къ кастовому. Замкнутость служилаго сословія, разумѣется, менѣе значительна, чѣмъ военной касты въ Индіи или Египтѣ; но она все-же существуетъ, и ею объясняется относительная непроницаемость и русскаго дворянства — этого наслѣдника служилыхъ людей Московской Руси. Упадокъ замкнутости сказывается по мѣрѣ того, какъ все новые и новые элементы вводятся въ составъ сословія. Укажемъ для примѣра хотя бы на слѣдующее. Французское дворянство въ то время, когда о немъ писалъ Мирабо Старшій, уже перестало быть тѣмъ чистокровнымъ рыцарствомъ, какимъ оно было въ эпоху крестовыхъ походовъ. Включеніе въ него такъ называемыхъ „облагороженныхъ“ и лицъ, пріобрѣвшихъ его за деньги или покупкою судебной должности, сдѣлали его столь же открытымъ, какъ и современное „благородное сословіе въ Россіи“, доступъ къ которому даетъ государственная служба въ связи съ государственнымъ экзаменомъ или награжденіемъ опредѣленными знаками отличія.

Поддерживаемая милитаризмомъ сословная организація необходимо ограничиваетъ свободу личности. Вѣдь каждое сословіе надѣлено по отношенію къ входящимъ въ его составъ лицамъ извѣстными правами, стѣсняющими ихъ самодѣятельность. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, укажу на тѣ уродливыя проявленія, какія еще въ наши дни принимаетъ опека сословія въ отношеніяхъ дворянскихъ губернскихъ обществъ къ лицамъ, неполитичное поведеніе которыхъ, вопреки истинѣ, подводится ими подъ понятіе безчестнаго поступка. Сопровождающее такое признаніе постановленіе „исключить изъ своей среды“ провинившагося сочлена влечетъ за собой сокращеніе его правъ гражданина, какъ-то: права выбирать и быть выбраннымъ, права исполнять обязанности опекуна и присяжнаго

повѣреннаго; другими словами, оно сокращаетъ сферу его самодѣятельности. Если въ наши дни при включеніи въ основные законы основного принципа всякаго правового государства—равенства всѣхъ передъ закономъ—еще держатся такіе порядки, то можно судить, какимъ бременемъ падала на подданныхъ сословная организація въ древности и въ средніе вѣка, въ то время, когда военные интересы имѣли рѣшительный перевѣсъ надъ гражданскими. Вся жизнь человѣка регулировалась кастовыми запретами и представленіями о сословной чести. Индивидъ въ такой же, если въ не большей, степени былъ связанъ нравами и предразсудками, сколько законодательствомъ. И въ семейномъ быту, и при выборѣ профессіи, надъ нимъ тяготѣло понятіе о сословномъ долгѣ. Еще въ 1789 году, когда депутаты, посланные въ Парижъ, снабжались наказами со стороны избирателей, среднее сословіе напоминало дворянству о необходимости жить благородно—vivre noblement—и выводило отсюда то правило, что дворяне не должны сами хозяйничать въ своихъ имѣніяхъ, а сдавать ихъ въ аренду членамъ буржуазіи и крестьянства. Французская поговорка „noblesse oblige“ была не пустой фразой въ то время, когда вступленіе въ неравный бракъ,—такъ называемая mésalliance,—приравнивалось маркизомъ Мирабо къ желанію „удобрить свои поля“—fumer ses terres—и съ точки зрѣнія дворянской чести считалось дѣйствіемъ крайне предосудительнымъ.

Говоря о причинахъ, какія въ прошломъ стѣсняли свободу индивидуальной жизни, мы не сказали пока ни слова о религіи. Тѣсная связь ея съ государствомъ открывала послѣднему возможность карать людей, отступившихъ отъ ея догматовъ и культа, какъ повинныхъ въ государственномъ преступленіи. Сократъ въ такой же мѣрѣ палъ жертвою этого представленія, какъ и христіанскіе мученики, не желавшіе участвовать въ культѣ императоровъ. Пока христіанство оставалось государственной религіей и тамъ, гдѣ оно еще остается таковой, оно отнюдь не устраняло и не устраняетъ возможности такого же стѣсненія государствомъ свободы личнаго самоопредѣленія. И чтобы

доказать это, нѣтъ необходимости восходить ко временамъ герцога Альбы или еще выше къ эпохѣ альбигойскихъ войнъ, а тѣмъ болѣе къ эпохѣ искорененія послѣдователей Аріева ученія. Не нужно также останавливаться на драгонадахъ, съ помощью которыхъ Людовикъ XIV пробовалъ вернуть въ лоно вселенской католической церкви не успѣвшихъ бѣжать изъ Франціи гугенотовъ. Достаточно вспомнить казнь де-Ла-Бáра за мальчишескій актъ кощунства и краснорѣчивое разоблаченіе этого законнаго убійства Вольтеромъ. Достаточно вспомнить несчастную участь попа Аввакума и рядъ преслѣдованій, которымъ еще недавно подвергались, наряду съ старообрядцами, и наиболѣе передовыя секты протестантизма, извѣстныя въ Россіи подъ именемъ штундистовъ, молоканъ и духоборцевъ,

Причины, по которымъ самодѣятельность личности была болѣе или менѣе парализована внѣшними вмѣшательствами, не могутъ быть сведены поэтому къ одному ошибочному представленію о томъ, что въ Греціи и Римѣ понимали подъ свободой одно участіе въ государственной власти. Вѣчевой строй древней гражданственности держался на болѣе или менѣе полномъ устраненіи отъ всякой политической жизни трудового населенія, рабовъ, вольноотпущенниковъ и покоренныхъ туземцевъ, все равно, были ли ими сельскіе обыватели—илоты, или городскіе мѣщане, ремесленники и торговцы—періэки. Прибавьте къ этому сведеніе до минимальныхъ размѣровъ политическихъ правъ жителей покоренныхъ городовъ. Въ римской имперіи до временъ императора Каракаллы они самое большее признаваемы были только союзниками, а не гражданами—„cives“. Все это вмѣстѣ взятое позволяло въ Аѳинахъ двумъ десяткамъ тысячъ гражданъ и не большему ихъ числу въ римской республикѣ владычествовать, однимъ—надъ Аттикой и Архипелагомъ, другимъ—не только надъ Италіей, но и надъ доброй частью цивилизованнаго міра (orbis romanus). Тѣмъ самымъ до минимума сведена была свобода самоопредѣленія тѣхъ, кто слылъ подъ названіемъ провинціаловъ. Но что такіе порядки извѣстны были не одной классической

древности, но и тому продолженію античной городской культуры, какимъ является средневѣковая итальянская гражданственность, доказательство этому можетъ дать намъ одинаково и флорентинская республика съ массою завоеванныхъ ею городовъ и селеній, и республика венеціанская, извѣстная подъ наименованіемъ „республики св. Марка“.— Вплоть до 1797 года—эпохи подписанія Наполеономъ I договора въ Кампо-Форміо, которымъ Венеція и ея владѣнія на далматинскомъ побережьи уступлены были Австріи— нѣсколько сотенъ дворянскихъ семей, изъ которыхъ большинство было уроженцами Венеціи, однѣ призываемы были къ завѣдыванію интересами многомилліоннаго населенія, занимавшаго и значительную часть современной Ломбардіи, и Адріатическое побережье, и Морею, т. е. древній Пелопонезъ, и острова Архипелага, наконецъ, отдаленныя колоніи, расположенныя на Черномъ морѣ, въ томъ числѣ теперешній Азовъ,—средневѣковую Тану.

Заявленіе нашего начальнаго лѣтописца—„на чемъ старшіе (города) положатъ, на томъ пригороды станутъ“—въ примѣненіи ко всѣмъ городскимъ республикамъ вѣрно не только въ смыслѣ первенства главныхъ городовъ, но и поглощенія нерѣдко ихъ гражданствомъ политическихъ правъ жителей подчиненныхъ имъ общинъ и мѣстечекъ.

Государство, развившееся благодаря соединенію воедино кровныхъ союзовъ и перенесшее на своихъ наслѣдственныхъ или избираемыхъ вождей тѣ смѣшанныя функціи свѣтскаго и духовнаго руководительства, которыя дотолѣ принадлежали племеннымъ и родовымъ старѣйшинамъ и членамъ зарождающагося жречества, а такимъ государствомъ, какъ мы знаемъ, были одинаково въ начальный періодъ ихъ исторіи и аѳинское, и римское,—очевидно, должно было смотрѣть на индивида нѣсколько иными глазами, чѣмъ тѣ, какими смотритъ на него современное государство, вполнѣ секуляризированное и ставящее себѣ поэтому чисто мірскія задачи, задачи стража независимости и правосудія, а также проводника культуры. При томъ союзѣ круговой поруки, который связываетъ между собою членовъ рода и образующаго государство соединенія родовъ, пожертвованіе

индивидомъ въ интересахъ цѣлаго неспособно было встрѣтить того отпора, какой бы выпалъ ему въ удѣлъ въ наши дни. Агамемнонъ, приносящій въ жертву свою дочь Ифигенію въ интересахъ всего ввѣреннаго ему народа, дѣйствуетъ подъ вліяніемъ того же представленія, какое въ позднѣйшіе годы и на разстояніи столѣтій побуждало аѳинскій демосъ изгонять изъ своей среды даже честнѣйшаго изъ своихъ гражданъ, Аристида, ради общаго мира и спокойствія, а слѣдовательно и общаго спасенія. Римское „sacer esto“—да будетъ преданъ богамъ, т. е. казненъ, нарушитель государственнаго правопорядка, въ корнѣ своемъ имѣетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ обычай насильственнаго удаленія изъ родственной среды нарушителя мира, этого древно-нѣмецкаго „vargus“, котораго народный эпосъ сравнивалъ съ блуждающимъ, нигдѣ не находящимъ себѣ пріюта волкомъ, и которому въ этомъ отношеніи вполнѣ отвѣчаетъ кавказскій абрекъ. Въ обществѣ, еще живущемъ идеалами родственной солидарности, сливающейся съ тою, которая связываетъ членовъ одного войска, понятно зарожденіе ученія о государственной необходимости, передъ которой на задній планъ отступаютъ всякія соображенія объ уваженіи къ личности, къ праву и справедливости, такъ какъ забота о спасеніи всего народа,—„salus populi“—первенствуетъ надъ всѣми прочими задачами. Немудрено, если то, что мы называемъ „raison d'état“, —понятіе, завѣщанное политикамъ XVI и XVII в.в. классической древностью. Высказывающіе его писатели возрожденія, Маккіавели, а за нимъ Ботеро, одинаково орудуютъ примѣрами Рима. Классическій образецъ рисуется еще воображенію французскихъ якобинцевъ 1793 года въ моментъ устройства ими „комитета общественнаго спасенія“ и революціонныхъ трибуналовъ. Но чистымъ анахронизмомъ, смѣшной и въ то же время возмущающей душу каррикатурой надо было бы считать ссылку на ту же государственную необходимость и заботу объ общественномъ спасеніи въ устахъ министра любой конституціонной державы нашего времени, для которой всякая репрессія находитъ себѣ предѣлъ въ законѣ и въ страхѣ отвѣтственности передъ судомъ за его нарушеніе.

Изъ всего сказаннаго нами до сихъ поръ надо придти къ тому заключенію, что противорѣчіе, въ какомъ современный государственный порядокъ стоитъ съ прошлымъ, не можетъ быть сведено къ одной какой-либо частной причинѣ, а вызывается той глубокой бездной, какая отдѣляетъ индустріальную и потому самому сильно индивидуализированную гражданственность нашихъ дней отъ непорвавшаго еще своей связи съ кровными союзами военно-сословнаго государства.

Представленный нами очеркъ, какъ мы полагаемъ, лишній разъ доказываетъ, что ограниченіе свободы столько же личной или гражданской, сколько и политической, стояло въ прошломъ въ тѣсной связи съ неравенствомъ, порождаемымъ разнообразнѣйшими видами опеки, какіе тяготѣли надъ личностью,—опеки религіозной, сословной и родовой. Происходившее отсюда неравенство подданныхъ, сказывавшееся, между прочимъ, въ устраненіи отъ политической жизни главнаго класса производителей, пребывавшаго въ узахъ рабства или крѣпостной неволи, сводило къ скромнымъ рамкамъ ту изополитію, какой кичились наиболѣе демократическія республики древности и о которой снова заходитъ рѣчь у учителей естественнаго права XVII и XVIII вв. съ Альтузіемъ, Спинозою и Жанъ-Жакомъ Руссо во главѣ. Такимъ образомъ, подходя къ вопросу съ другой стороны, чѣмъ та, какая имѣлась нами въ виду въ началѣ этой статьи, спрашивая себя о томъ, по какой причинѣ древнее и средневѣковое государства слабо обезпечивали свободу личности, мы снова приходимъ къ тому же заключенію о тѣсной связи ея съ равенствомъ и о возможности утверждать, что тамъ, гдѣ отсутствуетъ послѣднее, нѣтъ благопріятныхъ условій для развитія личной автономіи. Немудрено поэтому, если и англичане середины XVII вѣка, и французы 1789 и слѣдующихъ годовъ, одинаково толковали объ уравнительной свободѣ, сливая оба понятія—равенства и автономіи личности—въ одно. Въ такомъ смыслѣ высказывались предшественники современнаго радикализма въ Англіи, такъ называемые „левеллеры“, или уравнители, и то же на всѣ лады повторяли одинаково и Камилъ Де-

мулэнъ, и Кондорсэ, другими словами, столько же якобинцы, сколько и жирондисты. Уравнительная свобода потому не является химерой, а положительнымъ требованіемъ современной гражданственности, что ею автономія личности признается не препятствіемъ, а условіемъ развитія общественной солидарности. Все будущее человѣчества зависитъ отъ согласованія этихъ двухъ, какъ мы показали, далеко не противорѣчащихъ другъ другу, началъ. Какъ бы широко ни понимали своей задачи общественные и политическіе реформаторы, ни одинъ изъ нихъ не можетъ разсчитывать на проведеніе въ жизнь своей схемы, если въ ней требованіе общественной солидарности—справедливость, не будетъ признано въ равной степени съ требованіемъ автономіи личности—свободой ея физическихъ и нравственныхъ проявленій. Вотъ почему демократическій цезаризмъ можетъ быть только временной и преходящей формой, вотъ почему и такъ называемая диктатура пролетаріата не заключаетъ въ себѣ постояннаго рѣшенія, и прочнымъ порядкомъ политическаго устройства могутъ быть только тѣ образы правленія, при которыхъ народъ обладаетъ свободой самоопредѣленія въ такой же степени, какъ и входящіе въ составъ его члены, т. е. подъ условіемъ соблюденія нормъ права, въ свою очередь являющихся вынуждаемыми властью требованіями общественной солидарности.

Максимъ Ковалевскій.

Интеллигенція и историческая традиція.

I.

Постановка задачи.

Едва-ли кто-нибудь будетъ отрицать, что въ настроеніи и въ складѣ общихъ воззрѣній русской интеллигенціи за послѣднее время происходятъ очень существенныя измѣненія. Источники этихъ измѣненій, конечно, весьма разнообразны, и совершающійся въ интеллигентской психикѣ процессъ перелома можно было бы изучать съ очень разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Можно было бы, напр., прослѣдить связь и зависимость его отъ послѣднихъ европейскихъ теченій въ области политики, философіи, искусства, литературы и т. д. Можно было бы заняться спеціально выясненіемъ отношеній между новыми вѣяніями и предыдущими теченіями русской интеллигентской мысли. Но есть одна точка зрѣнія, съ которой изученіе интеллигентской эволюціи (или „кризиса") пріобрѣтаетъ особенно животрепещущій и практическій интересъ. Это именно—вопросъ о связи совершающагося перелома съ послѣдними политическими событіями и съ измѣненіемъ русскаго государственнаго строя послѣ 17 октября 1905 года. Именно такъ поставила вопросъ группа писателей, объединившихся для изученія русской интеллигенціи въ сборникѣ „Вѣхи". Такъ поставлю его и я.

Оговорюсь сразу: вопросъ о наличности перелома вовсе не зависитъ отъ вопроса, въ какой *степени* осуществлены у насъ начала свободной политической жизни, de facto или de jure. Отъ этого можетъ зависѣть лишь *темпъ*

перелома, степень его быстроты и окончательности. Въ интеллигентской психикѣ, какъ и въ строѣ нашихъ общественныхъ учрежденій, могутъ быть попятные шаги и рецидивы. Но общая тенденція уже указана событіями, которыхъ нельзя вычеркнуть изъ исторіи. И, по совершенно объективнымъ причинамъ, тенденціи эти въ будущемъ могутъ только развиваться въ томъ же направленіи.

Какъ бы ни были слабы и несовершенны начала новой нашей общественности, необходимо признать, что принципіально они создаютъ для дѣятельности русской интеллигенціи новую среду, новые способы, новыя цѣли. Нельзя сказать только, чтобы подобное измѣненіе случалось впервые въ ея исторіи или представляло нѣчто, качественно различное отъ всего предыдущаго. Переломъ на этотъ разъ, конечно, несравненно сильнѣе, чѣмъ когда-либо прежде. Тѣмъ не менѣе, и въ прошломъ нашей интеллигенціи можно наблюдать цѣлый рядъ подобныхъ же поворотныхъ моментовъ. Можно даже сказать, что вся исторія русской интеллигенціи составляется изъ ряда этихъ моментовъ, къ которымъ теперь прибавляется новое, однородное по качеству, но несравнимое по размѣру звено. И прежде, каждая новая ступень въ развитіи интеллигенціи сопровождалась—или даже вызывалась—расширеніемъ круга приложенія ея дѣятельности, увеличеніемъ количества участниковъ этой дѣятельности, осложненіемъ и конкретизаціей самыхъ цѣлей приложенія интеллигентскаго труда. Такъ было, начиная съ Петра, впервые собравшаго кружокъ самоучекъ - интеллигентовъ, призванныхъ помогать ему при насажденіи новой государственности. Такъ было при Елисаветѣ, когда впервые явилось поколѣніе молодежи, прошедшей правильную школу. Такъ опять повторилось при Екатеринѣ, когда общественно-философская идеологія изъ высшей школы впервые начала проникать въ высшіе слои дворянства и въ „мѣщанство“ главныхъ городовъ, когда впервые появилась русская книга въ провинціи. Напоминать-ли про дальнѣйшія ступени той же эволюціи въ XIX вѣкѣ, про первые зачатки общественнаго мнѣнія, первые успѣхи толстаго журнала, первыя попытки обществен-

ныхъ программъ и политическихъ организацій? Русская интеллигенція эпохи великихъ реформъ и крестьянскаго освобожденія работала, во всякомъ случаѣ, уже на заранѣе разрыхленной почвѣ. Если въ памяти старѣйшихъ изъ насъ шестидесятые годы представляются какой-то новой эрой, чуть ли не началомъ существованія русской интеллигенціи, то это не болѣе, какъ оптическій обманъ, разсѣиваемый ближайшимъ изученіемъ. Съ этого времени, правда, сразу значительно расширяется составъ и численность либеральныхъ профессій, которыя и становятся проводникомъ организованнаго интеллигентскаго вліянія. Но это опять-таки, разница не качественная, а только количественная.

Въ послѣдніе годы интеллигентское вліяніе приняло, наконецъ, вполнѣ и широко организованную форму. Оно распространилось далеко за обычные свои предѣлы въ новые, незатронутые доселѣ, слои населенія и охватило сотни тысячъ людей, формально вошедшихъ въ политическія организаціи. Предметомъ этого вліянія сдѣлалась не только пропаганда идеаловъ соціальнаго и политическаго переустройства, но и ближайшія, вполнѣ практическія задачи цѣлесообразной государственной дѣятельности. Къ законодательному осуществленію этихъ задачъ впервые привлечено было народное представительство. Словомъ, въ составѣ, способѣ примѣненія и цѣляхъ интеллигентскихъ вліяній произошелъ переломъ, еще болѣе коренной, чѣмъ въ 60-хъ годахъ. Является вопросъ: можемъ-ли мы судить о предстоящихъ послѣдствіяхъ этого новаго толчка по аналогіи съ предыдущими? Или же на этотъ разъ насъ ожидаетъ нѣчто совершенно иное, полное перерожденіе или уничтоженіе русской интеллигенціи? Мой отвѣтъ будетъ противоположенъ тому, къ которому склоняютъ читателя авторы „Вѣхъ“. Съ моей точки зрѣнія, предстоящія перемѣны, несомнѣнно огромныя и желательныя сами по себѣ, не поставятъ, однако, креста на исторіи русской интеллигенціи, не замѣнятъ ея чѣмъ либо совершенно инымъ, а просто продолжатъ дальнѣйшее развитіе той же традиціи, которая создана исторіей двухъ послѣднихъ столѣтій.

Съ самаго своего возникновенія, русская интелли-

генція постепенно переходитъ изъ состоянія кружковой замкнутости на положеніе опредѣленной общественной группы. Индивидуальные сотрудники Петра, товарищи по школѣ при дворѣ Елизаветы, оппозиціонеры-масоны и радикалы Екатерининскаго времени, потомъ военные заговорщики, читатели и поклонники Бѣлинскаго, единомышленники Чернышевскаго, учащаяся молодежь, „третій элементъ", профессіональные „союзы", политическія партіи— все это постепенно расширяющіеся, концентрическіе круги. Ихъ преемственная связь свидѣтельствуетъ и о ростѣ, и о непрерывности интеллигентской традиціи. Далѣе будетъ то же, что было раньше. Съ расширеніемъ круга вліянія будетъ ослабляться сектантскій характеръ идеологіи, дифференцироваться ея содержаніе, спеціализироваться—ея цѣли, увеличиваться—конкретность и опредѣленность задачъ, выигрывать—дѣловитость работы, обезпечиваться—непрерывность, организованность и систематичность ея выполненія. Вмѣстѣ съ этимъ ростомъ солидарности, будетъ уменьшаться вѣра въ панацеи, въ спасающія доктрины, въ немедленный и крупный результатъ личной жертвы, личнаго подвига. Съ появленіемъ и расширеніемъ подходящей сферы примѣненія—будетъ прогрессировать примѣнимость интеллигентской идеологіи. По мѣрѣ развитія функціи — обыкновенно совершенствуется и спеціализируется соотвѣтствующій органъ.

Мы могли бы провѣрить указанное направленіе интеллигентской эволюціи опытомъ Запада, потому что—интеллигенція вовсе не есть явленіе специфически русское. Вѣдь и въ другихъ странахъ интеллигенція, какъ отдѣльная общественная группа, возникала, какъ только ростъ культуры или усложненіе общественныхъ задачъ, вмѣстѣ съ усовершенствованіемъ государственно-общественнаго механизма и демократизаціей управленія, создавали потребность въ спеціализаціи и профессіональной группировкѣ интеллигентскаго труда. И эволюція интеллигентскаго духа въ другихъ странахъ представляетъ рядъ любопытныхъ аналогій съ нашей исторіей. Я не пишу здѣсь спеціальной исторіи интеллигенціи, и ограничусь лишь нѣсколькими отрывочными примѣрами.

Въ близкой намъ Германіи, отъ которой по внѣшнимъ проявленіямъ общественности мы отстали всего менѣе,— приблизительно на полвѣка,—освободительное движеніе еще въ 20-хъ годахъ XIX столѣтія дѣлалось учащейся молодежью. „Молодая Германія“ состояла изъ журналистовъ и литераторовъ. 48-й годъ сдѣланъ буржуазно-демократическими партіями и профессорской политикой, въ ожиданіи появленія Лассаля и Бисмарка, съ ихъ эпохой политическаго реализма [1]). Обратимся къ французской интеллигенціи въ изображеніи французскаго соціалиста [2]): тамъ мы встрѣтимъ опять параллельныя явленія. Появленіе особаго класса, стоящаго внѣ сословій и занятаго профессіональнымъ интеллигентскимъ трудомъ, ведетъ къ образованію интеллигентскаго пролетаріата съ его положительными и отрицательными сторонами. Съ одной стороны, мы имѣемъ усиленіе критическаго элемента, принципіальной оппозиціонности; съ другой, „особую психологію“, спеціальное интеллигентское самомнѣніе, создаваемое привычкой управлять общественнымъ мнѣніемъ и политической дѣятельностью, попытки осчастливить человѣчество придуманными системами, болѣзненныя преувеличенія индивидуализма, борьбу за вліяніе между вождями и т. д. И всѣ эти отрицательныя явленія слабѣютъ, по мѣрѣ развитія солидарности и расширенія практической приложимости интеллигентскаго труда. Особенно близко по интеллигентской психикѣ и по самому характеру идеологіи къ русской интеллигенціи стоитъ англійская, позднѣе сложившаяся, болѣе чуждая сословнаго и всяческаго эгоизма, болѣе непосредственная въ своемъ соціальномъ альтруизмѣ. Типичными представителями ея въ настоящее время являются фабіанцы. Бывали эпохи, какъ 40-ые — 50-ые годы, когда интеллигентскій типъ становился интернаціональ-

---

1) См. Ziegler, Die Geistigen und socialen Strömungen des XIX Jahrh. Berl. 1899, стр. 457.

2) *Lagardelle*, Les intellectuels devant le Socialisme, Cahiers de la Quinzaine, II, 4.

нымъ въ Европѣ, будучи объединенъ въ кружкахъ политической эмиграціи [1]).

Этими бѣглыми параллелями я, впрочемъ, вовсе не хочу сказать, чтобы русская интеллигенція не представляла никакихъ специфическихъ особенностей. Напротивъ, особенности ея бросаются въ глаза. Тѣмъ же иностранцамъ и французскимъ писателямъ, какъ Leroy Beaulieu, Vogüé, мы обязаны первыми попытками дать характеристику русской интеллигенціи, какъ чего-то совершенно своебразнаго [2]). Къ отличительнымъ признакамъ нашей интеллигенціи мы не разъ еще вернемся въ этой статьѣ. Здѣсь же я хотѣлъ лишь предостеречь отъ преувеличеній тѣхъ писателей, которые готовы считать всѣ безъ исключенія особенности русской интеллигенціи, безъ дальнѣйшихъ справокъ, нашими чисто-русскими чертами.

Еще нѣсколько предварительныхъ замѣчаній, касающихся употребленія основныхъ терминовъ и понятій въ литературныхъ спорахъ объ интеллигенціи.

Термины „интеллигенція" и „образованный классъ" иногда сливаются, какъ синонимы, а иногда противопоставляются одно другому, какъ понятія соотносительныя (см. ниже). Я представляю себѣ ихъ отношеніе въ видѣ двухъ концентрическихъ круговъ. Интеллигенція—тѣсный внутренній кругъ: ей принадлежитъ иниціатива и творчество. Большой кругъ „образованнаго слоя" является средой непосредственнаго воздѣйствія интеллигенціи. Съ расширеніемъ круга вліянія измѣняются и размѣръ, и характеръ интеллигентскаго воздѣйствія. Начавшись съ индивидуальнаго, личнаго, кружковаго, эмоціональнаго и непосредственнаго, вліяніе это становится литературнымъ, коллективнымъ, раціональнымъ и научнымъ. Ни центральное ядро интеллигенціи, ни образованную среду, конечно, нѣтъ надобности представлять едиными. Первое такъ многоразлично и сложно, какъ могутъ быть различны индиви-

---

[1]) Ср. описаніе этой среды въ мемуарахъ Holyoake, Schurz'a, Meysenbug и т. д.

[2]) *Leroy Beaulieu*, L'Empire des Tsars, Paris, 1881, p. p. 164—195, 360—364, *De Vogüé*, Le roman russe, Paris, 1886, passim.

дуальности творчества или критики. Во второмъ каждая индивидуальность имѣетъ свой собственный районъ вліянія и подражанія. По мѣрѣ дифференціаціи образованной среды она становится, конечно, все менѣе однородна, а вмѣстѣ съ тѣмъ и менѣе легко проводима для отдѣльныхъ индивидуальныхъ вліяній. Районы дѣйствія отдѣльныхъ мыслителей и кружковъ сокращаются и взаимно перекрещиваются.

Предыдущія замѣчанія опредѣляютъ и мое отношеніе къ терминамъ: „интеллигенція“ и „мѣщанство“. Если между интеллигенціей и „образованнымъ классомъ“ иногда еще устанавливается извѣстная іерархія, то между интеллигенціей и „мѣщанствомъ“ теоретики интеллигенціи большей частью подчеркиваютъ полную противоположность[1]). Интеллигенція безусловно отрицаетъ мѣщанство; мѣщанство безусловно исключаетъ интеллигенцію. Въ дѣйствительности, переходъ отъ „интеллигенціи“ къ „мѣщанству“, какъ одной соціологической категоріи къ другой, совершается такими же многочисленными полутонами и оттѣнками, какъ переходъ отъ чистой иниціативы къ чистому подражанію. Онъ такъ же неуловимъ, какъ послѣдній, и крайнія, чистыя формы его существуютъ только въ абстракціи. Интеллигентность и мѣщанство суть стихіи, скорѣе присущія, въ той или другой пропорціи, каждой отдѣльной индивидуальности, чѣмъ отдѣляющія одну индивидуальность отъ другой непереходимою гранью. Разумѣется, интеллигентъ-моралистъ, поэтъ, философъ всегда будутъ склонны углубить эту пропасть, персонифицировать контрасты изобрѣтенія и подражанія. Напротивъ, интеллигентъ-политикъ, соціологъ, соціальный реформаторъ легче согласится съ сдѣланной оговоркой о постепенности и неуловимости перехода.

Наконецъ, нелишне будетъ отмѣтить взаимоотношеніе понятій: „интеллигенція“ и „культура“. Культура есть та

---

[1]) См. напримѣръ *Иванова-Разумника*, Исторія русской общественной мысли, Спб. 1908, 2 тома. Здѣсь на этомъ контрастѣ построенъ весь схематизмъ изложенія. См. введеніе къ книгѣ.

совокупность техническихъ и психологическихъ навыковъ, въ которыхъ отложилась и кристализовалась, въ каждой націи, вѣковая работа ея интеллигенціи. Культура—это черноземъ, на которомъ расцвѣтаютъ интеллигентскіе цвѣтки. Естественно, что между почвой и произрастеніемъ должна существовать самая тѣсная связь. Интеллигенція каждой націи идетъ впереди *своей* массы, но она отражаетъ на себѣ *ея* уровень культурности. Вотъ почему, при очень высокомъ типѣ психики, интеллигенція можетъ представлять сравнительно низкій типъ культурности. И наоборотъ, съ низкимъ типомъ интеллигентности можетъ сочетаться высокій типъ культурности, какъ это постоянно можно встрѣтить въ среднихъ классахъ Западной Европы, особенно Франціи и Англіи. Лица, много путешествовавшія, вѣроятно, могутъ припомнить, въ подтвержденіе этого наблюденія, рядъ собственныхъ переживаній.

Этими необходимыми замѣчаніями мы можемъ покончить съ постановкой проблемы о новѣйшемъ переломѣ въ исторіи русской интеллигенціи. Перейду теперь къ тому, какъ ставятъ эту проблему авторы сборника „Вѣхи“.

II.

Кто судьи?

Предварительно я прошу читателя прочесть слѣдующую цитату: „Эстетическій индивидуализмъ нашего классическаго и романтическаго періодовъ погибъ и похороненъ подъ массовымъ сознаніемъ и массовыми чувствами 60-хъ и 70-хъ годовъ. Онъ заглушенъ демократическими требованіями равенства и соціалистическими и коммунистическими идеалами будущаго... Матеріализмъ и позитивизмъ опошлили наше мышленіе. Методъ естественныхъ наукъ... оказался безсильнымъ по отношенію къ духовной жизни... Философія, съ ея мелочными гносеологическими хитросплетеніями, трактовала человѣка, какъ будто въ его жилахъ течетъ разжиженный сокъ одной только разсудочной дѣятельности мышленія, и слишкомъ долго игнорировала инстинктъ и влеченіе, чувство и волю“.

Тотъ, кто читалъ „Вѣхи“, не можетъ не согласиться, что изображенное здѣсь настроеніе довольно точно характеризируетъ то настроеніе, ту основную мысль, которыми проникнуто большинство авторовъ этого сборника. Но я намѣренно взялъ эту цитату не изъ „Вѣхъ“, а изъ характеристики настроенія нѣмецкаго fin de siècle въ извѣстной книгѣ Ziegler'а [1]). Дѣйствительно, къ рѣшенію поставленной ими задачи авторы „Вѣхъ“ приступили не только подъ тѣмъ впечатлѣніемъ, о которомъ говорятъ они сами,—впечатлѣніемъ неудавшейся русской революціи 1904—5 годовъ. Настроеніе ихъ было готово заранѣе. Оно сложилось еще до революціи, подъ вліяніемъ послѣднихъ европейскихъ интеллигентскихъ теченій того времени. Тогда еще, впервые въ концѣ 80-хъ годовъ, а окончательно и рѣшительно съ середины 90-хъ, кружокъ молодыхъ философовъ, политико-экономовъ, юристовъ и литераторовъ выкинулъ знамя „борьбы за идеализмъ“ противъ позитивизма и матеріализма русскихъ шестидесятниковъ и семидесятниковъ. Тогда это было очень смѣлое дѣло,—и первые застрѣльщики борьбы сдѣлались жертвой своего дерзновенія. Но они проложили дорогу младшимъ, нынѣшнимъ, и на обломкахъ ихъ „новыхъ словъ“ расположился лагеремъ „марксизмъ“. Какъ это ни странно, новое теченіе явилось подъ знаменемъ строгаго „научнаго объективизма“, увѣренно отрицало всякій „субъективизмъ“, „субъективный методъ“ въ общественной наукѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и всякое значеніе „личности“ и „интеллигенціи“ въ общественномъ творчествѣ. Философіей молодого поколѣнія былъ тогда самый строгій, аскетическій критицизмъ. Лозунгъ звучалъ: назадъ, къ Канту. А въ Кантѣ критическій разумъ еще цѣнился выше „практическаго“. Кто могъ бы подумать, что не пройдетъ пяти лѣтъ отъ начала новой пропаганды, и молодые проповѣдники съ возрастающимъ пыломъ займутся реставраціей на новомъ, углубленномъ фундаментѣ только-что отвергнутыхъ ими „субъективныхъ“ понятій „свободы“, должнаго

[1]) Die geistligen und socialen Strömungen des XIX Jahrhunderts, стр. 601—603 (Die Wirkung Nietsches).

и даже „прогресса“, основаннаго на развитіи „личности?“ А между тѣмъ, такъ именно случилось. Начавъ съ протеста противъ всего „субъективнаго“ во имя „объективной истины“, они прежде всего реабилитировали „субъективное“, какъ „психологическое“, въ отличіе отъ „логическаго“, какъ объективно-обязательнаго. Обязательнымъ, „нормой“, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оставалось еще „логическое“. Психологическому, по строгому рецепту неокантіанской гносеологіи, лишь разрѣшалось влачить втихомолку скромное существованіе. Но ясно было тогда же, что, начавъ съ „критическаго идеализма“ и „имманентнаго монизма“, реставрація индивидуалистическихъ настроеній на этомъ не остановится. „Субъективное“ всегда и вездѣ ищетъ своей пищи въ „психологическомъ“; и скоро „психологическое“ стало привлекать преимущественное вниманіе нашихъ новаторовъ. Гносеологическія нормы сперва отошли передъ нимъ на второй планъ, а потомъ и вовсе должны были стушеваться, — совершенно такъ же, какъ было когда то въ Германіи при переходѣ отъ критицизма Канта къ новому расцвѣту метафизики въ системахъ Фихте и Шеллинга. Противники позитивизма и всякой эмпиріи заинтересовались „этическими и „онтологическими абсолютами“. Отъ критическаго идеализма они перешли къ „трансендентальному“, а потомъ и къ „транцендентному“. На общепонятномъ языкѣ это значитъ, что передъ ними открылись вдругъ всѣ богатства „психологическаго“. Съ дѣйствительно „психологической“ неизбѣжностью они открыли въ своемъ „я“ лучшую часть себя, а въ этой части нѣчто большее, чѣмъ простое „я“, нѣчто соприкасающееся съ родственнымъ началомъ внѣ „я“, съ духовнымъ началомъ міра: словомъ, въ „психологическомъ“ открылся весь запасъ религіозныхъ и даже мистическихъ переживаній [1]. Не всѣ прошли по этому пути до самаго конца, до признанія откровенной религіи и личнаго Бога. Но какъ бы то ни было, въ „Вѣхахъ“ мы находимъ

---

[1]) См. объ этой психологіи James, The varieties of religious experience, стр. 508.

новый, дальнѣйшій шагъ въ направленіи той же эволюціи, начавшейся около десяти лѣтъ тому назадъ.

Казалось бы, смыслъ того страстнаго протеста, съ которымъ въ серединѣ 90-хъ годовъ школа нашихъ индивидуалистовъ выступила противъ нашихъ „субъективныхъ соціологовъ", существенно измѣнился. Уже въ началѣ XX вѣка, еще при жизни Н. К. Михайловскаго, его суровые критики принуждены были признаться, что во многомъ нападали на него напрасно. Но это не измѣнило азарта ихъ нападенія. Въ „Вѣхахъ" они наступаютъ все такъ же „неистово", какъ въ первыхъ своихъ марксистскихъ писаніяхъ. Въ чемъ же тутъ дѣло, если не говорить о писательскихъ темпераментахъ? Дѣло, конечно, въ томъ, что новый „этическій", потомъ „метафизическій", а потомъ „религіозный" и „мистическій" субъективизмъ и индивидуализмъ нашихъ проповѣдниковъ все-таки ничего не имѣетъ общаго съ соціологическимъ индивидуализмомъ Михайловскаго. Наша школа писателей, уже переставшихъ быть очень молодыми, выступаетъ во имя религіи и нравственности, по-прежнему борется противъ эмпиріи и позитивизма, и ея литературная полемика по-прежнему и даже больше прежняго впадаетъ въ проповѣдническій, а отчасти и въ пророческій тонъ. Правда, эта проповѣдь уже не встрѣчаетъ старыхъ препятствій въ какихъ-нибудь монополіяхъ интеллигентскаго сектантства. Старые боги низвергнуты или сошли со сцены. Новое поколѣніе внимало проповѣдникамъ разсѣянно—но все таки внимало, не отличая точно ихъ голоса отъ хора голосовъ, болѣе понятныхъ—и болѣе пріятныхъ. Въ результатѣ, если никакой новый интеллигентскій типъ еще не восторжествовалъ окончательно, то старый типъ, противъ котораго наши новаторы сражаются безъ малаго двадцать лѣтъ, сталъ очень рѣдокъ, если не исчезъ совершенно. Одинъ изъ авторовъ „Вѣхъ" принужденъ былъ самъ признать (стр. 178), что „типъ русскаго интеллигента, какъ мы его старались изобразить выше,... существуетъ скорѣе лишь идеально, какъ славное воспоминаніе прошлаго... и лишь рѣдко воплощается въ чистомъ видѣ среди подростающаго поколѣнія". Казалось бы, чего же еще же-

лать? Но авторы „Вѣхъ“ съ прежней горячностью, по-прежнему „неистово“ воюютъ. Почему же это?

Ближайшее, такъ сказать, психологическое объясненіе мы найдемъ въ томъ, что „борьба за идеализмъ“ была прервана въ самомъ своемъ разгарѣ вторженіемъ въ сферу интеллигентскихъ споровъ... грубой „политики“. „Политика“—вотъ теперь очередная мишень. Въ „политикѣ“ воскресъ ненавистный нашимъ идеалистамъ типъ стараго „интеллигента“. Въ ней воплотилось все отрицательное: лицемѣріе, аморализмъ, филистерское мѣщанство. Въ политикѣ и партійности. Когда „политика“ освободительнаго движенія была поражена и разбита, въ этомъ пораженіи наши „идеалисты“ не могли не усмотрѣть новаго своего торжества. Это было вѣдь сугубое пораженіе стараго врага, уже раненаго на смерть ихъ старыми доводами. Пораженіе „революціи“ это — окончательная ликвидація старой интеллигенціи, оправданіе ихъ предсказаній и пророчествъ. И они почти готовы торжествовать это пораженіе, такъ какъ „неудача революціи принесла интеллигенціи почти всю ту пользу, которую могла бы принести ея удача (Гершензонъ, 90)“. Она „обнажила ея духовный обликъ“ (Булгаковъ, 26)—именно такъ, какъ предсказывалъ Достоевскій въ „Бѣсахъ“. Теперь, послѣ этого „жестокаго приговора“, интеллигенціи остается „уйти въ свой внутренній міръ“ (Кистяковскій, 126). „Уйти“ въ новые духовные скиты—то, что не удалось восьмидесятникамъ заставить сдѣлать русскую интеллигенцію послѣ политическаго „пораженія“ 70-хъ годовъ,—это самое ей предлагаютъ сдѣлать теперь запоздалые девятидесятники, послѣ „пораженія“ минувшаго пятилѣтія. Черезъ голову „революціи“ они продолжаютъ сводить свои счеты, личные и кружковые, съ авторитетами прошлаго вѣка.

Каковъ бы ни былъ отвѣтъ интеллигенціи на этотъ горячій призывъ, прежде всего необходимо замѣтить, что произнесенный здѣсь приговоръ—не приговоръ судьи, а приговоръ стороны. Онъ страстенъ и „неистовъ“, этотъ приговоръ и протестъ, именно потому, что протестанты постановляютъ рѣшеніе въ собственномъ дѣлѣ. Они осу-

ждаютъ одно интеллигентское теченіе мысли, во имя другого, *тоже интеллигентскаго,* притомъ, какъ сейчасъ увидимъ, типично-интеллигентскаго именно въ старомъ, отрицаемомъ ими вкусѣ. Напомню опять, что и этотъ протестъ, и это осужденіе были заявлены гораздо раньше революціи и первоначально вовсе не имѣли въ виду именно ея. Проповѣдь индивидуализма и идеализма уже возымѣла значительный успѣхъ къ тому времени, когда революція началась. Поколѣніе революціоннаго времени уже воспиталось подъ вліяніемъ новыхъ интеллигентскихъ вѣяній въ духѣ чистѣйшаго fin de siècle. Обвинители, такимъ образомъ, по нечаянности обрушиваютъ свои нападенія на поколѣніе, которое, если и не ими воспитано, то, во всякомъ случаѣ, выростало уже въ атмосферѣ ихъ проповѣди и подъ тѣми же вліяніями, черезъ которыя прошли они сами. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ мы успѣли разобрать, вѣрны или невѣрны по существу нападенія „Вѣхъ", мы должны уже признать въ самомъ методѣ ихъ, въ самой постановкѣ вопроса одну коренную ошибку. Постановка эта не считается съ хронологіей.

Достаточно принять въ разсчетъ эту ошибку, чтобы уже теперь съ вѣроятностью заключить, что при этомъ сведеніи счетовъ между двумя сосѣдними поколѣніями русской интеллигенціи „пораженіе революціи" рѣшительно не причемъ. Но мы съ еще большей увѣренностью придемъ къ тому же выводу, если остановимся на минуту на томъ наблюденіи, что вѣдь оба эти поколѣнія, и обвиняемые, и обвинители,—одинаково интеллигентскія, и ничто интеллигентское (въ русскомъ смыслѣ) имъ не чуждо. Такимъ образомъ, въ пораженіи виноваты оба,... или не виновато ни то, ни другое.

Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ внимательно отмѣтить, въ чемъ обвиняютъ интеллигенты-девятидесятники интеллигентовъ-семидесятниковъ, чтобы убѣдиться, что и сами они „виноваты" въ томъ же самомъ. Переберемъ, въ порядкѣ сборника, рядъ этихъ обвиненій. Чрезмѣрная „склонность къ новинкамъ" европейской философіи (стр. 1). Въ этомъ, кажется, съ самыхъ сороковыхъ годовъ русская интеллиген-

ція не имѣла случая такъ сильно провиниться, какъ провинилась, въ лицѣ новыхъ „идеалистовъ“, за послѣднія 10—15 лѣтъ [1]).

„Превращеніе конкретнаго и частнаго въ отвлеченное и общее“ (стр. 4), несомнѣнно, есть и ихъ отличительная черта. Они тоже—и даже они по преимуществу—ищутъ „міросозерцанія“, долженствующаго „отвѣтить на всѣ вопросы жизни“ (стр. 5), ибо позитивизмъ на нѣкоторые вопросы не отвѣчаетъ. Такимъ образомъ, и у этого поколѣнія „отношеніе къ философіи осталось прежнимъ“ (стр. 6). Совершенно такъ же, какъ прежніе интеллигенты, и нынѣшніе усердно разыскиваютъ интеллигентскую „вину“ и „грѣхъ“, призывая интеллигенцію къ старому и давно ей знакомому занятію: „покаянію и самообличенію“ (стр. 7) [2]). Такимъ образомъ, они тоже совершаютъ „методологическую ошибку“ „моральнаго вмѣненія факта“, вмѣсто его „теоретическаго объясненія“, и стремятся „подчинить вѣрѣ—жизнь“ (181). Какъ видимъ, можно вполнѣ основательно сказать и про нихъ самихъ, что имъ—имъ даже особенно—„противенъ объективизмъ“. Онъ имъ противенъ, какъ всякому индивидуалистическому міровоззрѣнію. Заимствуемыя ими филесофемы и они стараются превратить „въ новую форму субъективной соціологіи“ (стр. 13, ср. 16). Они только доказываютъ, что именно *ихъ* философема гораздо лучше всякаго матеріализма, позитивизма и эмпиризма подходитъ къ нравственнымъ требованіямъ интеллигенціи (стр. 20). Рекомендуя съ этой цѣлью свой идеализмъ, эмансипирующій „эмоціональное начало“, они не забываютъ сами напомнить грустное замѣчаніе Вл. Соловьева, что „принижe-

[1]) Можно было бы составитьдл инный списскъ германскихъ авторитетовъ, зачитанныхъ „до дыръ“ нашими преемниками „идеалистовъ тридцатыхъ годовъ“.

[2]) Г. Бердяевъ даже создаетъ новую классификацію „міроощущеній“, дѣля ихъ на „философію вины“ и „философію обиды“. Нельзя не узнать подъ этимъ новымъ костюмомъ знаменитаго дѣленія Михайловскаго на болѣзни „совѣсти“ и болѣзни „чести“ (Соч. V, 115),—морали и права. Но только, въ новомъ вкусѣ, Бердяевъ надѣляетъ старые термины противоположными эпитетами: „обида“ у него „рабья“, а „вина“—„свободная“. См. сборникъ его статей: Духовный кризисъ интеллигенціи, СПБ. 1910.

ніе разумнаго" начала вообще свойственно русскимъ (стр. 20). „Изолированность отъ жизни" и, какъ слѣдствіе этого, „моноидеизмъ (стр. 27); „недостаточное чувство дѣйствительности" и связанное съ этимъ презрѣніе къ „мѣщанству", въ которомъ есть и „доля барства" и „значительная доза просто некультурности" (стр. 28); особый „духовный аристократизмъ", „надменно противопоставляющій себя—обывателямъ" (38, 41) [1]); сектантская нетерпимость и „пренебреженіе къ инакомыслящимъ" (41) „геометрическая прямолинейность сужденій и оцѣнокъ" (41); пренебреженіе такою „второстепенною цѣнностью", какъ право, въ погонѣ за „болѣе высокими безотносительными идеалами" (стр. 97), даже утвержденіе, что „все общественное развитіе зависитъ отъ того, какое положеніе занимаетъ личность" (стр. 104),—всѣ эти свойства, въ которыхъ обвиняется старый интеллигентскій типъ, въ полной мѣрѣ присущи и литературной физіономіи авторовъ „Вѣхъ". И даже вѣра въ миссію интеллигенціи, какъ „спасителей человѣчества или, по крайней мѣрѣ, русскаго народа"; постоянныя утвержденія, что Россія должна „погибнуть", если ея интеллигенція не пойдетъ по пути, указываемому авторами (стр. 26, 37, 39, 144, 203), — какъ все это характерно для прежнихъ „героевъ", изъ которыхъ „каждый"—именно онъ, „имярекъ въ частности", „имѣетъ свой способъ спасенія человѣчества" (стр. 39)!

Изъ заколдованнаго круга интеллигентскаго индивидуализма „Вѣхъ" ведутъ два пути,—оба указанные въ самомъ сборникѣ, но недоступные большинству его авторовъ, такъ какъ оба апеллируютъ къ *объективнымъ* критеріямъ и ограничиваютъ индивидуализмъ. Одинъ изъ этихъ путей, указываемый Булгаковымъ, ведетъ къ объективизму православной церковности [2]). Другой, указываемый Кистяковскимъ, ве-

---

[1]) Особенно сильно это чувство „брезгливости" у Бердяева, см. Дух. кризисъ, 52, 55; „демократизмъ хорошъ, когда былъ мечтой лучшихъ людей, но дурной запахъ пошелъ отъ него, когда духъ его сталъ осуществляться на дѣлѣ". Ср. также стр. 78—83.

[2]) Бердяева этотъ путь приводитъ къ теократическому анархизму, см. Дух. кризисъ, 6—8, 29—30.

детъ къ объективизму права. Для остальныхъ авторовъ „Вѣхъ“ путь Кистяковскаго черезъ-чуръ еще близокъ къ *этому*, нашему берегу, тогда какъ путь Булгакова лежитъ уже слишкомъ далеко, на *томъ* берегу. До „абсолютизма“ положительной религіи они еще несогласны — или неготовы—идти, а критерій „общественной солидарности“ (стр. 153) они рѣшительно и сознательно отвергли и прокляли. Свою собственную „объективную“ и „абсолютную“ цѣнность они ищутъ въ глубинѣ собственнаго „я“, хотя и въ этомъ отношеніи идти до конца не рѣшаются. Ни до мистики, ни до анархизма наши идивидуалисты, въ большинствѣ своемъ, пока не идутъ, и осуждаютъ шаги въ этомъ направленіи собственныхъ единомышленниковъ. Немудрено, что, въ концѣ концовъ, несмотря на весь багажъ новой философской терминологіи, сами авторы „Вѣхъ“ начинаютъ, наконецъ, подозрѣвать въ самихъ себѣ и другъ въ другѣ—просто тѣхъ же переодѣтыхъ интеллигентовъ (стр. 6, 13, 16, 21, 57 159), отставшихъ отъ одного берега и не приставшихъ къ другому.

На этомъ выводѣ придется остановиться и намъ. Авторы „Вѣхъ“ суть интеллигенты новаго поколѣнія, поднявшіе бунтъ противъ старыхъ вождей и старыхъ боговъ русской интеллигенціи. Они не могутъ простить своему поколѣнію, что оно недостаточно восприняло ихъ уроки, въ глубинѣ души оставшись вѣрно прежнимъ привычкамъ мысли. „Пораженіемъ революціи“ и созданнымъ имъ настроеніемъ общественной депрессіи они только пользуются, чтобы лишній разъ прочесть мораль на свою любимую тему. Они смѣло перекидываютъ мостъ отъ „революціи“ и отъ своего поколѣнія къ 60-мъ и 70-мъ годамъ и настойчиво повторяютъ давно затверженный, старый урокъ. Во всемъ виновато ненавистное „народничество“, Чернышевскій и Михайловскій, позитивизмъ и реализмъ. Въ лицѣ „революціи“ снова разбито то старое міровоззрѣніе,—разбито за то, что оно обоготворило человѣка, поставило „абсолютной цѣлью“ увеличеніе матеріальнаго благополучія для большинства, замѣнило внутреннюю обязательность нравственныхъ нормъ принудительнымъ внѣшнимъ „морализмомъ“, положитель-

ную религію—религіей „общественнаго блага“ и „служенія народу“. Виновата во всемъ и „политика“, давшая перевѣсъ соціальнымъ санкціямъ надъ этическими, эстетическими и религіозными, поставившая во главу угла, вмѣсто внутренняго самоусовершенствованія личности — усовершенствованіе учрежденій. Послѣдняя антитеза, въ сущности, составляетъ ту коренную мысль „Вѣхъ“, тотъ основной нервъ этой книги, который дѣлаетъ ее любопытнымъ психологическимъ памятникомъ старой и вѣчно юной борьбы индивидуализма и общественности. Въ *этой* мысли всѣ авторы сборника сходятся, каковы бы ни были ихъ остальныя разногласія. „Ихъ общей платформой“, заявляетъ предисловіе, „является признаніе теоретическаго и практическаго первенства духовной жизни надъ внѣшними формами общежитія, въ томъ смыслѣ, что *внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человѣческаго бытія и что она, а не самодовлѣющія начала политическаго порядка, является единственно прочнымъ базисомъ для всякаго общественнаго строительства*“.

„Люди, а не учрежденія“: таковъ, *до* торжества свободныхъ учрежденій, идеологическій лозунгъ всѣхъ реакцій. *Послѣ* торжества политической свободы и демократизма онъ является къ нимъ законнымъ и естественнымъ дополненіемъ. И, быть можетъ, самымъ печальнымъ изъ заблужденій авторовъ „Вѣхъ“ является то, что они берутъ свой лозунгъ оттуда, гдѣ онъ своевременен и законенъ, чтобы перенести его туда, гдѣ онъ можетъ явиться лишь дополнительнымъ орудіемъ реакціи. Это—тоже методологическая ошибка, основанная на игнорированіи хронологіи, т. е. на старомъ интеллигентскомъ раціонализмѣ, столь ненавистномъ самимъ авторамъ „Вѣхъ“.

III.

Кого и за что обвиняютъ?

Итакъ, въ вопросѣ о совершающемся теперь переломѣ въ настроеніи русской интеллигенціи авторы „Вѣхъ“ плохіе судьи. Во-первыхъ, они смѣшиваютъ *этотъ* переломъ,

гораздо болѣе общее явленіе, съ тѣмъ *частнымъ* явленіемъ въ домашней жизни русской интеллигенціи, героями котораго были они сами. Во-вторыхъ, въ сущности и сами они, какъ разновидность интеллигентовъ стараго типа, являются страдательнымъ матеріаломъ, на которомъ этотъ переломъ непосредственно отразился. Онъ отразился, притомъ, къ сожалѣнію, такъ, какъ отражается изображеніе на матовой стѣнкѣ фотографическаго аппарата: вверхъ ногами и въ тѣсной рамкѣ.

Заинтересованные, больше всего, своей частной, а не общей темой, авторы „Вѣхъ“ и самый предметъ своего обличенія, русскую интеллигенцію, ограничиваютъ и опредѣляютъ такъ, чтобы онъ удобнѣе подходилъ для цѣлей ихъ критики.

Что такое русская интеллигенція? Гдѣ тотъ предметъ, на который направлены обвиненія „Вѣхъ?“ Мы сейчасъ увидимъ, что и съ этой стороны предметъ критики выбранъ крайне произвольно.

Булгаковъ признаетъ, что русская интеллигенція есть „созданіе Петрово“ (стр. 25), но оговаривается при этомъ, что настоящій „духовный отецъ русской интеллигенціи— Бѣлинскій“ (30). Гершензонъ согласенъ вести начало интеллигенціи отъ петровской реформы (78); но при этомъ особенно подчеркиваетъ, что уже самый источникъ былъ отравленъ: „какъ народъ, такъ и интеллигенція не можетъ помянуть ея (петровской реформы) добромъ“. Главнымъ предметомъ нападеній и для этого автора являются „послѣдніе полвѣка“ русской интеллигентской мысли (80). „Исторія нашей публицистики, начиная послѣ Бѣлинскаго, сплошной кошмаръ“. То же самое различеніе, но въ еще болѣе рѣзкой формѣ, встрѣчаемъ у гг. Бердяева и Стр уве По словамъ перваго, рѣчь идетъ въ „Вѣхахъ“ „о нашей кружковой интеллигенціи, искусственно выдѣляемой изъ національной жизни (стр. 1, см. объ этомъ ниже)“. Г. Бердяевъ даже предлагаетъ выдумать для нея особое названіе „интеллигентщина“, „въ отличіе отъ интеллигенціи въ широкомъ, общенаціональномъ, общеисторическомъ смыслѣ

этого слова" [1]). П. Б. Струве, напротивъ соглашается оставить за предметомъ своихъ обличеній обычное названіе „интеллигенція", но за то отдѣляетъ своихъ овецъ отъ козлищъ въ особую группу „образованнаго класса". Все, что ему симпатично въ исторіи русской интеллигенціи,— все это перемѣщается въ рубрику „образованнаго класса", существовавшаго въ Россіи задолго до интеллигенціи (стр. 130). Новиковъ, Радищевъ, Чаадаевъ—это „свѣточи русскаго образованнаго класса", „Богомъ упоенные люди" (134). Напротивъ, интеллигенція, „какъ политическая категорія", объявилась лишь въ эпоху реформъ и окончательно обнаружила себя въ революціи 1905—1907 гг. Ея „свѣточи"—Бакунинъ, духовный родоначальникъ русской интеллигенціи; подъ его вліяніемъ „полѣвѣвшій" Бѣлинскій и Чернышевскій (ib). Исторія русской интеллигенціи въ этомъ смыслѣ тожественна съ исторіей соціализма въ Россіи. „До рецепціи соціализма въ Россіи русской интеллигенціи не существовало, былъ только образованный классъ и разныя въ немъ направленія" (145). И „интеллигенція" исчезнетъ, косвенно намекаетъ Струве, съ разложеніемъ соціализма на западѣ.

И этими терминологическими упражненіями, однако, не ограничиваются попытки „Вѣхъ" сузить понятіе интеллигенціи. Франкъ и Булгаковъ идутъ еще дальше Бердяева и Струве. Первый сводитъ интеллигенцію къ понятію „народничества", т. е. къ періоду „съ 70-хъ годовъ до нашихъ дней" (стр. 159). Пройдя черезъ предстоящій ей кризисъ, подчинивши свою жизнь вѣрѣ, интеллигенція „вообще перестанетъ быть таковой въ старомъ, русскомъ, привычномъ смыслѣ слова". Новая интеллигенція, „порвавъ съ традиціей ближайшаго прошлаго, можетъ . . . черезъ 70-ые годы подать руку тридцатымъ и сороковымъ годамъ" (181). И

---

[1]) Его собственное опредѣленіе интеллигенціи строго-аристократично и романтично. „Третій элементъ... есть новое интеллигентское мѣщанство", „символъ распада народнаго организма", „странная группа людей, чуждая органическимъ слоямъ русскаго общества". См. Дух. кризисъ, 61—68.

ограниченіе интеллигенціи „народничествомъ", однако, не удовлетворяетъ Булгакова. Внутри суженнаго такимъ образомъ понятія онъ находитъ еще болѣе спеціальный предметъ для нападенія. Господство интеллигенціи находитъ свое реальное воплощеніе въ „педократіи": въ диктатурѣ учащейся молодежи. И этого мало, однако. Вмѣстѣ съ Франкомъ, Булгаковъ взваливаетъ на отвѣтственность интеллигенціи „своеволіе, экспропріаторство, массовый терроръ (44—45)". По мнѣнію обоихъ, тутъ „не только партійное сосѣдство, но и духовное родство съ грабителями, корыстными убійцами, хулиганами и разнузданными любителями полового разврата". Родство это „съ логической послѣдовательностью обусловлено самымъ содержаніемъ интеллигентской вѣры" (176—178).

При помощи такихъ манипуляцій съ понятіями нетрудно, конечно, доказать, что въ „экспропріаторствѣ" интеллигенція „зашла въ тупикъ", изъ котораго и собираются высвобождать ее авторы „Вѣхъ". Но въ своемъ полемическомъ увлеченіи эти авторы забываютъ, что у „экспропріаторства"—совсѣмъ иное духовное родство, чѣмъ „свѣточи" 70-хъ годовъ. Они забываютъ, что, вѣдь, идеи практическаго анархизма, привитыя малокультурной средѣ новѣйшихъ и младшихъ послѣдователей, „многочисленныхъ, менѣе дисциплинированныхъ и болѣе первобытно мыслящихъ", собственно говоря, пущены въ ходъ крайними индивидуалистами новаго поколѣнія, болѣе близкаго духовно самимъ авторамъ „Вѣхъ". Мы еще вернемся къ этому вопросу подробнѣе, но теперь же не можемъ не замѣтить, что проповѣдь „безчинствъ, какъ новыхъ идеаловъ" составляетъ заслугу нашихъ неоромантиковъ 90-хъ годовъ. И Бердяевъ могъ бы вспомнить, кому принадлежатъ слова о „безумной жаждѣ жизни, сильной и могучей *хотя бы своимъ зломъ*, если не добромъ". Если практическій максимализмъ можно было бы, безъ дальнихъ справокъ, выводить изъ теоретическаго, то въ поискахъ его источника мы пришли бы не къ Михайловскому, пылавшему негодованіемъ на „циническія рѣчи, какихъ міръ не слыхалъ", а . . . къ „вождямъ"

и „свѣточамъ“ 90-хъ годовъ [1]). Между тѣмъ, повидимому, именно этотъ „тупикъ“ и былъ тѣмъ психологическимъ моментомъ, который преисполнилъ паническимъ ужасомъ людей, слишкомъ близко къ нему подошедшихъ и теперь страстно призывающихъ русскій „образованный классъ“ вернуться „назадъ“—уже не къ Канту, не къ Фихте или къ Лассалю,—а къ Вл. Соловьеву и къ русскимъ славянофиламъ.

Въ самомъ дѣлѣ, именно эта послѣдняя черта, именно впечатлѣнія, вынесенныя авторами „Вѣхъ“ изъ „пораженія революціи“, составляютъ то, что сообщаетъ ихъ сборнику интересъ современности. Не будь этого, сборникъ былъ бы, дѣйствительно, только продолженіемъ старой кружковой полемики о томъ, чей индивидуализмъ лучше, индивидуализмъ Бердяева или индивидуализмъ Михайловскаго. По существу, рецепты и панацеи „Вѣхъ“ остаются, конечно, тѣми же, какими были и до революціи. Но новыя впечатлѣнія жизни заставляютъ авторовъ „Вѣхъ“ не просто освѣжить эти старые рецепты. Нѣтъ, изъ сборника видно, что подъ вліяніемъ событій кружокъ нашихъ „идеалистовъ“ сдѣлалъ *новый* шагъ въ прежнемъ направленіи. Въ этомъ новомъ шагѣ вся суть дѣла. Именно онъ и дѣлаетъ изъ появленія сборника своего рода общественное событіе и вызываетъ необходимость публичной оцѣнки его.

На первый взглядъ можетъ показаться, что рѣчь идетъ о протестѣ противъ „политики“, противъ первенства „учрежденій“ и о горячемъ призывѣ вернуться къ „внутренней жизни“. Можно думать, что мы имѣемъ дѣло съ кружкомъ людей, которымъ интересы „внутренней жизни“, религіи, философіи, эстетики, этики такъ дороги, что они хлопочутъ лишъ объ одномъ: какъ можно скорѣе освободиться отъ общественныхъ обязанностей, наложенныхъ интеллигентскимъ сектантствомъ. Усталость отъ только что пережитаго періода общаго напряженія, разочарованіе въ полученныхъ результатахъ, оказавшихся до такой степени не соотвѣтствующими

---

[1]) Бердяевъ въ „Проблемахъ идеализма“, стр. 131. Михайловскій, Литер. воспоминанія, II, 399, срав. Отклики 387, 391 и Послѣднія соч. I, 443.

ожиданіямъ, наконецъ, нѣкоторая теоретическая растерянность, какъ слѣдствіе неоправдавшихся прогнозовъ—все это давало бы достаточное психологическое объясненіе подобному настроенію. Съ другой стороны, нѣкоторые результаты, всетаки добытые,—спеціализація „политики“ отъ другихъ интеллигентскихъ заботъ,—давали бы и нѣкоторое формальное оправданіе желанію уединиться. Данная часть интеллигенціи могла бы разрѣшить себѣ уйти во внутрь и предаться, наконецъ, спокойной разработкѣ другихъ культурныхъ благъ, такъ долго остававшихся въ пренебреженіи благодаря ненавистной „политикѣ“, этому Молоху, деспотически диктовавшему свои жестокія рѣшенія. При такомъ объясненіи, наши сецессіонисты, очевидно, предпочли бы роль Маріи, познавшей, что „едино есть на потребу“. Мирно удалившись для уединеннаго созерцанія этого единаго, они оставили бы мѣщанской Маѳѣ „пещись о мнозѣмъ“,—нужномъ, между прочимъ, и для ихъ прекраснодушнаго времяпрепровожденія. Словомъ, это было бы новымъ призывомъ къ тому интеллигентскому скитничеству, о которомъ мы выше упоминали.

Многіе изъ читателей, а, можетъ быть, и нѣкоторые изъ авторовъ „Вѣхъ“, такъ, повидимому, и поняли задачи этого сборника. Въ дѣйствительности, настроеніе нашихъ идеалистовъ далеко и отъ резиньяціи, и отъ самоудовлетворенія созерцаніемъ „абсолютныхъ цѣнностей“. Протестуя противъ „тираніи политики“, не желая долѣе оставаться ея „рабами“ (92, 83), они, однако, стремятся не уйти отъ нея вовсе, а со-временемъ подчинить ее себѣ. Они „глубоко вѣрятъ, что духовная энергія русской интеллигенціи“ лишь „на время уйдетъ внутрь“ (94); но, что „близко то время, когда (126)“ интеллигенція выступитъ „обновленной“ своимъ внутреннимъ воспитаніемъ и „преобразуетъ нашу общественную дѣйствительность“ (142). Съ этимъ настроеніемъ „Вѣхи“ вовсе не такъ далеки отъ „политики“, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Ихъ выводы изъ „пораженія революціи“ имѣетъ самый непосредственный *политическій* смыслъ. И авторы „Вѣхъ“ совсѣмъ не дожидаются духовнаго перерожденія русской интеллигенціи,

чтобы заранѣе опредѣлить, какъ и въ чемъ задачи этого перерожденія совпадутъ съ самыми современными и очередными задачами русской политики. Они обвиняютъ себя и другихъ, въ концѣ концовъ, не въ томъ, что они „вышли на улицу“, забывъ про строительство души (80). Нѣтъ, вина въ томъ, что, выйдя на улицу, они, оказались „маленькой, подпольной сектой“ (176), „изолированной въ родной странѣ“, и оттого потерпѣли „пораженіе“. Для нихъ несомнѣнна связь „пораженія“ съ „изолированностью“, а послѣдней съ неустройствомъ души. Чувство изолированности у нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр. у Гершензона, доходитъ до патологической напряженности. И подъ вліяніемъ именно *этого* переживанія они усердно принимаются искать причины „безсилія“ интеллигенціи. При болѣе спокойномъ настроеніи, менѣе связанные со своимъ прошлымъ, они легко нашли бы объясненіе въ томъ, въ чемъ большинство ихъ находитъ: въ причинахъ соціальнаго и политическаго характера. Но проникнутые своимъ индивидуалистическимъ настроеніемъ, они находятъ его эвъ причинахъ моральныхъ. Интеллигенція „виновата“ въ своемъ пораженіи и должна „покаяться“. Коренная причина ея безсилія и неспособности къ творчеству есть ея нравственное „отщепенство“... отъ „народа“. Мы могли бы сказать, что такимъ образомъ интеллигенты новаго поколѣнія возвращаются еще къ одной интеллигентской особенности 60-хъ годовъ: къ только что отвергнутому ими понятію „долга передъ народомъ“, къ „народопоклонству“ ненавидимаго ими народничества. Но если діагнозъ болѣзни у нихъ одинъ и тотъ же, то лекарства—другія. Въ противоположность „искусственному выдѣленію изъ національной жизни“—„кружковой интеллигенціи“, они ищутъ „общенаціональныхъ“ основъ для возстановленія моральнаго единства съ народомъ, разрушеннаго старой интеллигенціей. Во что бы то ни стало, они не хотятъ больше оставаться „изолированными“.

Поставленная такимъ образомъ задача сразу выводитъ насъ изъ круга той интеллигентской полемики, съ которой мы до сихъ поръ имѣли дѣло. Здѣсь рѣчь идетъ уже не о разносѣ ближайшихъ враговъ изъ поколѣнія интеллигент-

скихъ „отцовъ“, не объ „отказѣ отъ наслѣдства“ шестидесятниковъ, съ тѣмъ, чтобы „подать руку“ идеалистичекимъ тенденціямъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Нападеніе на шестидесятниковъ превращается въ нападеніе на *все* прошлое русской интеллигенціи. Ибо традиція интеллигентскаго „отщепенства“ восходитъ, несомнѣнно, ко временамъ раньше рецепціи соціализма, раньше „субъективной соціологіи“ Михайловскаго, раньше „мыслящихъ реалистовъ“ и даже раньше Бакунина. Наиболѣе „объективные“ изъ авторовъ „Вѣхъ“, какъ Булгаковъ, въ сущности отлично понимаютъ, что дѣло идетъ именно о нападеніи на всю исторію русской интеллигенціи, о моральномъ „вмѣненіи“ всему этому прошлому съ точки зрѣнія настоящаго.

Современность и острый *политическій* характеръ такой постановки лучше всего доказывается тѣмъ, что на *этой* почвѣ авторы „Вѣхъ“ выступаютъ уже не одни, и не впервые. Смотръ всему прошлому русской интеллигенціи вызванъ не литературными пререканіями отцовъ и дѣтей, а чисто объективными условіями настоящаго крутого перелома въ ея исторіи. И смотръ этотъ уже производится политическими врагами русской интеллигенціи. Съ началомъ новой политической жизни, интеллигенція уже по настоящему, не на страницахъ журнальныхъ статей, а въ живой жизни „вышла на улицу“ и встрѣтилась лицомъ къ лицу, вплотную, съ объектомъ своихъ давнишнихъ заботъ, съ народомъ. Вопросъ объ „отщепенствѣ“ получилъ сразу вполнѣ реальный, вполнѣ конкретный политическій смыслъ. Теперь это вопросъ о препятствіяхъ, которыя стоятъ на пути взаимнаго пониманія и совмѣстной дѣятельности народа и его интеллигенціи, въ моментъ, когда ихъ взаимодѣйствіе стало формально возможнымъ и практически необходимымъ. Это вопросъ о томъ, какъ вернуться къ той жизни, „съ краю“ которой „тихонько ползали“ русскіе интеллигенты-отщепенцы, по обидному выраженію одного изъ героевъ Горькаго. Въ томъ или другомъ рѣшеніи этого вопроса, разумѣется, освобожденномъ отъ „интеллигентскаго сектантства“ прошлыхъ и настоящихъ временъ, и должна заключаться сущность того перелома въ жизни интеллигенціи, о которомъ все время идетъ разговоръ.

Политическое—и притомъ совершенно опредѣленное политическое—значеніе „Вѣхъ“ заключается въ томъ, что онѣ предлагаютъ рѣшить вопросъ объ „отщепенствѣ“ интеллигенціи такъ, какъ его, въ сущности, рѣшали старые славянофилы. Само по себѣ, это предложеніе такъ ново и смѣло со стороны интеллигентовъ, что понятно, почему авторы „Вѣхъ“, дѣлая его попутно, не анализируютъ и не договариваютъ всѣхъ послѣдствій своего предложенія. Только договоренное до конца, оно могло бы обнаружить всю свою близость къ тѣмъ, совершенно однороднымъ, предложеніямъ, которыя исходятъ изъ рядовъ крайнихъ правыхъ политическихъ партій.

— По мнѣнію авторовъ „Вѣхъ“, русская интеллигенція оказалась отлученной отъ національнаго общенія вслѣдствіе трехъ своихъ основныхъ свойствъ, тройного „отщепенства“. Она безрелигіозна, антигосударственна и космополитична. Чтобы сдѣлаться интеллигенціей не въ „кружковомъ“ а „въ широкомъ, общенаціональномъ, общеисторическомъ смыслѣ этого слова“, она должна стать религіозной, государственной и національной. Эти требованія удовлетворяются тѣмъ путемъ внутренняго углубленія, на который зовутъ авторы „Вѣхъ“. Правда, они не всѣ и не сполна удовлетворяются этимъ способомъ Но изъ пѣсни слова не выкинешь. Не всякое высшее цѣлое „мистично“; не ко всякому можно пріобщиться путемъ внутренняго углубленія, отбросивъ путь соціальной солидарности. Но пріобщиться нужно именно къ *этому* цѣлому, уже указанному старой, тріединой славянофильской формулой. Разумѣется-ли подъ „государственностью“—опредѣленная форма государственности, подъ религіей—опредѣленная форма религіи, подъ національностью—опредѣленное культурное содержаніе? Предполагать это—значило бы слишкомъ спѣшить съ отожествленіемъ проектовъ „Вѣхъ“ и предложеній крайнихъ правыхъ партій. Проповѣдуя религіозность, государственность и народность, авторы „Вѣхъ“ тѣмъ самымъ еще не усвояютъ себѣ всецѣло началъ самодержавія, православія и великорусскаго патріотизма. Однако, точки соприкосновенія есть—и довольно многочисленныя.

Какъ видимъ, демонстративный уходъ авторовъ „Вѣхъ“ *внутрь* отъ „политики“ неожиданно приводитъ насъ въ самую гущу современныхъ политическихъ споровъ.

Когда упреки, подобные формулированнымъ въ „Вѣхахъ“, раздаются съ каѳедры третьей Гос. Думы изъ устъ Маркова 2-го, еп. Евлогія и г. Вязигина, мы обыкновенно трактуемъ ихъ, какъ демагогическій пріемъ борьбы противъ ненавистной правымъ оппозиціи. Серьезная и спокойная полемика въ этой обстановкѣ политическихъ ущемленій, расчитанныхъ на дѣйствіе въ темныхъ низахъ, является совершенно невозможной. Другое дѣло, когда тѣ же обвиненія идутъ извнутри и преподносятся намъ, какъ часть интеллигентской идеологіи. Политическая страсть, попытки подѣйствовать эмоціональнымъ путемъ вмѣсто разсудочнаго, конечно, не вполнѣ отсутствуютъ и тутъ. Но было бы неправильно изъ-за этого уклониться отъ разбора поставленнаго вопроса по существу. Отводъ противъ такого разбора у нашихъ теоретическихъ противниковъ уже готовъ заранѣе. Вы не можете, говорятъ намъ, отрицать констатируемыхъ фактовъ: они общеизвѣстны и общепризнаны. Вы можете только отыскать для нихъ извѣстное историческое объясненіе. Но объясненіе не есть оправданіе. Мы же не только констатируемъ: мы требуемъ покаянія и исправленія.

Дѣйствительно, если не все, то многое въ утвержденіяхъ объ „отщепенствѣ“ русской интеллигенціи есть истинная правда. Но, во-первыхъ, есть много и абсолютно невѣрнаго. Еще больше—невѣрно-истолкованнаго. А, что главное, констатируя и толкуя такъ или иначе факты о русскомъ интеллигентскомъ отщепенствѣ, мы вовсе не обязываемся брать за исходную точку понятіе „Вѣхъ“ о томъ, какъ „должно быть“ на дѣлѣ. Прежде всего, мы должны провѣрить основанія ихъ моральнаго „вмѣненія“. Вотъ почему обстоятельный разборъ обвиненій русской интеллигенціи въ „отщепенствѣ“ съ только-что указанныхъ точекъ зрѣнія представляется мнѣ самой важной изъ всѣхъ задачъ, какія можетъ поставить себѣ критика „Вѣхъ“. Какъ бы ни смотрѣли на поднятые ими вопросы сами авторы „Вѣхъ“, спорить съ ними по существу—значитъ, именно, спорить

на почвѣ формулированныхъ ими *политическихъ* обвиненій. Этимъ мы теперь и займемся.

IV.

Безрелигіозность русской интеллигенціи.

Первымъ по порядку стоитъ обвиненіе, наиболѣе обоснованное объективными данными,—въ безрелигіозности русской интеллигенціи. Защитники ея, чувствовавшіе силу этого довода, иногда считали нужнымъ прибѣгать къ смягчающимъ обстоятельствамъ. Они признавали фактъ, но утверждали все-таки, что *по своему* русская интеллигенція была религіозна. Еще Токвиль замѣтилъ, что „революціонный духъ нашей эпохи дѣйствуетъ на манеръ религіознаго духа“. На этой мысли пробовали обосновать религіозность русской революціонной интеллигенціи уже занимавшіеся ея изученіемъ иностранцы. У Леруа-Болье можно найти эту аналогію между настоящей религіозностью и убѣжденностью русской интеллигенціи до фанатизма, ея энтузіазмомъ до сектантства, самоотверженіемъ до подвижничества. Я согласенъ съ тѣми изъ авторовъ „Вѣхъ“, которые не хотятъ принять этой аналогіи за серьезное доказательство. Религіозныя переживанія суть эмоціи совершенно особаго и специфическаго характера. По опредѣленію Джемса, при всѣхъ разновидностяхъ религіозныхъ эмоцій въ нихъ всегда должны быть на-лицо три основныхъ вѣрованія: 1) что видимый міръ есть лишь часть духовной вселенной, отъ которой онъ заимствуетъ главное свое значеніе; 2) что истинная цѣль наша есть единеніе или гармоническая связь съ этой высшей вселенной и 3) что молитва или внутреннее общеніе съ духомъ этой вселенной—называть-ли его „Богомъ“ или „закономъ“—есть тотъ процессъ, въ которомъ дѣйствительно совершается духовное „дѣланіе“, въ которомъ вливается духовная энергія, производящая свое дѣйствіе, психологическое или матеріальное, въ видимомъ мірѣ [1]). Прилагая эти основныя условія всякой религіоз-

[1]) *James*, The varieties of religious experience, 485. Только-что вышелъ русскій переводъ этой интересной книги.

ности къ самимъ авторамъ „Вѣхъ", мы увидимъ, что даже изъ нихъ вполнѣ удовлетворить этимъ требованіямъ можетъ развѣ одинъ Булгаковъ. Не мудрено, что именно онъ и негодуетъ особенно на всякія поддѣлки новѣйшихъ интеллигентовъ подъ христіанство, не исключая, повидимому, даже и своихъ единомышленниковъ—и даже особенно опасаясь ихъ религіозно-философскихъ упражненій [1]. Религіозное переживаніе всегда лично, индивидуально и *конкретно*. Его интеллектуальное содержаніе можетъ быть минимально. Отъ воздѣйствія философіи и тѣмъ болѣе науки оно стремится освободиться, какъ отъ элемента несоизмѣримаго и чужероднаго. Ему нельзя научиться теоретически. По выраженію Аль-Газзали, „понимать причины пьянства, какъ понимаетъ ихъ врачъ,—не значитъ быть пьянымъ". Религіозныя переживанія можно развить и обогатить духовнымъ упражненіемъ, практикой, — и на этомъ одинаково основана религія Франциска Ассизскаго, Игнатія Лойолы и Огюста Конта. Но есть натуры абсолютно неспособныя къ этого рода переживаніямъ, и на ихъ долю можетъ остаться развѣ только интеллектуальная религія,— та, которая наиболѣе страдаетъ отъ развитія науки и философіи.

Было бы, конечно, естественно, если бы мы вывели изъ сдѣланныхъ замѣчаній, что религія есть явленіе чисто индивидуальной психологіи, есть, слѣдовательно, дѣло совѣсти каждаго и на этомъ остановили бы нашъ разборъ вопроса о религіозности русской интеллигенціи. Но мы можемъ и должны идти дальше, въ ту область, въ которую зоветъ насъ этотъ вопросъ,—въ область *исторіи* религіознаго сознанія. Дѣло въ томъ, что, какъ бы на него ни смотрѣть по существу, существуетъ извѣстная эволюція религіознаго сознанія. Эта эволюція совершается совершенно по тѣмъ

---

[1]) Конечно, и Бердяевъ (Дух.кризисъ интеллигенціи, 6) заявляетъ, что „съ церковью нельзя вступать въ договоръ"; онъ тоже „побѣжденъ психологіей вѣка" и пишетъ свое письмо арх. Антонію (ib. 299), какъ „пришедшій къ церкви Христовой, которую нынѣ почитаетъ своей духовной матерью". Но его религіозная психологія есть психологія сектанта-духобора, а не православнаго.

же законамъ въ русской интеллигенціи, какъ и во всякой другой. Мы только что различили въ религіи двѣ ея стороны: теорію и практику, интеллектуальное содержаніе и психическую эмоцію, — другими словами, догму и культъ. Каждая изъ этихъ сторонъ религіозности претерпѣваетъ опредѣленное измѣненіе въ историческомъ процессѣ. Догма измѣняется, постепенно раціонализируясь. Культъ измѣняется, постепенно спиритуализируясь. И оба процесса эволюціи, въ направленіи раціонализма доктрины и мистицизма культа, совершаются при прямомъ участіи интеллигенціи. Возможна-ли та и другая эволюція безъ разрыва, болѣе или менѣе частичнаго, болѣе или менѣе временнаго, между интеллигенціей и массой? Историческій опытъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. Разрывъ интеллигенціи съ традиціонными вѣрованіями массы есть постоянный законъ для *всякой* интеллигенціи, если только интеллигенція дѣйствительно является передовой частью націи, выполняющей принадлежащія ей функціи критики и интеллектуальной иниціативы. На извѣстной степени раціонализаціи невозможно сохраненіе доктрины о личной связи индивидуальнаго и космическаго начала; невозможна и вѣра въ національную исключительность данной церковности, въ единоспасающую религію. На извѣстной степени спиритуализаціи культа такъ же неизбѣжно мѣняются его внѣшнія формы. Словомъ, даже оставаясь въ предѣлахъ *религіозной* эволюціи, ни одна интеллигенція не сможетъ удержаться въ рамкахъ конфессіональности и откровенной религіи. Возможны, конечно, всевозможные компромиссы для предупрежденія разрыва. Возможна символизація старой догмы, эстетизація культа, —Плутархъ, Шатобріанъ, Шлейермахеръ и т. п. Но все это суть средства внѣшнія и временныя, которыя лишь отдаляютъ разрывъ и дѣлаютъ его менѣе болѣзненнымъ. Когда моментъ разрыва все-таки наступаетъ для отдѣльной личности или для группы, всякая интеллигенція оказывается въ положеніи Сократа, въ положеніи „отщепенца“ своей религіи.

Конечно, въ зависимости отъ условій даннаго національ-

наго развитія картина религіознаго „отщепенства“ интеллигенціи должна получиться каждый разъ иная.

Моментъ и способъ разрыва, количество и качество ушедшихъ и оставшихся вѣрными традиціи, наконецъ, и разстояніе, глубина пропасти интеллектуальной и моральной между массой и отщепенцами—все это мѣняется, все это оставляетъ мѣсто національнымъ различіямъ. Но вотъ общая черта: эти различія стоятъ въ опредѣленномъ и точномъ соотвѣтствіи со степенью религіозности каждаго даннаго народа. И русское отщепенство не составляетъ исключенія.

Тамъ, гдѣ масса населенія поднялась надъ уровнемъ чистаго ритуализма, гдѣ культъ спиритуализировался настолько, что возможны живыя и сильныя религіозныя переживанія,—тамъ разрывъ со старой церковностью сохраняетъ религіозный характеръ. Отрекающаяся отъ традиціи интеллигентская мысль ведетъ за собой болѣе или менѣе значительную часть народной массы. Такъ было, напр., въ Англіи, и это дало англійскимъ интеллигентамъ XVII вѣка ту возможность работать вмѣстѣ, думать одну думу и говорить на одномъ языкѣ съ своимъ народомъ, которую ставятъ въ примѣръ русской интеллигенціи авторы „Вѣхъ“. Но и тамъ это единство мысли не было всеобщимъ для всей націи, и плоды его оказались неполными и неокончательными. Во Франціи разрывъ былъ уже несравненно рѣзче, и наши индивидуалисты строго осуждаютъ „отщепенскую“ французскую революцію за то, что она не была такъ національна, какъ англійская (стр. 53). Въ Германіи они одобряютъ реформацію, но очень не одобряютъ тѣхъ, кого они называютъ „язычниками“, — гуманистовъ, интеллигентовъ, опередившихъ свой вѣкъ и предварившихъ въ наиболѣе культурныхъ частяхъ Европы ея будущее интеллигентское развитіе. По терминологіи Струве, вѣроятно, Мартинъ Лютеръ былъ бы отнесенъ къ „образованному классу“; но Эразмъ безъ всякаго милосердія былъ бы отнесенъ къ „интеллигентамъ“ или къ Бердяевской „интеллигентщинѣ“. Гершензонъ, вѣроятно, отнесъ бы его къ „больнымъ, изолированнымъ въ родной странѣ“ и боялся бы страхомъ, похожимъ на страхъ

самого Эразма, народной мести. Вообще, къ „просвѣтителямъ“, къ раціоналистамъ, къ Aufklärung—авторы „Вѣхъ“ такъ же немилосердны, какъ ихъ идейные предшественники, нѣмецкіе и французскіе реакціонные романтики начала XIX столѣтія.

Въ Россіи столкновеніе интеллигентской мысли съ народной традиціей имѣло свой особый характеръ не потому, чтобы эволюція ея у насъ была незаконна или безнравственна, а потому, что интеллигентское еретичество застало массу на слишкомъ низкомъ уровнѣ развитія. Нельзя отрицать, что при непосредственномъ столкновеніи двухъ непонятныхъ другъ другу міровоззрѣній возможны и физическія расправы, какими постоянно грозятъ (и не только грозятъ) интеллигенціи представители черносотенныхъ организацій. Въ области религіозной не обошлось безъ кровавыхъ столкновеній и между самими крестьянами—православными и сектантами. Послѣднихъ, очевидно, по терминологіи „Вѣхъ“, тоже пришлось бы трактовать, какъ „отщепенцевъ“ отъ національной религіи. Но, вообще говоря, русскіе интеллигентные отщепенцы довольно благополучно спасались „отъ ярости народной“,—и совсѣмъ не потому, что ихъ защищали штыки, какъ думаетъ Гершензонъ, а по другой причинѣ. Они исповѣдовали свои взгляды въ пустынѣ. Для того, чтобы побить своихъ пророковъ камнями, народная масса должна, во-первыхъ, слышать ихъ проповѣдь, а, во-вторыхъ, сама относиться иначе къ нематеріальнымъ цѣнностямъ, чѣмъ она, дѣйствительно, относилась. Въ другомъ мѣстѣ, въ своихъ „Очеркахъ“, я прослѣдилъ, какъ практическій атеизмъ русскаго дворянства XVIII вѣка подготовлялся не въ какомъ-либо иномъ мѣстѣ, какъ именно въ обстановкѣ деревни. Въ этомъ тщательно охраняемомъ ритуализмѣ и формализмѣ религіознаго быта уже лежали готовыми зародыши индифферентизма и безвѣрія. Родоначальникамъ русской интеллигенціи легко было отрываться отъ религіозной традиціи, потому что такой традиціи, въ смыслѣ живыхъ религіозныхъ переживаній, вовсе не имѣлось налицо. Я не говорю, впрочемъ, ничего новаго авторамъ „Вѣхъ“. Они все это знаютъ отъ одного изъ любимыхъ

своихъ писателей, котораго считаютъ своимъ. Они читали Чаадаева.

Я не иду, впрочемъ, такъ далеко, какъ Чаадаевъ. Начало русскаго религіознаго процесса, полнаго живыхъ зародышей и возможностей, я самъ подробно прослѣдилъ въ своей книгѣ [1]). Но читатель можетъ узнать оттуда, если интересуется этимъ, что изъ живого зародыша національной религіозной мысли родился уродецъ-выкидышъ—русское старообрядчество. Не было у насъ недостатка и въ привнесенныхъ извнѣ сѣменахъ высшей религіозности, давшихъ уже въ XVI в., а тѣмъ болѣе въ XVII в. первые всходы русскаго раціонализма и мистицизма. Но, какъ извѣстно, все это, и сѣмена, и зародыши, было отметено оффиціальной церковностью. Русская религіозная жизнь была тщательно стерилизована какъ разъ къ тому самому моменту, къ которому относится зарожденіе русской интеллигенціи. Конечно, для писателей типа Булгакова [2]) всѣ эти указанія не имѣютъ значенія. Такіе писатели могутъ, вполнѣ признавая низменный уровень церковности данной эпохи, „вѣрить въ мистическую жизнь Церкви“, и потому для нихъ „не имѣетъ рѣшающаго значенія та или иная ея эмпирическая оболочка въ данный моментъ“ (66). Но въ этомъ счастливомъ положеніи не можетъ находиться ни объективный историкъ, ни весьма субъективный современникъ подобной эпохи, одержимый потребностью въ религіозныхъ или вообще интеллигентныхъ переживаніяхъ и ищущій новыхъ путей. Любопытно, что, когда одному изъ авторовъ „Вѣхъ“ (Гершензону, стр. 74 и сл.) оказывается нуженъ примѣръ такой „одержимой“ личности, открывающей въ себѣ самой свою „бездну“ и наполняющей ее интенсивнымъ религіознымъ переживаніемъ, онъ беретъ этотъ примѣръ не изъ русской дѣйствительности, а изъ исторіи того же англійскаго сектантства. Онъ разсказываетъ процессъ обращенія Джона Беніана. Онъ могъ бы взять по существу совершенно тожественный процессъ

---

[1]) См. „Очерки“. т. II, стр. 17—46, 157—158; т. III, ч. I, стр. 139—141.

[2]) См. также Бердяева, „Дух. кризисъ“, 6.

русской больной души, обрѣтающей свое исцѣленіе и душевный миръ въ религіозно-нравственномъ переворотѣ: моральную исторію Толстого [1]). Но для этого нужно было бы изъ XVII столѣтія спуститься въ XIX-е. Этимъ косвенно уже указывается, почему въ XVII вѣкѣ въ Россіи такая исторія была бы невозможна.

Если нужны дальнѣйшія конкретныя доказательства, я напомню, что вѣдь опытъ нашей домашней религіозной эволюціи, нашей реформаціи безъ реформаторовъ, мы *имѣемъ*. Вопреки стерилизаціи нашей оффиціальной церковности, религіозная эволюція въ старо-національномъ стилѣ все же совершалась въ русскихъ низахъ. Она совершалась, правда, въ потемкахъ, безъ участія интеллигенціи. Но она шла въ томъ же направленіи, въ какомъ вообще совершается религіозная эволюція въ развивающемся обществѣ. И что же? Что дали результаты этой эволюціи? Создали-ли они, въ сколько-нибудь широкихъ кругахъ населенія, тѣ формы религіозности, съ которыми интеллигентная мысль могла бы идти рука объ руку, какъ мысль Мильтона съ англійскими индепендентами? Нѣтъ. Мы знаемъ, что у насъ лучшіе продукты переходной эпохи раціонализма и мистицизма, акклиматизируясь, вырождались и принимали старый ритуалистическій характеръ. Символика немедленно вырождалась въ грубую персонификацію, духовный экстазъ—въ самый низменный развратъ, а тонкости догматическаго мудрствованія отметались вовсе, совершенно незамѣченныя, какъ не замѣчаетъ ребенокъ въ книгѣ не по его возрасту ничего такого, чего онъ понять не можетъ. Русской интеллигенціи въ XVIII в. не должно было быть вовсе,—или же она должна была пойти по пути религіознаго отщепенства.

Намъ скажутъ: это, какъ разъ, и есть не оправданіе, а просто историческое объясненіе. Оно, дѣйствительно, таково, пока нѣтъ на-лицо обвиненія. Но вѣдь авторы „Вѣхъ" доходятъ въ своемъ моральномъ „вмѣненіи" до огульнаго

---

[1]) См. сравнительный анализъ обоихъ примѣровъ, Толстого и Беніана у *James*, l. c. стр. 152, 157, 184, 186.

осужденія прошлаго, а г. Гершензонъ даже жалѣетъ, что совершилась реформа Петра. И притомъ, прошлое осуждается во имя настоящаго, въ которомъ отыскиваютъ его послѣдствія. Для насъ тоже прошлое не умерло: не только прошлое русской реформы, но и прошлое русской некультурности. И поскольку оно продолжаетъ жить, и историческое объясненіе необходимости интеллигентскаго отщепенства продолжаетъ быть его моральнымъ оправданіемъ.

Конечно, въ настоящемъ уже существуютъ новыя возможности. На нихъ указываетъ религіозная проповѣдь Толстого, не говоря о широкомъ встрѣчномъ теченіи, которое идетъ къ этой проповѣди съ подлинныхъ народныхъ низовъ. Но это вѣдь тоже уже *интеллигентская* вѣра, и не о ней говорятъ авторы „Вѣхъ", когда требуютъ слiянiя съ народной массой на религіозной почвѣ. Попытки этого рода слiянiя—путемъ религіозной реформы—тѣмъ суровѣе осуждались нашей церковью, чѣмъ больше имѣли шансовъ успѣха. Въ согласіи съ этимъ, и наиболѣе послѣдовательный изъ авторовъ „Вѣхъ" требуетъ отнюдь не появленія новыхъ „Мартиновъ Лютеровъ", не „пророчественныхъ носителей новаго религіознаго сознанія". Нѣтъ, онъ требуетъ не культурной интеллигентской иниціативы, а подвига смиренія. Противопоставляя конкретныя религіозныя переживанія народа отвлеченности интеллигентской доктрины, авторы „Вѣхъ" зовутъ насъ учиться у народной мудрости. Мы видѣли, что на такой призывъ, въ сущности, не въ состояніи откликнуться даже они сами,—по крайней мѣрѣ, въ своей теперешней стадіи „опрощенія".

Типы религіознаго отщепенства бываютъ разные; различны и способы ихъ прекращенія, кромѣ предлагаемаго „Вѣхами" опрощенія. Это разнообразіе совершенно игнорируется „моноидеистами" „Вѣхъ". Наиболѣе распространенный типъ отщепенства есть религіозный индифферентизмъ высшихъ круговъ. Практически онъ лучше всего и уживался у насъ съ религіознымъ ритуализмомъ массы. Исторически этого рода „безрелигіозность" явилась монополіею и отличіемъ привилегированнаго сословія, и „винить" за него *интеллигенцію* вовсе не приходится. Въ ин-

теллигентную среду этого рода безрелигіозность стала проникать лишь съ тѣхъ поръ, какъ свободныя профессіи въ Россіи сдѣлались наслѣдственнымъ призваніемъ болѣе или менѣе многочисленной общественной группы. *Традиція* безрелигіозности, разумѣется, съ интеллигентской же точки зрѣнія, заслуживаетъ такого же осужденія, какъ и всякая другая непровѣренная сознательнымъ отношеніемъ традиція. Но у русскихъ интеллигентовъ въ собственномъ смыслѣ типъ религіознаго отщепенства совершенно иной. Интеллигенція не только наша, но и всякая другая, стремится къ созданію цѣльнаго, продуманнаго міровоззрѣнія, ей принадлежитъ творчество—„измовъ", имѣющихъ свое опредѣленное мѣсто въ соціальной эволюціи [1]). При этомъ могутъ получиться два основныхъ варіанта религіознаго отщепенства: оба мы можемъ прослѣдить на примѣрахъ первыхъ же русскихъ интеллигентовъ Петровскаго времени. Я разумѣю типы религіознаго отщепенства Татищева и Тверитинова [2]). Нашъ первый историкъ, какъ извѣстно, явился и первымъ сознательнымъ и принципіальнымъ защитникомъ „свѣтскаго житія", въ отличіе отъ допетровскаго „духовнаго". Онъ построилъ свою интеллигентскую защиту на современномъ ему европейскомъ „измѣ" (сурово осуждаемомъ „Вѣхами"): на раціонализмѣ „естественнаго закона" и на вытекающей отсюда системѣ утилитаризма. Но когда дѣло доходитъ до открытой защиты своего отщепенства, Татищевъ становится чрезвычайно сдержанъ и остороженъ. Претерпѣвъ самъ „не мало невиннаго поношенія и бѣдъ" за свое вольномысліе, онъ совѣтуетъ и своему сыну въ „Духовной" „никогда *явно* отъ вѣры не отставать и вѣры не перемѣнять". Такова самая обычная, *внѣшняя* мѣра предупрежденія отщепенства, по разсудочному принципу „свѣтскаго житія".

Совсѣмъ другой типъ—эмоціональнаго отщепенства, проникнутаго жаждой прозелитизма, представляетъ Твери-

---

[1]) См. объ этомъ, напр. Гиддингса, Principles of Sociology, New-Jork and London, 1896, стр. 145—147.

[2]) См. о нихъ „Очерки", III, 2, стр. 209—217 и II, стр. 103—105.

тиновъ, родоначальникъ русскаго евангелизма. Самъ убѣдившись въ недостаточности мертваго ритуализма, онъ спѣшитъ сообщить свои убѣжденія другимъ. Онъ ведетъ открытую—и весьма успѣшную — религіозную пропаганду, будучи убѣжденъ, что „нынѣ у насъ на Москвѣ, слава Богу, вольно всякому: кто какую вѣру себѣ изберетъ, такую и вѣруетъ“. Однако, этотъ способъ прекращенія отщепенства, путемъ реформаціи, посредствомъ распространенія собственнаго „изма“, оказывается на практикѣ преждевременнымъ. Какъ извѣстно, проповѣдь Тверитинова пресѣчена была въ 1714 году его формальнымъ отреченіемъ и торжественнымъ проклятіемъ своей ереси въ Успенскомъ соборѣ. За открытое исповѣданіе новой вѣры грозило сожженіе въ срубѣ, которому и подвергся одинъ изъ непримиримыхъ послѣдователей Тверитинова.

Здѣсь не мѣсто, разумѣется, излагать исторію русскаго религіознаго и интеллигентскаго отщепенства. Приведенными примѣрами я хотѣлъ лишь показать, что нельзя упрощать вопросъ такъ, какъ это дѣлаютъ авторы „Вѣхъ“. Отщепенство въ русской интеллигенціи сплошь и рядомъ было плодомъ не ослабленія, а усиленія вѣры, уже не умѣщавшейся въ тѣхъ рамкахъ церковности, которыя рекомендуетъ Булгаковъ. И тѣ изъ нашихъ интеллигентовъ, которые вовсе ушли изъ религіи, переживали передъ этимъ, большею частью, мучительный процессъ сомнѣній и исканій. Если „упоенными Богомъ людьми“, по выраженію Струве, были Новиковъ, для котораго масонская проповѣдь „моральнаго перерожденія“ явилась лишь самымъ подходящимъ средствомъ политической борьбы за русскую общественность, и Радищевъ, первый русскій политическій радикалъ и эмпиріокритикъ,—то непонятно, почему этотъ же самый терминъ нельзя распространить на Герцена и Бѣлинскаго, быть можетъ, еще сильнѣе выстрадавшихъ свое интеллигентское міровоззрѣніе. Скрѣпя сердце, Струве соглашается сосредоточить свою ненависть изъ поколѣнія 30-хъ и 40-хъ годовъ на одномъ Бакунинѣ и на „полѣвѣвшемъ“ подъ *его* (?) вліяніемъ Бѣлинскомъ, а затѣмъ перенести ее всецѣло уже на 60-е и 70-е годы. Но и хронологическая

грань 60-хъ годовъ въ этомъ отношеніи не дѣлаетъ никакой разницы, кромѣ, конечно, той, что интеллигентскій процессъ работы надъ вѣрой сталъ легче для тѣхъ поколѣній, которыя имѣли позади себя опытъ своихъ предшественниковъ. Можно ли на этомъ основаніи проводить между тѣми и другими принципіальное различіе? Въ сущности, вся разница здѣсь только въ страстности и въ огульности отрицанія. „Семинаристы" 60-хъ годовъ не виноваты, конечно, что вынесли эту страстность изъ болѣе непосредственнаго соприкосновенія съ міромъ русской церковности и пережили свои личныя религіозно-нравственныя драмы гораздо раньше, чѣмъ вышли на литературное поприще, съ уже готовымъ и законченнымъ міровоззрѣніемъ. Они не виноваты также и въ томъ, что европейскими авторитетами и вождями интеллигенціи оказались въ то время не Гольбахъ и Мозесъ Мендельсонъ, какъ во времена Радищева, не Гегель съ Фейербахомъ, какъ во времена Герцена, а Молешоттъ и Бюхнеръ. Не виноваты будутъ, конечно, и сами авторы „Вѣхъ", что въ ихъ поколѣніи господствовали критицизмъ, психологизмъ и ницшеанство. Монополія авторитетовъ проходитъ и гибнетъ, традиція интеллигентской мысли остается, и въ самыхъ контрастахъ и ошибкахъ ея есть своего рода непрерывность. Мѣняются мотивировки, а цѣли остаются тѣ же. Наши индивидуалисты, напримѣръ, при всей разницѣ теоретическихъ исходныхъ точекъ, уже давно вернулись практически къ Михайловскому. И почему они въ своей идеалистической мотивировкѣ *менѣе* отщепенцы, чѣмъ идеологи русскаго „народничества"—примемъ уже условно этотъ огульный терминъ,—понять невозможно. Страстность русскаго „служенія народу" можно осуждать и порицать съ какихъ угодно точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія „абсолютныхъ цѣнностей", оставленныхъ въ пренебреженіи народниками, съ точки зрѣнія „первенства духовной жизни надъ внѣшними формами общежитія" и т. д. Но именно народолюбіе и даже народопоклонство русской интеллигенціи нельзя обличать съ точки зрѣнія ея „отщепенства". Изъ религіозно-философскихъ мыслителей и моралистовъ „Вѣхъ" пока, по крайней мѣрѣ, никто не пы-

тался прекратить это отщепенство никакимъ инымъ путемъ, кромѣ внутреннихъ „конкретныхъ" переживаній. А русскіе народники пошли сами въ деревню и насъ съ нею впервые познакомили. Они пошли туда, мучась своимъ отщепенствомъ и подчеркивая свое непониманіе, несоизмѣримость своей интеллигентской мысли съ народной, какъ Глѣбъ Успенскій. Въ его лицѣ они дѣлали нечеловѣческія усилія, чтобы найти оправданіе для стихійнаго міровоззрѣнія деревни, для „власти земли". Они подмѣчали, вытаскивали на свѣтъ Божій и безъ конца возились и любовались каждой живой струей, на которую наталкивались, изучая эти инертные, мертвые, массивные почвенные пласты. Они отыскали въ деревнѣ ея собственную интеллигенцію. Отъ религіозной неподвижности массы они ушли въ изученіе народныхъ теченій сектантства. И это они, именно они первые, познакомили насъ съ подлинной — не воображаемой авторами „Вѣхъ", а дѣйствительной русской живой религіозной мыслью. По ихъ слѣдамъ пошли потомъ только одни миссіонеры... Словомъ, во всей исторіи многострадальной русской интеллигенціи ни одно поколѣніе не чувствовало своего отщепенства, и прежде всего религіознаго отщепенства, такъ мучительно, не дѣлало такихъ отчаянныхъ усилій дойти до самаго корня въ изученіи его причинъ, не пыталось такъ настойчиво преодолѣть эти причины и засыпать пропасть, отдѣляющую народъ отъ интеллигенціи, какъ именно поколѣніе нашихъ народниковъ: беллетристовъ, публицистовъ и изслѣдователей народнаго быта. Теперь, въ награду, оно получаетъ отъ „дѣтей" новаго поколѣнія высокомѣрное осужденіе за свое особо-упорное, сектантски-фанатическое... отщепенство. А новые „народники" изъ авторовъ „Вѣхъ" ищутъ способа прекратить этотъ разладъ „внутреннимъ сосредоточеніемъ" въ „эгоцентризмѣ сознанія". Къ этому бѣгству „внутрь" побуждаетъ ихъ ложный, патологическій страхъ собственнаго „безсилія", „изолированности" въ морѣ народной „ненависти", и, слѣдовательно, въ концѣ-концовъ, тоже... „политика!" (стр. 74, 76, 85, 87). Прочтите, въ самомъ дѣлѣ, эти усиленныя убѣжденія Булгакова—не вызывать противниковъ на „борьбу съ интелли-

гентскими вліяніями на народъ — ради защиты его вѣры", не дразнить „черносотенства" „интеллигентскимъ просвѣтительствомъ", не „употреблять всю силу своей образованности на разложеніе народной вѣры", давая тѣмъ оружіе противъ интеллигенціи „своекорыстнымъ сторонникамъ реакціи, аферистамъ, ловцамъ въ мутной водѣ"; не „растрачивать лучшія силы въ безплодной борьбѣ" (62—67). Для всѣхъ тѣхъ, кто не можетъ послѣдовать примѣру Булгакова, „смириться" умственно и нравственно и взять на себя подвижническій подвигъ „послушанія", т. е. для огромнаго большинства и русской, и всякой интеллигенціи, какой иной смыслъ могутъ имѣть эти совѣты практической политики, какъ не возвращеніе къ формулѣ Татищева, къ внѣшнему примиренію неизбѣжнаго психологически отщепенства съ формальнымъ исповѣданіемъ народной вѣры? Не говорю уже о томъ, какія практическія послѣдствія для постановки вопросовъ о народной школѣ, о роли господствующей церкви, о терпимости и о свободѣ совѣсти влечетъ за собой та конфессіональная точка зрѣнія, которую Булгаковъ хочетъ навязать интеллигенціи, какъ ея національную миссію.

V.

Безгосударственность интеллигенціи.

Послѣдній выводъ — о *политической* цѣли моральнорелигіозныхъ призывовъ „Вѣхъ"—можетъ показаться парадоксальнымъ въ настоящей стадіи нашихъ разсужденій. Какимъ образомъ протестъ противъ „политики", противъ „преувеличеннаго интереса къ вопросамъ общественности" (79), во имя „первенства духовной жизни надъ внѣшними формами общежитія" можетъ руководиться *тоже* политикой, только особаго рода, и притомъ еще въ той самой области, которая непосредственно касается „духовной жизни" въ самомъ интимномъ ея проявленіи, въ религіи?

Но мы переходимъ теперь ко второму обвиненію „Вѣхъ" противъ интеллигенціи,—и это обвиненіе уже всецѣло вводитъ насъ въ ту же область политики. Интеллигенція, та самая интеллигенція, которая повинна въ „излишнемъ увле-

ченіи“ вопросами общественности и „внѣшними формами общежитія“, не только безрелигіозна, но и безгосударственна. „Отщепенцы“ отъ вѣры являются и отщепенцами отъ государства.

На вопросъ нашъ: отщепенцы отъ *какой* вѣры, мы получили не вполнѣ отчетливый, но тѣмъ не менѣе достаточно вразумительный отвѣтъ: отъ исторической вѣры. Можно-ли думать, что и упрекъ въ отщепенствѣ отъ государства означаетъ—отъ историческаго государства?

Когда въ третьей Гос. Думѣ депутаты Марковъ 2-й, Пуришкевичъ, Шульгинъ упрекаютъ насъ въ антигосударственности и анархизмѣ, когда тѣ же упреки раздаются со столбцовъ правительственнаго оффиціоза или изъ устъ одного изъ членовъ кабинета, то мы уже знаемъ, что это значитъ. „Государство“ отожествляютъ, во-первыхъ, съ „правительствомъ“, во-вторыхъ, съ опредѣленной, именно *старой* формой государственности. И въ этомъ смыслѣ упрекъ вполнѣ основателенъ. Но только тѣ, къ кому онъ обращенъ, принимаютъ его, не какъ упрекъ, а какъ точное опредѣленіе ихъ политической роли и задачи. Дѣйствительно, русская интеллигенція (а затѣмъ и „оппозиція“) почти съ самаго своего возникновенія была антиправительственна и историческому государству противополагала правовое. Возможность прекратить этотъ вѣковой разладъ представлялась рѣдко и всегда проходила неиспользованной. Такъ было въ первые годы царствованія Екатерины II, Александра I и Александра II. Нельзя отрицать, что такая неизмѣнность разъ занятой позиціи породила у интеллигенціи извѣстные политическіе навыки, которые обыкновенно отсутствуютъ при нормальныхъ условіяхъ политической жизни. Исчезнуть эти послѣдствія могутъ только вмѣстѣ съ породившими ихъ причинами. Нападать на нихъ внѣ этой естественной и неразрывной связи—значитъ заниматься довольно безплоднымъ занятіемъ.

Очевидно, однако же, что авторы „Вѣхъ“, изъ которыхъ нѣкоторые принимали сами видное участіе въ борьбѣ за правовой строй, говорятъ объ „антигосударственности“ нашей интеллигенціи не въ этомъ—или, по крайней мѣрѣ,

не совсѣмъ въ этомъ, а въ какомъ нибудь другомъ смыслѣ. Въ своемъ полемическомъ „неистовствѣ" они, къ сожалѣнію, и здѣсь не успѣваютъ точно формулировать свою мысль. Но нѣкоторыя указанія отъ нихъ получить можно.

Всего ярче и опредѣленнѣе формулировано обвиненіе въ безгосударственности у П. Б. Струве, поддерживаемаго Булгаковымъ.

Безгосударственность интеллигенціи оба они ставятъ въ связь съ противогосударственными элементами русской исторіи, съ „темными стихіями", которыя „съ трудомъ преодолѣвались русской государственностью" и въ которыхъ теперь „интеллигентское просвѣтительство пробуждаетъ дремавшіе инстинкты, возвращая Россію въ хаотическое состояніе". П. Б. Струве даетъ осуждаемому имъ явленію и историческое имя. Онъ называетъ этотъ „элементъ, вносившій въ народныя массы анархическое и противогосударственное броженіе", — „воровствомъ". Этотъ терминъ политической мысли XVII вѣка часто употребляется, впрочемъ, и съ каѳедры 3-й Государственной Думы. Русская интеллигенція есть „историческій преемникъ" политическаго „воровства" XVII вѣка, казачества, „вольницы", по терминологіи Михайловскаго [1].

Можно было бы напомнить П. Б. Струве, что понятіе политическаго „воровства" XVII вѣка шире, чѣмъ онъ предполагаетъ. Подъ нимъ кромѣ „соціальнаго" воровства степныхъ эмигрантовъ Московской Руси разумѣется еще и дѣйствительно „политическое" воровство боярскихъ и дворянскихъ конституціоналистовъ. Именно это послѣднее „воровство" имѣютъ въ виду тѣ народныя пѣсни про царя Ивана IV, въ которыхъ этотъ первый представитель демагогическаго абсолютизма обѣщаетъ „повывести измѣну изъ русской земли". Московской власти удалось то, чего, при другихъ обстоятельствахъ, не удалось графу Витте:

[1]) Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, авторы „Вѣхъ" оперируютъ популярными понятіями, пущенными въ оборотъ ихъ противниками, съ которыми, двадцать лѣтъ назадъ, они вступили въ полемику.

осуществить общечеловѣческій лозунгъ; divide et impera. Одно „воровство“ она очень искусно побила другимъ: служилые верхи—крестьянской демократіей, а крестьянскую демократію—служилымъ дворянствомъ [1]). Если П. Б. Струве угодно видѣть въ идеологіи дворянскаго и демократическаго „воровства“ XVI и XVII вѣка зародыши позднѣйшей интеллигенціи, противъ этого можно было бы и не возражать, но съ однимъ условіемъ. Тогда пришлось бы или съ „воровства“ политическихъ и соціальныхъ идеологовъ старой Руси снять одіумъ „противогосударственности“, или дѣйствительно возложить этотъ одіумъ на *всю* русскую интеллигенцію, но тогда уже въ смыслѣ тожественномъ съ Пуришкевичемъ и Марковымъ 2-мъ.

Въ дѣйствительности, дѣло пока такъ далеко не идетъ. Мы видѣли, какъ П. Б. Струве съуживаетъ понятіе той „интеллигенціи“, къ которой онъ относитъ свои упреки. Въ концѣ концовъ, на эту, узко очерченную, группу падаетъ и обвиненіе въ „отщепенствѣ, отчужденіи отъ государства и враждебности ему“ (стр. 131). Антигосударственность усматривается „въ абсолютномъ видѣ—въ анархизмѣ“, а въ „относительномъ—въ разныхъ видахъ русскаго революціоннаго радикализма“. Подъ послѣднимъ разумѣются, прежде всего, „разныя формы русскаго соціализма“. Очень тѣсно опредѣляются и хронологическіе предѣлы антигосударственнаго отщепенства русской интеллигенціи. „Идейно“ оно подготовлено еще въ 40-хъ годахъ, но практически обнаружилось „въ моментъ государственнаго преобразованія 1905 года“ или даже, еще точнѣе, послѣ 17 октября этого года. Быстрота побѣды „подѣйствовала опьяняюще на интеллигенцію; она вообразила себя хозяиномъ исторической сцены“ и проявила свой „безрелигіозный максимализмъ“.

Это—вполнѣ опредѣленно. Если бы обвиненіе этимъ и ограничивалось, то оставалось бы только устранить терминъ „интеллигенція“, поставивъ на его мѣсто „анархизмъ“ и „разныя формы русскаго соціализма“. Тогда можно было бы

[1]) См. объ этомъ подробнѣе въ Очеркахъ III, 1, и въ Russia and its crisis, 353—357. Французскій переводъ: La crise russe, стр. 259—262.

согласиться со Струве, что и въ самомъ дѣлѣ политическія выступленія этого рода, особенно въ концѣ 1905 г., весьма сильно повредили дѣлу государственнаго преобразованія. Однако же, безсиліе революціоннаго максимализма добиться своей фантастической цѣли было ясно для Струве уже очень давно; и тѣмъ не менѣе, онъ не полагалъ прежде, что подобными попытками и исчерпываются итоги политической дѣятельности интеллигенціи. Еще въ 1901 г. онъ оговорился, что его извѣстное сужденіе объ интеллигенціи, какъ о quantité négligeable, относилось „вовсе не къ очередной задачѣ русской жизни (т. е. политической, „въ разрѣшеніи которой роль интеллигенціи“ Струве признавалъ „огромной“), а къ той титанической соціально-экономической задачѣ (т. е. осуществленію соціалистическаго строя), которая такъ неисторически и—въ дурномъ смыслѣ—*утопически возлагалась народнической литературой на интеллигенцію*“. Подъ „утопизмомъ“ Струве разумѣлъ тогда „неправильное и мечтательное превращеніе конечной цѣли, къ которой ведутъ трудные и сложные историческіе пути, въ основную практическую задачу дѣйствительности“ [1]). Все это безусловно правильно. Если бы терминъ „Вѣхъ“ („максимализмъ“) лишь воспроизводилъ прежній терминъ („утопизмъ“), то противъ разсужденій Струве рѣшительно нечего было бы возразить. Но, повидимому, впечатлѣнія революціонныхъ годовъ произвели на Струве дѣйствіе, подобное тому, которое онъ самъ описалъ въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій. Онъ теперь „замѣчаетъ зло, гдѣ его не видѣлъ раньше, и открываетъ добро въ томъ, что прежде съ чужого голоса принималъ за зло“ [2]). И терминъ „максима-

---

[1]) На разныя темы, статья: Памяти Шелгунова, стр. 314—315.

[2]) Стр. 293: „Эта эпоха пробужденія... вливаетъ въ душу множество новаго содержанія. Точно въ темную комнату врывается яркій дневной свѣтъ, и окружающія вещи, прежде извѣстныя только на ощупь, начинаютъ расцвѣчиваться красками, выступаютъ въ зрительной перспективѣ и изъ нанизываемыхъ по одиночкѣ однихъ ощущеній превращаются въ брызжущую свѣтомъ цѣльную картину“. Такой же, по существу, *религіозный* переворотъ пережилъ и Бердяевъ. Свое право на нетерпимость и страстность онъ, подобно Струве, доказываетъ силой и „глубиной“ сво-

лизмъ“ получаетъ теперь новое, болѣе широкое содержаніе. Какое именно, авторъ пока еще самъ точно не выяснилъ. Контуры вещей, повидимому, еще двоятся въ его глазахъ. Ясно лишь, что „максимализмъ“ для П. Б. Струве есть собирательное имя всего того „зла“, котораго онъ „не видѣлъ раньше“. По его теперешнему мнѣнію, „актомъ 17 октября по существу и формально революція должна бы завершиться“. Между тѣмъ, „отщепенскія идеи и отщепенское настроеніе всецѣло овладѣли широкими кругами русскихъ образованныхъ людей. Исторически, вѣками слагавшаяся власть должна была пойти на смарку тотчасъ послѣ сдѣланной ею уступки, въ принципѣ рѣшившей вопросъ о русской конституціи“. Нельзя сказать, чтобы эти неопредѣленныя и двусмысленныя выраженія легко укладывались въ рамки „утопизма“ 1901 года. Далѣе, черезъ нѣсколько страницъ, находимъ выраженія еще болѣе рѣшительныя. Дѣло даже не въ томъ, что „революцію дѣлали плохо, а въ томъ, что ее вообще дѣлали. Дѣлали революцію въ то время, когда вся задача состояла въ томъ, чтобы всѣ усилія сосредоточить на политическомъ воспитаніи и самовоспитаніи“ (141). Итакъ, теперь Струве думаетъ, что дѣло не въ „политической тактикѣ“, не въ удачѣ или неудачѣ выбора „основной практической задачи дѣйствительности“ и способовъ ея достиженія. Дѣло въ „пересмотрѣ всего міросозерцанія интеллигенціи“: въ томъ, чтобы „въ основу политики положить идею не внѣшняго устроенія общественной жизни, а внутренняго совершенствованія человѣка“.

Мы видимъ теперь, почему Струве такъ настойчиво къ терминамъ „максимализмъ“ и „отщепенство“ прибавляетъ опредѣленіе „безрелигіозный“. Въ революціи не было „ни грана религіозной идеи“; *поэтому* въ свою борьбу „интеллигенція внесла огромный фанатизмъ ненависти, убійственную прямолинейность выводовъ и построеній“.

ихъ личныхъ переживаній. „Я глубоко пережилъ“, „глубоко и мучительно пережилъ“, „получилъ право обвинять“ и т. д. См. Дух. кризисъ, стр. 2, 299—300. Если не ошибаюсь, самый терминъ „максимализмъ“ въ новомъ смыслѣ введенъ въ оборотъ именно Бердяевымъ.

Поэтому же, и „просочившись въ народную среду, интеллигентская идеологія должна была дать вовсе не идеалистическій плодъ", а „разнузданіе и деморализацію". Рѣчь идетъ, стало быть, „не просто о политической ошибкѣ, не просто о грѣхѣ тактики. Тутъ была ошибка моральная". Суть ея состояла въ томъ, что „безрелигіозный максимализмъ... отметаетъ проблему воспитанія въ политикѣ и въ соціальномъ строительствѣ, замѣняя его внѣшнимъ устроеніемъ жизни".

По несчастію, въ тотъ моментъ, когда картина проясняется для Струве, благодаря его навязчивой идеѣ „религіознаго радикализма", она заволакивается туманомъ для насъ. Формально и съ натяжкой, если угодно, можно и тутъ относить нападенія Струве не къ „интеллигенціи" и къ „образованнымъ людямъ", а къ его политическимъ врагамъ слѣва въ тѣсномъ смыслѣ и къ революціонной тактикѣ конца 1905 г. Съ натяжкой можно и въ противопоставленіи „проблемы воспитанія"—революціонной дѣятельности видѣть переведенный на новый языкъ старый марксистскій контрастъ между экономической „эволюціей" и революціоннымъ „бланкизмомъ" [1]). Но всѣ эти натяжки ненужны и безполезны, ибо онѣ противорѣчили бы главной, *религіозной* идеѣ статьи Струве и направленію всего сборника. Приходится въ неясностяхъ и двусмысленностяхъ видѣть новые шаги, пока еще нерѣшительные, но все же идущіе въ опредѣленномъ направленіи. „Безгосударственность", какъ и „безрелигіозность", вмѣстѣ со всѣми конкретными обвиненіями, которыя группируются около этихъ общихъ, очевидно, приписываются всей „интеллигенціи" *вообще,* въ широкомъ значеніи этого слова, а не въ специфическомъ и условномъ, приданномъ ему въ истолкованіи Струве. Такой же смыслъ—*общаго* совѣта, а не спеціально предназначеннаго для „максималистовъ 1905 г.", имѣетъ противоположеніе „воспитанія" „политикѣ". Углу-

---

[1]) См., напр., стр. 141: „въ основѣ тутъ лежало представленіе, что прогрессъ общества можетъ быть и не плодомъ совершенствованія человѣка, а ставкой, которую слѣдуетъ сорвать въ исторической игрѣ, апеллируя къ народному возбужденію".

бленіе внутрь есть методъ леченія интеллигенціи вообще [1]), все равно, занимается-ли она „очередной задачей русской жизни" или „титанической" задачей, „утопически" на нее возложенной *однимъ* изъ интеллигентскихъ теченій.

Объ этомъ новомъ лекарствѣ у насъ еще будетъ рѣчь далѣе. Теперь же займемся „безгосударственностью" русской интеллигенціи, какъ въ общемъ, такъ и въ спеціальномъ смыслѣ этого опредѣленія.

Въ числѣ статей „Вѣхъ" есть одна, съ которой можно вполнѣ согласиться, за исключеніемъ ея терминологіи, а также тѣхъ вступительныхъ и заключительныхъ фразъ, которыми она, довольно искусственно, пришита ко всему сборнику. Но какъ разъ эта статья заключаетъ въ себѣ (конечно, помимо воли ея автора) самую злую критику основной идеи „Вѣхъ" о „первенствѣ духовной жизни надъ внѣшними формами общежитія". Авторъ ея, г. Кистяковскій, какъ разъ взялся разработать тему о „внѣшнихъ формахъ общежитія". И онъ этимъ не мало смущенъ. Какъ бы извиняясь, онъ оговаривается, что долженъ защищать „относительную цѣнность"—право, тогда какъ всѣ другіе сотоварищи защищаютъ цѣнности „абсолютныя". Еще хуже для него то, что именно противъ преобладанія его „относительной цѣнности" и направлена основная идея сборника. Какъ бы примиряя съ собой своихъ единомышленниковъ, онъ поясняетъ, что „самое существенное содержаніе права составляетъ свобода". „Правда, свобода внѣшняя, относительная, обусловленная общественной средой", спѣшитъ онъ оговориться. „Но внутренняя, болѣе безотно-

---

[1]) Для выясненія политическаго смысла обвиненій „Вѣхъ" необходимо имѣть въ виду опредѣленіе „интеллигентскаго максимализма" и его противоположности Булгаковымъ, стр. 55: „Оборотной стороной интеллигентскаго максимализма является историческая нетерпѣливость, недостатокъ исторической трезвости, стремленіе вызвать соціальное чудо, практическое отрицаніе теоретически исповѣдуемаго эволюціонизма. Напротивъ, дисциплина „послушанія" должна содѣйствовать выработкѣ исторической трезвости, самообладанія, выдержки; она учитъ *нести историческое тягло*, ярмо историческаго послушанія, она воспитываетъ чувство связи съ прошлымъ и признательность этому прошлому". Подобныя же заявленія см. у Бердяева, Дух. кризисъ, стр. 7.

сительная, духовная свобода возможна только при существованіи свободы внѣшней" („внѣшнихъ формъ общежитія?"), скромно оговаривается онъ. И вотъ, что касается „свободы внѣшней", г. Кистяковскому приходится начать съ заявленія, что „русская интеллигенція никогда не уважала права", а потому у ней „не могло создаться и прочнаго правосознанія". Съ точки зрѣнія „Вѣхъ"—это очень хорошо. И г. Кистяковскій спѣшитъ прибавить: „нѣтъ основанія упрекать нашу интеллигенцію въ игнорированіи права. Она стремилась къ болѣе высокимъ и безотносительнымъ идеаламъ и могла пренебречь на своемъ пути этой второстепенной цѣнностью".

Тутъ, однако, становится ясно, что скромныя оправданія имѣютъ скорѣе видъ лукавой ироніи. Насмѣшка становится еще очевиднѣе, когда, нѣсколькими страницами дальше, то же замѣчаніе излагается извѣстными стихами поэта-юмориста Б. Н. Алмазова:

Широки натуры русскія;
Нашей правды идеалъ
Не влѣзаетъ въ формы узкія
Юридическихъ началъ.

Кто же, въ самомъ дѣлѣ, „виноватъ" въ подобномъ пренебреженіи къ праву? Неужели *вся* русская интеллигенція? Отнюдь нѣтъ. Кистяковскій признаетъ, что въ приведенныхъ стихахъ „по существу вѣрно изложенъ взглядъ славянофиловъ", идейныхъ предшественниковъ авторовъ „Вѣхъ". Славянофилы, подобно „Вѣхамъ", „въ слабости внѣшнихъ правовыхъ формъ и даже въ полномъ отсутствіи внѣшняго правопорядка въ русской общественной жизни усматривали положительную, а не отрицательную сторону" [1]).

[1]) См. воспроизведеніе этого славянофильскаго взгляда у *Бердяева* „Дух. кризисъ", стр. 42—43. Бердяевъ является самымъ послѣдовательнымъ антигосударственникомъ. Для него вообще не можетъ быть „христіанскаго государства", такъ какъ всякое государство есть уже компромиссъ съ язычествомъ. „Государство надо признать, „чтобы преодолѣть". Оно есть необходимое и временное зло, и выходъ изъ него— въ „свободную теократію". См. тамъ же, 7—8, 50, 113, 122.

Замѣчанія Кистяковскаго не только бьютъ по авторамъ „Вѣхъ". Они неожиданнымъ образомъ приводятъ насъ въ самую лабораторію „антигосударственности", въ которой обвиняется русская интеллигенція. Вмѣстѣ съ тѣмъ они даютъ и отвѣтъ на вопросъ: кто же больше виноватъ въ „антигосударственности?" Тѣ ли, кто выдвигаетъ на первый планъ „внѣшнія формы?" Или кто, со ссылкой на славянофиловъ, предпочитаетъ имъ „внутреннюю правду", „духовную жизнь", не желающую „влѣзать въ узкія формы юридическихъ началъ?" Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ точно локализировать „вину" русской „интеллигенціи", опредѣлить ея размѣръ и тѣмъ самымъ устранить огульность обвиненія. Суть этого отвѣта должна заключаться въ томъ, что не только русская интеллигенція не была „безгосударственна", но что, напротивъ, за очень немногими исключеніями, на которыя указываетъ Кистяковскій, черезъ ея исторію красной нитью проходитъ борьба за истинную государственность и законность противъ вотчинныхъ началъ стараго строя и „широкихъ русскихъ натуръ" стараго быта. „Безгосударственны" же только идейные родоначальники „Вѣхъ"

Сама по себѣ, въ самомъ своемъ происхожденіи, русская интеллигенція есть созданіе новой русской государственности. Въ первыхъ поколѣніяхъ ея составъ и исчерпывается кругомъ непосредственныхъ помощниковъ власти въ государственномъ строительствѣ. Эти интеллигенты всѣ — государственники. Имъ принадлежатъ и первыя попытки оффиціально ввести въ Россіи и воплотить въ жизни господствовавшую тогда въ Европѣ теорію государственнаго права. Когда интеллигенція дѣлается оппозиціонной (при Екатеринѣ II), эта оппозиція, даже въ самыхъ радикальныхъ своихъ проявленіяхъ, никогда не является противогосударственной. Первыя серьезныя столкновенія общественнаго мнѣнія съ правительствомъ въ это царствованіе не суть столкновенія между государственностью и противогосударственностью. Это есть борьба между двумя взглядами на государственность: историческимъ, начинающимъ себя оправдывать раціоналистическими аргументами, и

правовымъ, стремящимся къ формальному ограниченію самодержавія и къ безусловному господству закона. Въ этомъ поколѣніи интеллигенціи уже представлены оба теченія, теперь борющіяся. Есть тамъ и идеалисты, требующіе, на почвѣ метафизики и этики, „моральнаго перерожденія“, и утилитаристы, первые провозвѣстники эволюціонизма и эмпирической научности. Но между ними нѣтъ теперяшняго спора о контрастѣ или о „первенствѣ“ духовной жизни или внѣшнихъ формъ. И тѣ, и другіе совершенно согласны въ защитѣ правовой точки зрѣнія отъ безправія быта, отъ произвола власти, отъ идеализаціи русской старины и русскаго духа. Являются ли эти защитники государственности, основанной на законѣ, такими же „отщепенцами“ отъ исторической традиціи и отъ покорной ей народной массы, какъ и первые провозвѣстники „измовъ“, стройныхъ міровоззрѣній? Конечно, да,—въ томъ смыслѣ, что масса и бытъ, окружающая среда, суть для нихъ предметъ воспитанія, интеллигентскаго воздѣйствія, а не поклоненія и пассивнаго подражанія. Ихъ проповѣдь имѣетъ уже и нѣкоторый успѣхъ въ этой средѣ. Они не одни. За ними безусловно стоитъ часть среднихъ дворянъ и образованный слой тогдашней буржуазіи, „подлаго мѣщанства“. Припомнимъ поведеніе городскихъ депутатовъ въ Екатерининской комиссіи; припомнимъ отзывъ Екатерины Дидро, что эти люди стремятся къ „свободѣ“; припомнимъ, что изъ этой среды вышелъ первый русскій читатель-другъ, первый потребитель русскихъ журналовъ и книгъ. Приходится—и этотъ вновь нарождавшійся образованный классъ тоже считать за „отщепенцевъ“, ибо тамъ уже иронизировали надъ древними „русскими добродѣтелями“, предоставляя ихъ возвеличеніе защитникамъ стараго историческаго порядка.

Въ общемъ, картина остается та же и во время царствованія Александра I. Разница лишь та, что борьба за реформу „внѣшнихъ формъ общежитія“ при „либеральномъ“ правительствѣ ведется еще шире и тверже, чѣмъ прежде. Появляется, правда, національно-консервативная оппозиція, и первыя самостоятельныя либеральныя начинанія обще-

ства замѣтно отстаютъ въ трезвости, широтѣ и практичности отъ первой либеральной программы, начертанной Радищевымъ. Какъ бы то ни было, Александровскихъ „либералистовъ“ никто не считалъ противогосударственниками, — ни конституціонныхъ монархистовъ, ни республиканцевъ, ни до, ни послѣ военнаго бунта. И только послѣ крушенія декабристскаго возстанія создается новое настроеніе, съ котораго „Вѣхи“ могутъ начинать исторію своихъ предковъ.

Какъ извѣстно, именно въ этотъ моментъ проникаетъ въ Россію вліяніе европейскаго реакціоннаго романтизма [1]). Подъ его вліяніемъ впервые и въ русской интеллигенціи является реакція „внутренней жизни“ противъ „политики“. Вмѣстѣ съ тѣмъ появляются и первыя сѣмена противогосударственности. „Политика“ строго преслѣдуется и жестоко наказуется въ теченіе всего царствованія Николая I. До самаго конца жизни онъ не можетъ забыть урока, даннаго декабрьскимъ возстаніемъ. Зато процвѣтаютъ—и до 48 года терпятся, одно время даже поощряются—два теченія: націоналистическая философія и соціальная утопія, славянофильство и фурьеризмъ. Причина такой классификаціи политическихъ теченій ясна. Во-первыхъ, и націонализмъ, и соціализмъ были принципіально враждебны либерализму, какъ направленію космополитическому и недемократическому. Во-вторыхъ, оба они одинаково сторонились отъ текущей практической политики и довольствовались туманными мечтами о будущемъ величіи русскаго народа. Правда, и они дѣлали исключеніе для крѣпостного права, единственнаго жизненнаго вопроса, стоявшаго въ ихъ программѣ. Но о крестьянской реформѣ начало уже серьезно подумывать и правительство, понимая, что существовавшаго положенія нельзя было длить долго. Многомилліонная крестьянская масса должна была явиться могучимъ союзникомъ безсословной интеллигенціи при эмансипаціи. Противниками эмансипаціи являлись люди

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ моментѣ см. въ моихъ „Главныхъ теченіяхъ русской исторической мысли“ и въ Russia and its crisis, 48—57 (Фр. п. 33—40).

той же самой дворянской среды, которая мечтала, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, объ ограниченіи самодержавія. Это были тѣ же самые „господа", которые, съ самой Екатерины II, „скрывали" отъ народа указъ о „свободѣ". Такимъ образомъ, союзъ правительства съ демократической интеллигенціей на почвѣ эмансипаціи намѣчался самъ собою.

Такова была связь идей, легшая въ основу единственнаго (до послѣднихъ годовъ) антигосударственнаго и анархическаго теченія въ русской интеллигенціи. Конечно, развѣтленія отъ этого клубка шли далеко и въ стороны, и вдаль. Націоналистической стороной лица „двуликій Янусъ" смотрѣлъ въ прошлое и доказывалъ, что русская натура не вмѣщаетъ юридическихъ началъ, что государство и дружина въ Россіи суть начала чужія, наносныя, а народъ русскій признаетъ только одно начало—любовнаго, христіанскаго общенія въ крестьянскомъ мірѣ, и такого же любовнаго, нравственнаго, формально необязательнаго общенія „земли" съ государствомъ въ земскомъ соборѣ. Другой, соціалистической половиной лица тотъ же Янусъ смотрѣлъ въ будущее и предрекалъ, что наступитъ время, и крестьянскій міръ скажетъ Европѣ и всему свѣту свое новое славянское слово, положивъ безгосударственный, добровольный союзъ народныхъ міровъ въ основу соціальнаго и нравственнаго обновленія человѣчества. Когда пришлось смотрѣть не въ прошлое, и не въ будущее, а въ настоящее,—какъ это было въ эпоху реформъ,—на сцену опять явилось не славянофильство, и не соціализмъ, а либерализмъ, воскресшій въ одеждѣ западничества и предложившій власти стройную, хорошо продуманную и блестяще исполненную программу актуальныхъ „великихъ реформъ".

Прослѣдимъ теперь ту же идейную комбинацію хронологически. Національно-соціальный клубокъ, завязавшійся въ 30-хъ и 40-хъ годахъ въ московскихъ гостиныхъ, былъ размотанъ въ 50-хъ, послѣ переворотовъ 1848 г., Герценомъ за границей, потомъ въ 60-хъ годахъ подхваченъ Бакунинымъ, превратившимъ соціальнофилософскія пророчества Герцена въ соціалъ-революціонную программу, а затѣмъ переброшенъ назадъ въ Россію, гдѣ еще разъ

переработанъ новымъ поколѣніемъ разночинцевъ-писателей и одновременно пущенъ въ практическій оборотъ революціонной учащейся молодежью [1]). Но по мѣрѣ теоретической и практической разработки въ „разныхъ формахъ *русскаго* соціализма“, основной безгосударственный и анархическій мотивъ постепенно ослабѣвалъ и сознательно выбрасывался, уступая мѣсто государственности *европейскаго* соціализма. Процессъ этотъ кончился бы гораздо скорѣе, если бы не мѣшала этому патологическая обстановка нашей общественной эволюціи. Въ томъ видѣ, какъ шло дѣло,—то, что цѣной тяжелыхъ опытовъ и огромныхъ жертвъ надумывалось и усвоивалось однимъ поколѣніемъ, тотчасъ терялось для другого, и начинались вновь безумные, наивные, дѣтскіе— поистинѣ „педократическіе“—опыты хожденія на собственныхъ ногахъ, кончавшіеся новыми паденіями и физическими поврежденіями, впредь до новаго перерыва и новой выучки самоучками, сначала, опять до „того же самаго мѣста“.

Во всякомъ случаѣ, даже и со всѣми этими паденіями и воскресеніями, огульное обвиненіе всего русскаго соціализма, всей молодежи, всего революціоннаго движенія въ „безгосударственности“ и „анархизмѣ“ невѣрно и несправедливо. Какъ и всѣ остальныя обвиненія „Вѣхъ“, оно слишкомъ игнорируетъ разнообразіе и сложность явленія. Безгосударственно и анархично въ полной мѣрѣ какъ разъ то ученіе славянофиловъ, которому авторы „Вѣхъ“ подаютъ руку. И въ этомъ отрицаніи государства есть извѣстная гармонія съ признаніемъ верховенства внутренней жизни [2]). Иронія Кистяковскаго тутъ вполнѣ умѣстна. Безгосударственно затѣмъ и ученіе Герцена 50-хъ годовъ, прямо построенное изъ славянофильскихъ матеріаловъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ Прудона. Оно сложилось подъ тѣми же впечатлѣніями европейскихъ событій—краха „буржуазныхъ“ [3]) *политическихъ* революцій 40-хъ годовъ,

---

[1]) Подробнѣе эта филіація идей прослѣжена въ Russia and its crisis, 259—264, 361—386. (Франц. переводъ, стр. 190—194, 266—284).

[2]) Особенно ярка эта связь у Бердяева, вполнѣ послѣдовательно отрицающаго государство во имя внутренней, религіозной свободы.

[3]) Эта мысль Бакунина усвоена и Бердяевымъ; см. Дух. кризисъ, 50 „политическія революціи *не* радикальны“.

антипарламентарнаго, антилиберальнаго и синдикалистскаго настроенія въ Европѣ, протеста „ручныхъ“ профессій противъ „интеллигентскихъ“ и т. п. Правда, безгосударственность славянофиловъ и Герцена была только теоретическая [1]). Практической, революціонной она сдѣлалась лишь съ тѣхъ поръ, какъ Бакунинъ, съ присущей ему рѣшительностью, сдѣлалъ изъ кризиса *политическихъ* революцій выводъ о необходимости *соціальной* революціи и сталъ къ ней дѣятельно готовиться. На Бакунина и обрушивается главное негодованіе Струве. Но при этомъ игнорируется, что, во-первыхъ, вліяніе Бакунина на русское движеніе началось не съ самаго его начала и относится, главнымъ образомъ, къ первой половинѣ 70-хъ годовъ; во вторыхъ, что, въ русскомъ соціализмѣ уже и въ то время шла ожесточеннѣйшая борьба мнѣній и теорій, и въ третьихъ, что поправки къ „чистому“ анархизму и бунтарству Бакунина начали дѣлаться одновременно съ началомъ его вліянія, а къ концу того же десятилѣтія анархизмъ началъ выбрасываться и изъ теоріи и изъ практики русскаго соціализма самими его вождями [2]). „Это—устарѣлое обвиненіе“, говоритъ уже Желябовъ на судѣ. „Мы за государство, а не за анархизмъ. Мы признаемъ, что правительство всегда будетъ существовать и что государство должно необходимо оставаться до тѣхъ поръ, пока существуютъ какіе-бы то ни было общественные интересы, которымъ оно служитъ“. Въ 1880 г. Аксельродъ, именемъ Маркса, объявилъ, что разрушеніе общины необходимо для торжества соціализма, и что нужно, вмѣсто подготовки аграрной революціи, заняться организаціей рабочей партіи. А въ 1883 и 1885 г.г. появились основныя произведенія Плеханова, въ которыхъ „единственной не фантастической цѣлью русскихъ соціалистовъ“ признавалось „достиженіе свободныхъ политическихъ учрежденій и подготовка элементовъ для обра-

---

[1]) На то, что Бѣлинскій и Боткинъ очень скоро отъ этой точки зрѣнія отказались, указалъ самъ П. Б. Струве. См. На разныя темы, стр. 110—114.

[2]) См. объ этомъ процессѣ элиминированія Бакунинскихъ идей изъ русскаго соціализма въ Russia and its crisis, 386—432. (Франц. пер., стр. 284—318).

зованія, въ будущемъ, соціалистической партіи въ Россіи". Къ концу 80-хъ годовъ примирительное настроеніе пошло еще дальше, и въ „Свободной Россіи" 1889 г. политическая свобода была объявлена не только временной цѣлью, но „благомъ самимъ по себѣ". Газета заявляла, что „никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ политическихъ, не можетъ теперь быть въ Россіи". Въ 1890 г. къ этому прибавилось заявленіе Степняка, что „главной поддержкой (при низверженіи самодержавія) является образованный классъ..., такъ какъ онъ—сердце націи; онъ занимаетъ вліятельные посты, руководитъ печатью, сидитъ въ земствахъ и въ городскихъ думахъ, занимаетъ профессорскія каѳедры". „Мы всѣ понимаемъ", прибавлялъ Степнякъ, „что въ современной Россіи политическая свобода можетъ быть достигнута лишь въ формѣ конституціонной монархіи". „Мы совершенно не вѣримъ въ возможность перестроить экономическій порядокъ вещей путемъ вспышки революціоннаго вдохновенія".

Конечно, всѣ эти благоразумныя соображенія, всѣ ссылки на мирную эволюцію германской соціалъ-демократіи пошли прахомъ, и ожили самыя дикія фантазіи 60-хъ годовъ, какъ только новая, опять совершенно неопытная, соціалистическая молодежь XX вѣка неожиданно для самой себя почувствовала подъ собой почву въ рабочей и народной средѣ. Мы пережили вновь такой рецидивъ утопизма, который теперь кажется невѣроятнымъ даже многимъ изъ самихъ его вдохновителей. Мы познакомились, впервые въ Россіи, и съ настоящимъ анархизмомъ новѣйшаго происхожденія. Факты на лицо. Но можно ли объяснять ихъ, какъ наслѣдіе 60-хъ годовъ, связывать съ опредѣленнымъ философскимъ міровоззрѣніемъ того времени и, наконецъ, дѣлать за нихъ отвѣтственными *всю* русскую интеллигенцію?

Я полагаю, всякій спокойный и незаинтересованный наблюдатель русской жизни отвѣтитъ: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. До какой степени неосторожно дѣлать всѣ эти широкія обобщенія и устанавливать идейныя связи, всего ярче видно на примѣрѣ русскаго анархизма, на который всѣ авторы „Вѣхъ" особенно напираютъ, какъ на такое явленіе, ко-

торое „явилось не случайно“ и окончательно обнаружило всѣ отвратительныя послѣдствія народническаго міровоззрѣнія (стр. 45).

Довольно извѣстно, что новѣйшій революціонный анархизмъ явился въ Россіи не раньше 1903 года, непосредственно изъ заграницы, изъ Лондона, откуда занесли его рабочіе-евреи западнаго края. Направленіе это получило неожиданный успѣхъ и распространеніе, несомнѣнно, въ связи съ популярностью индивидуалистическихъ теченій, широко разошедшихся въ массы благодаря нѣкоторымъ произведеніямъ новѣйшей беллетристики и публицистики.

Я не думаю, разумѣется, дѣлать отвѣтственными за эти индивидуалистическія теченія и за ихъ практическія послѣдствія идеалистическихъ индивидуалистовъ, собравшихся въ „Вѣхахъ“. Если нѣкоторые изъ нихъ временами уступали модному соблазну (см. выше), зато другіе своевременно протестовали противъ него [1]). Я только думаю, что еще меньше идейной связи между анархизмомъ и народничествомъ. Авторы „Вѣхъ“ указываютъ на то, что въ послѣдней революціи „интеллигентская мысль впервые соприкоснулась съ народной“ (136), и замѣчаютъ при этомъ, что, „просочившись въ народную среду, интеллигентская идеологія *должна была* дать вовсе не идеалистическій плодъ“ (140). Это „должна“ они, по своему обыкновенію, выводятъ изъ основной своей аксіомы, будто „интеллигентская доктрина служенія народу не предполагала никакихъ обязанностей у народа и не ставила ему самому никакихъ воспитательныхъ задачъ“. Мы, во-первыхъ, имѣли уже случай замѣтить, что народническое „народопоклонство“ вовсе не шло такъ далеко, какъ здѣсь изображается. А, во-вторыхъ, одинъ изъ авторовъ „Вѣхъ“ самъ указываетъ гораздо болѣе естественное объясненіе новѣйшаго „хулиганскаго насильничества“ (стр. 177). Оно появилось, „какъ только ряды партіи разстроились, частью неудачами,

---

[1]) И въ томъ числѣ Струве, см. его рецензію на предисловіе г. Невѣдомскаго къ переводу Лихтенберже. На разныя темы, 508—512.

частью притокомъ многочисленныхъ, менѣе дисциплинированныхъ и болѣе первобытно-мыслящихъ членовъ“. Очевидно, этимъ и объясняется, „что столь, казалось, устойчивыя и крѣпкія нравственныя основы интеллигенціи такъ быстро и радикально расшатались“. На недоумѣнный вопросъ автора: „какъ могло такъ случиться, что чистая и честная русская интеллигенція, воспитанная на проповѣди лучшихъ людей, способна была хоть на мгновенье опуститься до грабежей и животной разнузданности“ можно отвѣтить вопросомъ же: какъ могъ цитируемый авторъ смѣшать „чистую и честную русскую интеллигенцію“ съ „хулиганами-насильниками“, да еще обвинить въ этомъ превращеніи, въ которое онъ слишкомъ быстро поспѣшилъ увѣровать, „проповѣдь лучшихъ людей?“ Прежде чѣмъ торжествовать свое открытіе „скрытой дотолѣ картины безсилія, непроизводительности и несостоятельности традиціоннаго моральнаго и культурно-философскаго міровоззрѣнія русской интеллигенціи“ (146), прежде чѣмъ натягивать искусственныя объясненія, онъ лучше бы сдѣлалъ, если бы присмотрѣлся внимательнѣе къ своему собственному наблюденію, приведенному выше. Вѣдь вся „картина“ революціоннаго движенія послѣднихъ годовъ ярко характеризуется тѣмъ, что впервые выступили на сцену не кружки, связанные общимъ уровнемъ нравственныхъ понятій, привычекъ, убѣжденій, прошедшіе извѣстную школу общественной и товарищеской дисциплины. На улицу вышли массы, быстро расписавшія себя по политическимъ партіямъ и распавшіяся затѣмъ на автономныя группы, за которыми ни теоретически, ни практически никакой контроль былъ невозможенъ. Въ политическихъ процессахъ послѣдняго времени передъ нами прошла длинная вереница этихъ несчастныхъ, темныхъ людей, скитавшихся подчасъ изъ партіи въ партію, отъ эсъ-дековъ къ эсъ-эрамъ, а отъ эсъ-эровъ къ че-эсамъ (черной сотнѣ) или и прямо къ охранѣ. Наличность этихъ элементовъ постоянно указывалась, конечно, и въ партійной литературѣ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, не приходилось читать болѣе мрачной характеристики этой „грязной пѣны“, этой „накипи“ рево-

люціи, чѣмъ въ статьѣ Виктора Чернова въ „Сознательной Россіи". „Нынѣ эта экспропріаторская практика", писалъ онъ въ 1906 году, „дошла до колоссальныхъ размѣровъ. Она перестала быть особымъ тактическимъ лозунгомъ или своеобразнымъ пріемомъ борьбы той или другой партіи или фракціи. Она пробралась, просочилась въ ряды всѣхъ партій и фракцій. Она захватила еще въ большей степени непартійныя массы, породивъ безчисленное количество „вольныхъ казаковъ" экспропріаторскаго склада. Она наконецъ уже успѣла вызвать противъ себя серьезную психологическую реакцію. Партіи начали противъ нея мѣры самообороны".

Авторъ приведенныхъ строкъ, близко стоявшій къ наблюдаемому явленію, не скрываетъ, что между „революціей" и „простыми профессіональными ворами" происходила, тѣмъ не менѣе, извѣстная диффузія элементовъ. И вотъ какъ онъ къ ней относится. „Характерно и существенно, что, къ нашему стыду и боли, между вульгарными мазуриками, надѣвающими тогу „анархистовъ" и „революціонеровъ" — и подлинными анархистами и революціонерами оказывается порой какая-то средняя, ублюдочная прослойка, стирающая между ними грань. Стыдно и больно, что до сихъ поръ этой деморализаціи не удалось еще положить конецъ".

Авторы „Вѣхъ", однако, продолжаютъ „вмѣнять фактъ", и вмѣняютъ его даже не „революціи", не „соціализму", а... русской интеллигенціи! Такъ „вмѣняютъ" „экспропріаціи" всей оппозиціи въ третьей Г. Думѣ и въ правой печати. Такъ „вмѣнялись" и въ 1862 г. тогдашнимъ „краснымъ" петербургскіе пожары... Если мы скажемъ: такъ вмѣняли шестидесятникамъ Нечаева, то лишь повторимъ авторовъ „Вѣхъ". Ибо „Бѣсы" Достоевскаго есть ихъ литературный прообразъ; для нихъ „Бѣсы" есть вдохновенное пророчество великаго ясновидца. „Покайтеся, „μετανοεῖτε", взываютъ къ намъ его ученики, „ибо приблизилось царство небесное: должна родиться новая душа, новый внутренній человѣкъ" (58).

Вотъ къ чему сводится, въ концѣ концовъ, обвиненіе интеллигенціи въ „безгосударственности". Оно кончается

проповѣдническимъ призывомъ. Но для того, чтобы придти къ этому, не было надобности копаться въ историческихъ дебряхъ и разбирать мѣру вины каждаго. Все равно, всѣ грѣшны! Моральный призывъ авторовъ „Вѣхъ“ поднимаетъ вопросъ на такую высоту, на которой не только стирается разница между теченіями русской интеллигенціи или періодами ихъ развитія, а перестаютъ быть видны даже границы государствъ и народовъ. Съ этой точки зрѣнія величайшій русскій анархистъ и противогосударственникъ, Левъ Толстой, формулируетъ вопросъ совершенно одинаково съ авторами „Вѣхъ“,—и ему для этого ненужно никакого опыта „пораженія русской революціи“. Одна американская газета въ концѣ 1904 г. задала Толстому вопросъ о задачахъ нашего освободительнаго движенія. „Цѣль агитаціи земства“, отвѣтилъ Толстой,—„ограниченіе деспотизма и установленіе представительнаго правительства. Достигнутъ ли вожаки агитаціи своихъ цѣлей или будутъ только продолжать волновать общество,—въ обоихъ случаяхъ вѣрный результатъ всего этого дѣла будетъ отсрочка истиннаго соціальнаго улучшенія, такъ какъ истинное соціальное улучшеніе достигается только религіозно-нравственнымъ совершенствованіемъ отдѣльныхъ личностей. Политическая же агитація, ставя передъ отдѣльными личностями губительную иллюзію соціальнаго улучшенія посредствомъ внѣшнихъ формъ, обыкновенно останавливаетъ истинный прогрессъ, что можно замѣтить во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ Франціи, Англіи и Америки“.

Такимъ образомъ, анархизмъ славянофиловъ и анархизмъ Толстого—таковы двѣ точки, между которыми помѣщается государственная философія „Вѣхъ“. Я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести по поводу отзыва Толстого весьма резоннаго разсужденія писателя, родственнаго по настроенію группѣ „Вѣхъ“, и тѣмъ не менѣе, очевидно, съ ними въ данномъ случаѣ несогласнаго. П. Н. Новгородцевъ говоритъ: „Слова Толстого... никого не задѣли за живое, никого не заставили глубоко задуматься... Русское общество, увлеченное могущественной потребностью историческаго созиданія, отвѣтило равнодушіемъ и молчаніемъ на

отвлеченный морализмъ доктрины... Такъ сама жизнь произвела оцѣнку теоріи, которая оказалась въ полномъ противорѣчіи съ непосредственнымъ чутьемъ дѣйствительности и съ голосомъ нравственнаго сознанія, поставленнаго передъ неотложными задачами жизни. И въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ для русскаго общества рѣчь шла о завоеваніи элементарныхъ и основныхъ условій гражданскаго благоустройства, для него непонятно и неинтересно было мнѣніе о неважности внѣшнихъ юридическихъ формъ. Измѣненіе внѣшнихъ формъ—вѣдь это означаетъ въ Россіи свободу развиваться и расти, думать и говорить, вѣровать и молиться, свободу жить и дышать; это значитъ—освобожденіе отъ тѣхъ угнетающихъ условій, которыя насильственно задерживали ростъ народной жизни и довели ее до неслыханныхъ ужасовъ всеобщаго нестроенія. Проповѣдывать русскимъ, что внѣшнія формы не важны, все равно, что людямъ, настрадавшимся отъ долгаго пребыванія въ тѣсномъ и душномъ помѣщеніи, говорить, что для нихъ неважно перейти въ свѣтлый и просторный домъ. Конечно, жить въ свѣтломъ домѣ—не значитъ имѣть все, что нужно для полноты человѣческаго существованія; но во всякомъ случаѣ, это такое наглядное и безспорное благо, цѣнность котораго нѣтъ необходимости доказывать и защищать" [1]).

Не знаю, рѣшатся ли авторы „Вѣхъ" утверждать, что „безгосударственной" русской интеллигенціи были чужды выраженныя здѣсь стремленія и что не ими вызывалось первенство ученія о „важности внѣшнихъ юридическихъ нормъ". Мы видѣли, что, за исключеніемъ временныхъ пароксизмовъ революціоннаго гипноза и доктринерскихъ отклоненій, вызываемыхъ патологіей русскаго общественнаго движенія, на этихъ мысляхъ сходились всѣ теченія. Нечего и говорить, что правовая идея свойственна преимущественно либерализму. Но кто можетъ вычеркнуть либеральное теченіе изъ исторіи русской интеллигенціи? Его

---

[1]) *Новгородцевъ*, Критика современнаго правосознанія, 3—5.

прошлое мы только слегка напомнили за тотъ періодъ, пока либерализмъ былъ *всѣмъ* общественнымъ мнѣніемъ въ Россіи. Мы оставили его въ тотъ моментъ, когда чисто-политическая реформа стала въ Россіи считаться анахронизмомъ, на очередь стала соціальная революція, и либерализмъ превратился въ одно изъ теченій, при томъ еще заподозрѣнное въ классовыхъ дворянскихъ тенденціяхъ. Мнѣ нѣтъ надобности разсказывать дальнѣйшую исторію русскаго либерализма, его постепенную демократизацію и постепенное возвращеніе общественнаго мнѣнія отъ идеи о соціальной революціи къ идеѣ о политической реформѣ [1]). Все это не отрицается, навѣрное, и авторами „Вѣхъ". Вычеркивается ими только доля либерализма въ исторіи общественнаго правосознанія. Но и этимъ рискованнымъ пріемомъ все же не пріобрѣтается право называть русскую „интеллигенцію"—безгосударственной. Мы будемъ гораздо ближе къ истинѣ, если противопоставимъ этому огульному сужденію утвержденіе, что, напротивъ, интеллигенція (въ широкомъ смыслѣ слова, конечно) только *одна* и была государственна въ Россіи. Она была государственна противъ стараго вотчиннаго режима, противъ полнаго почти отсутствія сознанія права въ народной массѣ, противъ нарушеній закона бюрократіей и злоупотребленій закономъ привилегированныхъ классовъ, противъ „темныхъ стихій" народнаго инстинкта и противъ извѣстной части революціонныхъ доктринъ. Я думаю, что русская интеллигенція „отвѣтитъ равнодушіемъ" и „на отвлеченный морализмъ доктрины" авторовъ „Вѣхъ" въ сознаніи того, что даже необходимый минимумъ „элементарныхъ условій гражданскаго благоустройства" еще далеко не обезпеченъ настолько, чтобы дать полный нравственный комфортъ и спокойствіе интеллигентамъ, желающимъ уйти, наконецъ, отъ „тираннiи политики" и заняться „внутреннимъ сосредоточеніемъ въ эгоцентризмѣ сознанія".

---

[1]) См. объ этомъ Russia and its crisis, 265—333. (Франц. перев., стр. 194—244

VI.

Безнаціональность интеллигенціи.

Религія и государство суть формы соціальнаго общенія, и какъ таковыя, независимо отъ своей мистической и правовой сущности, они являются самыми яркими внѣшними признаками или символами того общества людей, которое ими объединяется. Вотъ почему, наряду съ языкомъ, обычаями и элементами культурнаго единенія, религія и государство всегда и вездѣ давали самыя раннія и самыя прочныя точки опоры складывающемуся чувству націонализма и патріотизма. Кто говоритъ о „безрелигіозности“ и „безгосударственности“ интеллигенціи, тотъ обязательно долженъ говорить въ этомъ смыслѣ и о третьемъ видѣ ея „отщепенства“, включающемъ оба первые: объ ея безнаціональности и антипатріотизмѣ. Собственно, первыя обвиненія *въ политикѣ* обыкновенно служатъ лишь преддверіемъ къ послѣднему, ибо тонкостями богословія и права мало интересуются монополисты оффиціальнаго патріотизма и націонализма, со стороны которыхъ, обычно, и раздаются эти обвиненія.

Авторы „Вѣхъ“, конечно, сказавши *А*, уже говорятъ и *Б*. Въ „космополитизмѣ“ и въ „отсутствіи здраваго національнаго чувства“ прямо обвиняетъ интеллигенцію Булгаковъ, противопоставляя этому „религіозно-культурный мессіанизмъ, въ который съ необходимостью отливается всякое сознательное національное чувство“ (стр. 60—61). Космополитизмъ интеллигенціи, по его мнѣнію, „покупается дорогою цѣной омертвѣнія цѣлой стороны души, *при томъ непосредственно обращенной къ народу*,—и потому, между прочимъ, такъ легко эксплуатируется этотъ космополитизмъ представителями боеваго, шовинистическаго націонализма, у которыхъ оказывается, благодаря этому, монополія патріотизма“. Авторъ жалѣетъ объ этомъ, какъ жалѣетъ и о тѣхъ шансахъ, которые интеллигенція дала „черносотенству“ своимъ религіознымъ отщепенствомъ, своимъ отношеніемъ къ „сокровищу народной вѣры“, создавшимъ „необходи-

мость борьбы съ интеллигентскими вліяніями на народъ ради защиты его вѣры" (62, 66). Тотъ же смыслъ, очевидно, имѣютъ и сѣтованія г. Гершензона на „безплотное мышленіе" интеллигенціи, лишившее ее „своей, національной эволюціи мысли" и „оторвавшее интеллигенцію отъ народа" (78, 85 — 87). Наконецъ, Бердяеву „свойства русскаго національнаго духа указуютъ на то, что мы призваны творить въ области религіозной философіи", и онъ приглашаетъ интеллигенцію къ продолженію „національной традиціи" „русскихъ философовъ, начиная съ Хомякова". Эта традиція „должна быть противопоставлена быстросмѣнному увлеченію модными европейскими ученіями" [1]). Все это съ достаточной ясностью показываетъ, въ какомъ направленіи авторы „Вѣхъ" предлагаютъ „безбытной, оторвавшейся отъ органическаго склада жизни, не имѣющей собственныхъ твердыхъ устоевъ интеллигенціи" — „продумать національную проблему" (стр. 47, 61). По просту говоря, насъ и въ данномъ случаѣ возвращаютъ къ славянофиламъ, тѣмъ славянофиламъ, которые „пробовали вразумить насъ" въ свое время, но не были поняты „космополитически-настроенной интеллигенціей" (85, 19).

Увы, мы въ данномъ случаѣ должны отвѣтить на всѣ эти „вмѣненія" такъ же, какъ отвѣтили на предыдущія. Булгаковъ болѣе правъ, чѣмъ самъ думаетъ, когда говоритъ, что „національная идея опирается не только на этнографическія и историческія основанія, но прежде всего на религіозно-культурныя". Интеллигенція можетъ очень далеко уйти впередъ своего народа, но она всегда и во всемъ, въ отрицаніи, какъ и въ утвержденіи, останется предста-

---

[1]) „Вѣхи", 18 — 19. Гораздо выпуклѣе развита идея г. Бердяева о русскомъ мессіанизмѣ (Бердяевъ пишетъ: „миссіанизмъ"—отъ „миссіи", а не отъ „Мессіи") въ сборникѣ его статей, см. Дух. кризисъ интеллигенціи, стр. 10, 32, 124—7, 232. По существу, здѣсь полное возвращеніе къ славянофильству, за исключеніемъ его „роковой ошибки — защиты отсталыхъ формъ государственности". Авторы „Вѣхъ" совершенно игнорируютъ тотъ фактъ, что „религіозная философія" славянофиловъ, также какъ и ихъ собственная, есть тоже продуктъ нѣкоторыхъ „модныхъ европейскихъ ученій".

вительницей и продуктомъ *своей* культуры. Я указывалъ уже на несомнѣнную связь между ритуализмомъ массы и практическимъ атеизмомъ ея привилегированнаго сословія. Слабость правовой идеи въ русскомъ обществѣ, несомнѣнно, отражаетъ фактическое безправіе и анархизмъ русскаго населенія. Какія же „культурныя", не „этнографическія и историческія", „основанія" могла русская интеллигенція заимствовать у русской массы въ области „національной проблемы?"

Національзмъ и патріотизмъ, вообще говоря, не есть простой, элементарный инстинктъ любви къ „своему", съ которымъ они иногда отожествляются. Это есть болѣе сложное чувство, *сообща осознанное* въ процессѣ культурнаго развитія націи, и прикрѣпленное къ чему-нибудь осязательному, что для всѣхъ является одинаково понимаемымъ символомъ. Сперва это—символъ принадлежности къ „своимъ", къ своему „роду", а потомъ и символъ стремленія къ общимъ цѣлямъ, общимъ задачамъ. Первое, т. е. чувство родовой принадлежности, являющееся раньше всего, конечно, всего естественнѣе прикрѣпляется къ вещамъ, которыя не мѣняются, къ воспоминаніямъ вмѣстѣ прожитаго и вмѣстѣ нажитаго: къ исторіи, къ преданію. Но безъ второго, безъ вѣчно живой и вѣчно развивающейся волевой и цѣлесообразной *совмѣстной же* дѣятельности, безъ объединенія воли народа на очередной, одинаково понимаемой всѣми національной задачѣ, первое чувство мертво. Однимъ преданіемъ оно жить не можетъ или, точнѣе, не можетъ подняться надъ „этнографическими основаніями народнаго единства". Эти основанія—самыя непрочныя, при всей своей кажущейся вѣковой неподвижности, и наименѣе способныя цементировать общество, при всей своей однородности. Только расчлененіе однородной этнографической массы, ея внутренняя организація при помощи выдѣляемаго ею соціальнаго „чувствилища", ея интеллигенціи, можетъ связать массу единымъ чувствомъ взаимной связи, общаго интереса и общаго блага. Въ этомъ смыслѣ, появленіе интеллигенціи есть необходимое предварительное условіе для возникновенія національнаго самосознанія. „Національзмъ"

есть уже продуктъ интеллигентскаго творчества. Возникая на почвѣ предыдущей стихійной эволюціи, болѣе или менѣе продолжительной, онъ вкладываетъ, заднимъ числомъ, опредѣленный смыслъ и сознательность въ этотъ подсознательный стихійный процессъ.

У насъ, вообще, соціальная дифференціація и символика слаба,—въ томъ числѣ и національно-историческая. Это одно уже свидѣтельствуетъ объ элементарности нашей культуры. У насъ просто нѣтъ—и не было—настоящей, такъ сказать, густоты междучеловѣческаго общенія, и потому не выработалось плотной междусоціальной ткани: того переплета взаимоотношеній, на которомъ могла бы прочно держаться соціальная символика. Индивидуальныя чувства слишкомъ долго не отлагались, не кумулировались ни въ какихъ мультипликаторахъ русской общественности. Общественное чувство и поступокъ и до сихъ поръ у насъ просто *не звучатъ*, не находятъ достаточно сильнаго отклика, какъ выстрѣлъ въ разрѣженной атмосферѣ. Не сложилось у насъ и прочныхъ привычекъ къ тѣмъ условностямъ, которыми одними только и могутъ крѣпко держаться соціальныя санкціи. И, разумѣется, нельзя утверждать, чтобы всего этого не было только у русской интеллигенціи, а было это у русской массы. У массы a fortiori этого еще меньше, чѣмъ у интеллигенціи. Наши націоналисты сдѣлали изъ этого пробѣла въ соціальной солидарности особую русскую добродѣтель. А наши публицисты и беллетристы многократно указывали на пустоту соціальнаго содержанія, какъ на одно изъ коренныхъ свойствъ національнаго русскаго духа. Вспомните полное и категорическое отрицаніе культурно-національной русской традиціи у Чаадаева *). Вспомните знаменитую тираду Герцена о томъ,

*) См. Oeuvres choisies de Pierre Tchadaïef, Paris, 1862, стр. 17—32. „Une brutale barbarie d'abord, ensuite une superstition grossière, puis une domination étrangère.., voilà la triste histoire de notre jeunesse... Point de souvenirs charmants, point d'images gracieuses dans la mémoire, point de puissantes instructions dans la tradition nationale... Nous ne vivons que dans le présent... Nos souvenirs ne datent pas au delà de la journée d'hier... Enfin, nous n'avons vécu... и т. д.

почему нѣтъ никого въ мірѣ свободнѣе русскаго человѣка. Вспомните мѣткія наблюденія Салтыкова и Глѣба Успенскаго, всякій разъ какъ имъ приходится отмѣчать послѣдовательность и твердость соціальнаго поведенія иностранцевъ и разладъ между словомъ и дѣломъ у русскихъ. Недавно одинъ изъ критиковъ открылъ это свойство у героевъ Чехова, и даже сдѣлалъ изъ него одну изъ чертъ міровоззрѣнія автора: апоѳеозъ русской „безтолковости“, „ненужности“, „растерянности“, какъ высшаго проявленія національной человѣчности при отсутствіи соціальныхъ санкцій поведенія, привитыхъ не воспитаніемъ даже, а культурой. „Всѣ мы у Бога приживалы“: вотъ формула этого національнаго и отнюдь не интеллигентскаго міровоззрѣнія. Въ сущности, что другое значитъ и „всечеловѣчность“,—эта безграничная пластичность русской натуры,—по Достоевскому?

Въ такой „широтѣ“ натуры національзму, послѣдовательному, упорному, сознающему и уважающему себя національзму просто не за что зацѣпиться. Чтобы сознать всю пустоту этой „широты“, надо быть интеллигентомъ. И мы понимаемъ тоску интеллигентовъ-авторовъ „Вѣхъ“ по „тѣснотѣ“, по національной „традиціи“. Не они первые и не они послѣдніе чувствуютъ эту тоску. Но другой вопросъ, можно-ли утолить ее рецептами „Вѣхъ?“

Намъ совѣтуютъ искать „твердыхъ устоевъ“ въ „бытѣ“, въ органическомъ складѣ жизни и вылить наше „сознательное національное чувство“ въ „религіозно-культурномъ мессіанизмѣ“. Но вѣдь весь вопросъ въ томъ и состоитъ, какъ вывести второе изъ перваго: мессіанизмъ изъ „быта“ и „органическаго склада?“

Въ 1901 г. П. Б. Струве не пробовалъ даже и рѣшать этого вопроса, ясно сознавая невозможность рѣшенія. Онъ кончалъ свою статью о томъ, „въ чемъ же истинный національзмъ“, чисто формальнымъ примиреніемъ. „Можно и должно относиться съ уваженіемъ и бережно къ отвердившимся образованіямъ духовной и культурной жизни: лелѣять *воспоминаніе* и любить родину-*мать*. Но жизнь растущая, образованія слагающіяся, *пророчество*, зовущее

впередъ, родина-*дитя*—заслуживаетъ не меньшаго уваженія и любви“ [1]). Въ сущности, „пророчество“ въ этой цитатѣ отрицаетъ „воспоминаніе“. Въ требованіи полной свободы отъ „воспоминаній“ даже заключается смыслъ тогдашняго индивидуалистическаго націонализма П. Б. Струве. По его тогдашнему мнѣнію, „грѣхъ славянофильства состоялъ въ томъ, что оно мнило себя *нашедшимъ* народныя начала“, „узрѣвшимъ національный духъ“. Оно даже „увѣряло себя и другихъ, что ему удалось... снять съ него фотографію въ разныхъ позахъ: религіозной, государственной, общественной“. Эти претензіи фиксировать національный духъ въ тріединой славянофильской формулѣ Струве отвергалъ тогда съ негодованіемъ, какъ „негодное и наглое притязаніе“. Такъ же рѣшительно онъ отвергалъ и совѣтъ Каткова: „приравнять нашу мысль, наши понятія къ окружающей насъ дѣйствительности“. Нѣтъ, говорилъ Струве: „всякое стремленіе связать принципіально и навсегда какое-нибудь опредѣленное содержаніе съ формой національнаго духа теоретически означаетъ провращеніе его изъ формы текучаго по своему содержанію процесса въ застывшую сущность... Практически это грубое посягательство на естественное право „исканія“, на право и обязанность человѣка, какъ таковаго, безконечно совершенствовать культуру“... „Нѣтъ, человѣкъ, ты не могъ этого обѣщать, ты не имѣешь права отказываться отъ своего человѣческаго званія“.

Конечно, намъ могутъ сказать, что свобода отъ „воспоминаній“ здѣсь, въ сущности, требуется лишь формально, такъ сказать, методически. Дайте только свободу, обезпечьте достоинство автономной человѣческой личности, а ужъ „воспоминанія“, „бытъ“, „органическій складъ“ сами скажутся въ „свободномъ творчествѣ національнаго духа“: отъ нихъ, все равно, никуда не уйдешь.

Если брать національный складъ, какъ общую скобку всего, что творится лицомъ, принадлежащимъ къ данной національности, то противъ такой увѣренности, конечно, воз-

---

[1]) На разныя темы, 526—555.

ражать нечего. Національность скажется такъ же, какъ уровень культуры: это мы только что говорили раньше. Но вѣдь рѣчь идетъ не объ однѣхъ привычкахъ, психическихъ навыкахъ, вынесенныхъ изъ прошлаго, а и объ опредѣленныхъ идеяхъ, находящихъ свое выраженіе въ „религіозно-культурномъ мессіанизмѣ". Мессіанизмъ обязуется *изъ „воспоминаній"* вывести „пророчество", — извѣстную телеологическую тенденцію универсальнаго характера. Это и пробовала сдѣлать единственная пока попытка русскаго мессіанизма,—попытка славянофиловъ и Герцена. И мы понимаемъ тѣхъ, кто принимаетъ на себя это обязательство. Булгакову, напр., съ его мистической вѣрой въ церковь, это даже совсѣмъ нетрудно сдѣлать: стоитъ лишь послѣдовать совѣту Гершензона и Бердяева и вернуться къ Хомякову. Но какъ поступить тѣмъ, кто, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, не согласенъ связывать себя „воспоминаніями?"

Обратиться, все-таки, къ прошлому и поискать въ немъ не интуитивно, не мистически, а эмпирически элементовъ русскаго мессіанизма? Попробуемъ. Къ XVI вѣку, когда впервые сложилась окончательно русская національная церковь и русское національное государство, у насъ, казалось, были, по крайней мѣрѣ, внѣшнія данныя для національнаго мессіанизма. Мессіанизмъ и появился: онъ принялъ политическую форму панруссизма и религіозную форму—единой святой церкви во всей вселенной. Но, увы, элементы этого мессіанизма не только не дошли до нашихъ интеллигентовъ: ихъ оказалось недостаточно и для тогдашней интеллигенціи. Не прошло и вѣка со времени оффиціальнаго національнаго возвеличенія,—и національная церковь была развѣнчана властью, какъ простое недоразумѣніе. Ее замѣнили чистой греческой. А еще черезъ полвѣка пошатнулись и основы національной государственности, никогда притомъ не формулированной и не возведенной въ правовой принципъ никакими легистами [1]). Съ этихъ поръ русскій націонализмъ могъ опираться только на отрицательную, а не

---

[1]) См. объ этомъ, Russia and it's crisis. 160—168. Франц. пер., 119—125.

на положительную программу: на охрану „быта“, а не на свято-русскую миссію. Въ концѣ XVII в. „національная проблема“, въ этой отрицательной постановкѣ очень обострилась стихійнымъ контрастомъ стараго быта съ возраставшимъ иностраннымъ вліяніемъ. Но даже и въ этой, далекой отъ всякаго мессіанизма, формѣ проблему русскаго націонализма рѣшали на Москвѣ не мѣстные интеллигенты, недостаточно культурные, чтобы сумѣть даже ее поставить, а ученый братъ-славянинъ (Юрій Крижаничъ). Этотъ добровольный помощникъ, сосланный за свое усердіе въ Сибирь, принужденъ былъ поставить вопросъ не о русскомъ „мессіанизмѣ“, а о томъ, какъ бы спастись отъ „чужебѣсія“, избѣжать полной денаціонализаціи, превращенія въ мертвую этнографическую массу, подъ двойнымъ вліяніемъ восточнаго „людодерства“ и западной „роспусты“, греческой неподвижной традиціи и европейской культуры.

Культура, наконецъ, пришла—раньше, чѣмъ на Москвѣ собрались рѣшить національную проблему. Она пришла, хотя на это и сердится г. Гершензонъ, просто потому, что была технически необходима и практически удобна, и вопросъ о ней сталъ вопросомъ самосохраненія, уже не моральнаго, не національнаго, а просто физическаго. Она пришла, и съ ней пришло то *культурное* (не „интеллигентское“) „отщепенство“ отъ народа, о которомъ сокрушаются авторы „Вѣхъ“. Масса народная усмотрѣла въ „брадобритіи, табакѣ и нѣмецкомъ платьѣ“,—внѣшнихъ символахъ новой культуры, „совершенное испроверженіе благочестія“. Націонализмъ окончательно слился съ старовѣріемъ и принялъ форму ожесточеннаго протеста противъ основныхъ элементовъ новой культуры. А начавшій слагаться культурный слой пошелъ своей дорогой. Изъ какихъ элементовъ было теперь строить „національный мессіанизмъ?“ Такихъ элементовъ не было, и идеологовъ націонализма вовсе не нашлось среди интеллигентовъ XVIII вѣка.

Но наши интеллигенты-романтики XIX в. въ лицѣ славянофиловъ не отчаялись. Если въ національныхъ „воспоминаніяхъ“ осталось одно пустое мѣсто, а новой культурной традиціи не создалось еще, то отчего было не оставить со-

всѣмъ въ сторонѣ это преходящее и „временное“ и не укрѣпиться въ „вѣчномъ?“ Въ мессіанизмѣ національное начало, вѣдь, во всякомъ случаѣ, должно было стать общечеловѣческимъ. Но общечеловѣческое уже было на-лицо. Религія космополитична. Отчего не положить въ основу русскаго мессіанизма религію? Этотъ выводъ былъ предуготовленъ европейскимъ романтизмомъ и нѣмецкой философіей начала XIX вѣка. „Безъ православія наша народность—дрянь“,— такъ выразилъ этотъ ходъ идей А. И. Кошелевъ; „съ православіемъ наша народность имѣетъ міровое значеніе“. И, дѣйствительно, безъ религіи всѣ славянофильскія построенія выходили—дрянь. Но и съ религіей, какъ только хотѣли придать ей міровое значеніе, никакъ не удавалось, начиная съ Чаадаева и кончая Вл. Соловьевымъ, умѣститься въ рамкахъ старой національной вѣры. Русскій мессіанизмъ постоянно оказывался основаннымъ не на православіи, а на католицизмѣ. И никакія попытки новаго синтеза, никакія соображенія нашихъ новѣйшихъ мессіанистовъ о „сверхраціонализмѣ русскаго православія“, никакіе перепѣвы о посредничествѣ Россіи между Востокомъ и Западомъ не избавятъ ихъ отъ подобнаго же роковаго исхода ихъ поисковъ вселенской вѣры [1]).

Какой же выводъ вытекаетъ изъ нашей бѣглой исторической справки? „Сознательное національное чувство“ можетъ „отливаться въ культурный мессіанизмъ“ только при соблюденіи извѣстной пропорціи между прошлымъ и будущимъ, между „воспоминаніемъ“ и „пророчествомъ“. У насъ эта пропорція слишкомъ для насъ невыгодна. „Воспоминаній“ непропорціально мало, а чистому „пророчеству“, хотя бы оно было и Герценовское, никто не повѣритъ. Вѣроятно, поэтому у огромнаго большинства нашей интеллигенціи оказывалось достаточно здраваго смысла и самокритики, чтобы не тѣшить себя и не смѣшить другихъ національно-мессіанистскими построеніями.

Вернемся, однако, къ болѣе скромнымъ задачамъ національзма и патріотизма. Хватало ли ихъ на насъ самихъ, для нашего внутренняго употребленія?

---

[1]) См. Бердяева, Дух. кризисъ интеллигенціи, 232, 265, 272.

Рѣчь идетъ, конечно, не о непосредственномъ индивидуальномъ чувствѣ единства съ цѣлымъ той или другой „автономной личности". Отрицать такое чувство у нашей интеллигенціи никто не рѣшится. Общеизвѣстный—и, увы, едва ли законченный, синодикъ русской интеллигенціи даетъ краснорѣчивый отвѣтъ на всякія сомнѣнія. Наша интеллигенція не только была патріотична; она *пылала* патріотизмомъ. Но рѣчь идетъ здѣсь о другомъ. Мы имѣемъ въ виду внѣшнія, объективныя отложенія, соціальную кристаллизацію и символику патріотизма и націонализма, при помощи которыхъ онъ дѣлается изъ достоянія интеллигенціи достояніемъ общенароднымъ. На первый взглядъ отвѣтъ здѣсь чрезвычайно неудовлетворителенъ. Общенародный патріотизмъ и націонализмъ предполагаетъ единеніе и согласіе съ массой въ общихъ задачахъ. А между тѣмъ исторія нашей интеллигенція есть исторія „отщепенства",—исторія борьбы и раздора. Въ этой борьбѣ, идущей изъ поколѣніе въ поколѣніе, тянущейся черезъ цѣлые вѣка, интеллигенція занимала постоянно-ненормальное положеніе, ибо она принципіально устранена была отъ участія и отъ отвѣтственности въ ходѣ общественныхъ дѣлъ въ родной странѣ. При этомъ условіи ненормальность превратилась въ обычай и сама создала извѣстные навыки, извѣстную традицію интеллигентской коллективной мысли.

У интеллигенціи появились тѣ черты, которыя въ началѣ этой статьи были отмѣчены, какъ ненормальныя и отрицательныя: излишняя отвлеченность доктрины, непримиримый радикализмъ тактики, сектантская нетерпимость къ противникамъ и аскетическая цензура собственныхъ нравовъ. Можно сказать, что у интеллигенціи сложился свой собственный патріотизмъ—государства въ государствѣ, особаго лагеря, окруженнаго врагами. Въ жестокихъ словахъ г. Гершензона, по несчастію, есть доля истины. Да дѣйствительно, это было „сонмище больныхъ въ собственной странѣ". „Больныхъ, потому что положеніе „красивой ненужности" не содѣйствуетъ нормальному состоянію нервовъ. „Трагизмъ положенія", на который ссылался Герценъ, характеризуетъ не одно только его поколѣніе. Этотъ

„трагизмъ“ начался еще съ тѣхъ поръ, какъ Курбскій за рубежомъ заразъ и проклиналъ, и благословлялъ „неблагодарное, варварское, недостойное ученыхъ мужей“—и все же „любимое отечество“. Эмигрантское настроеніе нашей интеллигенціи съ теченіемъ времени крѣпнетъ и обостряется, по мѣрѣ того какъ представители ея объявляются—и сами сознаютъ себя „лишними людьми.“

Въ литературѣ типъ этотъ хорошо извѣстенъ и внимательно прослѣженъ [1]). Но было бы важной задачей прослѣдить его въ жизни, хотя бы въ писательской средѣ. О Герценѣ я только что упоминалъ. Достаточно вспомнить отношеніе его къ польскому возстанію, чтобы понять, къ какимъ трагическимъ коллизіямъ приводили эмигрантскія формы самаго горячаго, самаго несомнѣннаго патріотизма, при столкновеніи съ элементарными условіями патріотизма нормальнаго, понятнаго всѣмъ. Сложилось мнѣніе, что популярность Герцена погибла жертвой этихъ эмигрантскихъ проявленій его патріотизма. Я этого не думаю, и объясняю паденіе популярности „Колокола“ нѣсколько иначе [2]). Эмигрантскій патріотизмъ уже въ то время былъ понятенъ и довольно широко распространенъ и въ самой Россіи. Нашимъ неудачамъ въ Крымской войнѣ радовался не одинъ Герценъ въ своемъ Лондонскомъ уединеніи: радовались и въ Россіи очень и очень многіе—не только интеллигенты, но и просто читатели газетъ и журналовъ. Но лучшее доказательство есть то, что эмигрантскій патріотизмъ не умеръ съ поколѣніемъ Герцена. Напротивъ, онъ съ него только начался, какъ постоянное, длительное явленіе интеллигентской психологіи. Возьмемъ дальнѣйшій примѣръ: Турецкую войну, въ которой и самый поводъ вызывалъ патріотическія эмоціи, и ожиданіе реформъ не могло имъ такъ мѣшать, какъ это было послѣ смерти имп. Николая I. Пусть читатель пересмотритъ страницы сочиненій Салтыкова, написанныя въ дни общаго патріотическаго возбужденія. Вы

---

[1]) См. напримѣръ: *Овсянико-Куликовскаго*, Исторія русской интеллигенціи, М. 1906.

[2]) См. Russia and its crisis, стр. 372, 381—382. Франц. пер., 274, 281.

чувствуете, какъ великій сатирикъ не только не отрицаетъ возможности подобныхъ эмоцій, но и мучительно переживаетъ сознаніе ненормальности того положенія, въ которомъ раздѣлять эти общественныя чувства оказывается невозможнымъ. Интеллигентъ-патріотъ радъ бы былъ сдѣлаться просто патріотомъ, но при видѣ монополистовъ патріотизма въ умѣ его тотчасъ возстаетъ неумолимый вопросъ: да, собственно, „кто готовитъ тяжкія испытанія Россіи? Воевода ли Пальмерстонъ или онъ, Удодовъ?" И когда онъ чувствуетъ обязанность публициста объяснить причины своего воздержанія отъ патріотическихъ демонстрацій, вотъ что онъ заявляетъ [1]):

„Въ такія историческія минуты, когда затрагиваются самыя дорогія и самыя существенныя струны народной жизни, я считаю воздержанность болѣе нежели когда-либо для себя обязательной... Прошлое завѣщало довольно большое количество людей, которыхъ единственное занятіе . . . заключается въ томъ, что они сторонятся отъ дѣятельнаго участія въ жизни. Занятіе непроизводительное и даже, можно сказать, тунеядное; но вѣдь надо же наконецъ понять, что мы дѣти того времени, когда прикасаться къ жизни можно было лишь при посредствѣ самыхъ непривлекательныхъ, почти отвратительныхъ ея сторонъ, и что вслѣдствіе этого устраненіе отъ жизненныхъ торжествъ (опять-таки повторяю: *въ то время)* составляло своего рода заслугу . . . Чтобы получить право ликовать въ виду предстоящаго подвига, необходимо сознавать себя матеріально привлеченнымъ къ его выполненію и матеріально же обязаннымъ нести на себѣ всѣ его послѣдствія. А это для большинства культурныхъ людей почти недоступно".

Я могъ бы подойти еще ближе къ нашимъ временамъ и разсмотрѣть раздвоеніе патріотическаго чувства во время послѣдней Японской войны. Но сказаннаго, полагаю, достаточно, чтобы сдѣлать понятными и діагнозъ этой интеллигентской болѣзни отъ излишка здоровья, и средства ея леченія. Тяжелыя послѣдствія для общегосударствен-

---

[1]) Благонамѣренныя рѣчи, IX, 350.

наго патріотизма хроническаго распаденія страны на два вооруженныхъ лагеря отрицать нельзя. Затяжная борьба противъ правительства фатально приводитъ къ границѣ, за которой начинается борьба противъ собственной страны. И точно опредѣлить эту границу невозможно. Для сторонниковъ взгляда „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше" она идетъ въ одномъ мѣстѣ. Для публицистовъ, понимающихъ неразрывную связь явленій въ соціальномъ процессѣ, въ другомъ. Для практическихъ политиковъ—въ третьемъ. Въ разное время, при разныхъ условіяхъ и перспективахъ борьбы, эта граница передвигается.(Есть моменты, когда эмигрантская точка зрѣнія совершенно стушевывается передъ могучимъ процессомъ быстрой внутренней эволюціи. Такой моментъ мы недавно пережили.) Мы помнимъ и другіе моменты, когда та же эмигрантская точка зрѣнія становилась единственной свѣтящейся точкой среди мрака и неотразимо притягивала къ себѣ все болѣе и болѣе широкіе круги общественнаго мнѣнія. Очевидно, однако же, что самое существованіе эмигрантской точки зрѣнія ненормально въ государствѣ, достигшемъ извѣстнаго культурнаго уровня. И переходъ къ новому строю, въ которомъ основное условіе національной солидарности—наличность народнаго представительства — получило хотя бы формальное удовлетвореніе, прежде всего вызываетъ необходимость кореннаго пересмотра всего наболѣвшаго, тяжелаго вопроса объ особомъ интеллигентскомъ патріотизмѣ. Если вопросъ все же остается по-прежнему мучительнымъ, и самыя осторожныя попытки прикоснуться къ нему вызываютъ щемящую боль и невольную судорогу, то, конечно, это объясняется далеко не одной только застарѣлостью болѣзни. Объясненія надо искать въ двусмысленности положенія, въ спорности вопроса: миновали ли окончательно тѣ условія, которыя создавали эмигрантскій патріотизмъ?

Какъ бы то ни было, оставляя въ сторонѣ тѣ формы и проявленія интеллигентскаго патріотизма, которыя я назвалъ „эмигрантскимъ патріотизмомъ", мы должны теперь обратиться къ самому содержанію интеллигентскаго патріотизма, которое намъ предлагаютъ выбросить за бортъ

и замѣнить чѣмъ то совершенно другимъ, но пока еще не опредѣленнымъ и никому неизвѣстнымъ.

Вопросъ о положительномъ содержаніи, на которомъ можно было бы основать русскій націонализмъ, остается самой темной изъ всѣхъ туманностей „Вѣхъ". Причина этой неясности та, что именно здѣсь послѣднія слова авторами „Вѣхъ" еще не досказаны. За предѣлами „Вѣхъ" велся и, вѣроятно, ведется по этому предмету горячій споръ между самими участниками сборника. П. Б. Струве, какъ извѣстно, одно время предлагалъ прикрѣпить обновленный русскій патріотизмъ къ имперіалистской идеѣ „Великой Россіи" и основать его какъ разъ на связи патріотизма съ внѣшней политикой. Какъ контрастъ, какъ психологическая реакція противъ эмигрантскаго патріотизма, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ сознанной „вины", это было самымъ радикальнымъ леченіемъ. Но для Бердяева, напр., такое рѣшеніе—слишкомъ шаблонно и недостаточно мистично. Это значило бы, прежде всего, связать патріотизмъ съ государственностью. А Бердяевъ — христіанскій анархистъ и признаетъ государственность лишь какъ неизбѣжное и временное зло. Съ его точки зрѣнія, „западникъ-раціоналистъ Струве недостаточно чувствуетъ таинственную душу Россіи. Ему чуждо мистическое чувство исторіи" [1]). И Бердяевъ переноситъ патріотизмъ съ государства на „націю", какъ „соборную личность", „мистическій организмъ". Однако, тутъ немедленно рождается вопросъ: какую націю? „Нація", какъ понятіе государственное (швейцарцы, американцы), совпадаетъ съ государствомъ. Нація—или лучше „національность", какъ понятіе этнографическое и культурное (великоруссы, поляки, евреи), представляетъ нѣсколько „соборныхъ личностей" въ одномъ государственномъ тѣлѣ. Уступая единомышленникамъ, П. Б. Струве нашелъ въ самомъ этомъ различеніи исходъ изъ затрудненія. Государственная, „россійская" національность—это одно. Племенная, „русская" національность—это другое. Первая ступень воспитанія нашей ин-

---

[1]) Дух. кризисъ интеллигенціи, 121.

теллигенціи заключается въ обученіи ея „государственному“, великодержавному патріотизму. Но затѣмъ Струве самъ „возстаетъ противъ обнаруживающейся въ этомъ случаѣ чрезмѣрности культа государственнаго начала“. И какъ вторую ступень, исправляющую односторонность предыдущей, онъ предлагаетъ культъ „органическаго чувства національности“. Если на первой ступени получается правовое понятіе россійскаго гражданина, какъ представителя государственной національности, то на второй является понятіе „національнаго лица“ со свойственнымъ ему психическимъ содержаніемъ, національными „притяженіями и отталкиваніями“, съ „вполнѣ законными“ проявленіями „сильныхъ, подчасъ бурныхъ чувствъ“, которыя „прикрѣпляются въ настоящее время къ національнымъ вопросамъ“. Единомышленникъ П. Б. Струве, В. Я. Голубевъ [1]) тогда же сдѣлалъ третій шагъ, объяснивъ русское „національное лицо“, какъ лицо „державной народности“, какою создала ее исторія. Въ качествѣ „державной“, русская народность вновь получала значеніе „государственной національности“, но уже не въ качествѣ собирательнаго понятія россійскихъ гражданъ, а въ качествѣ главнаго, доминирующаго въ государствѣ племени. Культурное и „мистическое“ понятіе вновь облекалось правовыми аттрибутами. Понятно, куда долженъ теперь вести четвертый и послѣдній шагъ. Послѣ всѣхъ описанныхъ превращеній, отвлеченное вначалѣ понятіе русскаго „національнаго“ выходитъ изъ лабораторіи П. Б. Струве и его единомышленниковъ съ очень опредѣленнымъ конкретнымъ содержаніемъ: господствующей великорусской народности.

При такомъ содержаніи „національнаго“ и поиски за національной традиціей получаютъ совсѣмъ иной смыслъ, нежели когда рѣчь шла о созданіи основъ русскаго мессіанизма. *Всякая* историческая традиція теперь годится.

Правда, г. Бердяевъ продолжаетъ отвергать у славянофиловъ „ложное поклоненіе національности, какъ факту, какъ

---

[1]) См. Сборникъ: По Вѣхамъ, М. 1909 г., статьи П. Б. Струве и В. А. Голубева и отвѣты ему мои и другихъ авторовъ.

идеализированному прошлому“. Но онъ же категорически утверждаетъ, что „не можетъ существовать народъ, которому нечего сохранять, который не получилъ никакого наслѣдства, достойнаго любви“ [1]). И онъ ищетъ пріобщиться къ „исторіи“, связать „историческое прошлое“ съ „историческими перспективами“. „Низка была бы общественность, основанная на забвеніи“. „Церковная связь съ умершими, съ отцами есть священная основа истиннаго консерватизма“. Воспринять историческую святыню необходимо „по дѣтски“. Отъ „опасности раціонализма и сектантства можетъ охранить лишь пріобщеніе къ народной святынѣ и народному культу“. И г. Бердяевъ горячо приглашаетъ интеллигенцію „зажечь лампаду передъ иконой и пасть молитвенно передъ ней на колѣни“, подчеркивая нарочито въ примѣчаніи, что онъ „говоритъ вся время о лампадѣ и иконѣ въ буквальномъ, а не переносномъ смыслѣ словѣ“ [2]).

Таково то настроеніе, съ которымъ наши „богоискатели“ принимаются за возстановленіе исторической традиціи.

Работа авторовъ „Вѣхъ“ въ этомъ направленіи далеко еще не окончена. Но она уже начата. Характерно, что въ поискахъ своихъ родоначальниковъ наши націоналисты не пошли пока дальше той же самой—русской интеллигенціи. Имъ, разумѣется, не нравится общепринятый взглядъ на прошлое нашей интеллигенціи. По ихъ мнѣнію, „обычныя либеральныя и радикальныя исторіи русскаго самосознанія выработали шаблонъ, установили банальный критерій для опредѣленія того, что есть большая дорога“ въ исторіи интеллигенціи. При этомъ „всего болѣе для насъ цѣнное... въ книгѣ о русской душѣ... затерто“. И они теперь возстановляютъ „затертое“. Это—„почти весь Чаадаевъ, славянофилы—въ томъ, что было въ нихъ положительнаго, половина Гоголя, Тютчевъ, Достоевскій, отчасти Левъ Толстой, Константинъ Леонтьевъ, Вл. Соловьевъ, В. В. Розановъ, Мережковскій, всѣ русскіе декаденты, вся русская фило-

---

1) Дух. кризисъ интеллигенціи, 49.
2) Ib., 3, 6, 11.

софія“ [1]). Прибавимъ къ этому перечню когда-то развѣнчаннаго самимъ Струве, а нынѣ имъ же реабилитированнаго Чичерина [2]). Не будемъ останавливаться на пестротѣ этого букета. Но что же дальше? Куда идетъ эта вновь реставрируемая линія „русской души“ въ глубь историческаго сознанія? Дальше пока встрѣчаемъ только отрывки и нащупыванія. Новиковъ и Радищевъ, „Богомъ упоенные люди“, уже стоятъ на той „большой дорогѣ“, которую наши націоналисты тщательно обходятъ проселками. Что было раньше Новикова и Радищева? Струве указываетъ на государственный разумъ поколѣнія 1613 года, спасшаго Россію отъ „воровства“. Булгаковъ прибавляетъ преп. Сергія Радонежскаго. Можно было бы присоединить „неугасимую свѣчу“ Симеона Гордаго. Но, прежде всего, бѣда въ томъ, что этимъ была бы установлена, худо-ли, хорошо-ли, только традиція московской государственности. Бердяева, напр. *такая* націоналистическая традиція совсѣмъ не устраиваетъ. Своихъ духовныхъ предковъ онъ можетъ найти развѣ только въ украинскомъ философѣ-сектантѣ Сковородѣ, въ „мужикѣ Семенѣ“, говорившемъ, въ концѣ XVII в., „отъ Духа Святого“, въ Нилѣ Сорскомъ, поскольку въ немъ сказывается ученикъ Аѳонскихъ „исихастовъ“. Но это не подойдетъ къ другой „большой дорогѣ“: къ той „большой дорогѣ“ православной традиціи, за которую крѣпко держится Булгаковъ. И я совсѣмъ не знаю, гдѣ будетъ искать своихъ духовныхъ предковъ недовольный Петромъ Великимъ Гершензонъ.

Смотря по вкусу, по настроенію, по характеру спеціальнаго интереса можно протягивать въ прошлое сколько угодно нитей. Но создать живую связь съ прошлымъ могутъ только тѣ нити, которыя держатся на живой памяти прошлаго, передаваемой изъ поколѣнія въ поколѣніе. Возможность такого рода связи зависитъ отъ многихъ условій, которыя не всегда находятся на лицо. Нужно, прежде всего, чтобы существовала непрерывность сознанія, поддержива-

---

[1]) Бердяевъ, Русскіе богоискатели, въ Дух. криз. интеллигенціи, стр. 28.

[2]) См. На разныя темы, стр. 84—120.

емая единствомъ цѣли. На низшихъ ступеняхъ исторической жизни—соціальной памяти вообще не существуетъ. Цѣлесообразность историческаго процесса, ростъ и накопленіе культурныхъ навыковъ возможны, конечно, и тамъ. Но психологія этихъ эпохъ имѣетъ подсознательный характеръ. Отъ нихъ, отъ этихъ долгихъ доисторическихъ періодовъ національной жизни, разумѣется, не можетъ сохраниться никакой националистической традиціи. Далѣе, когда сознательность уже появляется, въ большей или меньшей степени, у немногихъ фактическихъ руководителей процесса, она еще надолго остается чужда массѣ. И сами носители этого сознанія въ рядахъ поколѣній не связываются единствомъ сознанія. „Свѣча" гаснетъ и вновь зажигается стихійными историческими порывами. Такимъ образомъ, соціальная память, въ начальномъ періодѣ существованія, оказывается прерывистой и случайной по содержанію. Чтобы сдѣлать ее постоянной и ея содержаніе—организованнымъ, необходимо создать тотъ мыслящій и чувствующій аппаратъ націи, который называется ея интеллигенціей. Только при участіи этого аппарата подсознательный процессъ національной жизни можетъ окончательно превратиться въ сознательный. И только съ этого момента могутъ явиться и жить въ преданіи элементы живой національной традиціи, передаваемой изъ поколѣнія въ поколѣніе сознательнымъ общественнымъ воспитаніемъ.

Достаточно приложить эти общія соображенія къ нашему прошлому, чтобы сразу увидать причины долгаго отсутствія, поздняго происхожденія и интеллигентскаго характера нашей національной традиціи. Традиціи домосковскія навсегда и окончательно отрѣзаны искусственнымъ надрывомъ народной памяти. Кіевская былина, занесенная на дальній, пустынный сѣверъ, и тамъ получившая полуфинское обличье—вотъ символъ этой прерванной традиціи нашей вѣчевой эпохи. Ранняя московская традиція слишкомъ тѣсно замкнута въ тѣсной семьѣ московскихъ скопидомовъ. О плачевной судьбѣ дальнѣйшихъ националистическихъ попытокъ—канонизировать, при помощи болѣе культурныхъ славянъ и грековъ, государственную и ре-

лигіозную традицію XVI вѣка—я уже упоминалъ. Начало XVII вѣка, къ которому обращается П. Б. Струве въ своихъ поискахъ за традиціей, представляетъ, въ самомъ дѣлѣ, любопытную параллель съ настоящимъ моментомъ: параллель, которая повторяется и въ началѣ XVIII, и въ началѣ XIX, и въ началѣ XX вѣка. Во всѣ эти моменты нашей исторіи спокойное національное развитіе прерывается катастрофами, которыя затрагиваютъ не одни только соціальные верхи, но глубоко, съ самаго корня захватываютъ и народныя массы. И всякій разъ оттуда, съ соціальныхъ низовъ или *отъ имени* соціальныхъ низовъ—поднимается движеніе, принимающее параллельныя формы народнаго взрыва и націоналистической реакціи. Въ первой формѣ движеніе направляется противъ „бюрократіи", во второй—противъ „интеллигенціи" даннаго момента [1]).

Ничего творческаго, ничего кромѣ элементовъ „бытовой и этнографической" традиціи, эти реакціи въ себѣ не содержатъ. Попытки противопоставить чистому иноземному вліянію самостоятельную культурную работу дѣлаются въ концѣ XVII вѣка; но онѣ оказываются слишкомъ запоздалыми, слишкомъ слабыми и робкими,—а съ другой стороны, слишкомъ чуждыми даже и въ этомъ слабомъ видѣ туземному „быту", чтобы на нихъ можно было опереться противъ широкаго потока европеизаціи [2]). Такимъ образомъ и эти новые зародыши своеобразной національной традиціи сами собой круто обрываются тѣмъ полустихійнымъ,—и тѣмъ болѣе неизбѣжнымъ торжествомъ внѣшняго европеизма, съ котораго началась реформа Петра. Традиція „бытоваго" націонализма съ тѣхъ поръ спускается все ниже и ниже въ народныя массы. Новая культурная, „петровская" традиція замыкается для начала въ тѣсный кругъ бюрократіи и высшаго соціальнаго слоя. Но оттуда

---

[1]) О націоналистическихъ реакціяхъ начала XVII и начала XVIII в. см. подробнѣе въ моихъ очеркахъ, т. III, ч. I, гдѣ вообще излагается процессъ перехода отъ подсознательнаго къ сознательному періоду національнаго существованія.

[2]) См. объ этихъ попыткахъ, Очерки, II, стр. 174—5, 209—12, 153. 246—247; III, 1, 140.

постепенно она расширяетъ свое вліяніе на другіе соціальные круги при посредствѣ новой интиллигенціи. *Съ этого момента является въ Россіи непрерывная и прочная соціальная память. Является и интеллигентская традиція.*

Авторы „Вѣхъ" суть сами—плоть отъ плоти и кость отъ костей этой „петровской" интеллигенціи. Сознаніе „соборности", общности и цѣльности, въ рядѣ поколѣній, исторической культурной работы имъ не только не чуждо, но именно они и стараются внушить это сознаніе нашей интеллигенціи, у которой, по ихъ мнѣнію, такого сознанія не хватаетъ. Но что же они дѣлаютъ въ дѣйствительности? Они отвергаютъ то, что даетъ имъ исторія и хотятъ начать исторію сначала. Принципіальные индивидуалисты, насильственно смиряющіе себя передъ „соборнымъ" сознаніемъ, они пытаются искусственно вырвать текущій моментъ изъ органической связи національной эволюціи и поставить его въ выдуманную ими самими связь съ произвольно подобранными сторонами и явленіями прошлаго. По существу, эта попытка антиисторична, индивидуалистична и раціоналистична. По содержанію и по исполненію, къ чему она сводится, или точнѣе сведется, когда изъ устанавливаемыхъ теперь посылокъ авторы „Вѣхъ" сдѣлаютъ неизбѣжные логическіе выводы?

Конечно, прошлое, даже и очень отдаленное, еще не умерло въ настоящемъ. Но чтобы найти его теперь, надо очень глубоко опустить изслѣдовательскій зондъ. Когда какія-нибудь катастрофы обнажаютъ эти глубокіе пласты, соприкосновеніе съ пережитками прошлаго становится, разумѣется, легче. Но тогда это соприкосновеніе является задачей не интеллигентскихъ исканій, а „черной демагогіи". И продуктомъ его неизбѣжно является самый настоящій, подлинно-московскій протестъ противъ элементовъ культуры и сознательной идеологіи, во имя „бытовой" и „этнографической" традиціи. Смыслъ этого явленія одинъ и тотъ же, хотя бы на зарѣ XVII вѣка оно называлось борьбой противъ политическаго „воровства", „пестроты" и „малодушества", на зарѣ XVIII в. борьбой противъ „проклятаго нѣмецкаго зелья" и „антихристовой печати", на зарѣ XIX в.—

противъ „либералистовъ“ и декабристовъ, на зарѣ XX в.— противъ „жидо-масоновъ“ и „выборжцевъ“. Если угодно, тутъ есть безсознательная традиція стихійнаго единства. Но эта такая же традиція, какую можно усмотрѣть между изверженіями Везувія. Ея идеологи обыкновенно и грозятъ стихійными катастрофами. „Гнѣвъ народный“, которымъ пугаетъ депутатъ Шульгинъ — тотъ же самый, котораго боится Гершензонъ и который стараются предотвратить обращеніемъ къ народной святынѣ—Булгаковъ и Бердяевъ.

Что можетъ быть общаго между этимъ ископаемымъ націонализмомъ и настоящей, культурной національной традиціей? Поиски за тѣмъ, „чего не было“, могутъ лишь привести къ капризному пренебреженію тѣмъ, что было. У насъ *есть* прошлое, заслуживающее уваженія и національнаго культа. Русская культурная традиція *была.* Она была уже тогда, когда, три четверти вѣка назадъ, ее фанатически отрицалъ Чаадаевъ. Теперь эта традиція гораздо длительнѣе и богаче. Она пополнилась спискомъ великихъ именъ, которыя даютъ намъ уже теперь нѣкоторое право на тотъ видъ „мессіанизма“, какого можетъ добиваться всякая культурная нація. Передъ традиціей, которую съ Діогеновымъ фонаремъ разыскиваютъ авторы „Вѣхъ“, эта существующая традиція имѣетъ то преимущество, что она не выдуманная, а живая. Тутъ есть та связь и то единство цѣли, которыя составляютъ живую душу всякой традиціи. Задача, поставленная два вѣка назадъ великимъ русскимъ „отщепенцемъ“, еще нами не осуществлена вполнѣ. Но эти два вѣка связаны красной нитью борьбы имено за *эту* задачу.

Единство сознанія ряда интеллигентскихъ поколѣній уже вызвало и тѣ послѣдствія, какія вызываетъ всякая живая традиція. У этой традиціи есть свой культъ, своя символика. У ней есть свои святыни и свои неугасимыя лампады. Изъ поколѣнія въ поколѣнія эти святыни бережно передаются, какъ самое драгоцѣнное наслѣдство націи. Всякое постороннее прикосновеніе къ нимъ вызываетъ общественную реакцію. И эти чувства негодованія противъ оскорбителей святыни есть лучшая гарантія и доказательство суще-

ствованія нашей общественной солидарности. Это есть ручательство того, что общее дѣло ведется твердо и что новымъ поколѣніямъ придется лишь продолжать его, а не начинать сначала. Казалось бы, защитникамъ традиціи и историческаго „консерватизма" остается только радоваться, что за полнымъ отсутствіемъ элементовъ „бытовой" и „органической" традиціи, за очевидной недостаточностью традиціи „этнографической" и „исторической", въ Россіи имѣется эта двухвѣковая живая культурная традиція. Не проклинать и отрицать ее надобно, а культивировать, какъ необходимую основу общественнаго воспитанія и дальнѣйшаго сознательнаго общественнаго поведенія.

Но наши блюстители традиціи поступаютъ тутъ, какъ настоящіе „нигилисты". Когда рѣчь идетъ о дѣйствительной традиціи, имѣющейся на-лицо, они забываютъ собственныя сомнѣнія относительно народа, „которому нечего сохранять, который не получилъ никакого наслѣдства, достойнаго любви". Они забываютъ, что „низка была бы общественность, основанная на забвеніи". Они сами, теперешніе проповѣдники традиціи, какъ разъ и начали съ „забвенія", съ отрицанія единственной существующей традиціи, съ „отказа отъ наслѣдства".

Отказы отъ наслѣдства были и мотивированные, и немотивированные, и индивидуальные и кружковые. По счастію, въ образованномъ русскомъ обществѣ традиція и до сихъ поръ совсѣмъ не потеряна. Изъ отказавшихся же многіе потомъ вернулись обратно: съ разными оговорками, съ новыми принципіальными мотивировками къ старымъ практическимъ выводамъ, но всетаки вернулись. И пока дѣло идетъ лишь объ индивидуальныхъ методахъ открытія старыхъ истинъ, о новомъ способѣ придти къ убѣжденіямъ, къ какимъ давно пришли уже другіе, разногласіе, конечно, можетъ и не выходить изъ рамокъ той же интеллигентской традиціи. Не даромъ въ этой самой традиціи наши бунтовщики ищутъ и своихъ предковъ. Они не хотятъ и не могутъ уйти изъ созидаемаго интеллигенціей храма русской общественности. Только, какъ старовѣры, они приносятъ въ этотъ обширный храмъ собственныя иконы,

отгораживаютъ себѣ уголокъ, зажигаютъ свои лампады и молятся своими молитвами.

Къ этихъ предѣлахъ дѣло могло бы ограничиться и внутренними интеллигентскими спорами. Но иной характеръ принимаетъ вопросъ когда интеллигентская традиція, какъ таковая, отрицается начисто, когда мимо традиціи новой общественности, религіозной терпимости и національно-культурнаго равноправія пытаются вернуться къ „воспоминаніямъ“ московской Руси и основываютъ національзмъ на реставраціи старой тріединой формулы. Совершили ли авторы „Вѣхъ“ и этотъ шагъ, мы пока сказать не рѣшаемся. Но путь ихъ ведетъ сюда. И они уже стоятъ на этомъ пути. Выборъ пути уже сдѣланъ.

VII.

Мораль и политика.

Намъ остается еще разсмотрѣть ту мысль, которую авторы „Вѣхъ“ выдвинули сами, какъ главную и основную, и которая, дѣйствительно, проходитъ красной нитью черезъ всѣ отдѣльныя статьи сборника. Это—много разъ упоминавшійся контрастъ „духовной жизни“ и „внѣшнихъ формъ общежитія“, съ перекинутой между ними, въ видѣ мостика, идеей „воспитанія“, какъ противоположной идеѣ „политики“.

Одного изъ друзей группы „Вѣхъ“, участвовавшаго съ ними вмѣстѣ въ сборникѣ „Проблемы идеализма“, П. И. Новгородцева эта самая идея вдохновила на цѣлое изслѣдованіе, весьма интересное и гармоничное, о „Кризисѣ современнаго правосознанія“. Но насколько различно, съ какой правильностью исторической перспективы, въ противоположность каррикатурному раккурсу „Вѣхъ“, развертывается этотъ контрастъ индивидуализма и общественности въ изложеніи Новгородцева!

На первыхъ страницахъ этой поучительной книги разсказывается о тѣхъ иллюзіяхъ, которыя питались „философами“ XVIII вѣка относительно „чудесъ республики“,—всемогущества „внѣшнихъ формъ“ для всеобщаго нравст-

веннаго обновленія и осчастливленія человѣчества. Потомъ излагается долгая исторія затрудненій и разочарованій, вытекшихъ изъ теоріи и практики народнаго суверенитета. На почвѣ этихъ разочарованій охарактеризовано развитіе принципа личности, какъ противоположнаго принципу народной воли. Однако же, и исторія индивидуализма въ государственной теоріи оказывается тоже исторіей „кризиса“. „Оказалось, говоритъ авторъ, что въ глубинѣ этого понятія лежатъ ожиданія и надежды, несоизмѣримыя съ возможностями, открываемыми для личности государствомъ... Индивидуализму пришлось съузить съ этой стороны свои требованія, ограничивъ свои политическія притязанія предѣлами достижимаго и перенеся свои болѣе глубокія стремленія въ область личнаго совершенствованія“. Далѣе изображается, какъ, въ результатѣ двойнаго кризиса и двойнаго разочарованія, правовое государство постаралось расширить рамки своихъ задачъ, распространило ихъ съ формальной защиты интересовъ гражданъ на матеріальную, съ равнаго для всѣхъ закона на равные для возможнаго большинства шансы въ жизненной борьбѣ. И только тогда уже, когда, несмотря на весь этотъ долгій путь государственной мысли и практики, сложная современная общественность всетаки не смогла удовлетвориться дѣятельностью правового государства, мыслители и политики Европы стали искать инаго исхода. Они нашли его не въ реакціи противъ народнаго представительства, противъ конституціи и парламентаризма, не въ охлажденіи къ „политикѣ“, а въ новомъ, дополнительномъ способѣ поддержки свободныхъ учрежденій. Исходъ былъ найденъ въ идеѣ распространенія общественнаго воспитанія, какъ средства „подкрѣпить недостаточность правовыхъ началъ воздѣйствіемъ нравственныхъ факторовъ“, и такимъ образомъ развить въ умахъ идею солидарности, способную предохранить современное государство и общество отъ соціальныхъ потрясеній. „Значитъ-ли это“, спрашиваетъ Новгородцевъ, что „послѣдовало разочарованіе въ учрежденіяхъ, въ правѣ, въ государствѣ?“ „Нѣтъ“ отвѣчаетъ онъ, „среди политическихъ дѣятелей и писателей, отрѣшившихся отъ

вѣры въ волшебную силу учрежденій, по прежнему остается крѣпкой мысль, что учрежденія растутъ *вмѣстѣ* съ людьми, а люди совершенствуются вмѣстѣ съ учрежденіями. Но къ этой мысли прибавилось новое сознаніе, что правовыя учрежденія сами по себѣ не въ силахъ осуществить дѣйствительное преобразованіе общества, и что они должны войти въ сочетаніе съ силами нравственными, чтобы достигнуть своей цѣли". Съ другой стороны, однако, тотъ же авторъ считаетъ нужнымъ прибавить, что и „ожидать, что общественное воспитаніе исторгнетъ изъ человѣческой природы ея эгоистическія чувства и своекорыстныя стремленія, совершитъ чудо перерожденія человѣка, значило бы повторять старую иллюзію XVIII столѣтія".

Подъ каждымъ словомъ этихъ разсужденій и заключеній я могъ бы подписаться. Представьте теперь, что начало и конецъ описаннаго Новгородцевымъ процесса, т. е. конецъ XVIII и начало XX столѣтія, скомканы вмѣстѣ, что мысли объ индивидуализмѣ и „внѣшнихъ формахъ" приведены къ своему простѣйшему выраженію, вырваны изъ того контекста государственной практики, въ которомъ возникли, пріурочены къ одному моменту русской дѣйствительности, именно къ революціи, при чемъ „иллюзіи" XVIII вѣка приписаны русскимъ семидесятникамъ („безгосударственникамъ"), а прозрѣніе индивидуализма, въ его крайней формѣ, самимъ авторамъ „Вѣхъ". Представьте себѣ все это, и вы получите понятіе о той кашѣ, которая получилась изъ простыхъ и не очень новыхъ понятій на страницахъ этого сборника [1]).

„Общественное мнѣніе, столь властное въ интеллигенціи, категорически увѣряло, что вся тяжесть жизни происходитъ отъ политическихъ причинъ: рухнетъ полицейскій режимъ, и тотчасъ, вмѣстѣ съ свободой, воцарятся и здоровье, и бодрость" (89).

„Интеллигентскій разбродъ послѣ революціи былъ психологической реакціей *личности*..; гипнозъ общественности,

---

[1]) Слѣдующія двѣ цитаты взяты изъ статьи Бердяева, дальнѣйшія двѣ—изъ статьи Струве.

подъ которымъ столько лѣтъ жила интеллигенція, исчезъ, и личность очутилась на свободѣ" (91).

„Сводя политику къ внѣшнему устроенію жизни—чѣмъ она съ технической стороны на самомъ дѣлѣ и является—интеллигенція въ то же время видѣла въ политикѣ альфу и омегу всего бытія своего и народнаго...; ограниченное средство превращалось во всеобъемлющую цѣль" (143).

„Положеніе политики въ идейномъ кругозорѣ интеллигенціи должно измѣниться... Въ основу политики ляжетъ идея не внѣшняго устроенія общественной жизни, а внутренняго совершенствованія человѣка... Воспитаніе въ религіозномъ смыслѣ—вѣритъ не въ устроеніе, а только въ творчество, въ положительную работу человѣка надъ самимъ собой, въ борьбу его внутри себя во имя творческихъ задачъ" (142, 143).

Очевидно, лицомъ къ лицу съ подобными утвержденіями было бы недостаточно возразить, что „воспитаніе" нисколько не исключаетъ „политики", а служитъ той же цѣли—„совершенствованію людей *вмѣстѣ* съ учрежденіями". Безполезно было бы и повторять, что воспитаніе не только не замѣняетъ „учрежденій", а, напротивъ, предполагаетъ ихъ уже существующими и само становится возможнымъ, лишь какъ послѣдующее дополненіе къ нимъ. Намъ рѣзко и въ упоръ ставятъ аксіому: *не* „внѣшнее устроеніе", а „воспитаніе",—и даже *до* „устроенія", *вмѣсто* „устроенія", какъ предпосылка возможности самого „устроенія" (ср. выше стр. 105). И мы должны принять бой на томъ мѣстѣ, гдѣ намъ его даютъ. Намъ приходится защищать „политику", какъ автономную область человѣческой дѣятельности, противъ смѣшенія ея съ „областью личнаго совершенствованія". Задача можетъ показаться неблагодарной, но тѣмъ она важнѣе.

У насъ вообще „политика" не въ большой чести. „Политика" является синонимомъ всевозможнаго лукавства, подвоховъ, маккіавелизма, лицемѣрія, обмана и т. д. „Политика", въ сущности, только что появилась впервые въ русской жизни, и появилась при обстоятельствахъ крайне тяжелыхъ и неблагопріятныхъ. Но мы уже разочаровались

въ политикѣ такъ, какъ не разочарованы въ ней даже въ странахъ классическихъ избирательныхъ трюковъ, въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ. Я не буду спорить, если авторы „Вѣхъ" и въ этомъ усмотрятъ одну изъ нашихъ старыхъ интеллигентскихъ привычекъ, отъ которыхъ нужно теперь отказаться.

Я не хочу, впрочемъ, противопоставлять своего личнаго мнѣнія мнѣнію авторовъ „Вѣхъ". Волею судебъ, я самъ—„политикъ", и противъ моего свидѣтельства можетъ быть представленъ отводъ, какъ свидѣтельства лица заинтересованнаго. Пусть свидѣтельствуютъ другіе. Я выбираю писателя, несомнѣнно, симпатичнаго по міровоззрѣнію авторамъ „Вѣхъ" и даже раздѣляющаго многіе изъ ихъ предразсудковъ противъ „политики". Я разумѣю Паульсена [1]).

Для Паульсена политика внутренняя, междупартійная (ибо кто говоритъ „политика", тотъ говоритъ „политическія партіи"), есть, какъ и политика международная,—состояніе войны: нѣчто потустороннее, къ чему соображенія личной морали неприложимы. Существующую „политику" и междупартійныя отношенія онъ рисуетъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Партіи, основанныя на *принципахъ*, превращаются постепенно въ союзы *интересовъ*. Принадлежность къ партіи занимаетъ мѣсто личныхъ достоинствъ. Партіи стремятся уничтожить другъ друга всѣми средствами: вліяніемъ при дворѣ, захватомъ власти въ правительствѣ и парламентѣ, открытой борьбой на улицахъ. Даже въ предѣлахъ конституціонной борьбы партіи ничѣмъ не пренебрегаютъ, чтобъ добиться побѣды. Партійное краснорѣчіе основываетъ свою силу убѣжденія не на истинѣ, а на вѣроятности. При этомъ практикуется искусственный подборъ фактовъ, ихъ искусственная перспектива и освѣщеніе, безцеремонное подсовываніе противнику мотивовъ, которые способны представить его дѣло и его личныя побужденія въ дурномъ свѣтѣ, запугиваніе ужасными послѣдствіями его

---

[1]) См. его статьи: Politik und Moral и Parteipolitik und Moral въ сборникѣ Zur Ethik und Politik. Gesammelte Vorträge und Aufsätze, II Bd. (изд. Deutsche Bücherei).

политики, приписыванiе его взглядамъ, какъ основной причинѣ и источнику,—всѣхъ явленiй, вызывающихъ безусловное общественное осужденiе; прямое измышленiе фактовъ, никогда не имѣвшихъ мѣста въ дѣйствительности, но способныхъ уничтожить врага или поднять бодрость въ союзникѣ: сюда относится и искусственное созданiе подходящихъ для использованiя фактовъ (провокацiя); наконецъ, изображенiе себя въ роли защитника правъ и справедливости, на которыя дерзко нападаетъ противникъ. Наша политическая жизнь еще очень нова, но конечно никто изъ читателей не затруднился бы подобрать иллюстрацiи ко всѣмъ перечисленнымъ рубрикамъ Паульсена, взятыя изъ свѣжей русской дѣйствительности. И что же: совѣтуетъ ли Паульсенъ бросить „политику" или подчинить „внѣшнее устроенiе"—внутреннему совершенствованiю?

„Объ устраненiи партiй и партiйной борьбы немыслимо и думать, отвѣчаетъ на это Паульсенъ: этого нельзя достигнуть даже и при самодержавiи. Вмѣсто партiй явились бы только котерiи, а вмѣсто партiйной борьбы придворныя интриги, со всей ихъ низостью и коварствомъ". Что касается „духовно-нравственной" жизни, государство просто не можетъ сдѣлать ея „непосредственной задачей своей дѣятельности". „Религiя, нравственность, философiя, наука, искусство, поэзiя — все это суть слишкомъ внутреннiя и свободныя вещи, чтобы можно было создавать ихъ средствами государства, которыя, въ концѣ концовъ, сводятся къ праву и принужденiю". Государство въ состоянiи „создать лишь внѣшнiя условiя ихъ возможности". Такимъ образомъ, цѣли „политики" ограничены. Но въ предѣлахъ этихъ цѣлей „политика"—автономна. Лучшая политика, по Аристотелю, не та, которая стремится къ высшимъ идеаламъ — проектировать идеальныя государства нетрудная задача,—а та, которая изъ наличныхъ матерiаловъ умѣетъ создать то, что нужно; та, въ которой чутье дѣйствительности соединяется съ стремленiемъ къ высшему. „Политика не есть дѣло чувства, симпатiй или антипатiй". „Гдѣ борьба, тамъ не можетъ быть откровенности и искренности, нельзя не пользоваться слабыми сторонами противника и

открывать ему собственныя слабыя стороны". Даже и Христосъ въ борьбѣ съ фарисеями и первосвященниками не указывалъ на относительную законность ихъ существованія, а безпощадно выносилъ на свѣтъ ихъ изнанку. Точно также законно и стремленіе къ побѣдѣ и власти. Въ этомъ „душа партій"; и та партія, которая не борется, теряетъ значеніе и перестаетъ существовать. Нельзя, конечно, ставить успѣхъ единственной цѣлью борьбы, жертвуя принципами и внося въ партію духъ безпринципнаго оппортунизма, ведущій, въ концѣ концовъ, къ ея разложенію. Но нельзя, съ другой стороны, и бороться за голые принципы, забывая о практическихъ послѣдствіяхъ, теряя всякую связь съ дѣйствительностью и тѣмъ лишая партію жизнеспособности и надежды на побѣду. Найти правильную середину между этими двумя крайностями есть дѣло глазомѣра и такта,—качествъ, которыя и создаютъ „политика".

Такимъ образомъ, Паульсенъ не только не хочетъ уничтожать политику и подчинять ее „работѣ человѣка надъ самимъ собой". Онъ даже не хочетъ дѣлать политику „ручной" и лишать ея свойственнаго ей въ ея области оружія. „Было бы даже лучше для нашей общественности, если бы у насъ было больше рѣшительности и настойчивости въ защитѣ нашихъ убѣжденій и идеаловъ, больше готовности къ борьбѣ, борьбѣ суровой и требующей жертвъ за правое дѣло". Все, чего хочетъ Паульсенъ, — это нѣсколько „гуманизировать" партійную борьбу. Онъ требуетъ честнаго убѣжденія въ правотѣ своего дѣла и преданности ему: требуетъ борьбы „честнымъ оружіемъ", а не ложью и клеветой, хотя это и не значитъ „играть съ открытыми картами и считать себя обязаннымъ поправлять ошибки противника". Онъ требуетъ сохраненія „нейтральной сферы внѣ борьбы", гдѣ можно было бы уважать противника, какъ человѣка; не думать, что въ противной партіи нѣтъ людей, заслуживающихъ симпатіи и уваженія, и не смѣшивать границы партій съ границами добра и зла; ставить цѣлое выше партій, не только на словахъ, но и на дѣлѣ; прекращать партійныя распри, когда стоишь лицомъ къ лицу съ врагами родины; признавать относительную справедливость

позиціи политическаго противника. Нельзя не присоединиться ко всѣмъ этимъ совѣтамъ,—морализировать „политику“. Нужно только прибавить, что совѣты Паульсена меньше всего нужны для того крыла нашей юной „политики“, которое тѣснѣе всего связано съ прошлымъ русской интеллигенціи. Если это крыло въ чемъ-нибудь обвиняютъ въ широкой публикѣ, то какъ разъ въ томъ, что „гуманизированіе“ политики дѣлаетъ его слишкомъ „ручнымъ“ и слишкомъ препятствуетъ тому, что на нашемъ политическомъ жаргонѣ получило названіе „яркихъ выступленій“. Нашимъ „гуманнымъ“ политикамъ посторонніе зрители борьбы все чаще кричатъ въ политическомъ азартѣ: будьте, какъ другіе; не стѣсняйтесь!

Послѣ всѣхъ своихъ оговорокъ и поправокъ, Паульсенъ безусловно признаетъ то важное значеніе политики и политическихъ партій, которое намъ мѣшаютъ признать— только нѣкоторыя наши интеллигентскія привычки. „Какъ ни серьезны указанныя дурныя стороны“, говоритъ онъ, „но безпристрастное соціально-психологическое и философско-историческое наблюденіе не можетъ уйти отъ вывода, что партіи есть не только неизбѣжное, но и необходимое явленіе общественной жизни... Партіи возникаютъ вездѣ, гдѣ неорганизованная масса должна практически объединиться и стать способной дѣйствовать и рѣшать. Это происходитъ съ психологической и телеологической необходимостью... Только образованіе партій дѣлаетъ изъ хаотической толпы расчлененное, могущее входить въ переговоры и принимать рѣшенія цѣлое“.

Другими словами, политическая партія есть тотъ выходъ изъ интеллигентской „кружковщины“, который становится необходимъ при первомъ же серьезномъ приступѣ къ организаціи массы во имя тѣхъ или другихъ интеллигентскихъ идеаловъ. Кружковое „сектантство“ находитъ себѣ, наконецъ, въ „политикѣ“ лучшее примѣненіе силъ, чѣмъ внутреннія распри, литературная полемика и... эмигрантскій патріотизмъ. Я не сомнѣваюсь, что при первой же возможности перейти въ „свѣтлый и просторный домъ изъ тѣснаго и душнаго помѣщенія“, вся интеллигентская

психологія должна радикально перестроиться. И если она недостаточно быстро измѣнилась, когда на нѣсколько историческихъ мгновеній вѣковые затворы были сняты, то право, въ этомъ виновата не столько даже инстинктивная потребность выпрямиться, послѣ долгаго сидѣнья въ тѣснотѣ, не яркій свѣтъ, сразу ослѣпившій глаза, а именно сама краткость мгновенія и неувѣренность въ прочности обладанія тѣмъ „просторнымъ помѣщеніемъ", въ которомъ могло бы развиться новое „хозяйское" чувство отвѣтственности за содержаніе этого помѣщенія. „По мѣрѣ того, какъ пріобрѣтенія становятся цѣннѣе, и приближается моментъ практическаго осуществленія партійныхъ идеаловъ, становятся очевиднѣе и трудности и сложность великой задачи. И риторика крови и ненависти, унаслѣдованная отъ политическихъ революцій, все рѣшительнѣе отбрасывается въ сторону. Германская соціалъ-демократія, изумившая міръ своимъ титаническимъ ростомъ, представляетъ самый блестящій примѣръ политической сдержанности и самообладанія". Такъ говорилъ въ 1890 г. Степнякъ, въ той же статьѣ, которую я цитировалъ выше (стр. 142).

Я хорошо знаю, что именно „цѣнность" пріобрѣтеній и подверглась сомнѣнію,—и по причинамъ совершенно основательнымъ. Однако, въ нихъ была одна сторона, которую невозможно отрицать и которая составляетъ необходимое условіе всякой „политики". Я говорю именно о возможности организаціи широкихъ общественныхъ круговъ и народной массы при помощи политическихъ партій.

Было бы черезчуръ пристрастно и дико утверждать, что *единственнымъ* результатомъ перваго контакта интеллигентской мысли съ народной явилось хулиганское насиліе и экспропріаторство. Не менѣе авторовъ „Вѣхъ" мнѣ пришлось полемизировать противъ лѣвыхъ интеллигентскихъ теченій въ „политикѣ" за эти революціонные годы. [1]) Ту огромную массу вреда, которую они принесли дѣлу рус

---

[1]) См. эту полемику въ моихъ сборникахъ: „Годъ борьбы", СПБ, 1907, стр. 170, 222, 251—59, 334—351, 262—67, 392—400, 446—481, „Вторая Дума". СПБ. 1908, стр. 80, 135—163, 268—71.

скаго освобожденія своимъ рецидивомъ утопизма и даже „педократіи“, я нисколько преуменьшать не желаю. Я готовъ даже самымъ настойчивымъ образомъ приглашать эту часть интеллигенціи „покаяться“ — не въ морально-религіозномъ смыслѣ, разумѣется, а въ смыслѣ признанія своихъ ошибокъ, лучшей оцѣнки своей силы, болѣе правильнаго пониманія момента и, вообще, готовности воспользоваться уроками собственныхъ неудачъ. Но надо же быть справедливымъ и признать, что и въ этомъ мірѣ, сохранившемъ привычки и пріемы только-что покинутой конспираціи, всетаки былъ не одинъ „утопизмъ“, „педократія“ и угодничество инстиктамъ массы. Въ немъ была на-лицо и быстрая эволюція въ направленіи серьезной политической отвѣтственности. И эволюція эта обѣщала привести къ поразительнымъ результатамъ, по мѣрѣ увеличенія „цѣнности“ общихъ пріобрѣтеній, въ частности же по мѣрѣ расширенія политической организаціи. Этотъ путь велъ бы, быть можетъ, черезъ рядъ новыхъ уроковъ и опытовъ, неизбѣжныхъ при первыхъ шагахъ политическаго самообученія. Но вѣдь и „успокоеніе“—на протестѣ-ли противъ „политики“, на „воспитаніи“ или чемъ-либо иномъ— не избавляетъ насъ отъ опытовъ самообученія въ будущемъ. „Воспитаніе“ очень хорошо, конечно, когда для него имѣется время и подходящія условія. Въ противномъ случаѣ, требованіе предварительнаго воспитанія массы звучитъ насмѣшкой, очень дешевой и слишкомъ близко напоминающей тѣхъ крѣпостниковъ, которые требовали, чтобы „души рабовъ“ были непремѣнно раньше освобождены, чѣмъ ихъ „тѣла“. „На небесахъ господствуетъ миръ, говоритъ все тотъ же Паульсенъ, но на землѣ царитъ война, и обойтись безъ нея невозможно“. Можно только измѣнить ея форму, и это можетъ сдѣлать исключительно „политика“ и „политическая организація“.

Вотъ почему образованіе политическихъ партій и первые опыты самообученія въ политической борьбѣ я склоненъ считать самымъ крупнымъ и въ высшей степени цѣннымъ положительнымъ пріобрѣтеніемъ только-что пройденной нами стадіи русскаго политическаго развитія.

и всему, что можетъ усилить равнодушіе нашего общества къ этому способу „внѣшняго устроенія“, я считаю необходимымъ противодѣйствовать самымъ энергичнымъ образомъ. Я напомню только, что даже первый и несовершенный опытъ русской политической организаціи далъ такіе результаты, которыхъ не могли бы дать десятки лѣтъ литературныхъ интеллигентскихъ споровъ. Передъ нами точно поднялась завѣса, скрывавшая отъ насъ міръ русской дѣйствительности. Явленія, о существованіи которыхъ мы только гадали, предстали предъ нами въ полномъ свѣтѣ дня, не только въ своихъ качественныхъ различіяхъ, но и въ своихъ количественныхъ отношеніяхъ и пропорціяхъ. Съ великаго „сфинкса“, народа, передъ которымъ въ недоумѣніи и съ пытливымъ, мучительнымъ сомнѣніемъ останавливались люди всѣхъ направленій, съ этого сфинкса спала, наконецъ, маска. Мы знаемъ теперь, кто защищаетъ этотъ старый строй, у котораго предполагались милліоны защитниковъ. Мы знаемъ, кто они, сколько ихъ и какими средствами они борятся. Конечно, вмѣстѣ съ пріятными неожиданностями, многихъ изъ насъ постигли печальныя разочарованія. Одно изъ главныхъ оказалось въ томъ, что „крайній правый флангъ“ [1]) нашей интеллигенціи оказался на крайнемъ лѣвомъ флангѣ практической политики. Но мы переживаемъ теперь, какъ уже сказано, первые моменты политическаго самообученія. А при этомъ разочарованія иногда не менѣе важны, чѣмъ пріятныя неожиданности.

Пусть все это такъ, скажутъ намъ нѣкоторые изъ разочарованныхъ. Пусть „политика“, какъ она можетъ вестись сейчасъ, нужна, необходима. Но пусть ее ведутъ другіе. Политика вѣдь „портитъ характеръ“, говоритъ пословица. „Кто отдается политикѣ“, говоритъ тотъ же Паульсенъ, „тому трудно сохранить себя отъ притупленія чувства истины и справедливости. Людей съ высшими стремленіями и тоньше чувствующихъ партійная жизнь отталкиваетъ, и они вообще отстраняются отъ общественной жизни“.

---

[1]) См. Ивановъ-Разумникъ, II, 507.

Я очень хорошо понимаю, что глубокій мыслитель, тонкій художникъ, увлекающійся поэтъ, кабинетный ученый могутъ не обладать качествами, необходимыми для политическаго дѣятеля, также какъ и политическій дѣятель можетъ не годиться въ философы, художники, поэты и ученые. „Политика“ есть спеціальная область, какъ всякая другая. Она требуетъ особыхъ вкусовъ, склонностей, способностей, привычекъ и знаній. Можетъ быть, одна изъ ходячихъ ошибокъ заключается, скорѣе, во мнѣніи, что политикой можетъ заниматься всякій. Но съ другой стороны, нельзя не возражать самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ того, тоже, къ сожалѣнію, довольно популярнаго мнѣнія, что заниматься политикой—значитъ обладать качествами, заслуживающими порицанія съ общечеловѣческой точки зрѣнія. Политика представляется ремесломъ вродѣ конокрадства, карманничества или, по меньшей мѣрѣ, службы по интендантскому вѣдомству. Слѣды этого популярнаго предразсудка можно замѣтить и у Паульсена, несмотря на всѣ его усилія *оправдать* занятія политикой. Я думаю, что при правильномъ пониманіи дѣла тутъ нечего „оправдывать“.

Источникъ недоразумѣнія, помимо конечно житейскихъ злоупотребленій политикой, вытекающихъ изъ среды и изъ обстановки, а не изъ существа дѣла—злоупотребленій, возможныхъ при всякой профессіи, заключается въ недостаточномъ пониманіи особаго, спеціальнаго характера тѣхъ явленій, которыя входятъ въ область политики. Только научное изученіе этихъ явленій, которое, правда, только теперь начинается, способно начисто устранить это недоразумѣніе и въ то же время дать прочный теоретическій базисъ *искусству* политики.

По несчастію, кружокъ писателей, объединившихся въ сборникѣ „Вѣхи“, почерпнулъ свою философскую и научную подготовку исключительно изъ германскихъ источниковъ. Этой только особенностью я объясняю себѣ, почему между государственно-правовой и индивидуалистически-психологической точкой зрѣнія эти писатели не склонны признавать никакой средней. Это, собственно, и ставитъ ихъ въ особенное затрудненіе, когда имъ приходится выбирать между

„внѣшними формами“ и „внутреннимъ совершенствованіемъ“. Это же лишаетъ ихъ возможности справиться съ примиряющей, промежуточной идеей соціальнаго воспитанія въ духѣ „солидарности“. Между тѣмъ, высшая точка зрѣнія надъ государственно-правовой и психологической существуетъ. Такой высшей точкой, снимающей противорѣчія, односторонности и ограниченности обѣихъ предыдущихъ, является, уже при теперешнемъ состояніи науки, точка зрѣнія *соціологическая*. И какъ разъ эта точка зрѣнія особенно слабо представлена въ германской литературѣ. Германскіе спеціалисты до послѣдняго времени работали въ установившихся отрасляхъ знанія, освященныхъ традиціонной классификаціей, и предоставляли разработку „соціологіи“ молодежи и неудачникамъ, приватъ-доцентамъ и публицистамъ, третируя ее соотвѣтственно. Теперь и въ Германіи этотъ взглядъ уже отходитъ въ область преданій. Но чтобы вполнѣ усвоить себѣ то огромное значеніе, которое соціологія должна имѣть для будущаго науки, нужно было бы обратиться къ французской, англійской и американской литературѣ. И вотъ эта-то литература писателямъ направленія „Вѣхъ“, къ сожалѣнію, извѣстна даже менѣе, чѣмъ русской читающей публикѣ (если судить по существующимъ русскимъ переводамъ сочиненій по соціологіи). Я, конечно, понимаю, что есть и внутренняя причина этого игнорированія. Общее направленіе соціологическаго изученія не соотвѣтствуетъ религіозно-моралистическому міросозерцанію, которое наши „идеалисты“ хотѣли бы привить русской публикѣ. Но „наука“, въ томъ числѣ и „соціологія“, въ настоящее время достаточно отмежевались отъ „міросозерцаній“, чтобы примирить съ собой даже и послѣдователей нашихъ моралистовъ.

Въ статьѣ М. М. Ковалевскаго, помѣщенной въ настоящемъ сборникѣ, читатель найдетъ наглядный образецъ того, что я разумѣю подъ соціологическимъ трактованіемъ вопросовъ изъ области политики. Уважаемый мой товарищъ какъ разъ разработалъ то основное понятіе „солидарности“, въ которомъ разрѣшается противорѣчіе индивидуальнаго и

государственнаго [1]). Я могъ бы указать еще на новѣйшія работы другого русскаго соціолога, де-Роберти, тоже обосновывающаго соціальныя санкціи методомъ соціологическаго синтеза, чуждаго авторамъ „Вѣхъ“ [2]). Но я ограничусь здѣсь одной попыткой, имѣющей ближайшее отношеніе къ затронутому мной вопросу о научномъ обоснованіи „политики“. Авторъ этой попытки, англійскій „интеллигентъ“, фабіанецъ Graham Wallace, задался цѣлью изучить связь политики съ человѣческой психологіей [3]).

Полученный имъ результатъ стоитъ въ рѣшительномъ противорѣчіи съ индивидуалистическимъ и раціоналистическимъ взглядомъ на политику. Психологія политическихъ эмоцій, прежде всего, не есть психологія индивидуальная, а массовая. Сознательный разсудочный разсчетъ, согласованіе средствъ и цѣлей въ очень малой степени являются мотивами коллективнаго политическаго поведенія. Въ основѣ этого поведенія лежатъ эмоціональные импульсы. Подробное изученіе этихъ импульсовъ позволяетъ установить извѣстную классификацію ихъ и опредѣлить степень и характеръ ихъ вліянія на политическіе поступки. Эмпирическое искусство политики и состоитъ въ умѣніи пользоваться подсознательными и не-раціональными мотивами. Способъ раціональнаго воздѣйствія политикѣ недоступенъ, какъ вслѣдствіе невозможности индивидуальной пропаганды и необходимости массовой, такъ и вслѣдствіе сложности политическихъ проблемъ и недоступности ихъ деталей для массы. Въ результатѣ, политика является искусствомъ упрощенія сложнаго и символизаціи отвлеченнаго. Политической символикѣ, особенно партійной и избирательной,

---

[1]) Понятіе „солидарности“ обсуждается и Новгородцевымъ въ его „Кризисѣ правосознанія“, стр. 374—386. Авторъ дѣлаетъ при этомъ осторожныя попытки отдѣлить это понятіе отъ его соціологическаго обоснованія. На примѣрѣ этой невольной борьбы противъ соціологическаго теченія можно прослѣдить, какъ эта существенно-важная точка зрѣнія трудно мирится съ міровоззрѣніемъ „идеализма“ разныхъ оттѣнковъ.

[2]) См. его послѣднія работы: Nouveau programme de sociologie (русскій переводъ: „Новая постановка основныхъ вопросовъ соціологіи“. М 1909) и Sociologie de l' Action, 1908, Paris, Alcan.

[3]) Human Nature in Politics, London, Constable, 1908.

Graham Wallace удѣляетъ особенное вниманіе. Въ этомъ процессѣ символизаціи самая личность активнаго политика становится своего рода символомъ, знаменемъ, смыслъ и содержаніе котораго усваиваются массой болѣе или менѣе широко и успѣшно лишь при условіи его общепонятности, его соотвѣтствія тѣмъ или другимъ эмоціональнымъ мотивамъ, а также его постоянства и независимости отъ индивидуальныхъ колебаній и оттѣнковъ. Тотъ же смыслъ— почвы для общаго сговора—имѣютъ отчеканенныя партійныя формулы и программы, знамена, клички и лозунги.

Прежде чѣмъ политики-теоретики обратили вниманіе на всѣ эти неизбѣжныя условія успѣшности политическаго дѣйствія, ими давно уже пользовались политики-практики. Но изъ основного положенія, формулированнаго уже Макіавелли,—принимать людей не такими, какими мы желали бы ихъ видѣть, а такими, какими они являются въ дѣйствительности, практическая политика слишкомъ часто дѣлала циническій выводъ, что въ политикѣ необходимо обманывать людей для собственныхъ цѣлей, обращаясь къ ихъ страстямъ, а не къ разуму, и сознательно возбуждая въ нихъ нужныя для политика иллюзіи и эмоціи. Такая практика, естественно, наиболѣе примѣнялась въ странахъ, гдѣ наличность широкаго демократическаго представительства вынуждала политиковъ считаться съ психологіей обширныхъ, но мало подготовленныхъ общественныхъ круговъ. Вотъ почему, именно среди интеллигенціи передовыхъ демократій особенно распространено то чувство глубокаго разочарованія, съ которымъ выступаютъ передъ нами авторы „Вѣхъ" на зарѣ русской политической жизни. Исторія Вордсворта, догадавшагося въ 1798 г., что отвлеченный „человѣкъ", котораго онъ любилъ въ 1792 г.. въ разгаръ французской революціи, есть лишь „созданіе его мозга" и не имѣетъ ничего общаго съ „индивидуальнымъ человѣкомъ, котораго мы видимъ своими глазами",—эта исторія повторялась и повторяется со многими тысячами людей, неспособныхъ облечь свою душевную драму въ яркую одежду поэзіи. Но не всѣ же наблюдатели съ потерей собственной иллюзіи о собирательномъ „человѣкѣ" теряютъ вкусъ и

интересъ къ политической дѣятельности среди конкретныхъ людей, къ реальной оцѣнкѣ дѣйствительныхъ политическихъ силъ и къ содѣйствію политическому прогрессу. Какъ же поступать тѣмъ, кого не останавливаетъ брезгливость эстета, мнительность ученаго, неотмѣрность философа, требовательность моралиста; кто все таки хочетъ помочь своей странѣ въ ея дѣйствительныхъ бѣдствіяхъ и нуждахъ?

„Уйти въ себя", „очиститься", „покаяться", „опроститься"—достаточно мысленно представить себѣ всѣ эти совѣты въ устахъ европейскаго интеллигента, чтобы почувствовать всю ихъ абсурдность и никчемность. Идея „воспитанія", конечно, приходитъ и ему въ голову. Но какъ она отлична отъ идеи, внушаемой новому поколѣнію нашими проповѣдниками, моралистами и боговидцами! Нужно научиться правильно наблюдать и дѣлать выводы самому; нужно тому же самому научить и всякаго рядового гражданина. Вотъ къ чему сводятся совѣты научно-образованнаго, стоящаго на высотѣ цивилизаціи своего вѣка европейца-интеллигента. Методы усвоенія, методы передачи, методы провѣрки излагаемаго: таково содержаніе политическаго воспитанія, необходимаго для общества, живущаго сознательной жизнью. „Качественныя", глазомѣрныя рѣшенія должны замѣниться „количественными". Полусознательная, ирраціональная внушаемость и возбудимость должна уступить мѣсто систематическому самонаблюденію и критическому анализу мотивовъ собственнаго поведенія. А для этого, прежде всего, борьба противъ эмоціональнаго, „религіознаго типа" психики и насажденіе прочныхъ „научныхъ привычекъ" должны стать главными задачами гражданскаго воспитанія передовыхъ демократій. Политическія сужденія должны быть составляемы по тому образцу, по которому составляются рѣшенія присяжныхъ. Тогда сама собой прекратится и „безцеремонная эксплуатація подсознательной стороны человѣческой натуры". Эта эксплуатація достигаетъ своей кульминаціонной точки не въ образованномъ обществѣ, а въ темной средѣ патріархальнаго государства, населеніе котораго живетъ традиціонными эмоціями примитивнаго характера. Самую безцеремонную изъ всѣхъ „политикъ" можно

найти въ „демагогическомъ абсолютизмѣ“, „возбуждающемъ расовую, религіозную или соціальную рознь, или позывъ къ внѣшней войнѣ, съ еще меньшимъ сознаніемъ отвѣтственности, чѣмъ дѣлаетъ это собственникъ самой *желтой* газеты въ демократическомъ государствѣ“ [1]).

VII.

Заключеніе.

Такимъ образомъ, „научный“ духъ въ политикѣ и въ гражданскомъ воспитаніи—вотъ то единственное дѣйствительное лекарство, которое можно противопоставить провозглашаемымъ съ такой помпой и апломбомъ, закутаннымъ въ такіе яркіе цвѣты литературнаго паѳоса панацеямъ авторовъ „Вѣхъ“. Подвигъ „смиренія“, къ которому зоветъ одинъ изъ этихъ авторовъ и къ которому не такъ рѣшительно, но фатально склоняются и всѣ другіе,—этотъ подвигъ ведетъ насъ не впередъ, а назадъ, не къ гражданской сознательности и организованности, а къ традиціонной пассивности и разброду. Вотъ почему я думаю, что сѣмена, которыя бросаютъ авторы „Вѣхъ“ на черезчуръ, къ несчастію, воспріимчивую почву, суть ядовитыя сѣмена, и дѣло, которое они дѣлаютъ, независимо, конечно, отъ собственныхъ ихъ намѣреній, есть опасное и вредное дѣло. Колоссальный народный сдвигъ послѣднихъ лѣтъ, разумѣется, зоветъ на самое глубокое размышленіе, на самый коренной и серьезный пересмотръ всего залежавшагося въ сознаніи, всего традиціоннаго. Провѣтрить опустошенные умы и сожженныя души, конечно, необходимо, прежде чѣмъ успѣютъ зазеленѣть въ нихъ новые всходы. Положительная сторона „Вѣхъ“ и объясненіе вызваннаго ими интереса заключается, именно, въ этой страстности, интеллигентскомъ „максимализмѣ“ ихъ размаха, которымъ подняты съ самаго дна рѣшительно *всѣ* вопросы, подняты смѣло и дерзко безъ всякой оглядки на то, какой возможенъ на нихъ отвѣтъ.

---

[1]) Graham Wallace, 204. Предыдущее изложеніе передаетъ аргументацію этого автора, конечно, въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, независимыхъ отъ хода мысли самого автора.

Не всѣ читатели, конечно, нуждаются въ такой постановкѣ и въ такомъ размахѣ. Люди, жившіе и до появленія „Вѣхъ“ сознательной жизнью, невольно поддаются искушенію принять вопросъ за вызовъ, и отвѣтить на обличительную мораль негодованіемъ и гнѣвомъ за подвергнутыя сомнѣнію святыни и цѣнности. Напрасно. Идеалы—не идолы. Отдать отчетъ другимъ въ вопросахъ столь глубокихъ и основныхъ, какъ поднятые авторами „Вѣхъ“, полезно уже для того, чтобы дать въ нихъ отчетъ себѣ самому. Вотъ почему творческое, положительное значеніе „Вѣхъ“ можетъ быть ничтожно; ихъ практическое вліяніе можетъ быть вредно и отвратительно; но это не мѣшаетъ признать намъ, что критическое, возбуждающее значеніе ихъ очень велико, совершенно независимо отъ цѣнности предлагаемыхъ ими рѣшеній.

Въ своемъ очеркѣ я прошелъ молчаніемъ очень многія наблюденія „Вѣхъ“, съ которыми я могъ бы вполнѣ согласиться. Я остановился преимущественно на конструктивной части сборника, на томъ ихъ скелетѣ, на которомъ они возвели свой „небоскрёбъ“. Небоскрёбъ оказался, при ближайшемъ разсмотрѣніи, Вавилонскою башней, а скелетъ—выведеннымъ не изъ твердой стали научно-обоснованныхъ положеній, а изъ временныхъ и преходящихъ настроеній, въ сущности основанныхъ на патологическихъ эмоціяхъ какъ разъ политическаго происхожденія. Провѣрка всей этой ультра-модерной постройки обнаружила подъ нею весьма устарѣлую и заплеснѣвѣлую модель. Но все равно: въ процессѣ провѣрки открылась возможность перетряхнуть многое и многое изъ того, чѣмъ живетъ вѣками русская интеллигенція и что было объявлено нашими реформаторами за никуда негодную, гнилую ветошь. Многое въ этомъ вѣковомъ капиталѣ мы и сами нашли устарѣлымъ, годнымъ на сломъ. Но мы объяснили происхожденіе этихъ своеобразныхъ формъ русской интеллигентской психики изъ реальныхъ условій русской общественности, и нашли, что условія эти только теперь подверглись существенному, хотя и далеко не окончательному измѣненію. Каждый изъ насъ желалъ бы, конечно,

чтобы прошлое скорѣе сдѣлалось прошлымъ и чтобы многое ненормальное, патологическое въ исторіи и въ психологическомъ складѣ нашей интеллигенціи окончательно отошло въ область воспоминаній. Но чтобы это случилось, что надо дѣлать интеллигентамъ? На этомъ пунктѣ мы радикально и непримиримо расходимся съ религіозными моралистами „Вѣхъ“. Нужно дѣлать прямо противоположное тому, что они совѣтуютъ. Нужно всѣми силами налечь на „внѣшнее устроеніе“, чтобы довести до крыши „просторный“, но недостроенный домъ. Дѣлая это, мы будемъ въ сущности дѣлать то же, что дѣлала всегда русская интеллигенція. Мы не доктринеры „наслѣдства“, но тамъ, гдѣ мы находимъ „свое“, мы беремъ его, какъ нашу духовную отчину и дѣдину. Мы не фанатики „традицій“, но, ощутивши въ своемъ сознаніи эту связь поколѣній, мы ее пріемлемъ и цѣнимъ, какъ положительное богатство, какъ единственное цѣнное достояніе нашего столь еще юнаго коллективнаго сознанія. И мы хотимъ передать это богатство дальше. Въ этомъ мы не только „патріоты“ своей традиціи, но даже, если угодно, и „мессіанисты“. Конечно, нашъ „мессіанизмъ“ скроменъ, ибо обращенъ внутрь, а не наружу. Прежде чѣмъ пропагандировать міру наше „общечеловѣческое“, мы хотимъ его предварительно культивировать въ самихъ себѣ. Но скромная роль эта есть *наша*. Она намъ принадлежитъ по долгу и по праву, и ни на какую другую мы ее не промѣняемъ. А на всѣ страстныя хулы по адресу этой нашей миссіи и ея носителей мы и теперь, полвѣка спустя, послѣ русской революціи и политическаго переворота, все еще можемъ отвѣтить нашимъ противникамъ такъ, какъ отвѣтилъ Тургеневъ своимъ славянофильствующимъ пріятелямъ:

„Эхъ, старые друзья, повѣрьте: единственная точка опоры для живой пропаганды—то меньшинство образованнаго класса въ Россіи, которое вы называете и гнилыми, и оторванными отъ почвы, и измѣнниками.

„Роль образованнаго класса въ Россіи быть передавателемъ цивилизаціи народу съ тѣмъ, чтобы онъ самъ уже рѣшилъ, что ему отвергать и принимать... Эта роль еще не кончена.

„Вы же, господа, нѣмецкимъ прогрессомъ мышленія (какъ славянофилы) абстрагируя изъ едва понятной и понятой субстанціи народа тѣ принципы, на которыхъ вы предполагаете, что онъ построитъ свою жизнь, кружитесь въ туманѣ“.

Можетъ показаться страннымъ, что столько длинныхъ разсужденій и справокъ понадобилось, чтобы въ концѣ-концовъ возстановить въ памяти такія простыя и, казалось бы, самоочевидныя истины. Но что же дѣлать, если въ погонѣ за новыми „изгибами мозговыхъ линій“ мы разучились говорить и мыслить просто. Въ отрицаніи самоочевидныхъ истинъ и заключается, собственно, новизна и дразнящая привлекательность „новаго слова“, сказаннаго „Вѣхами“. Когда вещи ставятся вверхъ ногами, то возвращать имъ ихъ естественное положеніе можетъ показаться неблагодарной задачей. Защитники романтической „ироніи“ могутъ даже усмотрѣть въ ней признаки „филистерства“ и „мѣщанства“. Но этой задачей было необходимо заняться. Въ одной изъ статей „Вѣхъ“ есть мѣткое замѣчаніе, что „русскому человѣку не родственно и не дорого, его сердцу мало говоритъ то чистое понятіе культуры, которое уже органически укоренилось въ сознаніи образованнаго европейца“ (157). Я уже замѣтилъ выше, что именно эта свобода отъ культуры лежитъ въ основѣ многихъ страстныхъ протестовъ противъ интеллигенціи въ прошломъ нашей литературы. Ибо „понятіе культуры, органически укоренившееся въ сознаніи образованнаго европейца“ есть то, что мы называемъ „мѣщанствомъ“ и то, что мы страстно отрицаемъ, когда замѣчаемъ его въ нашей интеллигенціи. Это—бунтъ противъ культуры, протестъ „мальчика безъ штановъ“, „свободнаго“ и „всечеловѣческаго“, естественнаго въ своей примитивной безпорядочности, противъ „мальчика въ штанахъ“, который подчиняется авторитетамъ и своихъ „добрыхъ родителей“, и „почтеннѣйшихъ наставниковъ“, и „стараго добраго императора“. Какъ-то такъ выходитъ, что авторы „Вѣхъ“, начавши съ очевиднаго намѣренія одѣть русскаго мальчика въ штаны, кончаютъ разсужденіями и даже грѣшатъ словоупотребленіемъ—„мальчика безъ штановъ“. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ,

они въ самихъ себѣ носятъ отрицаемое ими наслѣдіе прошлаго, и обвиненія противъ него обрушиваются на собственную ихъ голову. Намъ отвѣтятъ, конечно, что бунтъ противъ культуры, учиняемый „Вѣхами“, ведется во имя высшей культуры. Но вѣдь такъ всегда и оправдывали себя всѣ „мальчики безъ штановъ“. Въ ихъ „широкой натурѣ“ никогда не умѣщались общечеловѣческія начала культурности. Въ дѣйствительности же, ихъ протестъ противъ этихъ началъ всегда кончался практическимъ обращеніемъ къ „темнымъ стихіямъ“ нашего прошлаго, противообщественнымъ, противогосударственнымъ и противокультурнымъ. Культъ прошлаго—это тотъ путь, на который уже вступило одной ногой большинство авторовъ „Вѣхъ“. Прилагая къ нимъ ихъ эпитетъ, мы могли бы тутъ тоже усмотрѣть интеллигентское „воровство“. Но пререканія на этой почвѣ были бы совершенно безполезны. Дѣло не въ авторахъ „Вѣхъ“, ихъ побужденіяхъ, ихъ прошломъ, настоящемъ и будущемъ. Дѣло въ томъ, что они лишь совпали по настроенію съ тѣмъ довольно многочисленнымъ кругомъ людей, у которыхъ послѣднія событія отшибли память и создали непреодолимую потребность повернуться спиной ко всему, что истрепало ихъ нервы, отъ враговъ, какъ и отъ друзей. Къ этой части общества и къ подрастающему поколѣнію направлена моя попытка поставить вещи ногами внизъ и связать вновь разорванные концы съ началами. Я хотѣлъ бы сказать всѣмъ этимъ испугавшимся, уставшимъ, возненавидѣвшимъ, брезгующимъ и отчаявшимся: опомнитесь. Вспомните о долгѣ и дисциплинѣ, вспомните, что вы—только звено въ цѣпи поколѣній, несущихъ ту культурную миссію, о которой говорилъ Тургеневъ. Не вами начинается это дѣло, и не вами оно кончится. Вернитесь же въ ряды и станьте на ваше мѣсто. Нужно продолжать общую работу русской интеллигенціи съ той самой точки, на которой остановило ее политическое землетрясеніе, ничего не уступая врагамъ, ни отъ чего не отказываясь и твердо имѣя въ виду цѣль, давно поставленную не нашимъ произволомъ и прихотью, а законами жизни.

П. Милюковъ.

Психологія русской интеллигенціи.

I.

Терминъ „интеллигенція" я беру въ самомъ широкомъ и въ самомъ опредѣленномъ смыслѣ: *интеллигенція это— все образованное общество; въ ея составъ входятъ всѣ, кто такъ или иначе, прямо или косвенно, активно или пассивно принимаетъ участіе въ умственной жизни страны.*

Во избѣжаніе недоразумѣній, необходимо пояснить, что между этими двумя признаками (1) „образованіе" и (2) „участіе въ умственной жизни страны" могутъ быть весьма различныя соотношенія. Безъ извѣстнаго минимума образованія нельзя участвовать въ умственной жизни страны, но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что чѣмъ образованнѣе человѣкъ, тѣмъ значительнѣе его роль въ умственной жизни: для послѣдняго требуется наличность разныхъ другихъ условій, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ: умственная иниціатива, талантъ, фактическая возможность выступить на то или иное поприще умственной дѣятельности и т. д. Нѣтъ надобности приводить примѣры. Гораздо важнѣе— пояснить другой пунктъ, именно понятія *активнаго* и *пассивнаго участія въ умственной жизни страны.*

Слово „пассивность" берется здѣсь въ очень условномъ смыслѣ. Въ жизни ума нѣтъ пассивности: всѣ процессы мысли активны, они—*дѣятельность* ума, и назвать эту дѣятельность „пассивною", значитъ, въ сущности, прегрѣшить противъ логическаго правила, предостерегающаго противъ

ошибки, извѣстной подъ названіемъ „contradictio in adjecto“ („противорѣчіе опредѣленія опредѣляемому“). „Пассивная умственная дѣятельность“—все равно что „черная бѣлизна“, „мягкая твердость“, „квадратный кругъ“ и т. п. Пассивность дѣятельности есть только меньшая степень ея активности сравнительно съ другою дѣятельностью. Въ этомъ то смыслѣ я и удерживаю этотъ неудобный терминъ, называя, для краткости, „пассивною“ умственную дѣятельность напр. читателей Пушкина, Гоголя, Бѣлинскаго—сравнительно съ необычайно-активною, творческою дѣятельностью этихъ великихъ писателей. Давно извѣстно, что всякое воспріятіе продуктовъ чужого умственнаго творчества есть, въ сущности, повтореніе процесса этого творчества. Въ этомъ смыслѣ вся читающая публика является участницею въ умственномъ творчествѣ и во всей умственной дѣятельности страны. Бываетъ нерѣдко и такъ, что умственная активность читателя значительно превосходитъ энергію мысли, проявленную писателемъ. Гоголь былъ великій геній, но заурядные смертные, читая его „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“, обнаружили силу мысли настолько активную, что пресловутая книга сразу „провалилась“—по заслугамъ. Бываютъ и другого рода случаи, когда неудачное произведеніе писателя, такъ сказать, исправляется читателями, которые отбрасываютъ ошибки и недомысліе писателя и берутъ только то, что было въ произведеніи цѣннаго и здраваго. Укажу еще на два нерѣдко встрѣчающіяся явленія, которыя, при всей своей противоположности, одинаково подтверждаютъ мысль объ активности, съ какою читающая публика воспринимаетъ произведенія писателей. Это, во-первыхъ, тѣ случаи, когда публика обнаруживаетъ почти инстинктивное чутье къ сильнымъ и слабымъ сторонамъ писателя, предваряя приговоръ компетентной критики. Чеховъ былъ оцѣненъ и понятъ читателями раньше, чѣмъ его оцѣнила критика. Во-вторыхъ—это тѣ случаи, когда публика чрезмѣрно увлекается произведеніями писателя, влагая въ нихъ свои мысли, или когда художественные образы вызываютъ подражателей въ самой жизни (такъ Печоринъ и Базаровъ породили въ свое время многочис-

ленныхъ печориныхъ и базаровыхъ). Пусть это будетъ подражательность, обезьянство, мода, что хотите, но, несомнѣнно, подъ этимъ скрывается *активность* воспріятія: читатель перерабатываетъ образъ по своему, хотя бы и портя его. Лермонтовъ и Тургеневъ, создавъ эти образы, внесли крупный вкладъ въ умственную жизнь страны; но читатели, такъ живо и „самостоятельно" воспринявшіе эти образы, внесли и свой вкладъ,—и еще неизвѣстно, какой изъ этихъ двухъ вкладовъ былъ — фактически—значительнѣе,—при чемъ въ данномъ случаѣ безразлично, вышло ли это къ лучшему или худшему.

Для насъ важно было установить фактъ, что участіе массы интеллигенціи въ умственной жизни страны не пассивно, а, несомнѣнно, *активно*.

Это положеніе и послужитъ основаніемъ нашихъ дальнѣйшихъ соображеній.

II.

И, прежде всего, отъ него-то и слѣдуетъ исходить при опредѣленіи границы, отдѣляющей интеллигенцію отъ всей остальной массы населенія. Гдѣ кончается интеллигенція? Она кончается тамъ, гдѣ нѣтъ того минимума образованія, безъ котораго нельзя быть, хотя бы ничтожнымъ, участникомъ въ умственной жизни страны. Въ прежнее время (приблизительно до половины 50-хъ годовъ прошлаго вѣка) эту грань можно было видѣть, такъ сказать, „невооруженнымъ глазомъ". Интеллигенція была немногочисленна и едва-едва выходила за предѣлы привиллегированныхъ классовъ; „разночинцевъ" въ рядахъ интеллигенціи было сравнительно мало. Со второй половины 50-хъ годовъ замѣтно увеличивается ихъ число, а реформы 60-хъ годовъ открыли доступъ ихъ массовому наплыву. Интеллигенція быстро стала демократизироваться и рости численно. Съ тѣмъ вмѣстѣ образовался рядъ промежуточныхъ ступеней между интеллигенціей и неинтеллигентными слоями населенія. Возникла и въ наши дни особенно расширилась полуинтеллигентная среда, съ которою уже нельзя не считаться не только въ вопросахъ практической жизни, но и въ теоретическомъ

вопросѣ—въ родѣ того, которому посвящены эти страницы. Дѣло идетъ о психологіи русской интеллигенціи,—и вотъ здѣсь то и пригодятся наблюденія надъ полуинтеллигентной средой, гдѣ типичныя и важнѣйшія черты, какими характеризуется настоящая интеллигенція, даны либо въ начаткахъ, in statu nascendi, либо въ уродливо-утрированномъ видѣ.

III.

Умственная активность есть основная черта, которою всегда и вездѣ характеризуется интеллигенція—въ отличіе отъ остальной массы населенія. Этою особенностью опредѣляется и вся психологія интеллигенціи, какъ въ ея общихъ, типичныхъ чертахъ, наблюдаемыхъ повсюду, у разныхъ народовъ и въ разныя эпохи, такъ и въ ея многоразличныхъ видоизмѣненіяхъ, зависящихъ отъ соціальныхъ условій, какими обставлена умственная дѣятельность у того или другого народа, въ ту или иную эпоху.

Интеллигенція есть мыслящая среда, гдѣ вырабатываются умственныя блага, такъ называемыя „духовныя цѣнности“. Они многочисленны и разнообразны,—и мы классифицируемъ ихъ подъ рубриками: *наука, философія, искусство, мораль* и т. д. По самой своей природѣ эти блага или цѣнности не имѣютъ объективнаго бытія внѣ человѣческой психики: не существуетъ науки, философіи, искусства, морали и т. д.—какъ чего-то внѣшняго, а есть только научная, философская, художественная, моральная дѣятельность отдѣльныхъ лицъ и группъ. Оттуда—особо важное значеніе получаетъ вопросъ *о субъективномъ отношеніи лица къ той или иной умственной дѣятельности*. Для изученія психологіи мыслящаго человѣка, какъ представителя интеллигенціи въ данной странѣ и въ данное время, недостаточно указать на фактъ, что онъ причастенъ къ тому или другому роду умственной дѣятельности, занимается такими-то научными или философскими вопросами, слѣдитъ за успѣхами въ этихъ областяхъ и т. д. Нужно еще уяснить, чего ищетъ человѣкъ въ этихъ занятіяхъ, что цѣнитъ онъ въ наукѣ или философіи и какое мѣсто занимаютъ они въ

его душевномъ обиходѣ. Однимъ словомъ, тутъ выдвигается вопросъ о психологическихъ отношеніяхъ мыслящаго человѣка къ той или иной умственной дѣятельности, въ которой онъ такъ или иначе участвуетъ,—все равно, какъ спеціалистъ, или, какъ любитель, или наконецъ, просто какъ образованный человѣкъ, слѣдящій за успѣхами человѣческаго ума на различныхъ поприщахъ.

Эти отношенія бываютъ весьма разнообразны—смотря по человѣку, а также они разнообразятся у одного и того-же человѣка во времени (въ зависимости отъ возраста и другихъ условій). Кромѣ того, тотъ-же человѣкъ къ различнымъ духовнымъ благамъ можетъ относиться различно. Для нашей спеціальной задачи достаточно будетъ указать лишь на двѣ категоріи субъективныхъ отношеній человѣка къ духовнымъ цѣнностямъ.

1) Подъ первую категорію подойдутъ всѣ тѣ случаи, когда человѣкъ оцѣниваетъ какое либо духовное благо по существу и воспринимаетъ его,—не сообразуясь съ потребностями своей души, съ запросами личнаго развитія. Здѣсь духовная цѣнность не урѣзывается и не обезцѣнивается, чтобы приладиться къ психикѣ лица, а, напротивъ, психика лица расширяется,—чтобы воспріять данную цѣнность въ ея наиболѣе полномъ выраженіи.

2) Подъ вторую категорію подойдутъ всѣ случаи, когда человѣкъ, воспринимая духовныя блага, руководится потребностями своего внутренняго міра,—беретъ то, что ему нужно, отвергая то, что не нужно. Здѣсь психика не расширяется (въ вышеуказанномъ смыслѣ) или расширяется лишь односторонне, а воспринимаемыя блага нерѣдко урѣзываются, приспособляясь къ психикѣ лица; бываетъ и такъ, что они переоцѣниваются, получая значеніе, не соотвѣтствующее ихъ существу.

Многіе случаи, подводимые подъ эту вторую рубрику, принадлежатъ къ числу широко распространенныхъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Это—явленіе слишкомъ человѣческое. И трудно найти человѣка, который былъ бы такъ разносторонне-одаренъ, что его психика могла бы расширяться, такъ сказать, во всѣ стороны и воспринимать всѣ

духовныя блага, не урѣзывая ихъ. Всего чаще люди оказываются способными воспринимать полностью лишь нѣкоторыя духовныя блага, остальныя же они такъ или иначе приспособляютъ къ потребностямъ своего внутренняго міра.

Въ странахъ, гдѣ духовная культура давно упрочилась, гдѣ интеллигенція есть явленіе не новое и пережила долгую исторію развитія, гдѣ на разныхъ поприщахъ умственнаго труда выработалась извѣстная дисциплина мысли, мы не видимъ рѣзкаго разграниченія между двумя указанными категоріями. Тамъ первая категорія сводится преимущественно къ творчеству духовныхъ благъ, а вторая къ той формѣ ихъ воспріятія, для обозначенія которой всего лучше подходитъ терминъ „*рецепція*", примѣняемый въ юриспруденціи: духовное благо просто *пріемлется* всякимъ, кто можетъ его воспринять, и это дѣлается сравнительно легко и безъ замѣтнаго приспособленія, урѣзыванія и переоцѣнки,—благодаря усвоенной и унаслѣдованной воспитанности мысли, ея изощренности и воспріимчивости.

Иначе стоитъ дѣло въ странахъ отсталыхъ, гдѣ духовная культура есть дѣло новое и непривычное. Тамъ вторая категорія не только преобладаетъ надъ первою, но и въ ней самой изъ массы возможныхъ случаевъ выдѣляются и получаютъ особливое распространеніе и значеніе тѣ, къ которымъ непримѣнимъ терминъ „рецепція" и которыя сводятся къ напряженному *исканію идей*, къ тому, что называется „выработкою міросозерцанія". Здѣсь люди не пріемлютъ духовныя блага, расширяя сферу своихъ духовныхъ интересовъ и углубляя емкость своей мысли, а выбираютъ то, что представляется отвѣчающимъ ихъ душевнымъ запросамъ. Они ищутъ синтеза знаній, идей, моральныхъ стремленій, а также нерѣдко и религіозныхъ. Они хотѣли бы рѣшить всѣ вопросы, въ томъ числѣ и неразрѣшимые, надъ которыми тщетно трудились величайшіе умы. На почвѣ этихъ исканій и создается такъ-называемая „*идеологія*"; всякое духовное благо оцѣнивается не по существу, а сообразно съ характеромъ и направленіемъ идеологіи.

Интеллигенціи всѣхъ странъ прошли черезъ этотъ фазисъ. Типъ интеллигента-идеолога былъ извѣстенъ повсюду; это общечеловѣческій типъ, въ извѣстныя эпохи весьма распространенный. Но въ настоящее время въ передовыхъ странахъ Европы онъ сравнительнс рѣдокъ и большой роли не играетъ.

Другое дѣло—у насъ...

Русская интеллигенція съ XVIII-го вѣка и до нашихъ дней переживаетъ *идеологическій фазисъ*. Этимъ я не хочу сказать, что всѣ безъ исключенія русскіе интеллигенты принадлежали и принадлежатъ къ идеологическому типу. Въ разныя времена были и теперь есть такіе, которые обходились безъ идеологическихъ исканій. Возможно, что ихъ было вовсе не мало,—и въ настоящее время ихъ число увеличивается. Но всегда они составляли меньшинство, и при томъ весьма мало вліятельное. Большинство интеллигенціи принадлежало къ идеологическому типу.

Его характерныя черты ясно вырисовываются уже въ XVIII-мъ вѣкѣ—у Новикова, у Радищева и въ масонствѣ. Въ первой четверти XIX-го вѣка идеологическія настроенія усиливаются и захватываютъ болѣе широкіе круги интеллигенціи, проявлясь и въ политическомъ движеніи декабристовъ. Многіе изъ декабристовъ (въ томъ числѣ Пестель, Рылѣевъ, Бестужевъ-Марлинскій) были, несомнѣнно, идеологи—не меньше Чацкаго. Этотъ художественный образъ въ высокой степени типиченъ для интеллигенціи той эпохи. Всмотритесь въ Чацкаго: это не „просто“—просвѣщенный человѣкъ и адептъ освободительныхъ идей, протестующій противъ крѣпостного права, обскурантизма и другихъ отрицательныхъ сторонъ тогдашней дѣйствительности,—это—проповѣдникъ, пропагандистъ моралистъ, у котораго усвоенныя имъ идеи имѣютъ психологическое значеніе „религіи“ или, по крайней мѣрѣ, доктрины, „ученія“, подлежащаго проповѣданію хотя бы въ обществѣ Фамусовыхъ. Пушкинъ заподозрѣлъ Чацкаго въ глупости за это метаніе бисера,—и ошибся: это дѣлаютъ и всегда дѣлали всѣ идеологи, въ рядахъ которыхъ мы находимъ великіе умы.

Идеологія есть міросозерцаніе и система убѣжденій человѣка. Но не всякое міросозерцаніе и не всякая система убѣжденій есть идеологія. Различіе зависитъ отъ психологическихъ отношеній человѣка къ его идеямъ, понятіямъ и убѣжденіямъ. Это различіе бросается въ глаза, но выяснить его психологическія основанія и дать ему исчерпывающее опредѣленіе не такъ-то легко. Пока я указалъ на одну черту: на родъ психологически-религіознаго отношенія человѣка къ его воззрѣніямъ и убѣжденіямъ, какъ на выдающійся и наиболѣе ясный признакъ идеологической натуры. Назвать эту черту *фанатизмомъ* нельзя, ибо, во-первыхъ, не всякій фанатикъ—идеологъ, а во-вторыхъ, какъ я постараюсь выяснить это, идеологъ можетъ и не быть фанатикомъ, подобно тому, какъ есть натуры глубоко-религіозныя, но отнюдь не обнаруживающія религіознаго фанатизма.

Обратимся еще разъ къ Чацкому. Мы не причислимъ его къ фанатикамъ. Фанатизмъ есть порабощеніе ума и воли властной идеей,—родъ „мономаніи". Такого порабощенія у Чацкаго мы не находимъ. Но мы видимъ у него другое. Глубокое противорѣчіе между его идеалами и гуманными понятіями, съ одной стороны,—и обскурантизмомъ, отсталостью и нравами окружающаго общества, съ другой, порождаетъ въ немъ рѣзкія чувства нравственнаго оскорбленія и негодованія. Чацкій переживаетъ „милльонъ терзаній" и при этомъ не замѣчаетъ иллюзіи, которой онъ невольно поддается: онъ противупоставляетъ свои понятія—понятіямъ среды, вступаетъ въ споры, проповѣдуетъ свои идеи Фамусову и Скалозубу, предполагая, что тутъ происходитъ столкновеніе новаго міросозерцанія со старымъ, и, обольщаясь мыслью, будто можно „горячимъ словомъ убѣжденія" обратить отсталыхъ и темныхъ людей „на путь истины". Такъ и всѣ мы склонны думать, забывая, что тутъ вовсе нѣтъ столкновенія двухъ „міросозерцаній": у Чацкаго, конечно, есть свое міросозерцаніе и своя система убѣжденій, но ни у Фамусова, ни у Скалозуба, ни у Молчалина никакого „міросозерцанія" нѣтъ,—и выходитъ, что идеи Чацкаго сталкиваются не съ идеями Фамусовыхъ и

Скалозубовъ, а съ ихъ традиціонными психическими навыками, которыхъ не проймешь „горячимъ словомъ убѣжденія“,—и въ борьбѣ съ которыми безсильно само образованіе, пока устои быта остаются тѣ-же. Позже русская жизнь выдвигала не разъ очень образованныхъ Фамусовыхъ и весьма просвѣщенныхъ Скалозубовъ, не говоря уже о многочисленныхъ Молчалиныхъ съ высшимъ образованіемъ. Чацкій съ его передовыми идеями и вся эта среда съ ея отсталыми понятіями находятся въ разныхъ плоскостяхъ. Идеи столкнулись здѣсь не съ идеями, а съ бытомъ. *Вотъ именно это фатальное, исторически обусловленное столкновеніе передовыхъ идей съ отсталымъ бытомъ и образуетъ почву, на которой выростаютъ идеологіи.* На этой почвѣ всякій гуманный и убѣжденный человѣкъ, все равно—фанатикъ-ли онъ, или нѣтъ, по необходимости превращается въ идеолога.

Это подтверждается примѣромъ тѣхъ, которые, по складу ума и по натурѣ, казалось бы, вовсе не призваны къ идеологической дѣятельности,—къ выработкѣ цѣльной системы воззрѣній и къ проповѣдованію идей. Волей-неволей, при столкновеніи ихъ понятій съ бытомъ, и они становятся въ позу идеолога и вносятъ свой вкладъ въ развитіе идеологій, или, по крайней мѣрѣ, содѣйствуютъ, хотя бы пассивно и нехотя, упроченію традиціи идеологическаго отношенія интеллигенціи къ дѣйствительности. Таковъ современникъ Чацкаго Онѣгинъ,—широкій типъ передового человѣка 20-хъ годовъ, но безъ горячности Чацкаго, типъ—человѣка съ „охлажденнымъ умомъ, кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ“. Онѣгинъ, въ противуположность Чацкому,—не проповѣдникъ, не обличитель, не трибунъ, а всетаки онъ переживаетъ мучительное чувство разлада съ дѣйствительностью и является представителемъ идеологическаго настроенія эпохи конца 20-хъ и начала 30-хъ годовъ. За нимъ въ хронологическомъ порядкѣ слѣдуетъ Печоринъ, натура столь же не призванная къ идеологической дѣятельности, но не менѣе ярко обнаруживающая неизбѣжность идеологическихъ настроеній при столкновеніи идей съ бытомъ.

20-е и 30-е годы были эпохою подготовки нашихъ идеологій,—ихъ зарожденія. Чацкіе, Онѣгины, Печорины—отщепенцы отъ окружающей среды, а это и образуетъ необходимую предпосылку для возникновенія идеологическихъ настроеній. Могло, конечно, случиться, что въ ту эпоху дѣло ограничилось бы только настроеніями, предрасположеніемъ къ идеологическому творчеству, само же это творчество могло и не обнаружиться—за отсутствіемъ лицъ, обладающихъ необходимыми для этого дарованіями. Въ дѣйствительности, случилось обратное: дѣло не ограничилось настроеніями,—явился дѣятель мысли съ несомнѣннымъ призваніемъ къ идеологическому творчеству. Какъ человѣкъ, онъ представлялъ собою законченный типъ отщепенца, и въ его духовномъ складѣ причудливо совмѣщались характерныя черты и Чацкаго, и Онѣгина, и Печорина. *Это былъ Чаадаевъ.*

Въ идеологіи Чаадаева, чуть ли не самой стройной, цѣльной и оригинальной изо всѣхъ нашихъ идеологій, ярко выступаютъ черты, присущія всѣмъ идеологіямъ, но въ большинствѣ изъ нихъ болѣе или менѣе замаскированныя или затушеванныя другими сторонами. Эти черты сводятся къ тому, что можно назвать „игрою ума", „кабинетнымъ творчествомъ", субъективнымъ построеніемъ, гдѣ произволъ фантазіи причудливо сочетается съ логическою силою мысли, и гдѣ ярко отпечатлѣлись личныя предрасположенія, личные вкусы, симпатіи и антипатіи автора. Трудно найти систему идей болѣе личную, индивидуальную. Чаадаевъ не имѣлъ послѣдователей, и вскорѣ его идеологія была заслонена и затерта другими. Чтобы стать адептомъ доктрины Чаадаева, нужно быть самому хоть немножко Чаадаевымъ. *Въ этой особенности я вижу только крайнее выраженіе черты, въ смягченномъ видѣ присущей всѣмъ идеологіямъ.* Всѣ онѣ—по своему стройны и логичны, но—подобно религіямъ—обращаюся больше къ чувству, къ моральнымъ предрасположеніямъ, чѣмъ къ уму человѣка, и для ихъ принятія требуются извѣстные „вкусы". Адепты разныхъ идеологій могутъ спорить безъ конца и не договориваться ни до чего. Знаменитые русскіе

споры, кипящіе со временъ Онѣгина, кипѣли именно по той причинѣ, что всѣ наши направленія были по преимуществу идеологическими.

Другая черта, присущая—въ большей или меньшей мѣрѣ—всѣмъ идеологіямъ, а у Чаадаева выступающая съ особенною яркостью, состоитъ въ томъ, что философская (теоретическая) часть ихъ не имѣетъ всеобщаго значенія, какое имѣютъ настоящія философскія системы, а ихъ практическая (прикладная) сторона, слишкомъ тѣсно связанная съ философскою, не получаетъ реальной силы—практическаго дѣла, въ смыслѣ общественной или политической дѣятельности—дѣятельности *партіи*. Въ лучшемъ случаѣ выходитъ нѣчто въ родѣ секты.

Идеологъ слишкомъ философъ, чтобы быть практическимъ дѣятелемъ, и слишкомъ моралистъ, публицистъ и дѣятель жизни, чтобы быть настоящимъ философомъ. Философскія и научныя цѣнности приноровляются у него къ моральнымъ и практическимъ запросамъ, а эти запросы получаютъ своеобразную философскую постановку, отпугивающую всѣхъ, кто, имѣя тѣ же запросы, не можетъ ея принять.—Идеологіи, если онѣ сколько-нибудь разработаны, обращаются, подобно религіознымъ вѣроученіямъ, къ тѣмъ, которые, по своему духовному складу, къ нимъ предрасположены, и въ этой средѣ онѣ вербуютъ адептовъ и получаютъ распространеніе.

Въ идеологіи Чаадаева эти черты получили крайнее выраженіе. Чтобы принять ее, нужно было раздѣлять его мистику и его пристрастіе къ католицизму, нужно было возвыситься до горькаго національнаго отчаянія, до презрѣнія къ Россіи, ея прошлому и настоящему, нужно было отчаяться въ ея будущемъ, оставивъ, впрочемъ, лазейку, чтобы потомъ увѣровать въ него, наконецъ, нужно было совмѣстить въ себѣ „милльонъ терзаній“ Чацкаго съ Онѣгинскими „ума холодными наблюденіями и сердца горестными замѣтами“, да еще въ придачу обладать печоринскимъ злораднымъ презрѣніемъ ко всему окружающему. Психологическими предпосылками идеологіи Чаадаева явилось именно отщепенство Чацкихъ, Онѣгиныхъ и Печори-

ныхъ, и въ этомъ смыслѣ она была характернымъ продуктомъ своего времени. Этимъ объясняется и живой интересъ, который она возбудила во всѣхъ мыслящихъ людяхъ 30-хъ годовъ, отъ Пушкина до Герцена. Но ни одинъ изъ нихъ не сталъ адептомъ идей Чаадаева. Ни чаадаевцевъ, ни чаадаевщины не было, если не считать случайныхъ совпаденій вродѣ эмиграціи и перехода въ католицизмъ доцента Моск. Унив. Печорина, ставшаго іезуитомъ, или разрозненныхъ отголосковъ чаадаевской критики русской исторіи и культуры у нѣкоторыхъ позднѣйшихъ писателей. Все это—проявленія аналогичныхъ—чаадаевскихъ—настроеній, но вовсе не традиція и не вліяніе „Философическихъ писемъ“ московскаго мыслителя 30-хъ годовъ.

Въ исторіи развитія нашихъ идеологій этотъ періодъ можно назвать „доисторическимъ“: настоящая исторія нашихъ идеологій начинается лишь въ 40-хъ годахъ, когда возникли два основныя теченія русской идеологической и общественной мысли—*славянофильство* и *западничество*. Это были первыя у насъ проявленія умственнаго творчества, получившія общественное и даже (въ возможности и въ послѣдующихъ воздѣйствіяхъ) политическое значеніе. Въ этомъ смыслѣ ихъ и называютъ „партіями“. Но вотъ что сразу бросается въ глаза и можетъ смутить посторонняго наблюдателя: эти враждующія „партіи“, казалось бы, совсѣмъ непримиримыя, въ практическихъ пожеланіяхъ сходились по всѣмъ существеннымъ пунктамъ; обѣ одинаково жаждали освобожденія крестьянъ, ограниченія бюрократической опеки, широкой постановки народнаго образованія, свободы совѣсти и печати. Съ этой стороны эти двѣ партіи сливались въ одну, и здѣсь до поры до времени не было поводовъ къ спору и враждѣ. Тѣмъ не менѣе вся исторія ихъ въ 40-хъ и частью въ 50-хъ годахъ была сплошнымъ споромъ и непрерывной враждой. Искать причинъ этого разлада въ общихъ философскихъ предпосылкахъ нельзя, потому что обѣ партіи черпали ихъ изъ одного и того же источника,—изъ нѣмецкой идеалистической философіи; большинство западниковъ и славянофиловъ были гегельянцы. Разладъ былъ обусловленъ различнымъ пони-

маніемъ русской исторіи, національныхъ особенностей русскаго народа и его призванія въ будущемъ. Западники были патріотами и даже націоналистами не меньше славянофиловъ (достаточно вспомнить Бѣлинскаго и Герцена), но они не идеализировали Московской Руси, какъ это дѣлали славянофилы, прославляли Петра, котораго славянофилы ненавидѣли, и, наконецъ, расходились съ ними по религіозному и вѣроисповѣдному вопросу.

Въ существѣ дѣла, эти разногласія были чисто-теоретическими, и въ другое время они не могли бы привести къ столь рѣзкому расхожденію. Но дѣло въ томъ, что тогда тотъ или иной взглядъ на историческій ходъ вещей въ Россіи не только былъ предметомъ отвлеченнаго, научнаго интереса, но имѣлъ огромное идеологическое значеніе. Историческія воззрѣнія западниковъ являлись въ глазахъ славянофиловъ вредною ересью и глубоко оскорбляли ихъ національное чувство; славянофильская философія исторіи казалась западникамъ и произвольною, и фантастическою, и реакціонною. И эти „партіи", въ практическихъ требованіяхъ сходившіяся, стремившіяся къ одному и тому-же, стояли другъ противъ друга въ постоянной боевой готовности, какъ двѣ секты, исповѣдующія одного и того же Бога, но различно истолковывающія извѣстные догматы и придерживающіяся разныхъ обрядовъ.

Эти идеологіи разрабатывались въ знаменитыхъ московскихъ *кружкахъ*, отгороженныхъ отъ остальной Россіи своего рода „китайской стѣной"; внутри кружковъ кипѣла богатая жизнь духа, и развертывалась замѣчательная умственная дѣятельность; ничто человѣческое не было чуждо обитателямъ этихъ интеллигентскихъ оазисовъ, — ихъ умственные и нравственные интересы были широки и разносторонни; они мыслили и чувствовали за всю Россію; это были тѣ избранники, которые среди всеобщаго сна проснулись, которые среди повальной умственной темноты и нравственной слѣпоты прозрѣли и устремились къ свѣту знанія и идеала. Почти всѣ они были восторженные идеалисты съ очень эмоціональнымъ и сентиментальнымъ укладомъ психики, съ умомъ отзывчивымъ и чуткимъ, со всею

гаммою высшихъ чувствъ—эстетическихъ, моральныхъ, религіозныхъ. Имъ была знакома и гражданская скорбь, и міровая. Дневникъ Герцена и письма Бѣлинскаго отразили это богатство духовной жизни вѣрнѣе и полнѣе, чѣмъ отразилась она въ литературѣ той эпохи.

Вспомнимъ индивидуальныя черты, умы и натуры тѣхъ лицъ, которыхъ дѣятельность на этомъ поприщѣ отличалась особливою творческою силою и стала историческимъ фактомъ, составившимъ эпоху въ исторіи нашего умственнаго, моральнаго и общественнаго развитія.

Тутъ прежде всего вспоминается великое имя Бѣлинскаго. Вотъ человѣкъ, призванный къ созданію идеологіи, по тому времени, наиболѣе широкой, плодотворной и жизнеспособной. При всей своей, столь извѣстной, страстности, горячности и нетерпимости, „неистовый Виссаріонъ“ отнюдь не былъ *фанатикомъ*. Онъ былъ — для фанатика — слишкомъ мыслитель, слишкомъ человѣкъ рефлексіи и умъ свободный и критическій; все это рѣшительно не мирится съ фанатизмомъ; по той же причинѣ Бѣлинскій не былъ и не могъ быть *доктринеромъ*. Въ немъ исключительный даръ отвлеченнаго, философскаго мышленія счастливо сочетался съ исключительнымъ чутьемъ дѣйствительности. Для жизнеспособной и прогрессивной идеологіи необходимо и то, и другое. Но у Бѣлинскаго было еще третье, не менѣе важное: высокій моральный строй души и вытекающій оттуда даръ человѣческой скорби и нравственнаго негодованія.

Этотъ человѣкъ былъ самымъ яркимъ представителемъ и призваннымъ „лидеромъ“ западничества 40-хъ годовъ. И эту миссію онъ выполнилъ такъ блистательно именно благодаря тому, что былъ не *просто* литературный критикъ, теоретикъ искусства, моралистъ, публицистъ, а сумѣлъ всѣмъ этимъ сторонамъ своей дѣятельности придать *идеологическое значеніе*. Поэтому-то его слово и было „словомъ со властью“, и онъ явился властителемъ думъ и воспитателемъ, какъ своего поколѣнія, такъ и послѣдующихъ. На всей дѣятельности Бѣлинскаго наглядно сказалась *необходимость* идеологій при извѣстныхъ усло-

віяхъ, исторически сложившихся. Дѣло въ томъ, что этотъ необыкновенный человѣкъ, столь одаренный всѣмъ, что нужно для дѣятельности идеолога, имѣлъ всѣ задатки для иного — высшаго творчества. Живи онъ въ иную эпоху, когда бы уже не было столь настоятельной потребности въ идеологіяхъ, онъ могъ бы спеціализироваться въ той или иной области творчества, напр., философскаго или научнаго (всего скорѣе—по исторіи литературы), или, наконецъ, въ области художественной критики и по вопросамъ эстетики. На этихъ поприщахъ онъ внесъ бы не мало оригинальнаго и цѣннаго въ сокровищницу общечеловѣческой мысли, ибо онъ обладалъ всѣми данными для самостоятельной разработки различныхъ духовныхъ цѣнностей *по существу*, *an sich*, независимо отъ ихъ значенія для русскаго интеллигента той или иной эпохи и въ виду запросовъ времени. Вмѣсто того изъ него вышелъ типичный русскій идеологъ, который выбираетъ изъ сокровищницы человѣческой мысли тѣ цѣнности, которыя нужны ему самому „для души" и которыя кажутся ему важными или подходящими для насажденія въ отсталой странѣ гуманныхъ понятій, для умственнаго и моральнаго развитія общества. Онъ находилъ ихъ въ нѣмецкой идеалистической философіи, въ частности — въ гегеліанствѣ. И не только онъ, не знавшій нѣмецкаго языка, но и другіе, какъ, напр., Грановскій, Герценъ, Боткинъ, изучавшіе Гегеля въ подлинникѣ, интересовались этой философской системою, *не какъ таковою, съ точки зрѣнія развитія философскихъ идей и ихъ вліянія на умственную жизнь вѣка, ихъ значенія въ ряду другихъ системъ, а какъ нѣкоторымъ кладеземъ мудрости, который можетъ утолить духовную жажду и вмѣстѣ съ тѣмъ наставить русскаго человѣка на путь истины, объяснить ему, какъ онъ долженъ мыслить, какія убѣжденія имѣть и что дѣлать въ Россіи въ 40-хъ годахъ.* И Гегель, дѣйствительно, далъ многое русскимъ интеллигентамъ того времени „для души" и научилъ западниковъ быть западниками, а славянофиловъ—славянофилами. Почему именно Гегель (при нѣкоторомъ содѣйствіи со стороны Фихте и Шеллинга) сыгралъ такую роль

въ Россіи Фамусовыхъ, Скалозубовъ и Молчалиныхъ, почему тутъ не повезло ни Канту, ни Спинозѣ, это объяснили намъ историки. Примемъ ихъ объясненія (а не принять ихъ нельзя), но все-таки остановимся на минуту на слѣдующемъ соображеніи, или, пожалуй, недоумѣніи. Дѣло, вѣдь, шло о томъ, чтобы въ спертую атмосферу дореформенной Россіи впустить свѣжаго воздуха и чтобы имѣть возможность проводить въ умы гуманныя и освободительныя идеи. Казалось бы, эти идеи сами по себѣ цѣнны и въ самихъ себѣ заключаютъ свое оправданіе, не нуждаясь въ метафизическомъ обоснованіи. И ихъ можно черпать откуда угодно: изъ Евангелія, изъ философіи Канта, изъ философіи Спинозы, изъ произведеній Мильтона, изъ поэзіи Шиллера, изъ сочиненій Фихтэ старшаго, изъ стиховъ Гейне и т. д., и т. д. *Гуманность, просвѣщеніе, освободительныя идеи не нуждаются ни въ религіозной, ни въ философской санкціи, ибо они самоцѣнны и сами по себѣ составляютъ величайшее благо.* Когда ищутъ ихъ санкціи въ религіяхъ или въ философскихъ системахъ, то это умаляетъ ихъ достоинство и грозитъ имъ немалою опасностью, въ виду разнорѣчія религій и разноголосицы философскихъ системъ, въ особенности же въ силу того общеизвѣстнаго факта, что изъ любого религіознаго вѣроученія и изъ любой философской системы можно, при желаніи и нѣкоторомъ усердіи, вывести все, что угодно: гуманное и негуманное, освободительное и поработительное. Изъ системы Гегеля легко выводилось и славянофильство, и западничество, примиреніе съ дѣйствительностью и разрывъ съ нею, прусскій консерватизмъ и нѣмецкій соціализмъ. Тотъ же Бѣлинскій въ 1835—1840 гг. по Гегелю примирялся съ русской дѣйствительностью и писалъ такія статьи, какъ „Бородинская годовщина“ и „Менцель, какъ критикъ Гете“, отъ которыхъ потомъ, исходя изъ того же Гегеля, онъ отрекался со стыдомъ и горечью.

Повторяю: принципы гуманности, требованія прогрессирующей человѣчности, задачи просвѣщенія, освободительныя—въ обширномъ смыслѣ—идеи должны быть изъяты изъ подъ ферулы религіозныхъ и философскихъ системъ,

къ чему и приводитъ прогрессъ культуры и мысли. И мы видимъ, что въ Зап. Европѣ и въ Америкѣ эти самоцѣнныя блага пріемлются и разрабатываются одинаково людьми различныхъ религіозныхъ исповѣданій и послѣдователями весьма разнообразныхъ философскихъ направленій, а равно и людьми безрелигіозными и тѣми, которыя не знаютъ никакихъ философскихъ системъ.

Это—великое завоеваніе культуры. Россія (да и зап. Европа) въ 40-хъ г.г. была еще далека отъ этой стадіи развитія,—потребности просвѣщенія, запросы гуманности и освободительныя идеи были тогда столь слабы, что безусловно нуждались въ санкціи—если не религіозной, то философской... *Созданіемъ идеологій и достигалась эта санкція или—ея иллюзія.*

Любопытно отмѣтить различіе между западничествомъ и славянофильствомъ: идеологія западниковъ была шире и свободнѣе, потому что главнымъ источникомъ ея была идеалистическая философія, допускающая критику и подлежавшая дальнѣйшему развитію, между тѣмъ какъ у славянофиловъ, кромѣ этой философіи, были и другіе источники идеологіи, именно: 1) *болѣзненно-повышенное національное чувство,* 2) *историческій романтизмъ* (идеализація Московской Руси) и 3) *національный мессіянизмъ.* Эти идеи и чувства, какъ видно изъ примѣра всѣхъ националистическихъ направленій и партій, принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя легко вызываютъ своего рода манію, порабощая мысль и волю, и быстро превращаются въ узкую и властную доктрину, въ систему идей, очерченныхъ заколдованнымъ кругомъ. Оттуда—умственное рабство, духъ нетерпимости и фанатизмъ, которыми въ большей или меньшей мѣрѣ характеризовались славянофилы—въ отличіе отъ западниковъ. Тургеневъ былъ правъ, когда этимъ отсутствіемъ внутренней свободы объяснялъ скудость творчества славянофиловъ, въ ряду которыхъ были дѣятели огромнаго ума и великихъ дарованій.

Славянофилы были идеологами въ значительно большей мѣрѣ, чѣмъ западники, въ числѣ которыхъ мы встрѣчаемъ лицъ, весьма мало расположенныхъ къ идеологическому

творчеству; вспомнимъ хотя-бы В. П. Боткина и И. С. Тургенева. На ряду съ Бѣлинскимъ истымъ идеологомъ западничества былъ Герценъ, склонявшійся по нѣкоторымъ вопросамъ къ славянофильству и очень цѣнившій идеологическую ревность К. Аксакова, Кирѣевскихъ, Хомякова, къ которой Бѣлинскій относился съ нескрываемой антипатіей. Въ этой антипатіи не слѣдуетъ видѣть исключительно выраженія партійной нетерпимости и полемической запальчивости великаго критика: здѣсь сказывалось также естественное отвращеніе свободнаго ума, который не переставалъ бороться съ собственными идеологическими увлеченіями и неоднократно разбивалъ свои временные кумиры, къ духовному рабству людей, которые разъ на всегда создали себѣ свои кумиры и такъ и застыли въ молитвенной позѣ передъ ними. Типичный русскій идеологъ, Бѣлинскій вмѣстѣ съ тѣмъ былъ однимъ изъ самыхъ свободныхъ умовъ въ Россіи, которому органически претило всякое идолопоклонство.

То, что можно назвать западническою идеологіею, вовсе не связывало мысли и не обязывало—„вѣровать и исповѣдовать" по опредѣленной, рѣзко очерченной догмѣ идей. Западниковъ объединяло убѣжденіе въ необходимости пріобщенія Россіи къ западноевропейской цивилизаціи и къ общечеловѣческому просвѣщенію. Объединяла ихъ также и ненависть къ застою, мракобѣсію, невѣжеству, дикимъ нравамъ и варварскимъ порядкамъ. На этомъ сходились натуры и умы весьма различные,—люди, искавшіе своихъ идеологій далеко не въ одномъ и томъ же направленіи. Они вѣчно спорили и состязались не только съ славянофилами, но и между собою. Однажды кружокъ чуть не распался изъ-за вопроса о безсмертіи души.

Дѣятельность западниковъ и славянофиловъ имѣла огромное значеніе: отъ нихъ пошло все наше идеологическое развитіе со всѣми его воздѣйствіями и послѣдствіями. Генетическія нити протягиваются черезъ десятилѣтія, напр. отъ Бѣлинскаго не только къ Чернышевскому, но и дальше— къ Плеханову, отъ Герцена и славянофиловъ къ народничеству разныхъ толковъ въ эпоху отъ 60 до 80-хъ годовъ включительно.

Но нас интересуютъ здѣсь не эти вопросы преемства и эволюціи идей,—насъ занимаетъ другой вопросъ: какъ складывалась въ процессѣ этого развитія идей психологія русской интеллигенціи?

V.

Эта психологія слагалась и развивалась въ навыкахъ идеологическихъ исканій. Западничество и славянофильство были отличною школою, воспитывавшею вкусъ къ идеологіи, изощрявшею умы въ идеологическомъ мышленіи и въ поискахъ общихъ идей, принциповъ, исходя отъ которыхъ россіянинъ можетъ рѣшить—для себя—всѣ вопросы бытія и мысли, включая сюда и пресловутый вопросъ о „смыслѣ жизни“ вообще и въ частности вопросы: „что дѣлать?“ и „какъ мнѣ жить свято?“

Интеллигенція, съ гимназической скамьи, стремится къ „выработкѣ міросозерцанія“. И въ этомъ направленіи обнаруживаетъ большую активность. Подражаніе и мода, конечно, свое дѣло дѣлали, но сравненіе съ Панурговымъ стадомъ рѣшительно не годится, хотя бы уже потому, что подражаніе, какъ доказывалъ покойный А. А. Потебня и какъ это можно считать установленнымъ, есть разновидность творчества. Къ тому же склонность подымать и рѣшать всѣ вопросы, въ томъ числѣ и тѣ, которые не подъ силу величайшимъ умамъ человѣчества, это—вѣчное свойство юности, нормальная принадлежность возраста. И ничего дурного тутъ нѣтъ, — бываетъ только наивное и смѣшное.

Но для насъ важно отмѣтить двѣ черты: 1) *прочность идеологическихъ навыковъ и стремленій, не зависящихъ отъ возраста: русскіе интеллигенты часто сохраняютъ ихъ и въ зрѣлыхъ лѣтахъ;* 2) *расширеніе сферы идеологическихъ исканій, распространяющихся на все, что выплывало на поверхность умственной жизни въ Зап. Европѣ.*

Обратимся къ этому второму пункту.

Переходъ отъ Гегеля къ Фейербаху совершился еще въ 40-хъ годахъ. Идеи Фейербаха вошли въ идеологію Бѣлинскаго, Герцена, Бакунина и потомъ Чернышевскаго. Съ

конца 50-хъ годовъ наступила очередь матеріалистической философіи Малешота и Бюхнера, и зачинался культъ естественныхъ наукъ. Появляются „нигилисты" съ Писаревымъ во главѣ. Но очень скоро, уже въ половинѣ 60-хъ годовъ, Бюхнеръ, Малешотъ и Карлъ Фохтъ оттѣсняются Огюстомъ Контомъ, — наступаетъ продолжительная (до 80-хъ годовъ) эра господства позитивной философіи, идеологически использованной Михайловскимъ и Лавровымъ и приведенной въ связь съ идеями дарвинизма и съ соціализмомъ Карла Маркса. Этотъ синтезъ, куда вошли и народническія, демократическія и освободительныя идеи, образуетъ господствовавшую въ 70-хъ годахъ идеологію, въ которой многое осталось бы непонятнымъ, напр., Дарвину, или Дж. Ст. Миллю и заставило бы Ог. Конта перевернуться въ гробу...

Какъ и почему могъ образоваться такой синтезъ? Отвѣтъ не труденъ: Дарвина, Конта и Маркса брали не по существу, не an sich, а идеологически—примѣнительно къ душевнымъ запросамъ русскихъ интеллигентовъ, ищущихъ міросозерцанія и объясненія смысла своей жизни. И это было несомнѣнное творчество, — не только въ великолѣпныхъ статьяхъ Михайловскаго, отмѣченныхъ печатью генія, или въ глубоко продуманныхъ статьяхъ и книгахъ Лаврова, основанныхъ на огромной эрудиціи, но и въ головахъ многочисленныхъ интеллигентовъ, которые эти статьи и книги обсуждали въ своихъ кружкахъ и спорили на эти темы такъ точно, какъ нѣкогда спорили въ кружкахъ 40-хъ годовъ, какъ спорилъ Михалевичъ съ Лаврецкимъ.—Перемѣнились темы, идеи, имена, — но неукоснительно продолжалась традиція идеологическихъ споровъ.

Эти всероссійскіе споры—благодарная тема для пародіи и шаржа. Но было бы непростительною ошибкою—упускать изъ виду ихъ положительную сторону и ихъ—скажу прямо—творческое значеніе. Можно документально доказать, что въ нихъ-то и выковывались наши идеологіи и направленія. Въ московскихъ спорахъ 30-хъ годовъ созрѣлъ и закалился геній Бѣлинскаго. Въ нихъ же выковались основы западничества и славянофильства. Идеологіи 60-хъ и 70-хъ годовъ явились также продуктомъ такого коллективнаго

интеллигентскаго творчества. И если Бѣлинскій, Герценъ (до эмиграціи), потомъ Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ, Михайловскій оказали, какъ идеологи, столь могущественное вліяніе на умы и могли дѣлать, по выраженію Добролюбова, „благое дѣло среди царющаго зла“, то это объясняется не только силою ихъ таланта и значеніемъ ихъ идей, но также и въ значительной степени тѣмъ, что эти идеи заранѣе возникали въ средѣ передовой интеллигенціи и долго потомъ дебатировались въ кружкахъ. Такимъ же путемъ возникъ и распространился „марксизмъ“ 90-хъ годовъ—въ эпоху ожесточенныхъ споровъ между марксистами и народниками. То же самое мы скажемъ и объ идеализмѣ и мистицизмѣ, подготовлявшихся исподволь съ 80-хъ годовъ и выступившихъ въ качествѣ очередныхъ идеологій въ первыхъ годахъ текущаго столѣтія.

Можно смѣло сказать, что наши идеологіи, въ особенности же наиболѣе значительныя и вліятельныя изъ нихъ, не были продуктомъ единоличнаго творчества геніевъ или талантовъ, увлекавшихъ „толпу“: они возникли въ самой гущи интеллигентской жизни. Тутъ передъ нами не „толпа“, а въ психологическомъ смыслѣ организованные кадры интеллигенціи,—передъ нами мысляшая среда, проявляющая большую умственную и моральную активность. Въ ней и воспитывались наши идеологи, черпая оттуда отправныя точки, матеріалъ идей и всѣ вообще умственныя и нравственныя предпосылки для своего индивидуальнаго творчества. И ихъ идеологическія построенія возвращались обратно въ эту среду—какъ къ себѣ домой, являясь стимуломъ для дальнѣйшаго коллективнаго творчества.

VI.

Изъ вышесказаннаго вовсе не слѣдуетъ, что у насъ любой интеллигентъ — непремѣнно идеологъ. Въ силу неизбѣжной дифференціаціи, уже въ 20-хъ и 30-хъ годахъ интеллигенція раздѣлилась на двѣ части: одна принимала непосредственное и активное участіе въ созданіи и разработкѣ идеологій, другая либо стояла въ сторонѣ отъ движенія умовъ, либо вовлекалась въ идеологическую дѣя-

тельность случайно и временно. Безъ всякаго сомнѣнія, уже въ 20-хъ—40-хъ годахъ далеко не вся интеллигенція входила въ кружки мыслящихъ и ищущихъ людей, каковы были „архивные юноши“, шеллингіанцы 20-хъ гг. (Веневитиновъ, кн. В. Ѳ. Одоевскій и др.), потомъ, въ 30-хъ гг., кружки Станкевича и Герцена, позже — кружки западниковъ и славянофиловъ. Въ этихъ кружкахъ бился пульсъ духовной жизни, но за ихъ предѣлами были и по своему мыслили интеллигентные люди, не принимавшіе активнаго участія въ созданіи идеологій, но тѣмъ не менѣе вносившіе свой вкладъ въ умственную жизнь Россіи. Вклады эти были разные, — разнаго достоинства и размѣра. Иные изъ нихъ были огромны: достаточно указать на Пушкина, который не былъ идеологомъ, на Гоголя, идеологія котораго, выраженная въ „Перепискѣ съ друзьями“, была отрицательною величиною и почти никакого вліянія не оказала,— на Лермонтова, подобно Пушкину чуждаго идеологической дѣятельности. Въ интеллигентной средѣ были лица, не примыкавшія ни къ западничеству, ни къ славянофильству; были и такія, которыя, примыкая къ тому или другому направленію, не принимали замѣтнаго участія въ выработкѣ и въ пропагандѣ западническихъ или славянофильскихъ идей. Съ распространеніемъ образованія, съ умноженіемъ читающей публики, эта дифференціація усиливалась—въ томъ смыслѣ, что въ одну сторону все больше приливало образованныхъ людей, ищущихъ міросозерцанія и настроенныхъ идеологически, а съ другой стороны, замѣтно росло число просто образованныхъ людей, для которыхъ идеологическія исканія не являлись душевною потребностью. Любопытно отмѣтить, что это раздѣленіе нисколько не вредило ни той, ни другой сторонѣ. Это былъ естественный и необходимый „отборъ“ и въ своемъ родѣ раздѣленіе труда. Въ результатѣ выходило, что множество лицъ, вмѣшивавшихся въ идеологическіе споры въ годы юности (юноша — прирожденный идеологъ, до извѣстнаго возраста, для разныхъ натуръ различнаго), вскорѣ отпадали, убѣдившись въ своей непригодности для идеологическаго творчества, и послѣднее становилось достояніемъ

„призванныхъ“ — всѣхъ тѣхъ, которые не могутъ успокоиться, пока не выработаютъ міросозерцанія, не рѣшатъ вопроса о смыслѣ жизни и не выяснятъ себѣ, какъ имъ „жить свято“. Это шло на пользу тѣмъ и другимъ, избавляя однихъ отъ лишней обузы, отъ душевнаго груза и содѣйствуя сосредоточенію идеологическаго творчества въ средѣ, наилучше къ нему приспособленной.

Какой изъ этихъ двухъ частей интеллигенціи слѣдуетъ отдать предпочтеніе,—это ужъ другой вопросъ, требующій сперва правильной постановки.

Для такой постановки, по моему мнѣнію, нужно слѣдующее.

Во-первыхъ, необходимо перенести вопросъ изъ области субъективныхъ стремленій и запросовъ идеологической части интеллигенціи на объективную почву и формулировать его такъ: что важнѣе и полезнѣе въ цѣляхъ умственнаго, моральнаго и общественнаго прогресса Россіи,—идеологическое-ли творчество интеллигенціи, или накопленіе и распространеніе духовныхъ благъ, совершаемыя сотрудничествомъ всѣхъ просвѣщенныхъ людей, независимо отъ того, подчиняютъ-ли они свою мысль и волю ферулѣ какой-либо идеологіи, или нѣтъ?

Во-вторыхъ, надо взглянуть на дѣло съ исторической точки зрѣнія и поставить вопросъ: не слѣдуетъ-ли различать эпохи, когда дѣйствительно прогрессъ Россіи былъ тѣсно связанъ съ развитіемъ и успѣхомъ идеологій, отъ другихъ эпохъ, когда идеологіи теряли такое значеніе?

Отвѣтъ на первый вопросъ зависитъ отъ отвѣта на второй, съ котораго и начнемъ.

Выше я упомянулъ мелькомъ о томъ, что юности свойственны идеологическія настроенія и исканія. То-же самое приходится сказать о „молодомъ“ обществѣ, т. е., точнѣе, такомъ, которое не имѣетъ традиціи умственнаго развитія; для него умственные интересы, идеи, идеалы есть нѣчто новое и чужое, не свое,—и общество ихъ заимствуетъ, переживая подражательный періодъ развитія. Ему трудно разбираться въ массѣ образовательнаго и идейнаго матеріала, нахлынувшаго изъ-за границы, и оно беретъ готовые шаб-

лоны и системы идей, усваивая ихъ *идеологически*, какъ ученіе, какъ доктрину, которую приходится принять на вѣру. Такъ въ XVIII-мъ вѣкѣ воспринималось и „вольтеріанство“ и масонство. Это уже были идеологіи, которыя нельзя назвать самостоятельными или самобытными; мы назовемъ ихъ „самодѣльными“, какъ можно назвать самодѣльнымъ продуктомъ неумѣлую копію съ чужого образца.

Въ этомъ начальномъ періодѣ идеологическое отношеніе ко всякимъ духовнымъ благамъ безусловно необходимо, — оно могущественно содѣйствуетъ развитію умственныхъ интересовъ, шевелитъ застоявшіеся въ бездѣйствіи мозги, воодушевляетъ и увлекаетъ впередъ.

Столь-же необходимо и благотворно идеологическое умонастроеніе въ эпохи, когда очередною задачею времени является выработка національнаго самосознанія. Національзмъ у народовъ, которыхъ національное развитіе стѣснено, всегда принимаетъ идеологическій характеръ и нерѣдко превращается въ настоящія идеологіи, въ законченныя системы идей. Таковы, напр., польскія и украинскія националистическія идеологіи.

У насъ въ 30-хъ и 40-хъ гг. очередною задачею интеллигенціи была выработка не столько общественнаго, сколько національнаго самосознанія. Оттуда — видное мѣсто, какое въ воззрѣніяхъ мыслящихъ людей того времени занимали историческія понятія,—то, что можно назвать философіей русской исторіи въ ея отношеніяхъ къ исторіи западноевропейскихъ народовъ. Это и было центральнымъ пунктомъ построеній Чаадаева, и это же послужило яблокомъ раздора между западниками и славянофилами. Сравнительно съ системою идей Чаадаева, которая претендовала на міровое значеніе и образовала замкнутый кругъ, откуда нѣтъ выхода, а были только лазейки, идеологіи славянофиловъ и западниковъ представляютъ собою значительный прогрессъ—въ смыслѣ разумнаго ограниченія задачи и ея постановки на почву научныхъ изученій (преимущественно въ области русской исторіи). Въ рядахъ славянофиловъ выдвинулся на этой почвѣ К. Аксаковъ, въ рядахъ западниковъ—Кавелинъ и С. М. Соловьевъ. Столь-же благо-

творно суженіе задачи сказалось и въ вопросахъ общественности: вмѣсто рѣшенія міровыхъ проблемъ озабочивались постановкою насущныхъ вопросовъ русской жизни и прежде всего вопроса объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Извѣстно, какую услугу Россіи оказали позже, когда пробилъ часъ эмансипаціи, на этомъ поприщѣ и славянофилы, и западники. Здѣсь мы видимъ воочію доказательство жизненности и плодотворности идеологическаго движенія 40-хъ гг. Можно вообще сказать, исходя отсюда, что чѣмъ идеологія уже, чѣмъ опредѣленнѣе ея проблемы, пріуроченныя къ очереднымъ историческимъ задачамъ эпохи, тѣмъ она плодотворнѣе и можетъ сыграть крупную роль въ прогрессивномъ развитіи націи. Это положеніе оправдывается и на примѣрѣ послѣдующихъ идеологій, возникавшихъ со второй половины 50-хъ гг. Тутъ на первый планъ выдвигается народничество, въ составъ котораго вошли элементы и славянофильскіе, и западническіе.

Народничество (разныхъ оттѣнковъ)—одна изъ самыхъ *узкихъ* идеологій,—и въ этомъ его сила, его историческое значеніе. Въ центрѣ системы здѣсь ставится идея народа, крестьянства, и на первый планъ выдвигается моральное требованіе уплаты долга народу—посильнымъ служеніемъ его благу. Все прочее, философское, научное, религіозное, политическое, моральное, подчиняется господствующему *культу народа*, и мы знаемъ, что вокругъ „идеи мужика", какъ вокругъ солнца, вращались всѣ свѣтила: Фейербахъ, Дарвинъ, Спенсеръ, Контъ, Карлъ Марксъ: всѣ они прямо или косвенно, положительно или отрицательно, внесли свою лепту въ развитіе доктрины русскаго народничества различныхъ оттѣнковъ. Достаточно вспомнить покойнаго Юзова-Каблица, который для своей доктрины крайняго народничества черпалъ аргументы отовсюду.

Народничество въ разныхъ его видахъ и другія—не народническія въ тѣсномъ смыслѣ, но родственныя ему—направленія, каковы доктрина Михайловскаго и утопическій соціализмъ 70-хъ г.г., сыграли крупную роль въ исторіи нашего идейнаго и моральнаго развитія—и не только своимъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ, но и

тѣмъ, что они были самымъ оригинальнымъ и самостоятельнымъ продуктомъ русскаго идеологическаго творчества.

Вотъ почему и кризисъ народничества, наступившій въ 80-хъ годахъ, обострившійся въ 90 и затянувшійся до нашихъ дней, и есть кризисъ русскаго идеологическаго творчества вообще. Оно сдѣлало все, что могло и должно было сдѣлать, оказавъ нашему умственному и нравственному прогрессу незабываемыя и неоцѣненныя услуги. Оглядываясь назадъ, мы можемъ сказать, что главною движущею силою этого прогресса въ теченіе всего XIX вѣка были у насъ именно наши идеологіи. Теперь ихъ роль сыграна, и наступаетъ новая эпоха, когда на смѣну имъ выступаютъ политическія *партіи* въ европейскомъ смыслѣ этого слова, а просвѣтительная миссія идеологій смѣняется болѣе широкою культурною дѣятельностью интеллигентныхъ силъ, опредѣляемыхъ и движимыхъ уже не тою или иною идеологическою доктриною, а признаніемъ высокой цѣнности духовныхъ благъ по существу и убѣжденіемъ въ необходимости ихъ наивозможно - широкаго распространенія въ массѣ народа.

Кризисъ подготовлялся исподволь увеличеніемъ числа тѣхъ лицъ, для которыхъ ферула господствующихъ идеологій оказывалась стѣснительною. Съ 80-хъ годовъ среди интеллигенціи раздается лозунгъ „безпартійности“, причемъ эту безпартійность нужно понимать въ идеологическомъ смыслѣ, — свободы отъ обязательныхъ нормъ той или иной идеологіи. Въ числѣ дѣятелей, выступавшихъ съ этимъ лозунгомъ, былъ Чеховъ, котораго тогда и укоряли въ безпринципности. Теперь мы знаемъ, что свобода отъ власти идеологій вовсе не означала безпринципности и далеко не всегда приводила къ идейному и общественному индифферентизму.

Въ настоящее время этотъ типъ интеллигента безъ опредѣленной идеологіи, но съ весьма опредѣленными принципами и выработаннымъ общественнымъ и политическимъ направленіемъ получаетъ все большее и большее распространеніе.

Идеологическія исканія, разумѣется, не исчезли, да едва-ли когда-нибудь исчезнутъ, но они становятся нынѣ принадлежностью отдѣльныхъ лицъ, любителей, какъ было это въ началѣ—въ XVIII-мъ вѣкѣ, и направляются преимущественно на общефилософскія и религіозныя темы. Таково современное богоискательство, богостроительство и философическое мудрованіе нашихъ матафизиковъ и мистиковъ. Вопросы практической морали, общественности и политики уже почти освободились изъ-подъ ферулы идеологическаго мышленія. Попытка г.г. Струве, Гершензона, Бердяева и другихъ вновь обосновать эти вопросы жизни на идеологической почвѣ оказалась несостоятельной и обнаружила всю ненужность такого обоснованія: всѣ эти вопросы уже вышли изъ области кабинетнаго творчества и поступили въ вѣдѣніе жизни.

Послѣднею идеологіею изъ числа тѣхъ, которыя выдвигали на первый планъ проблемму о „смыслѣ жизни“ и давали опредѣленный отвѣтъ на вопросъ: „какъ жить свято“, была идеологія Л. Н. Толстого; но она явилась, въ отличіе отъ другихъ, идеологіею чисто-сектантскою, и, какъ таковая, не можетъ претендовать на руководящую роль, аналогичную той, какую въ свое время играли идеологіи славянофиловъ, западниковъ, Чернышевскаго, Михайловскаго, чистыхъ народниковъ и др.

Идеологіи продѣлали весь кругъ своего развитія—отъ массонства XVIII-го вѣка до Л. Н. Толстого и новѣйшихъ искателей „истины“. Этотъ кругъ оказался замкнутымъ: спустившись съ мистическихъ и философскихъ высотъ, идеологическая мысль вплотную подошла къ жизни и затѣмъ круто повернула назадъ, чтобы воспарить въ высоту. Оттуда ей уже не легко будетъ спуститься на землю, гдѣ ея мѣсто будетъ занято общественными направленіями, политическими партіями и безпартійною культурною дѣятельностью лицъ, ненуждающихся въ идеологическомъ обоснованіи своихъ воззрѣній. Вмѣстѣ со старою Россіею отходятъ въ прошлое и старые идеологическіе споры, которые то замѣняли дѣло, то сопутствовали и дѣлу, и бездѣлью.

Ближайшія поколѣнія помянутъ добромъ наши старыя идеологіи и воздадутъ имъ должное—по заслугамъ, но вернуться къ идеологическому фазису не захотятъ, ибо сама психологія русской интеллигенціи будетъ уже не та, какая характеризуется преобладаніемъ идеологическихъ настроеній. Она будетъ жить—въ лучшемъ смыслѣ этого слова, а не искать смысла жизни, предоставляя это головоломное занятіе призваннымъ мыслителямъ; она будетъ жить полнотою умственныхъ, нравственныхъ и общественныхъ интересовъ, не претендуя на „святость"— удѣлъ избранныхъ.

Будутъ, конечно, и эти избранники, какъ будутъ и мыслители, занимающіеся вопросами высшаго порядка, разрѣшимыми и неразрѣшимыми. Но масса интеллигенціи, занятая на различныхъ поприщахъ культурнаго труда, который съ развитіемъ культуры все болѣе спеціализируется, найдетъ смыслъ жизни въ этомъ самомъ трудѣ, при очевидности его пользы, и ея творчество, теряя въ экстенсивности, какою характеризируются идеологіи, выиграетъ въ интенсивности.

Продуктивность интеллигентнаго труда значительно возрастетъ; не будетъ напрасной траты силъ, неразлучной съ идеологическимъ творчествомъ, пойдетъ на убыль и зачастую связанная съ этимъ творчествомъ мечтательная погоня за призраками.

Духовныя блага не будутъ нуждаться въ идеологической санкціи—по той простой причинѣ, что изъ мечтательныхъ они станутъ реальными и превратятся въ настоящія цѣнности, требующія только одного—труда и при томъ труда спеціальнаго, на всѣхъ поприщахъ жизни и мысли.

Д. Овсянико-Куликовскій.

Русская интеллигенція и національный вопросъ.

I.

Мы живемъ подъ знакомъ чрезвычайнаго оживленія національныхъ и націоналистическихъ чувствъ у всѣхъ народовъ, населяющихъ Россійскую имперію.

На всемъ пространствѣ сѣверныхъ, западныхъ и южныхъ окраинъ государства, съ населеніемъ въ нѣсколько десятковъ милліоновъ, съ территоріей, равной нѣсколькимъ европейскимъ королевствамъ, бродятъ, наливаются и зрѣютъ всѣ оттѣнки и всѣ разновидности національныхъ движеній. Эта, наиболѣе близкая къ Европѣ и по смежности и по культурнымъ воздѣйствіямъ, часть имперіи въ послѣдніе годы стала какъ бы лабораторіей, въ которой производятся всякаго рода національные и націоналистическіе опыты, удачные и неудачные, рискованные и безопасные, и во всякомъ случаѣ чреватые по возможнымъ, естественнымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіямъ своимъ.

На крайнемъ сѣверѣ, въ двухъ шагахъ отъ имперской столицы, находимъ Финляндію, національное развитіе которой, стройное и законченное въ своемъ эволюціонномъ подъемѣ, до самаго послѣдняго времени шло почти внѣ зависимости отъ общаго теченія дѣлъ въ имперіи. Нынѣ эта наиболѣе европеизированная окраина, будучи вовлеченной въ общій круговоротъ имперскаго воздѣйствія, переживаетъ тяжелую стадію напряженнаго сосредоточенія національныхъ силъ.

На западѣ, опять таки въ двухъ шагахъ у имперской столицы, начинается гирлянда сравнительно небольшихъ народовъ, проснувшихся почти на нашихъ глазахъ отъ вѣкового сна и съ живымъ усердіемъ принявшихся за крайне интенсивную работу національнаго возрожденія. Возрожденіе этихъ народовъ надолго останется, быть можетъ, самымъ поучительнымъ примѣромъ мощи національной стихіи, которая умираетъ лишь при наличности физической смерти народа, ея творца и носителя. Вѣковыя усилія нѣмецкихъ орденовъ, безпощадно послѣдовательныхъ въ искорененіи чужеродныхъ элементовъ, оказались безплодными въ дѣлѣ денаціонализаціи эстовъ и латышей, такія же усилія польской государственности разбились о стойкость литовскихъ и бѣлорусскихъ народныхъ элементовъ. При первой же возможности всѣ эти народы недрогнувшей рукой вписали свои имена въ скрижали живыхъ національностей; сдѣлала это даже лѣтописная Летгола, надъ именемъ которой пронеслось нѣсколько столѣтій полнаго, казалось, смертнаго забвенія.

Западный аванпостъ имперіи занятъ польскимъ народомъ, единственной крупной національностью въ Россіи, имѣющей за собою въ прошломъ много вѣковъ государственной независимости и государственнаго бытія въ европейскомъ значеніи этого слова. Мощное національное цвѣтеніе этого народа переноситъ самыя жестокія испытанія, не теряя своей красоты, здоровой силы и пышной махровости. Въ настоящее время польскій народъ, переживщій за короткій періодъ послѣднихъ лѣтъ высокую волну національныхъ надеждъ и послѣдовавшихъ за ней разочарованій, подобрался и застылъ въ живой неподвижности, концентрируя силы для дальнѣйшей упорной борьбы за національныя права и національное существованіе.

Югъ Россіи занятъ украинцами, національное движеніе которыхъ находится въ стадіи плодотворнаго соприкосновенія и творческаго обмѣна интеллигенціи съ широкими народными массами, чѣмъ обусловливается его экстенсивный характеръ. Ближайшее будущее явитъ картину перехода этого движенія изъ экстенсивности въ стадію интенсивнаго напряженія.

Есть на этихъ окраинахъ и народъ, національно одушевленный, несмотря на отсутствіе принадлежащей ему сплошной территоріи и на то, что онъ лишенъ главной основной національной почвы—крестьянства. Это—евреи. Въ живую гамму національныхъ движеній евреи вносятъ оттѣнокъ удивительно сложной и интересной композиціи.

Но не только европейскія окраины имперіи являются ареной національныхъ движеній. Сложная національная жизнь Кавказа, не изученная и не разработанная, тревожитъ загадочностью своей структуры, плохо поддающейся учету и опредѣленіямъ, сулящей неожиданныя перспективы не только національнаго характера. Также загадоченъ и мусульманскій имперскій востокъ,—пестрый, съ сѣвера на югъ тянущійся поясъ народностей, спаянныхъ единой мощной религіозной культурой, стремящихся изъ конгломерата развить органическое единство. И далѣе на востокъ виднѣются неясныя очертанія сибирскихъ народностей, дѣлающихъ первые шаги отъ начала этническаго къ началу національному.

Живая волна національныхъ движеній, глубоко всколыхнувшая всѣ окраины имперіи, не прошла безслѣдно и для ея историческаго ядра—великорусскаго народа и его интеллигенціи. На нашихъ глазахъ создались справа многочисленныя националистическія организаціи, вошедшія въ составъ Союза русскаго народа, Всероссійскаго національнаго союза и др. Политическій центръ—октябристскія и близкія къ нимъ иныя общественныя группы, не поднявшія отчетливаго флага, попеременно воодушевляются то чисто національными, то грубо националистическими чувствами, какъ это было, напримѣръ, въ дѣлѣ аннексіи Босніи и Герцеговины, въ вопросѣ о неославизмѣ и въ другихъ болѣе мелкихъ случаяхъ. Политическая лѣвая также не осталась въ сторонѣ отъ довольно яркаго проявленія національныхъ чувствъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, въ извѣстной полемикѣ о „національномъ лицѣ", или въ недавней полемикѣ о роли и характерѣ интеллигенціи, не обошлось и безъ нѣкоторыхъ выступленій, носящихъ всѣ слѣды одушевленія националистическаго. Не

осталось и имперское правительство равнодушнымъ зрителемъ національныхъ движеній; оно вмѣшалось въ гущу общественной жизни и, опираясь на твердое настроеніе правыхъ и пользуясь колеблющимися переживаніями политическаго центра, законодательно формируетъ выразительную систему націоналистической государственности съ гражданами различныхъ степеней и разрядовъ, опредѣляемыхъ принадлежностью къ той или иной имперской народности.

Что сулитъ эта картина будущему?

II.

Россія переживаетъ трудный, не повторяющійся моментъ начальной стадіи государственнаго строительства, перемѣны всѣхъ частей механизма имперскаго управленія, смѣны самой системы этого управленія.

Послѣ того, что мы пережили, начиная съ 1904 года, строительство это совершенно неизбѣжно, независимо отъ того, склонны ли къ нему, и въ какой мѣрѣ, данные правящіе круги и поддерживающія ихъ тѣ или иныя политическія группы и партіи. Неизбѣжность этого строительства—велѣніе времени, историческая необходимость, и отъ тѣхъ, кто произведетъ и производитъ его, зависятъ лишь быстрота работы и качества ея, но не сама работа.

Исторія знаетъ случаи, когда реформы проводились въ жизнь принципіальными противниками ихъ: во Франціи третью республику установили не только республиканцы; у насъ реформу 61-го года проводили отнюдь не тѣ, которые поставили ее въ порядокъ общественнаго и политическаго дня. Такой способъ проведенія реформъ, безъ сомнѣнія, влечетъ за собою самыя нежелательныя послѣдствія въ видѣ затяжного рѣшенія дѣла и колеблющейся постановки вопросовъ, въ видѣ излишества ненужныхъ, несоотвѣтствующихъ обстоятельствамъ мѣста и времени компромиссовъ, спутанности и отсутствія плана, и, наконецъ, иногда, въ видѣ прямого извращенія принципіальнаго смысла и значенія самой реформы.

Дѣятельность Гос. Думы третьяго созыва является превосходной иллюстраціей указаннаго способа государствен-

наго строительства. Вынужденная силою вещей къ реформамъ кореннымъ, къ установленію въ имперіи новаго строя, но не чувствуя органической потребности въ этомъ, третья Гос. Дума, нехотя и нерѣшительно, по важнѣйшимъ государственнымъ дѣламъ, создаетъ законы, насыщенные всѣми грѣхами непринципіальности и непланомѣрности, отступленій и колебаній; законы, которые заключаютъ въ въ себѣ всѣ возможные политическіе и соціальные конфликты; законы, которые являются, такъ сказать, лишь прологомъ къ дальнѣйшимъ треніямъ и къ прямой борьбѣ. И тѣмъ не менѣе, худо и медленно, но неотвратимо и третья Гос. Дума дѣлаетъ то же дѣло, которое явилось бы основной задачей всякаго представительнаго учрежденія въ Россіи въ данный моментъ ея исторіи: она производитъ смѣну системы государственнаго управленія.

Въ государствахъ одно-національныхъ эти, говоря образно, роды новаго строя происходятъ въ нормальныхъ условіяхъ; большая или меньшая замедленность и осложненность ихъ зависитъ отъ политической и соціальной структуры государства, отъ того или иного соотношенія общественныхъ силъ, равнодѣйствующей которыхъ и является та или иная форма новаго строя. Силы эти, во-первыхъ, поддаются сравнительно удобному учету; во-вторыхъ, обладаютъ болѣе или менѣе точно опредѣляемой упругостью; въ-третьихъ, интересы, представляемые этими силами, безспорны, и борьба въ этомъ случаѣ обычно ведется изъ-за количества ихъ, а не по существу. И поскольку рѣчь идетъ о моментахъ чисто соціальнаго или политическаго характера, постольку можно и должно говорить о соціальной или политической эволюціи, рѣже—о революціи,—но оба процесса въ одно-національномъ государствѣ протекаютъ въ нормально-національныхъ условіяхъ.

Національное движеніе въ одно-національномъ государствѣ не выходитъ изъ круга задачъ культурно-историческихъ и, будучи дѣломъ общенароднымъ, внѣ классовъ, сословій и состояній, никогда не бываетъ, какъ таковое, предметомъ политической и соціальной борьбы, предметомъ спора и соглашеній. Національное движеніе въ такихъ госу-

дарствахъ направлено внутрь и вглубь народной жизни; оно сопутствуетъ и окрашиваетъ своими красками всѣ теченія этой жизни, но бремя его легко и радостно, ибо оно не сознается и не чувствуется, какъ не сознается здоровье нормальнымъ организмомъ. Націоналистическія черты движеніе это пріобрѣтаетъ лишь тогда, когда теченіе его, по тѣмъ или инымъ причинамъ, направлено не по естественному, внутреннему руслу его, а вовнѣ и притомъ съ цѣлями, чуждыми природѣ національности: съ цѣлями вражды, подавленія, аггрессіи.

Иную картину представляетъ государство много-національное. Въ такихъ государствахъ нормальныя національныя отношенія являются рѣдкимъ и счастливымъ исключеніемъ. Обычнымъ представляется обратное: національные интересы окрашиваютъ, а иногда и покрываютъ собою всю политическую жизнь страны, вторгаются въ такія сферы и области этой жизни, которыя, казалось бы, должны были навсегда остаться чуждыми моменту національному, какъ, напримѣръ, сфера экономики и соціальнаго строенія. И рѣзкія краски этой картины особенно усиливаются тамъ, гдѣ, какъ въ Россіи, большинство національностей перемѣшаны одна съ другой на одной территоріи; гдѣ, какъ на россійскихъ сѣверо- и юго-западныхъ окраинахъ, почти правиломъ является тотъ фактъ, что соціальное распредѣленіе населенія является въ то же время и его національнымъ распредѣленіемъ, а именно: дворянско-помѣщичій элементъ представленъ одной національностью, городской— другой, крестьянскій—третьей.

Въ качествѣ показателя того, какъ модифицируются даже чисто соціально-экономическія требованія подъ вліяніемъ національнаго момента, возьмемъ хотя бы идею принудительнаго отчужденія земли. Русскій *) помѣщикъ, боровшійся противъ возможной реализаціи этой идеи, велъ

*) Во избѣжаніе нѣкоторыхъ недоразумѣній, считаю нужнымъ оговориться, что какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ другихъ случаяхъ ниже, эпитетъ „русскій" употребляется мною въ томъ его ограниченномъ значеніи, которое можно было бы выразить эпитетомъ „великорусскій". *Авт.*

эту борьбу, руководясь мотивами соціально-экономическими, частью также и политическими, но національное его ощущеніе было въ этомъ случаѣ непричемъ, ибо самое полное проведеніе этой реформы въ Великороссіи, рѣшительно измѣнивъ соціально-экономическую структуру этой области, никакъ не отразилось бы на интересахъ русской національности, какъ таковой, какъ явленія культурно-историческаго порядка. Иными мотивами руководствовались, напримѣръ, польскіе и балтійско-нѣмецкіе круги, отнюдь не только дворянско-помѣщичьи, боровшіеся противъ этой идеи. Возможность этой реформы не только подрывала ихъ соціально-экономическое и политическое значеніе, но фатальнымъ образомъ отражалась на ихъ національныхъ интересахъ. Фактъ принудительнаго отчужденія земли радикальнымъ образомъ измѣнилъ бы не только соціальную структуру, но и существующее соотношеніе національныхъ силъ на всемъ пространствѣ сѣверо- и юго-запада Россійской имперіи, исключая собственной Польши, гдѣ проведеніе подобной реформы, какъ и въ Великороссіи, ни съ какой стороны не отразилось бы на національной структурѣ польскаго народа. Этимъ объясняется, между прочимъ, фактъ существованія польскихъ и балтійскихъ такъ называемыхъ „кадетъ безъ земли"; этимъ объясняется и то горячее сочувствіе идеѣ принудительнаго отчужденія земли со стороны національныхъ организацій латышскихъ, эстонскихъ, литовскихъ, бѣлорусскихъ и украинскихъ, изъ которыхъ далеко не всѣ были безупречны съ точки зрѣнія политическаго демократизма.

Подобныя модификаціи, безъ сомнѣнія, значительно усложняютъ, какъ самое содержаніе жизни много-національныхъ государствъ, такъ и спокойное управленіе ими, но не онѣ являются главнымъ факторомъ того замедленнаго темпа государственнаго совершенствованія, которымъ отличаются обычно много-національныя государства. Рѣшающее въ этомъ отношеніи значеніе имѣетъ совершенно неизбѣжный для много-національныхъ государствъ моментъ несовпаденія круга явленій государственно-правовыхъ, характеризуемыхъ понятіемъ политической націи, съ

другимъ, близкимъ къ нему, кругомъ явленій культурно-историческаго порядка, который опредѣляется понятіемъ національности. Въ одно-національныхъ государствахъ моментъ этотъ рѣшается ipso facto, въ много-національныхъ онъ требуетъ длительной и напряженной политической работы, высокаго напряженія искусства государственнаго управленія, а главное — доброй воли народовъ, входящихъ въ составъ даннаго государства. Ибо эта добрая воля является главнѣйшей предпосылкой не только политическаго и иного совершенствованія, но и сколько-нибудь благополучнаго существованія много-національныхъ государствъ.

III.

Движеніе національнаго вопроса въ много-національныхъ государствахъ, протекая болѣе или менѣе однообразно, въ развитіи своемъ проходитъ два несхожихъ между собою періода. Первый періодъ характеризуется тѣмъ, что сколоченныя механически, преимущественно путемъ завоеваній, государства эти механически же изъ разнообразія народовъ, входящихъ въ ихъ составъ, стремятся создать не только единство націи, въ государственно-правовомъ значеніи этого слова, но и единство національности, — единый культурно-историческій народный типъ.

Изъ много-національныхъ государства эти стремятся превратиться въ одно-національное, при чемъ національнымъ образцомъ естественно является главенствующій въ государствѣ народъ. Для осуществленія этого стремленія, основаннаго на отождествленіи двухъ органически различныхъ понятій: понятія государственнаго единства и единства національнаго,—государственная власть считала возможнымъ приносить неслыханныя жертвы, прилагать невѣроятныя усилія, пользоваться всѣми доступными государственному аппарату средствами.

Исторія всѣхъ европейскихъ государствъ знаетъ яркія свидѣтельства о жертвахъ, приносимыхъ молоху денаціонализаціи недержавныхъ народностей. Достаточно вспом-

нить для этого хотя бы скорбный мартирологъ валлійскихъ, ирландскихъ и шотландскихъ кельтовъ въ Англіи, провансальцевъ и бретонцевъ во Франціи, славянъ и иныхъ народовъ въ Австріи, судьбы поляковъ въ Пруссіи, практику имперской національной политики въ Россіи.

Но та же исторія не менѣе краснорѣчиво свидѣтельствуетъ и о томъ, что подобная система принудительной національности соотвѣтствуетъ лишь извѣстной стадіи политическаго развитія много-національнаго государства, что съ ростомъ культуры и цивилизаціи, съ постепеннымъ развитіемъ личности и освобожденіемъ ея отъ принудительныхъ, нивеллирующихъ ее общественныхъ и политическихъ формулъ, освобождается и національность. Свидѣтельствуетъ эта исторія также и о томъ, что система принудительной, „оффиціальной", какъ у насъ принято выражаться, народности—весьма непрочный фундаментъ для возведенія мощной постройки государственнаго единства, ибо,—перефразируя замѣчательныя слова А. Хомякова,—„въ дѣлахъ національности (А. Хомяковъ говорилъ о вѣрѣ) принудительное единство есть ложь, а принудительное послушаніе есть смерть".

Второй періодъ движенія національнаго вопроса въ много-національныхъ государствахъ начинается съ момента крушенія системы принудительной національности и замѣны ея системою свободнаго національнаго самоопредѣленія, что совпадаетъ, какъ правило, съ крушеніемъ системы стараго абсолютизма въ европейскихъ государствахъ. На протяженіи всего XIX вѣка, особенно второй половины его, вмѣстѣ съ ростомъ политической свободы растетъ и свобода національная; вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ правъ и гарантій свободной личности, укрѣпляются права и гарантіи свободной національности. Совпаденіе это не случайность, а законъ исторической и психологической необходимости, ибо въ государствѣ, гдѣ нарушена свобода національная, поражена въ самое сердце и свобода политическая; ибо у личности нѣтъ болѣе цѣнныхъ и дорогихъ правъ, чѣмъ права національныя.

Съ сѣвера на югъ и съ запада на востокъ вся Европа прошла черезъ мучительный опытъ принудительной національности и къ нашему времени продвинулась далеко впередъ по торной и свѣтлой дорогѣ свободнаго національнаго самоопредѣленія. Особенно поучительной является въ этомъ отношеніи наша ближайшая сосѣдка Австрія, которая въ составѣ своихъ гражданъ насчитываетъ и представителей народовъ, главное національное ядро которыхъ находится въ предѣлахъ Россійской имперіи. Исторія послѣднихъ сорока лѣтъ существованія Австріи указываетъ на многогранную силу, какую способны развить разнообразныя національности при условіи сколько нибудь гарантированныхъ правъ на національное самоопредѣленіе. Имперія, послѣ Садовой и Кениггреца, стоявшая у порога государственнаго распада, возродилась силою возродившихся національностей, входящихъ въ составъ ея. Ея, казалось бы, омертвѣвшія и готовыя отвалиться члены наполнились снова здоровьемъ, и наше время было свидѣтелемъ новаго политическаго явленія на европейскомъ горизонтѣ, ставшаго сразу немаловажнымъ факторомъ въ международныхъ отношеніяхъ. Civis austriacus оказался не политическимъ фантомомъ, какимъ издавна привыкли считать его въ Европѣ, а реальнымъ даннымъ на вѣсахъ европейской политики, значеніе котораго ощутили прежде всего его державные сосѣди,—хотя бы въ дѣлѣ Босніи и Герцеговины.

Съ значительными колебаніями и отступленіями, съ значительнымъ историческимъ замедленіемъ, но тѣмъ же путемъ шло движеніе національнаго вопроса и въ Россіи. Пройдя неизбѣжный періодъ механически построяемаго національнаго единства, Россійская имперія также неизбѣжно подошла и къ замѣнѣ этой системы системою свободнаго національнаго самоопредѣленія. Дата 17 октября 1905 года является формальной гранью между уходящимъ въ исторію принудительнымъ единствомъ и долженствующимъ прійти ему на смѣну живымъ разнообразіемъ національностей единой Россійской имперіи.

Возрожденіе національностей, входящихъ въ составъ Россіи, началось, и ко времени акта 17 октября обозначи-

лось, какъ обстоятельство, чрезвычайно благопріятное для ожидаемой новой русской гражданственности, для идеи русскаго государственнаго единства. Въ дни такъ называемаго освободительнаго періода, въ эти дни, когда всѣ и каждый высказывали откровенно и безбоязненно, какъ дѣти, всѣ накопившіяся желанія свои, всѣ родившіяся мысли, всѣ мечты и упованія; въ эти дни, когда были произнесены, среди другихъ, всѣ національныя слова, опредѣлены всѣ національныя мнѣнія, не раздалось ни одного національнаго голоса, въ которомъ хоть отдаленно звучала бы непріязнь къ моменту государственнаго единства. Съѣзды автономистовъ-федералистовъ, съѣзды представителей недержавныхъ народностей, съѣзды учительскихъ и иныхъ національныхъ организацій, вся національная пресса, всѣ программы національныхъ партій въ основу своихъ выступленій поставили охрану государственнаго единства и подведеніе новаго и прочнаго фундамента подъ зданіе этого единства.

Послѣдовавшія затѣмъ событія, длящіяся и до нашихъ дней, смяли и растоптали вѣнокъ національныхъ надеждъ, но оказались безсильными погасить вѣру народовъ имперіи въ Россію, не убили тяготѣнія къ ней. Идеальный учетъ національныхъ нуждъ и требованій, предъявленный въ освободительный періодъ народами Россіи, погашенъ къ нашему времени столь же идеальнымъ отрицаніемъ ихъ. Практика имперской національной политики, утвердившись на ново на старыхъ рельсахъ оффиціальной народности, дѣлала и дѣлаетъ все зависящее отъ нея для того, чтобы развить центробѣжныя стремленія среди недержавныхъ народностей имперіи. Національное отталкиваніе возведено въ систему національныхъ отношеній, но среди силъ, создавшихъ единство русскаго государства, оказались силы, мощное притяженіе которыхъ отвратило недержавныя народности отъ орбиты политической центробѣжности, отъ идеи политическаго сепаратизма. Силы эти—русская культура и главный носитель ея—русская интеллигенція.

IV.

Національна ли русская интеллигенція? На этотъ вопросъ необходимо отвѣтить категорически, такъ какъ отри-

цательный отвѣтъ на него въ настоящее время дается не только группами и лицами, интеллектуальное прошлое которыхъ опорочено, а будущее безнадежно, но и тѣми, о которыхъ говорить дурно было бы по меньшей мѣрѣ преждевременно.

Вопросъ этотъ исчезаетъ, дѣлается невозможной самая постановка его при первомъ же бѣгломъ анализѣ соотношеній между національностью и интеллигенціей, ибо только тотъ народъ и достоинъ называться національностью въ современномъ значеніи этого слова, въ составѣ котораго появленіе интеллигенціи стало совершившимся фактомъ. Какъ ни опредѣлять явленіе интеллигенціи, главнымъ ея признакомъ необходимо признать высокое интеллектуальное развитіе состава ея членовъ. Кромѣ того, интеллигенція—единственная общественная группа, которая, будучи болѣе или менѣе независимой отъ воздѣйствій сословной, классовой и профессіональной психологіи, концентрируетъ въ себѣ всѣ черты общенароднаго генія, дѣлается сосредоточіемъ общенароднаго творчества, питаясь непосредственно его соками и непосредственно возвращая полученное въ переработанномъ видѣ народу, минуя всѣ сословныя, классовыя и профессіональныя перегородки. Интеллигенція является не только создателемъ всѣхъ нематеріальныхъ цѣнностей, находящихся въ культурномъ оборотѣ даннаго народа, но и неизмѣннымъ распредѣлителемъ ихъ; безъ нея невозможно поступательное движеніе всей цивилизаціи даннаго народа. Интеллигенція стоитъ на стражѣ всѣхъ элементовъ національнаго сознанія своего народа. Ея культурнымъ развитіемъ опредѣляется степень культуры даннаго народа, ея симпатіи и настроенія являются таковыми же данной національности, ея психическій укладъ, отлагаясь въ народномъ сознаніи, придаетъ окончательный видъ и окончательную форму національной психологіи; наконецъ, главное орудіе культурно-національнаго творчества народа—національный языкъ — находится всецѣло въ ея обладаніи, притомъ форма этого орудія, которой пользуется интеллигенція, является всегда наиболѣе совершенной для каждаго даннаго момента народной исторіи. Интеллигенція

является также своего рода интеллектуальной лабораторіей, въ которой, помимо чисто культурныхъ цѣнностей, создаются формы и типы національной гражданственности и политическаго устроенія. Въ рукахъ интеллигенціи находятся всѣ ключи отъ національной судьбы того народа, представительницей котораго она является.

Русская интеллигенція блистательно отправляла всегда свои національныя функціи. Ея исторія—сплошной подвигъ національнаго служенія. Въ самое короткое время и при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ русская интеллигенція взростила и взлелѣяла великую литературу, высокую научную и художественную мысль, которыя позволили русскому народу занять подобающее ему мѣсто въ ряду міровыхъ національностей. Не столько поощряемая, сколько отвращаемая правительствомъ своей родины отъ родного народа, русская интеллигенція неизмѣнно несла ему просвѣщеніе, несла національные идеалы, просвѣтленные и провѣренные опытомъ иныхъ міровыхъ національныхъ культуръ. Лишенная всякаго активнаго участія въ общественной жизни, она силою моральнаго авторитета своего воздѣйствовала на общественность родной страны, значительно повысивъ ея уровень. Отгороженная китайской стѣной отъ политики, подавленная и униженная въ безправіи своемъ, живущая подъ угрозой каръ и мести, русская интеллигенція сберегла творческую политическую мысль, создавъ единственно ея усиліемъ высокіе политическіе идеалы. Національная концентрація ея такого мощнаго качества, что ею окрашивались всѣ проблемы, всѣ доктрины, даже тѣ изъ нихъ, которыя, какъ соціализмъ (вспомнимъ о народничествѣ), или крайніе виды анархизма (Бакунинъ), обречены, казалось бы, на полное отсутствіе національныхъ очертаній. Тяготѣніе къ народу, воздѣйствіе народной стихіи на русскую интеллигенцію, въ свою очередь, обладаетъ огромною мощью. Не говоря о предшествовавшихъ прецедентахъ въ исторіи, укажемъ хотя бы на то, какъ на нашихъ глазахъ модифицировались, измѣнились до неузнаваемости теоретически стройныя соціальныя части программъ русскихъ политическихъ партій, особенно наиболѣе лѣвыхъ изъ нихъ,

при первыхъ же, не во всемъ даже отчетливо высказанныхъ и определившихся народныхъ выступленіяхъ.

Есть у русской интеллигенціи еще одно качество, рѣзко выдѣляющее ее изъ ряда первенствующихъ національностей въ много-національныхъ государствахъ. Это—болѣе или менѣе полная нейтрализація націоналистическихъ очертаній. Невсегда это было такъ и съ нею. Русская интеллигенція первой четверти XIX вѣка была націоналистической, въ значительной мѣрѣ она оставалась таковою и во всю первую половину прошлаго столѣтія: Пестель и Пушкинъ въ этомъ отношеніи мало чѣмъ отличались отъ Николая I, старое славянофильство ничѣмъ не отличалось отъ современнаго ему правительства. Лишь съ середины прошлаго вѣка, съ полнымъ отрывомъ стремящейся впередъ интеллигенціи отъ застывшаго въ устарѣлыхъ формахъ государственности правительства, съ борьбой противъ него изъ-за государственнаго національнаго совершенствованія, съ русской интеллигенціи спали ветхія одежды націоналистической аггрессіи. Ни съ какой стороны русская интеллигенція не повинна въ тѣхъ ужасахъ денаціонализаціи, которыми наполнены послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ исторіи русскаго государства. Она брезгливо отворачивалась отъ практики имперской національной политики, смягчая ея удары высокимъ гуманнымъ сочувствіемъ, оздоровлявшимъ удушливую атмосферу имперскихъ междунаціональныхъ отношеній.

Высокій сравнительно уровень русской культуры и благородныя качества русской интеллигенціи сыграли весьма важную роль въ утвержденіи государственнаго единства въ національномъ сознаніи недержавныхъ народовъ Россіи. Всѣ они,—за исключеніемъ поляковъ, нѣмцевъ и народовъ Финляндіи, національное развитіе которыхъ шло особымъ путемъ,—начали свое возрожденіе подъ абсолютнымъ вліяніемъ русской культуры. Литературные, общественные и,—что всего важнѣе въ данномъ случаѣ,—политическіе идеалы русской интеллигенціи сразу же стали достояніемъ нарождающихся національныхъ интеллигенцій. Яркій огонь русской національной культуры перекинулся во всѣ дальнія окраины имперіи и зажегъ тамъ новымъ

пламенемъ потухающіе или тлѣющіе національные мѣстные костры; дѣйственная сила ея влила здоровье и жизнь въ слабѣющіе и надорванные организмы недержавныхъ народностей. Русская культура и русская интеллигенція естественнымъ, лишеннымъ всякаго оттѣнка принудительности, вліяніемъ свободно признаннаго авторитета своего сдѣлали то великое національное дѣло, которое не подъ силу никакой государственной власти, обладающей всѣми возможностями насилія и принудительности. Государственное единство построенное на такомъ широкомъ и стойкомъ фундаментѣ, какъ національное сознаніе всѣхъ народовъ, достояніемъ котораго стали общіе политическіе идеалы, созданные творческой мыслью первенствующей національности, способно устоять передъ всѣми ожидающими его испытаніями. Каждый лишній день господствующаго нынѣ режима имперской національной политики доказываетъ это.

Благородное сотрудничество русской интеллигенціи съ интеллигенціями недержавныхъ народовъ имперіи подготовило всѣ условія для оздоровленія междунаціональныхъ отношеній въ Россіи. Согласованіе моментовъ государственнаго единства и національнаго разнообразія уготовило пути мощнаго державнаго возрожденія Россійской имперіи силою возрождающихся національностей, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ національность великорусская. Осуществленіе этой патріотической идеи, общей всѣмъ гражданамъ Россіи, встрѣчаетъ, однако, на своемъ пути значительныя, лишь временемъ преодолѣваемыя затрудненія. И роль русской интеллигенціи, въ ростѣ и развитіи своемъ творящей національное государственное дѣло, далеко еще не закончена. Ея подвигъ національнаго служенія далекъ еще отъ конца своего, но ея друзья и сотрудники—національныя интеллигенціи всѣхъ народовъ имперіи будутъ всегда съ нею: безрадостные дни современности не омрачатъ ихъ прекраснаго сотрудничества на пользу и во славу общаго отечества.

М. Славинскій.

Интеллигенція и соціализмъ.

Соціалистическія симпатіи русской интеллигенціи составляютъ одну изъ ея наиболѣе характерныхъ отличительныхъ чертъ. Можно быть различнаго мнѣнія относительно глубины и серьезности этихъ симпатій; но не подлежитъ сомнѣнію, что въ среднемъ рускомъ интеллигентѣ не замѣтно ничего похожаго на враждебное отношеніе къ соціализму, которое такъ часто приходится встрѣчать въ представителяхъ образованныхъ классовъ Запада. Русскій интеллигентъ, если онъ вообще не чуждъ общественныхъ интересовъ, обычно болѣе или менѣе сочувствуетъ, а иногда и фанатически приверженъ соціализму. Это настолько бросается въ глаза, что почти не требуетъ доказательствъ.

Причины полубезсознательнаго тяготѣнія нашей интеллигенціи къ соціализму коренятся очень глубоко въ условіяхъ нашего общественнаго развитія. У насъ много спорили и спорятъ объ особенностяхъ историческаго развитія Россіи сравнительно съ Западомъ. Но среди этихъ особенностей есть, однако, одна, которой нельзя не замѣтить. Бюхеръ схематизировалъ хозяйственную исторію Запада, какъ послѣдовательную смѣну трехъ ступеней хозяйства—замкнутаго хозяйства, городского и народнаго. Подъ городскимъ хозяйствомъ онъ понималъ хозяйство средневѣковаго города, съ типичной для него цеховой организаціей мелкаго промышленнаго производства—ремесла. Средневѣковый городъ, цеховое ремесло были почвой, изъ которой выросла вся

цивилизація Запада, весь этотъ въ высшей степени своеобразный общественный укладъ, который поднялъ человѣчество на небывалую культурную высоту. Городъ создалъ новый общественный классъ, которому суждено было занять первенствующее мѣсто въ общественной жизни Запада—буржуазію. Достигнувъ экономическаго преобладанія, буржуазія стала и политически господствующей силой и вмѣстѣ носительницей культуры и знанія.

Все это достаточно извѣстно. Не менѣе извѣстно и то, что историческое развитіе Россіи шло совершенно инымъ путемъ. Россія не проходила стадіи городского хозяйства, не знала цеховой организаціи промышленности—и въ этомъ заключается самое принципіальное, самое глубокое отличіе ея отъ Запада, отличіе, изъ котораго проистекли, какъ естественное послѣдствіе, всѣ остальныя. Не зная городского хозяйственнаго строя, Россія не знала и той своеобразной промышленной культуры, которая явилась отправной точкой дальнѣйшей хозяйственной исторіи Запада; благодаря этому въ Россіи не могла получить значительнаго развитія и та общественная группа, которая на Западѣ явилась главнымъ факторомъ хозяйственнаго прогресса—буржуазія.

Конечно, у насъ былъ свой старинный капиталистическій классъ въ видѣ торговцевъ. Но это было нѣчто совершенно особое и отнюдь не похожее на промышленную буржуазію Запада. Нашъ торговый капиталъ уже по самой своей природѣ не могъ создать новой соціально-экономической организаціи, подобной средневѣковому цеху, и вообще не принесъ съ собой никакой новой культуры. И потому не смотря на прочное мѣсто, которое въ строѣ нашего общественнаго хозяйства занялъ торговый капиталъ, у насъ не было капиталистической культуры и не было буржуазіи въ западноевропейскомъ смыслѣ слова.

Особое значеніе имѣло отсутствіе у насъ мелкой буржуазіи. Въ западноевропейскомъ хозяйственномъ укладѣ именно мелкая буржуазія въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ играла руководящую роль. Мелкіе промышленники и торговцы составляли главную массу городского населенія. Именно изъ ихъ среды и выходили, по преимуществу, люди

либеральныхъ профессій и вообще представители умственнаго труда. Мелкая буржуазія играла промежуточную роль между высшими классами и народными массами и соединяла всѣ слои населенія въ одно цѣлое національной культуры. Крупная буржуазія пріобрѣтаетъ существенное значеніе въ хозяйственномъ строѣ Запада только съ возникновеніемъ фабричнаго производства и до настояшаго времени не можетъ вполнѣ оттѣснить на задній планъ мелкую буржуазію. Именно мелкая буржуазія, ея культурный идеалъ, ея исторически сложившіяся духовныя черты, вкусы и привычки по преимуществу опредѣляютъ собой духовную физіономію образованнаго человѣка Запада и въ наше время.

Но если у насъ не было буржуазіи вообще, то въ особенности не было мелкой буржуазіи. Мелкая буржуазія была всецѣло созданіемъ городского цехового строя, котораго Россія, даже въ какихъ либо зачаткахъ, совершенно не знала. Крупный торговый капиталъ у насъ имѣлся на лицо—но не было ничего похожаго на мелкокапиталистическую промышленную культуру Запада. И потому культурный типъ русскаго образованнаго человѣка долженъ былъ пріобрѣсти существенно иныя черты, чѣмъ культурный типъ образованнаго человѣка Запада.

„Пора прійти къ покойному и смиренному сознанію—писалъ 60 лѣтъ тому назадъ Герценъ—что мѣщанство окончательная форма западной цивилизаціи, ея совершеннолѣтіе. Съ одной стороны мѣщане-собственники, упорно отказывающіеся поступиться своими монополіями, съ другой—неимущіе мѣщане, которые хотятъ вырвать ихъ достояніе, но не имѣютъ силы на это“.

Строки эти въ высшей степени характерны. Присмотрѣвшись къ духовному облику западноевропейца, типичный русскій интеллигентъ Герценъ нашелъ, что всѣмъ классамъ западноевропейскаго общества, не смотря на огромныя различія между ними, обще то, что можно назвать „мѣщанствомъ“—иначе говоря, психическія черты мелкаго буржуа. Какъ извѣстно, каждому наблюдателю всего болѣе бросаются въ глаза въ наблюдаемой имъ новой средѣ именно тѣ ея особенности, которыми наиболѣе она отличается

отъ особенностей привычной среды даннаго наблюдателя. И если русскому интеллигенту западноевропейское общество кажется, прежде всего, „мѣщанскимъ", то это доказываетъ, что его собственная среда этими признаками не обладаетъ.

И, дѣйствительно, общественная среда, создавшая русскаго интеллигента, не имѣла ничего общаго съ мелкой буржуазіей Запада. Однимъ изъ первыхъ русскихъ интеллигентовъ былъ Петръ, сознавшій необходимость усвоенія западноевропейскаго просвѣщенія. Чтобы быть могущественнымъ, государство должно имѣть въ своемъ распоряженіи образованныхъ людей. Допетровская Русь таковыми не располагала. Отсюда возникаетъ чрезвычайно важная задача для государственной власти — создать кадры образованныхъ людей, которые могли бы нести государеву службу. Служба эта была естественной повинностью служилого сословія—дворянства. И вотъ дворянство, подъ непосредственнымъ давленіемъ правительства, мало-по-малу начинаетъ усваивать науку Запада.

Наша интеллигенція первой половины XIX вѣка еще всецѣло дворянская и чиновничья интеллигенція. Образованные классы русскаго общества въ это время почти совпадаютъ съ офицерствомъ и чиновничествомъ, которыми держалось русское государство. Плата за обученіе въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ была очень невелика; въ то же время всякій получившій образованіе легко пріобрѣталъ доступъ къ сравнительно хорошо оплачиваемой государственной службѣ и, достигая посредствомъ чиновъ дворянства, пріобщался къ господствующему сословію.

При такомъ положеніи дѣла масса образованнаго общества должна была сливаться съ чиновничествомъ, и только среди богатаго дворянства могли встрѣчаться образованные люди, не несшіе государственной службы.

Эта дворянская и чиновничья интеллигенція, жившая или службой государству, или получавшая доходы отъ труда своихъ крѣпостныхъ, не могла не сложиться въ совершенно иной культурный типъ, чѣмъ образованные люди

Запада, вышедшіе изъ буржуазныхъ классовъ и тѣсно связанные съ ними всѣми своими интересами. Съ декабристовъ начинается сознательная борьба русскаго общества съ русскимъ самодержавіемъ и все растущее оппозиціонно-революціонное движеніе. Его средой было вначалѣ преимущественно богатое дворянство, въ которомъ сосредоточивался къ этому времени цвѣтъ нашей интеллигенціи. Движеніе декабристовъ было не совсѣмъ чуждо классовой дворянской окраски, но основные мотивы его не имѣли ничего общаго съ классовыми интересами дворянства. Въ лицѣ Пестеля оно выставило требованіе не только политическаго преобразованія русскаго государства и отмѣны крѣпостного права, но и широкой аграрной реформы на началахъ права каждаго на землю. Трудно сказать, являлась ли земельная реформа Пестеля продуктомъ его собственнаго творчества или была заимствована имъ у современныхъ ему французскихъ и англійскихъ соціалистовъ. Во всякомъ случаѣ, въ лицѣ самаго выдающагося изъ декабристовъ мы впервые видимъ русскаго интеллигента съ соціальными идеалами, приближавшимися къ соціализму.

Нѣсколько позже соціализмъ уже въ своемъ подлинномъ видѣ пускаетъ ростки на русской почвѣ. Кружокъ Герцена-Огарева жадно усваиваетъ ученіе французскаго соціализма, и соціализмъ начинаетъ въ Россіи свою исторію, ограничивая сферу своего вліянія вплоть до самаго новѣйшаго времени почти исключительно интеллигенціей. Широкія народныя массы не имѣютъ ничего общаго съ соціалистическими увлеченіями небольшой кучки интеллигентовъ; но за то въ этой немногочисленной общественной средѣ гонимое ученіе пріобрѣтаетъ вѣрныхъ адептовъ, жертвующихъ всѣмъ на алтарѣ своей соціальной вѣры.

Почему же соціализмъ нашелъ себѣ благодарную почву именно среди русской интеллигенціи? Русскій интеллигентъ былъ и остается, какъ указывалъ еще Герценъ, удивительно свободнымъ въ культурномъ отношеніи существомъ. На Западѣ существовала и существуетъ могучая историческая національная культура, носительницей которой была въ новѣйшее время, по преимуществу, буржуа-

зія; образованные классы Запада еще недавно тѣсно примыкали по всѣмъ своимъ интересамъ къ буржуазіи. Напротивъ, русскій интеллигентъ стоялъ внѣ вліянія буржуазной культуры уже по одному тому, что таковой у насъ не было. Что же касается до русской исторической культуры, выразившейся преимущественно въ созданіи огромнаго деспотическаго государства, то вражда къ этой культурѣ есть одна изъ характернѣйшихъ чертъ интеллигента, возстававшаго на русское историческое государство и въ теченіе уже многихъ поколѣній ведущаго съ нимъ борьбу. Борьба эта, требующая огромнаго напряженія духовныхъ силъ, требуетъ и энтузіазма, а таковой дается только вѣрой въ опредѣленный соціальный идеалъ. Что же могло явиться такимъ идеаломъ для русскаго интеллигента? Идеалъ либерализма уже давно потерялъ свою дѣйственную силу и ни въ комъ энтузіазма не вызывалъ; уже давно никто не вѣритъ, что политическая и гражданская свобода, какъ бы широка она ни была, могла, сама по себѣ, привести къ удачному разрѣшенію соціальныхъ вопросовъ нашего времени и общему благополучію. Идеалъ мощнаго національнаго государства не могъ находить ни малѣйшаго отклика въ душѣ интеллигента, ведущаго съ этимъ самымъ государствомъ упорную борьбу. Такимъ образомъ, только для идеала соціализма душа русскаго интеллигента была открыта.

Будучи культурно совершенно свободенъ, русскій интеллигентъ, въ лицѣ своихъ руководящихъ представителей, естественно прилѣпился духомъ къ тому соціальному идеалу, который обѣщаетъ всего болѣе въ смыслѣ улучшенія условій общественной жизни. Западно-европейцу не приходилось выбирать для себя міровоззрѣніе и соціальный идеалъ; онъ получилъ ихъ въ готовомъ видѣ изъ окружающей его соціальной среды. Напротивъ, русскій интеллигентъ оторванъ отъ своей исторической почвы и потому выбиралъ себѣ тотъ соціальный идеалъ, который казался всего болѣе обоснованнымъ съ раціоналистической точки зрѣнія. Такимъ космополитическимъ, сверхнаціональнымъ и сверхъисторическимъ идеаломъ является соціалистическій идеалъ.

На Западѣ линія общественнаго развитія направляется сознательной борьбой классовъ за свои классовые интересы. Всѣ классы населенія принимаютъ участіе въ политической жизни и стремятся подчинить своимъ интересамъ государственную власть. На почвѣ этой борьбы возникаетъ внутри каждаго класса сильное чувство классовой солидарности, побуждающее каждаго отдѣльнаго представителя класса не только за страхъ, но и за совѣсть отстаивать интересы своего класса. Каждый классъ имѣетъ своихъ убѣжденныхъ, искреннихъ идеологовъ, безкорыстно увлеченныхъ красотой того культурнаго типа, выразителемъ котораго является данный классъ. И это увлеченіе вполнѣ понятно, такъ какъ всякая мощная историческая культура имѣетъ свою особую, специфическую, незамѣнимую прелесть и красоту, свой собственный ароматъ.

Вполнѣ понятна психологія потомка крестоносцевъ, погибавшаго во Франціи въ эпоху террора за монархію и католическую вѣру. Точно также огромныя культурныя заслуги буржуазіи объясняютъ идейную преданность буржуазнымъ идеаламъ средняго западно-европейца. Культурныя традиціи каждаго класса настолько могущественны, что только исключительныя личности находятъ силы ихъ порвать.

Совсѣмъ иное мы видѣли въ Россіи. Масса общества совсѣмъ не жила политической жизнью; господствующіе классы не нуждались въ борьбѣ за свои интересы, такъ какъ эти интересы достаточно охранялись правительственной властью. Отсюда слабость классовой солидарности. А общій низкій уровень культуры препятствовалъ идеализаціи классового типа. Благодаря этому, люди господствующихъ классовъ русскаго общества были гораздо менѣе связаны культурными традиціями и интересами своихъ классовъ, чѣмъ на Западѣ.

На Западѣ соціализмъ уже давно сталъ реальной и очень серьезной угрозой интересамъ господствующихъ классовъ. Съ соціализмомъ ведетъ борьбу не только западноевропейское государство, но, прежде всего, само общество въ лицѣ руководящихъ классовъ. Напротивъ, въ Россіи,

вплоть до новѣйшаго времени, имущіе классы не имѣли ровно никакого основанія опасаться какого либо реальнаго ущерба своимъ интересамъ отъ соціализма, не переходившаго за предѣлы интеллигентской идеологіи; не привыкнувъ къ идеологической защитѣ своихъ интересовъ, не имѣя классовой организаціи и не нуждаясь въ ней, они не могли дать никакого духовнаго отпора идеямъ соціализма, овладѣвавшимъ умами отдѣльныхъ представителей дворянской интеллигенціи. И потому мы наблюдали въ Россіи странное, съ западноевропейской точки зрѣнія, зрѣлище революціоннаго соціализма, распространившагося въ средѣ интеллигенціи господствующаго дворянскаго класса. Декабристы были первыми такими революціонерами изъ дворянства и даже, по преимуществу, высшаго, богатаго дворянства. Но они еще были чужды, въ своей массѣ, соціалистическихъ идей. Затѣмъ, со времени Герцена и Бѣлинскаго, соціализмъ становится излюбленнымъ міровоззрѣніемъ нашей оппозиціонной интеллигенціи, сохранявшей, вплоть до 60-хъ годовъ, дворянско-чиновничій характеръ.

Однако, пока классовый составъ нашей интеллигенціи не испыталъ существеннаго измѣненія, соціалистическимъ увлеченіямъ была доступна лишь ничтожная часть нашихъ образованныхъ людей. Мало по малу, составъ нашей интеллигенціи измѣняется—въ 60-е годы въ нее вливается широкой волной „разночинецъ“. „Разночинецъ“, вышедшій изъ среды „народа“, испытавшій на себѣ весь гнетъ нужды и не обладавшій никакими наслѣдственными имѣніями и капиталами, становился соціалистомъ безъ всякой внутренней борьбы съ самимъ собой. И вотъ, начиная съ 60-хъ годовъ, соціализмъ становится въ Россіи міровоззрѣніемъ широкихъ группъ интеллигенціи.

Рецепція соціализма интеллигентомъ - разночинцемъ произошла съ большой легкостью въ силу цѣлаго ряда благопріятствовавшихъ этому условій. Разночинецъ вышелъ изъ „народа“, не терялъ съ нимъ связи, и потому „народолюбіе“ являлось такой же его естественной чертой, какъ „буржуазный духъ“ западноевропейца. Будучи народолюбивъ, разночинецъ, въ то же время, какъ человѣкъ книж-

ный и не занимающійся хозяйственной дѣятельностью (учитель, врачъ, земскій служащій, журналистъ и т. п.), былъ непрактиченъ и прямолинеенъ. Главное же, онъ былъ проникнутъ революціоннымъ духомъ и относился съ величайшимъ отвращеніемъ къ историческимъ формамъ русской жизни, среди которыхъ онъ чувствовалъ себя рѣшительнымъ отщепенцемъ. Такъ сложился типъ русскаго интеллигента-отщепенца, котораго С. Л. Франкъ въ „Вѣхахъ" остроумно опредѣляетъ, какъ „воинствующаго монаха нигилистической религіи земного благополучія".

„Кучка чуждыхъ міру и презирающихъ міръ монаховъ— говоритъ тотъ же авторъ о русскихъ интеллигентахъ— объявляетъ міру войну, чтобы насильственно облагодѣтельствовать его и удовлетворить его земныя, матеріальныя нужды. Все одушевленіе этой монашеской арміи направлено на земные, матеріальные интересы и нужды, на созданіе земного рая сытости и обезпеченности; все трансцендентное, потустороннее и подлиннорелигіозное, всякая вѣра въ абсолютныя цѣнности есть для нея прямой и ненавистный врагъ".

Въ этомъ есть несомнѣнная доля истины; конечно, русскій интеллигентъ-соціалистъ борется за земныя, здѣшнія, а не потустороннія блага; конечно, его религіозное воодушевленіе питается не трансцендентными мотивами. Напрасно только С. Л. Франкъ говоритъ о „насильственномъ" облагодѣтельствованіи міра—огромное большинство человѣчества отнюдь не считаетъ удовлетвореніе „земныхъ, матеріальныхъ нуждъ" ничтожной и пустой вещью, какъ нашъ идеалистическій философъ. Поэтому, стремясь сдѣлать людей сытыми, соціалисты-интеллигенты находятся въ полномъ согласіи съ пожеланіями большинства и, значитъ, въ насиліи надъ нимъ не нуждаются.

Когда то П. Б. Струве объявилъ русскую интеллигенцію въ соціологическомъ смыслѣ „quantité négligeable". Теперь авторы „Вѣхъ" видятъ въ интеллигенціи огромную и притомъ гибельную для Россіи силу. „Худо ли это или хорошо — говоритъ С. Н. Булгаковъ—но судьбы Петровой Россіи находятся въ рукахъ интеллигенціи"; если интел-

лигенція не измѣнитъ своего духовнаго облика, то „въ союзѣ съ татарщиной, которой еще такъ много въ нашей государственности и общественности, погубитъ Россію". Въ чемъ будетъ заключаться „гибель Россіи", ни С. Н. Булгаковъ, ни другіе авторы „Вѣхъ" не поясняютъ. Повидимому, эту гибель они усматриваютъ въ распаденіи русскаго государства, какъ естественномъ результатѣ торжества революціи, которую они признаютъ всецѣло созданіемъ интеллигенціи.

Однако, положеніе является не совсѣмъ безнадежнымъ, и авторы „Вѣхъ" призываютъ интеллигенцію къ покаянію и исправленію. Основная ошибка интеллигенціи, какъ поясняется въ предисловіи къ „Вѣхамъ", заключается въ непризнаніи того, что „внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человѣческаго бытія и что она, а не самодовлѣющія начала политическаго порядка, является единственно прочнымъ базисомъ для всякаго общественнаго строительства. Съ этой точки зрѣнія идеологія русской интеллигенціи, всецѣло покоющаяся на противоположномъ принципѣ—на признаніи безусловнаго примата общественныхъ формъ—представляется внутренне-ошибочной и практически-безплодной". Исходя изъ этого убѣжденія, авторы „Вѣхъ" расчитываютъ на возможность возрожденія интеллигенціи къ новой жизни: интеллигенціи — говоритъ П. Б. Струве — „необходимо пересмотрѣть все свое міросозерцаніе и въ томъ числѣ подвергнуть коренному пересмотру его главный устой—соціалистическое отрицаніе личной отвѣтственности... Съ вынутіемъ этого камня—а онъ долженъ быть вынутъ — рушится все зданіе этого міросозерцанія. При этомъ самое положеніе „политики" въ идейномъ кругозорѣ интеллигенціи должно измѣниться. Съ одной стороны, она перестанетъ быть той изолированной и независимой отъ всей прочей духовной жизни областью, которой она была до сихъ поръ. Ибо въ основу и политики ляжетъ идея не внѣшняго устроенія общественной жизни, а внутренняго совершенствованія человѣка. А, съ другой стороны, господство надъ всей прочей духовной жизнью независимой отъ нея политики должно кончиться".

Итакъ, коренная ошибка интеллигентскаго міросозерцанія найдена и интеллигенція должна усвоить новую, неизвѣстную ей истину, открытую авторами „Вѣхъ“ и являющуюся „ихъ общей платформой“—„признаніе теоретическаго и практическаго первенства духовной жизни надъ внѣшними формами жизни“. Но, Боже мой! до какой степени эта „истина“ не нова, до какой степени избитъ этотъ аргументъ, неизмѣнно выдвигавшійся во всѣ времена противниками общественныхъ реформъ. Можно было думать, что мы уже переросли старый споръ на тему о томъ, что важнѣе—улучшеніе внѣшнихъ формъ общественнаго устройства людей или духовное развитіе самого человѣка, иначе говоря, общественныя реформы или самосовершенстованіе человѣческой личности. Ничего не можетъ быть безплоднѣе и безсодержательнѣе этого спора, основаннаго на разрываніи и противопоставленіи другъ другу вещей, въ дѣйствительности неразрывно связанныхъ между собой и взаимнообусловливающихъ другъ друга. Въ этомъ спорѣ предполагается, что общественныя формы и человѣческая личность представляютъ своей двѣ совершенно независимыя другъ отъ друга соціологическія категоріи, причемъ сторонники примата общественныхъ формъ утверждаютъ, что личность создается общественными формами, сторонники противоположнаго взгляда—что общественныя формы создается личностью. Обѣ стороны одинаково правы и неправы—и личность и общественныя формы обусловливаютъ и опредѣляютъ другъ друга. Уровень развитія личности обусловливаетъ собой строй общежитія—такъ, напр., совершенно невозможно представить себѣ какихъ нибудь бушменовъ или австралійскихъ дикарей живущими политической жизнью англичанъ—имѣющими парламентъ, колоніальную имперію и пр. Но, съ другой стороны, совершенно ясно и то, что общественныя формы опредѣляютъ собой уровень развитія личности; совѣстно и доказывать подобные труизмы. Неужели авторы „Вѣхъ“ серьезно думаютъ, что напр. уровень просвѣщенія нисколько не вліяетъ на высоту развитія личности? А развѣ распространеніе просвѣщенія въ данномъ обществѣ не находится въ связи съ „внѣшними формами жизни“ и т. д.

По мнѣнію П. Б. Струве, въ основу политики должна лечь „идея не внѣшняго устроенія общественной жизни, а внутренняго совершенствованія человѣка“. Итакъ, политика не должна прежде всего, стремиться къ „внѣшнему устроенію общественной жизни!“ Но развѣ это будетъ политика, а не ея упраздненіе?

Впрочемъ, относятся ли сами авторы „Вѣхъ“ серьезно къ тому, что они объявляютъ своей „общей платформой?“ По отношенію къ П. Б. Струве это подвержено большому сомнѣнію. По его мнѣнію, русской интеллигенціи предстоитъ уничтоженіе, она должна „перестать существовать, какъ нѣкая особая культурная категорія“. А это произойдетъ потому, что „въ процессѣ экономическаго развитія интеллигенція „обуржуазится“, т. е. въ силу процесса соціальнаго приспособленія примирится съ государствомъ и органически-стихійно втянется въ существующій общественный укладъ, распредѣлившись по разнымъ классамъ общества. Это, собственно, не будетъ духовнымъ переворотомъ, а именно лишь приспособленіемъ духовной физіономіи къ данному соціальному укладу. Быстрота этого процесса будетъ зависѣть отъ быстроты экономическаго развитія Россіи и отъ быстроты переработки всего ея государственнаго строя въ конституціонномъ духѣ“.

Итакъ, съ одной стороны, „первенство духовной жизни надъ внѣшними формами, жизни съ другой—„приспособленіе духовной физіономіи къ данному соціальному укладу“. Съ одной стороны, политика должна отказаться отъ „ идеи внѣшняго устроенія жизни“, съ другой же стороны, это самое „внѣшнее устроеніе жизни“ должно измѣнить духовный обликъ интеллигенціи въ желательномъ смыслѣ! Можетъ ли внутреннее противорѣчіе и непослѣдовательность своимъ собственнымъ отправнымъ посылкамъ идти дальше?

Итакъ, П. Б. Струве не совсѣмъ забылъ свои марксистскія увлеченія и по прежнему возлагаетъ свои главныя надежды на „экономическое развитіе Россіи“. Приматъ же „духовной жизни надъ общественными формами“ играетъ роль нѣкотораго инороднаго тѣла въ системѣ воззрѣній нашего автора—и мы врядъ ли будемъ къ нему несправед-

ливы, если придадимъ гораздо больше значенія его призыву къ буржуазному перерожденію русской интеллигенціи, чѣмъ къ ея внутреннему духовному очищенію. На послѣднее бывшій редакторъ „Освобожденія“, прошедшій реалистическую школу Маркса, врядъ ли можетъ возлагать такія надежды, какъ г. Гершензонъ, для котораго русская интеллигенція есть только „кучка искалѣченныхъ душъ“, „сонмище больныхъ, изолированныхъ въ родной странѣ“. П. Б. Струве *теперь* прекрасно знаетъ, что русская интеллигенція представляетъ собой огромную общественную силу, созданную условіями историческаго развитія Россіи, и что измѣненіе духовнаго облика интеллигента возможно лишь, какъ результатъ измѣненія общественныхъ формъ русской жизни.

Болѣе полувѣка тому назадъ геніальный русскій интеллигентъ, ознакомившись со строемъ жизни западноевропейца, былъ пораженъ „мѣщанствомъ“ всего его жизненнаго уклада. „Мѣщанство“ было наиболѣе ненавистно Герцену, какъ выраженіе смерти духа, при внѣшней сытости и довольствѣ. Въ отсутствіи „мѣщанства“ Герценъ видѣлъ самую существенную отличительную черту и самое существенное преимущество русскаго интеллигента передъ образованнымъ человѣкомъ Запада. П. Б. Струве готовъ признать, что русскому интеллигенту чуждо мѣщанство, но въ этомъ и видитъ все несчастіе, возлагая надежды именно на усвоеніе интеллигентомъ мѣщанства. Въ самомъ дѣлѣ, не должно ли развитіе капитализма привести къ тому, что и русскій интеллигентъ „обуржуазится“, проникнется мѣщанскимъ духомъ и, такимъ образомъ, утратитъ свои черты воинствующаго монаха, столь антипатичные авторамъ „Вѣхъ?“

И это, дѣйствительно, центральный вопросъ будущности нашей интеллигенціи. Если духовный обликъ русскаго интеллигента испытаетъ глубокое внутреннее перерожденіе, то только въ силу измѣненія соціальнаго уклада Россіи, а отнюдь не подъ вліяніемъ самопроизвольнаго внутренняго творчества человѣческой личности. И многое, повидимому, говоритъ въ пользу прогноза Струве. Среди

самой интеллигенціи, въ особенности, среди марксистовъ, убѣжденіе въ неизбѣжности предстоящаго буржуазнаго перерожденія интеллигенціи очень распространено. При этомъ обыкновенно ссылаются на примѣръ Запада. На Западѣ образованные классы, по обычному мнѣнію, тѣсно примыкаютъ къ буржуазіи и составляютъ ея неразлучную часть; по мѣрѣ усвоенія Россіей западноевропейскихъ общественныхъ формъ слѣдуетъ того же ожидать и относительно Россіи.

Вопросъ этотъ, какъ я сказалъ, имѣетъ огромную важность для всего нашего будущаго. И мнѣ кажется упрощенное марксистское рѣшеніе его, которое усваиваетъ безо всякой критики и Струве, мало обоснованнымъ.

Прежде всего, дѣйствительно ли на Западѣ нѣтъ ничего аналогичнаго нашей интеллигенціи? Правда, большинство представителей образованныхъ классовъ западноевропейскаго общества, сравнительно съ нашими интеллигентами, кажутся проникнутыми буржуазнымъ духомъ. Вопросъ, однако, заключается въ томъ въ какомъ направленіи измѣняются духовныя черты образованныхъ классовъ Запада подъ вліяніемъ хода историческаго развитія.

Какъ извѣстно, слово „интеллигенція" вошло въ особенно широкое употребленіе именно въ Россіи. П. Д. Боборыкинъ приписываетъ себѣ введеніе его въ обиходъ нашего языка, при чемъ для нашего словоупотребленія характерно, что терминъ „интеллигенція" обычно употребляется у насъ для обозначенія не столько опредѣленной соціально-экономической, сколько соціально-этической категоріи. Подъ интеллигенціей у насъ обычно понимаютъ не вообще представителей умственнаго труда („мыслящій пролетаріатъ", какъ опредѣлялъ разночинную интеллигенцію Писаревъ), а преимущественно людей опредѣленнаго соціальнаго міровоззрѣнія, опредѣленнаго моральнаго облика. Интеллигентъ—это „критически-мыслящая личность" въ смыслѣ Лаврова — человѣкъ, возставшій на предразсудки и культурныя традиціи современнаго общества, ведущій съ ними борьбу во имя идеала всеобщаго равенства и счастья. Интеллигентъ—отщепенецъ и революціонеръ, врагъ рутины

и застоя, искатель новой правды. И если такое соціально-этическое пониманіе даннаго термина незамѣтно сливается въ общественномъ сознаніи съ совершенно инымъ соціально-экономическимъ его пониманіемъ (интеллигенція, какъ группа представителей умственнаго труда), то это указываетъ, что въ Россіи „мыслящій пролетаріатъ“ или хотя бы руководящіе, наиболѣе вліятельные его представители, въ большей или меньшей степени, характеризуются вышеуказанными моральными чертами.

Напротивъ, неупотребительность или малая употребительность термина „интеллигенція“ на Западѣ указывала на то, что обычный типъ представителей умственнаго труда въ западноевропейскомъ обществѣ не выдѣлялся особыми чертами отъ другихъ общественныхъ группъ. Но въ высшей степени характерно, что за послѣдніе годы положеніе измѣнилось. Во Франціи все чаще и чаще говорятъ объ „intellectuels“, какъ своеобразной общественной группѣ, въ Германіи разсужденія объ „Intelligenz“ стали занимать видное мѣсто въ соціал-демократической литературѣ. Въ руководящемъ органѣ нѣмецкаго марксизма „Die Neue Zeit“ появляется за послѣднія 15 лѣтъ рядъ статей, посвященныхъ вопросу объ интеллигенціи, причемъ вопросъ этотъ обсуждается и на партійныхъ съѣздахъ.

Интеллигенція, какъ особый классъ—говоритъ Каутскій въ своей статьѣ „Die Intelligenz und die Socialdemokratie“—есть сравнительно новое явленіе, созданное развитіемъ капиталистическаго хозяйства. Чѣмъ больше развивается капиталистическое хозяйство, тѣмъ больше увеличивается и спросъ на высшій, квалифицированный умственный трудъ, исполняемый по найму, какъ и всякій другой трудъ. Такимъ образомъ создается особая общественная группа интеллигенціи, въ лицѣ которой „формируется новое и безпрерывно увеличивается среднее сословіе, ростъ котораго при извѣстныхъ условіяхъ можетъ покрывать убыль средняго сословія отъ упадка мелкаго производства“. Этотъ новый классъ отличается отъ всякихъ другихъ классовъ „своимъ болѣе широкимъ духовнымъ горизонтомъ, своей болѣе развитой

способностью къ отвлеченному мышленію и отсутствію общихъ классовыхъ интересовъ. Все это дѣлаетъ то, что она есть тотъ классъ населенія, который легче всего можетъ подняться надъ классовой и сословной ограниченностью, чувствовать себя идеалистически чуждымъ интересамъ минуты или классоваго эгоизма, имѣя въ виду и представляя одни лишь длящіеся интересы всего общества въ его цѣломъ".

Значительная часть этого класса по своимъ условіямъ жизни и интересамъ приближается къ пролетаріату. Вообще же интеллигенція, въ силу отсутствія своихъ особыхъ классовыхъ интересовъ, склонна къ выдвиганію на первый планъ мотивовъ моральнаго характера. „Интеллигенція есть мать катедерсоціализма и соціалреформизма, принимающаго, въ зависимости отъ различныхъ политическихъ соціальныхъ моментовъ, самыя различныя формы — государственнаго соціализма, культа рабочихъ союзовъ и кооперативнаго движенія, національзаціи земли и этизированія классовой борьбы и т. д.".

Тѣ же мысли относительно этого „новаго средняго сословія"—интеллигенціи—Каутскій повторяетъ и во многихъ другихъ своихъ статьяхъ, указывая, какъ на новое и характерное явленіе, на все усиливающееся тяготѣніе образованныхъ классовъ западноевропейскаго общества, даже въ тѣхъ слояхъ его, которые не имѣютъ ничего общаго съ пролетаріатомъ, къ соціализму. „Въ средѣ буржуазной интеллигенціи—пишетъ онъ напр. въ брошюрѣ „Соціальная революція"—замѣтно усиливаются симпатіи къ пролетаріату и соціализму... Не имѣя никакихъ опредѣленныхъ классовыхъ интересовъ и будучи, по своей профессіи, всего болѣе способны воспринимать теоретическія воззрѣнія, интеллигенты всего скорѣе могутъ склониться на сторону опредѣленныхъ партій подъ вліяніемъ научныхъ соображеній. Для нихъ должны сдѣлаться ясными теоретическое банкротство буржуазной экономіи и теоретическое превосходство передъ нею соціализма. При этомъ, они все болѣе и болѣе начинаютъ чувствовать, что другіе обще-

ственные классы стремятся все болѣе и болѣе принижать искусство и науку".

Точно также и другіе нѣмецкіе авторы указываютъ на растущее тяготѣніе образованныхъ классовъ нѣмецкаго общества къ соціализму. „Въ настоящее время—пишетъ напр. Мауренбрехеръ—уже гораздо больше соціалистически мыслящихъ юристовъ, врачей и т. д., нежели двадцать пять—тридцать лѣтъ тому назадъ, а еще больше вполнѣ сочувствующихъ рабочему движенію, но никакими внѣшними проявленіями не обнаруживающихъ своихъ симпатій... Вся интеллигенція придетъ къ пролетаріату, какъ только обнаружится, что на всякомъ иномъ пути обезцѣниваются выводы нашихъ наукъ и мощныя силы нашей культуры".

И во Франціи наблюдается усиленный приливъ людей умственнаго труда въ соціалистическую партію, что вызываетъ сочувствіе однихъ и недовольство другихъ, такъ какъ интеллигенты вносятъ нѣчто новое въ дѣятельность партіи. Ревизіонистъ Жоресъ констатируетъ напр., съ большимъ удовлетвореніемъ, что „буржуазная интеллигенція, оскорбленная обществомъ, основаннымъ на грубыхъ меркантильныхъ интересахъ и разочарованная въ буржуазномъ господствѣ, присоединяется къ соціализму". Иначе къ этому относится ортодоксальный марксистъ Лафаргъ. „Французкій соціализмъ—пишетъ онъ—только что пережилъ кризисъ, который, что бы тамъ ни говорили, вызванъ былъ не столько общимъ ростомъ нашей партіи, сколько наплывомъ въ ея ряды несмѣтнаго числа буржуазной интеллигенціи... Благодаря Жоресу питомцы нормальной школы наводнили соціалистическую партію".

И такъ, на Западѣ не только не наблюдается, что образованные классы все рѣзче и рѣзче отдѣляются отъ пролетаріата и глубже проникаются буржуазнымъ духомъ, а замѣтно совершенно обратное. Соціалистическія партіи не только Германіи и Франціи, но и всего остального міра, въ усиленной степени притягиваютъ къ себѣ интеллигенцію, что вызываетъ тревогу представителей ортодоксальнаго марксизма (Каутскій не меньше Лафарга усматриваетъ въ приливѣ интеллигенціи извѣстную опасность для соціал-

демократіи). Но каковы бы ни были послѣдствія для западноевропейскаго соціалистическаго движенія формированія въ средѣ западноевропейскаго общества особой общественной группы—интеллигенціи—и вовлеченія ея въ сферу соціализма, самый фактъ такого формированія не можетъ подлежать сомнѣнію.

Ходячее представленіе о западноевропейскомъ соціализмѣ, какъ опирающемся исключительно на пролетаріатъ, слишкомъ упрощаетъ дѣйствительное положеніе дѣла и не соотвѣтствуетъ фактамъ. На самомъ дѣлѣ, въ составъ соціалистическихъ партій любой западноевропейской страны входятъ представители различныхъ общественныхъ классовъ, а главными руководителями партіи являются преимущественно интеллигенты, вышедшіе изъ рядовъ средней и мелкой буржуазіи. Наиболѣе чистый классовой характеръ имѣетъ германская соціалдемократія, но и относительно Германіи считаютъ, что не менѣе трети германскаго промышленнаго пролетаріата голосуетъ за кандидатовъ буржуазныхъ партій, и не меньше полумилліона голосовъ, изъ числа подаваемыхъ за соціалдемократическихъ избирателей, принадлежитъ избирателямъ не рабочаго класса. Во Франціи и, особенно, Италіи въ составъ соціалистическихъ избирателей входитъ гораздо большая доля непролетарскихъ голосовъ. Что касается до Англіи, то такая видная соціалистическая организація, какъ „Фабіанское общество", почти цѣликомъ состоитъ изъ представителей интеллигенціи.

Вообще ростъ рабочаго и соціалистическаго движенія силой естественнаго процесса вовлекаетъ въ ряды соціализма всѣ тѣ слои населенія, интересы которыхъ не прямо противоположны интересамъ пролетаріата. Что касается до группы людей умственнаго труда, то уже, помимо высшихъ, моральныхъ и интеллектуальныхъ интересовъ, даже узкіе экономическіе толкаютъ значительную часть ихъ на сближеніе съ рабочимъ классомъ. Ростъ рабочаго движенія въ его различныхъ формахъ создаетъ огромный запросъ на интеллигентный трудъ. Взять хотя бы быстро растущую во всѣхъ странахъ западной Европы рабочую

прессу, расходящуюся въ милліонахъ экземпляровъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ соціалистическіе литераторы должны были поневолѣ писать въ буржуазныхъ органахъ—такъ какъ никакихъ другихъ не было. Теперь имѣются сотни и тысячи органовъ, посвященныхъ интересамъ рабочихъ классовъ—и значитъ многія тысячи писателей и журналистовъ, работающихъ въ этихъ органахъ.

А ростъ профессіональнаго и кооперативнаго движенія! Какое огромное число интеллигентовъ требуется для исполненія разнообразныхъ функцій, создаваемыхъ этими мощными экономическими организаціями, объединяющими милліоны представителей трудящихся классовъ. Успѣхи политическихъ партій соціализма требуютъ своихъ интеллигентныхъ работниковъ. Точно также и расширеніе муниципальнаго хозяйства—развитіе такъ называемаго муниципальнаго соціализма—приводитъ къ тому, что все большая доля людей умственнаго труда примѣняетъ свой трудъ на службѣ общественныхъ учрежденій, принципіально имѣющихъ въ виду не капиталистическую выгоду, а интересы населенія. Все это достаточно объясняетъ наблюдающееся за послѣднее время на Западѣ тяготѣніе людей умственнаго труда къ трудящимся массамъ. Таковъ необходимый результатъ повсемѣстной демократизаціи общественной жизни, растущаго вліянія жизни народныхъ массъ во всѣхъ сферахъ.

„Мѣщанство" западноевропейца, поразившее Герцена, и глубокоукоренившееся въ мелкобуржуазномъ укладѣ экономическаго и соціальнаго строя западноевропейскаго общества, уступаетъ напору новыхъ соціальныхъ отношеній. Съ одной стороны, растетъ крупное капиталистическое хозяйство, пролетаризующее мелкаго производителя и подрывающее прежніе источники благополучія представителей либеральныхъ профессій, выходившихъ изъ рядовъ средней и мелкой буржуазіи, съ другой—растутъ новыя формы жизни, отрицающія капиталистическій строй, ведущія съ нимъ принципіальную борьбу. И духовный обликъ западноевропейца мѣняется.

Такимъ образомъ, и на Западѣ, подъ вліяніемъ естественнаго хода развитія соціальныхъ отношеній, появляется „интеллигенція“ въ нашемъ русскомъ смыслѣ слова, напоминающая многими своими чертами нашу русскую интеллигенцію, интеллигенція, не только не примыкающая по своимъ интересамъ къ буржуазному классу, но ведущая съ нимъ борьбу. Правда, Струве находитъ, что „для духовнаго развитія Запада нѣтъ въ настоящее время процесса болѣе знаменательнаго и чреватаго послѣдствіями, чѣмъ кризисъ и разложеніе соціализма“. Но въ чемъ усматриваетъ Струве это разложеніе, я рѣшительно недоумѣваю. Несомнѣнно, марксизмъ переживаетъ кризисъ—но марксизмъ не можетъ быть отождествляемъ съ соціализмомъ—соціализмъ существовалъ до Маркса и останется послѣ того, какъ марксизмъ будетъ изжитъ и превзойденъ. Кризисъ марксизма, въ моихъ глазахъ, является показателемъ не упадка, а дальнѣйшаго роста соціализма. Разложеніе соціализма Струве усматриваетъ въ развитіи соціальной политики. Этой точки зрѣнія я тоже не въ силахъ понять. Соціально - политическія мѣры охраны интересовъ рабочаго класса принимаются подъ вліяніемъ давленія рабочаго класса; и если мы являемся въ настоящее время свидѣтелями соціально-политическихъ мѣръ такого огромнаго принципіальнаго значенія, какъ пенсія для престарѣлыхъ въ Англіи, первыя попытки широкой общественной организаціи борьбы съ безработицей, 8 часовой рабочій день для горнорабочихъ и пр., то это является, въ моихъ глазахъ, доказательствомъ не „разложенія соціализма“, а огромной силы и практическаго вліянія соціалистическихъ идей. О томъ же свидѣтельствуетъ и послѣдній англійскій „соціалистическій“ бюджетъ, вызвавшій такое энергичное сопротивленіе со стороны высшей аристократіи и буржуазіи. Чего стоитъ, хотя бы, обложеніе налогомъ „незаслуженнаго прироста“ цѣнности земли!

Профессіональное и кооперативное движеніе продолжаютъ развиваться и вовлекать въ сферу своего вліянія все новые слои населенія. Точно также растетъ и число соціалистическихъ избирателей, какъ показываетъ, хотя бы,

огромный ростъ соціалдемократическихъ голосовъ за послѣдній годъ въ Германіи. Въ Англіи только за послѣдніе годы возникла въ парламентѣ вліятельная рабочая партія. Все это, повидимому, отнюдь не свидѣтельствуетъ о разложеніи и упадкѣ западноевропейскаго соціализма.

Вернемся, однако, къ Россіи. Можно ли ожидать, что русская интеллигенція, какъ „особая культурная категорія", благодаря ея буржуазному перерожденію перестанетъ существовать? Нельзя отрицать, что нѣкоторыя изъ условій, выработавшихъ своеобразный моральный обликъ русскаго интеллигента, должны перестать дѣйствовать подъ вліяніемъ измѣненія условій русской общественной жизни. Наибольшее значеніе имѣетъ, въ этомъ отношеніи, привлеченіе русскаго общества къ участію въ политической жизни страны. Необходимымъ слѣдствіемъ этого должно явиться болѣе сознательное отношеніе къ своимъ классовымъ интересамъ со стороны всѣхъ классовъ общества, болѣе рѣзкая классовая дифференцированность русскаго общества. Пока политика дѣлалась въ Россіи гдѣ-то въ высшихъ сферахъ, помимо всякаго участія общества, послѣднее не чувствовало потребности въ сознательной защитѣ своихъ классовыхъ интересовъ. Поэтому господствующіе классы духовно мало поддерживали правительственную политику, служившую ихъ собственнымъ интересамъ, и обнаруживали большую терпимость къ идейнымъ теченіямъ, направленнымъ противъ ихъ интересовъ. Этому положенію дѣлъ долженъ придти конецъ—господствующіе классы должны собственными силами защищать свои интересы, и прежній добродушный индифферентизмъ долженъ смѣниться сознательнымъ отпоромъ съ ихъ стороны всѣмъ тѣмъ общественнымъ элементамъ, которые идутъ въ разрѣзъ съ ихъ интересами.

Спросъ на идеологическую защиту интересовъ господствующихъ классовъ долженъ вызвать и соотвѣтствующее предложеніе—слѣдуетъ ожидать, что извѣстная часть русской интеллигенціи возьметъ на себя эту защиту—„обуржуазится", какъ надѣется Струве. Все это весьма возможно, даже почти несомнѣнно, и спора возбуждать не можетъ.

Самое появленіе группы „Вѣхъ“ является иллюстраціей этого процесса. Но вопросъ заключается въ размѣрахъ, глубинѣ указаннаго процесса. Прекратитъ ли существованіе русская интеллигенція, какъ группа съ идеалистическими, неклассовыми интересами, или же отъ нея отколется нѣкоторая часть, которая сознательно станетъ защищать интересы господствующихъ классовъ, а остальная масса интеллигенціи сохранитъ свой прежній идеалистическій обликъ?

Ходъ историческаго развитія привелъ на Западѣ къ тому, что отъ буржуазіи откололась группа представителей умственнаго труда и стала замѣтно сближаться съ народными массами. Процессъ этотъ былъ вызванъ измѣнившимися условіями общественной жизни и, прежде всего, экономическимъ и духовнымъ ростомъ рабочаго класса и его соціальнаго вліянія. Можно ли ожидать, что въ Россіи историческое развитіе пойдетъ въ обратномъ направленіи и что въ то самое время, какъ на Западѣ наблюдается освобожденіе людей умственнаго труда отъ подчиненія буржуазіи, формированіе интеллигенціи въ нашемъ русскомъ смыслѣ, у насъ интеллигенція безъ остатка „обуржуазится“ и перестанетъ существовать, „какъ нѣкая особая культурная категорія?“

Для авторовъ „Вѣхъ“, которые вѣрятъ въ „первенство духовной жизни надъ внѣшними формами жизни“ и въ то же время, непонятнымъ образомъ, именно въ мѣщанствѣ, буржуазности, усматриваютъ торжество „духовной жизни“, буржуазное перерожденіе интеллигенціи одновременно съ ростомъ сознательности и активности народныхъ массъ можетъ казаться вполнѣ вѣроятнымъ. Но для тѣхъ, кто стоитъ на почвѣ историческаго реализма, нѣчто подобное является крайне неправдоподобнымъ. Русская интеллигенція, съ ея своеобразнымъ моральнымъ обликомъ, есть результатъ всего нашего историческаго развитія послѣ Петра, наиболѣе характерный продуктъ нашей новѣйшей исторіи. Культурныя образованія, слагавшіяся вѣками, обладаютъ большой живучестью. Если даже новыя условія общественной жизни для нихъ неблагопріятны, они могутъ

жить по традиціи долгое время послѣ того, какъ исчезли силы, ихъ создавшія. Измѣненіе культурныхъ привычекъ, установившихся симпатій, вкусовъ, міровоззрѣнія обширной общественной группы не можетъ совершиться въ нѣсколько лѣтъ.

Въ данномъ же случаѣ новыя соціальныя формы жизни отнюдь не требуютъ уничтоженія внѣклассовой интеллигенціи. Пусть наша общественная жизнь приближается къ западно-европейской; но вѣдь на Западѣ именно и замѣчается за послѣдніе годы формированіе общественной группы, многими своими чертами напоминающей нашу интеллигенцію. Если экономическое и политическое обновленіе Россіи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ неблагопріятно внѣклассовой идеологіи интеллигенціи, то, съ другой стороны, это самое обновленіе создаетъ новую почву для приложенія интеллигентныхъ силъ къ работѣ на пользу народныхъ массъ. Обновленіе Россіи невозможно безъ поднятія народныхъ массъ. Однимъ изъ главныхъ кадровъ нашей демократической интеллигенціи является такъ называемый „третій элементъ"—земскіе служащіе; развитіе общественной жизни должно создать усиленный спросъ на земскихъ работниковъ, число которыхъ должно значительно увеличиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ демократическомъ земствѣ будущаго (а безъ такого демократическаго земства нечего и думать о водвореніи въ нашей жизни политической свободы) интересы народныхъ массъ будутъ гораздо вліятельнѣе и сильнѣе, чѣмъ въ сословно-дворянскомъ земствѣ послѣднихъ десятилѣтій. Почему же земскіе работники должны „обуржуазиться", перестать служить народнымъ интересамъ?

Экономическій ростъ Россіи долженъ выразиться, между прочимъ, въ ростѣ кооперативнаго движенія, что опять создастъ новый спросъ на интеллигентныя силы. Затѣмъ рабочее движеніе, которое не можетъ не пріобрѣсть широкихъ размѣровъ при малѣйшемъ ослабленіи препонъ и задержекъ, сдавливающихъ теперь его со всѣхъ сторонъ, явится новымъ притягательнымъ центромъ для разночинной интеллигенціи. Словомъ, чѣмъ большую роль въ об-

щемъ строѣ нашей соціальной жизни будутъ играть интересы народныхъ массъ, тѣмъ сильнѣе будетъ вовлекаться и интеллигенція въ сферу этихъ интересовъ.

Правда, для всего этого необходимо, чтобы Россія усвоила основы дѣйствительной политической свободы; только въ этомъ случаѣ возможно демократическое земство, широкое рабочее движеніе и пр. Но, вѣдь, если наша жизнь попрежнему будетъ оставаться въ желѣзныхъ тискахъ и мы будемъ имѣть то подобіе конституціонализма, которое имѣемъ теперь, то будутъ дѣйствовать и прежнія условія, создавшія типъ интеллигента-отщепенца.

Такимъ образомъ, русскую интеллигенцію хоронить не приходится. Конечно, ея міросозерцаніе не есть нѣчто, не подлежащее измѣненію и развитію; новыя условія жизни должны внести и новыя черты въ ея духовный обликъ. Но утверждать, что эти новыя черты должны выразиться въ усвоеніи „буржуазнаго духа“, нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній. Переживаемый нами теперь упадокъ духа и всеобщій распадъ имѣютъ вполнѣ временный и преходящій характеръ и усматривать въ нихъ какое-либо коренное измѣненіе духовнаго облика нашего интеллигента такъ же неосновательно, какъ было неосновательно въ восьмидесятые годы заключать о невозможности новаго общественнаго подъема.

М. Туганъ-Барановскій.

Оглавленіе.

